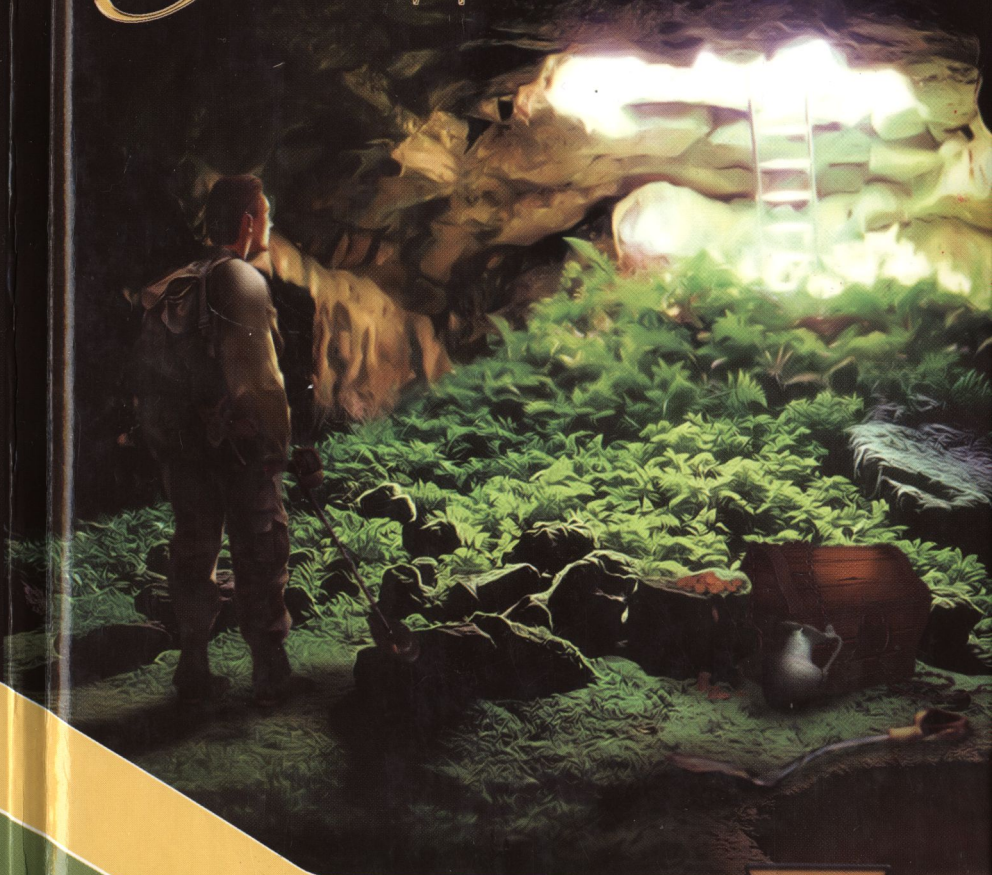

Валерий
Иванов-Смоленский

Валерий
Иванов-Смоленский

Записки КЛАДОИСКАТЕЛЯ

Записки
КЛАДОИСКАТЕЛЯ

БЕЛОРУССКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

САЮЗ ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ — СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ

**БІБЛІЯТЭКА
СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ
ФАНАСТЫЧНАЙ
І ПРЫГОДНІЦКАЙ ПРОЗЫ**

**БИБЛИОТЕКА
СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ
ФАНАСТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ПРОЗЫ**

Фамилии, фигурирующие в книге, изменены.
Всякие совпадения случайны.

БЕЛАРУСКАЯ ЗЕМЛЯНКА ВАНТАЖІКА

**Валерий
Иванов–Смоленский**

Записки
КЛАДОИСКАТЕЛЯ

МИНСК

УДК 903.8(4)
ББК 63.4(4)-424
И201

Серия основана в 2009 году

Иванов-Смоленский, В. Г.

И201 Записки кладоискателя / Валерий Иванов-Смоленский. — Минск, 2010. — 416 с. — (Белорусская современная фантастика).

ISBN 978-985-16-9081-3.

Настоящее издание, основанное на реальных событиях и подлинных фактах, посвящено кладоискательству. Опытный поисковик делится впечатлениями о своем увлечении, какие клады и сокровища удалось найти на территории России, Беларуси и Польши.

Прочитав книгу, вы узнаете о документах и легендах, связанных с кладами, об их поисках и находках, о достижениях и разочарованиях, в конце концов, о том, что движет кладоискателями. В любом случае это издание станет для вас интереснейшим путешествием по страницам прошлого.

**УДК 903.8(4)
ББК 63.4(4)-424**

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-985-16-9081-3

© Иванов-Смоленский В. Г., 2010

*Чай, не даром молвят старцы,
Будто там вот, под бугром,
Цепью скованные ларцы
С атамановым добром...*

А. Ширяевец (1 января 1916 г.)

Вступление

Каждый из нас в детстве что-то коллекционировал. Конфетные фантики, спичечные этикетки, почтовые марки, монеты и многое-многое другое. У одних эта страсть с возрастом проходила, другие пронесли ее до конца, оставив потомкам разнообразнейшие и удивительнейшие коллекции, зачастую не имеющие особой материальной ценности, а порой и бесценные, становящиеся мировым достоянием. Но всегда процесс собирательства сопровождается поиском и находками, приобретением новых знаний, новых представлений об истории и культуре, географии и литературе, философии, торговле и многих других науках и дисциплинах.

В некоторых случаях коллекционирование приводит к новым увлечениям, а те, в свою очередь, становятся методом коллекционирования, способом пополнения коллекции. В данном случае мое хобби, как сейчас принято говорить, один из таких примеров. Я всю жизнь коллекционировал монеты. И дошел до того, что решил собрать коллекцию монет периода РСФСР и СССР во всем их многообразии. Не буду утомлять читателя перечислением особенностей чеканки монет, в результате чего монеты одного и того же периода (чаще всего года) отличаются друг от друга различиями аверса, реверса и гурта. В ранние времена такие различия, как правило, объясняются следствием низкого уровня монетного производства, несовершенством технических приспособлений для чеканки монет.

Про XX век этого не скажешь, поэтому эта тема мне показалась интересной. Иной раз монеты одного и того же года имеют множество разновидностей. Чем это объяснить? И вообще поиск разновидностей монет этого периода мне кажется (по крайней мере, пока)

бесконечным процессом, поскольку встречаются и разновидности буквально в единичных экземплярах.

В ходе дальнейшего повествования я буду останавливаться на некоторых аспектах нумизматики как таковой. Но сейчас речь о другом. Итак, как я стал кладоискателем.

Метод поиска разновидностей монет советского периода прост. Я приобретал различные газеты с объявлениями о продажах в сфере коллекционирования. Чаще это газета, распространенная во многих регионах бывшего СССР, а именно, «Из рук в руки». В газетах находятся рубрики о сбыте и спросе на предметы коллекционирования, и обычно в каждом номере присутствуют объявления типа: «продаются 300 монет периода 1930—1960 годов» или «продается 4 кг монет советского периода (серебро и медь)». Остальное объяснять не надо. Я покупал эти монеты иногда даже трехлитровыми банками. Затем идет процесс сличения и поиска разновидностей с лупой, иногда нудноватый, но всегда интересный находками.

И вот, как говорится, однажды вечером я натыкаюсь на объявление несколько иного содержания: «Собираю легенды о кладях, интересуют места найденных кладов. Нашли несколько монет — звоните, найдем остальные. Поделюсь информацией о лучших металлодетекторах Minelab».

Так со звонка по указанному телефону началось мое знакомство с замечательным человеком, о котором я буду еще много упоминать, поскольку заниматься кладоискательством в одиночку сложно, гораздо проще это делать парой, а иногда и группой. Назовем его Стариком, тем более что это его псевдо в Интернете. Именно после этого я купил первый металлоискатель и обрел первые уроки и навыки отыскания металлических предметов, скрытых в земле, под водой и в иных сферах их временного или постоянного обитания.

С новым увлечением я приобрел массу интереснейших знаний. Некоторые исследователи считают, что за всю историю человечества люди зарыли в землю около четырехсот тысяч тонн золота и более двух миллионов тонн серебра. Ежегодно кладоискатели расходуют на поиски кладов около шестисот миллионов долларов, и большая часть из них идет на поиски подводных сокровищ. И находят. Из земли, из-под воды, из остатков конструкций зданий и сооружений ежегодно извлекаются ценности на сумму в два с лишним миллиарда долларов. Но меня больше интересуют исторические аспекты кладоискательства.

Итак, вооружившись техникой и знаниями, я приступаю...

Глава первая

Тайны лесов озера Нарочь

Начальнику 4 отдела ГУГБ НКВД
БССР старшему майору госбезопасности
24.07.1940 № 2-д/с-011 Вейнштоку Л. М.

Настоящим доношу, что в результате операции, проведенной начальником Мядельского уездного отдела НКВД Западной Украины и Белоруссии сержантом госбезопасности Баштаковым Г. Д., в лесу в районе д. Мокрицы Мядельского уезда по подозрению в шпионаже 6.07.1940 задержаны двое неизвестных.

Неизвестные были вооружены ножами самодельного производства, топорами, при себе имели лопаты и запас продуктов на несколько дней. Из изъятых у них справок следует, что они являются жителями д. Щур Мозырского уезда. Их данные:

Бувевич Иосиф Леонович, 1892, уроженец д. Забелье, Мозырского уезда, Гомельской губернии, белорус, кустарь.

Бувевич Антон Иосифович, 1922, уроженец д. Щур, Мозырского уезда, Гомельской губернии, белорус, рабочий лесопилки.

Начальником УНКВД по Гомельской майором госбезопасности Шлевисом Г. О. письменно по нашему запросу личности задержанных подтверждены. В настоящее время проводится следствие для установления фактов шпионажа задержанными в пользу Германии и Польши.

В связи с этим прошу выслать при наличии характеризующие материалы на задержанных.

Зам. нач. УНКВД по Вилейской области
лейтенант госбезопасности

К. Т. Маланичев

Зам. начальника УНКВД по
Вилейской области

11.08.1940 № 12—16/-нд
На № 2-д/с-011

лейтенанту госбезопасности
Маланичеву К. Т.

По имеющимся сведениям Бувевич Иосиф Леонович в 1920 году состоял в бандформировании Булак-Балаховича С. Н.

Приложение: характеризующие материалы на Бувевича И. Л. на 32 листах.

Зам. нач. 4 отдела ГУГБ НКВД
лейтенант госбезопасности

А. В. Стулов

Выписка из протокола допроса Бувевича И. Л. от 9.09.1940:

«... на предыдущих допросах я говорил неправду в силу своей трусости и корыстности. Сейчас я расскажу о своей преступной деятельности без утайки, что прошу учесть при приговоре. В 1916 году, точных дат я не помню, я служил в комендантском взводе 34 стрелкового корпуса.

Командиром корпуса был генерал Вебель. Мы дислоцировались в районе озера Нарочь, на юго-западном берегу. В марте корпус пошел в наступление и прорвал оборону немцев. Мы находились при штабе корпуса и двигались вслед за наступающей армией. Наступала ночь. Мы остановились возле брошенного немцами блиндажа.

Командир взвода прапорщик Кондратенко сказал, что поедет узнавать, где остановится штаб, взял с собой повозку и двух солдат, а нам велел ждать здесь. С нами была вторая повозка с конем и охраняемым имуществом. Они уехали, а мы выставили караул у повозки, а сами зашли в блиндаж. В блиндаже было много разных запасов, кое-что мы поделили. Потом нашли немецкую водку и стали ее пить. Она была сладкая, кто-то сказал, что это ликер. Мы закусывали немецкими консервами и курили немецкие сигареты. Потом договорились о дежурстве. Кто-то остался за столом, кто-то лег спать. Я лег спать.

Проснулся утром от оружейных взрывов. Мы выбежали и стали смотреть, что происходит. Оказывается, наступали немцы. Мы находились на каких-то продолговатых холмах. Внизу по направлению к озеру Нарочь темнела полоса леса, а за ней по дороге, недалеко от берега двигались немецкие части. Более того, команды на немецком языке слышались из деревни за нами, где был раньше штаб нашего корпуса. Мы поняли, что попали в окружение. Спустились в ложину между холмами, где немцы не могли нас видеть, и стали решать, что делать. У Кондратенко заместителя не было, вместо него всегда оставался пожилой унтер, фамилии не помню. Всего нас осталось восемь человек.

Следует сказать, что, как комендантский взвод, мы охраняли корпусную казну, знамена и штабные документы. Кроме того, нами охранялся походный сундук командира корпуса, в котором были какие-то его личные вещи, в том числе коллекция огнестрельного и холодного оружия. Сам я содержимого сундука не видел, но говорили, что там есть старинные пистолеты, кинжалы и сабли. Самым большим и тяжелым был ящик с казной. В нем хранились золотые монеты 5—10- и 15-рублевого достоинства и пачки бумажных ассигнаций. Офицерам платили жалованье, его третью часть, золотыми монетами, остальное ассигнациями. В ящике также находились боевые награды, которыми награждались солдаты и офицеры. Монеты и награды я иногда видел сам,

когда стоял на посту у знамени. Этот опечатанный ящик, закрытый на два замка, открывали по 3—4 раза в месяц, доставали деньги и награды, и он постоянно пополнялся. Весил он не менее пяти или шести пудов, его с трудом поднимали два человека, а на повозку грузили вчетвером. В штабном ящике находились различные карты, документы, приказы, инструкции, и он весил пуда два. Генеральский сундук был меньше этих ящиков, но тоже был тяжелым — под четыре пуда. Знамен было шесть, и все они хранились в брезентовых футлярах.

Мы решили закопать ящики и знамена, а ночью пробираться к своим. Из оружия у нас были карабины со штыками, а также две сабли, которые мы надевали поочередно, когда стояли на посту. Командовал пожилой унтер. Невдалеке у подножия холма была глубокая свежая воронка от тяжелого снаряда. Мы спустились в нее, лопатами выровняли дно, сделали его прямоугольным, подогнали повозку и положили ящики на дно воронки. Внизу ящик с казной, на нем положили вместе, то есть рядом, штабной ящик и сундук генерала. На самый верх положили знамена и две сабли, поскольку бежать с ними было неудобно. Ящики и сундук были опечатаны. Почва сплошь кругом была песчаная. Мы забросали воронку песком и до вечера решили спрятаться в глубокой лощине возле леса, хотя кругом были немецкие блиндажи, но мы боялись, что немцы в них вернутся. Повозку с конем загнали в лес.

Когда стемнело, но еще не совсем мы лесом начали пробираться в сторону своих. Слева были дорога и озеро Нарочь, справа деревня с немцами. И вот, когда мы уже миновали деревню и выходили из леса, раздались возгласы на немецком языке, нас обнаружили. Мы бросились бежать вперед, началась стрельба, сначала ружейная, потом пулеметная, причем стреляли и со стороны русских. Пули прямо срезали некоторые деревья. Все наши попадали на землю, кто-то кричал от боли. Я тоже упал и лежал минут двадцать. Стрельба утихла, но никто из наших не шевелился, возможно, все были убиты. Затем поползли два немецких солдата, стали забирать у наших документы. Я не смог притвориться убитым, и они жестами приказали мне ползти, а сами ползли следом. Так я попал в плен.

В плену я находился почти год в лагере недалеко от местечка Дятлово, судя по остаткам, там был раньше конный завод. Весной 1917 года мы втроем бежали из плена. Я вернулся на родину и там женился, построил дом в деревне Щур, в 1922 году у нас родился сын Антон, который задержан вместе со мной. В революции я не участвовал. В Красной Армии не служил. Занимался кустарным промыслом, плел корзины, лукошки и т. п.

В банде Булак-Балаховича я не служил. Поясняю по этому поводу. Летом 1920 года в нашей деревне останавливались вооруженные люди, числом до роты. Все мужчины нашей деревни, которые раньше служили в армии (всего таких было четверо), были насильно мобилизованы в эту банду, иначе бы расстреляли. Самого Булак-Балаховича я никогда не видел. В боевых действиях не участвовал и никого не грабил и не убивал. Вооружили нас только немецкими штыками. Дней через 8—10 мы убежали и несколько дней скрывались в лесу возле своей деревни. Потом узнали, что банда то ли разгромлена, то ли ушла в Польшу и вернулись по домам.

Под судом и следствием в связи с этим я не находился.

Я категорически отрицаю принадлежность к немецкой и польской разведке. Меня никто не вербовал, я не являюсь ни германским, ни польским агентом. Мы с сыном искали не тайники, а закопанные в 1916 году ящики.

Мной прочитано, записано верно. Бувич.»

Резолюция от 16.09.1940 на рапорте оперуполномоченного НКВД о ходе расследования уголовного дела в отношении Бувичей: *«Тов. Васину — наверно врет сволочь дефензивная, но надо проверить. В Поставах стоят саперы, привлечь к поисковым работам с участием Бувича. Смотрите, чтобы не сбежал в лесу. Доложить до десятого».* Баштаков.

Выписка из протокола допроса Бувича И. Л. от 18.09.1940:

«...Хочу уточнить, что не знаю, остался ли кто в живых из комендантского взвода, никогда о них не слышал. В плену у немцев, когда меня допрашивали, я ничего не говорил о закопанных ящиках. Дополняю, что и ящики, и генеральский сундук были сделаны из каких-то твердых пород дерева и имели встроенные замки. Ящики, кроме того, были по ребрам обиты металлическими полосами. Поскольку они были окрашены в темно-зеленый цвет, о цвете металла я сказать ничего не могу.

Вопрос: почему вы вернулись сюда только через двадцать пять лет?

Ответ: потому что раньше здесь были немцы, несколько лет, затем это была территория панской Польши. Лишь осенью 1939 года здесь установилась советская власть. Зимой и ранней весной землю не покопашь. Поэтому по различным причинам мы с сыном смогли приехать сюда лишь 28 июня 1940 года. О том, что мы будем искать, я сыну не говорил, сказал только, что можем разбогатеть. Но мы ничего не нашли. Я не смог

узнать место. Деревня эта сгорела, наверно, еще во время той войны. Местность сильно изменилась. Теперь здесь всюду растут леса.

Вопрос: опишите запомнившиеся вам ориентиры местности?

Ответ: во-первых, местность была совершенно безлесной, лишь кое-где росли кустарники. Немецкий блиндаж, в который мы зашли, был вкопан прямо в склон большого холма. Холмов было множество, большинство из них не округлые, а продолговатые, как хребты. Кое-где попадались большие валуны. Блиндажей тоже было много, они были врыты в склоны холмов, противоположные линии русских окопов. Снарядные воронки тоже попадались довольно часто. Воронка, в которую мы опустили ящики, была у склона продолговатого холма. Был ли на другой стороне холма блиндаж, я сказать не могу, так как не видел. Других запоминающихся примет не помню.

Вопрос: на какой глубине закопаны ящики?

Ответ: на глубине около двух метров, даже меньше, поскольку со дна воронки можно было увидеть сапоги товарищей. Нет, по-другому. Ящик с казной был высотой сантиметров пятьдесят-шестьдесят. На него поставили штабной — такой же высоты и рядом сундук генерала, тот был сантиметров на десять выше, но размерами меньше. Сверху сантиметров на десять лежали чехлы со знаменами и сабли. И на них слой песка штыка лопаты на полтора-два глубиной, то есть сантиметров сорок. Почва была исключительно песчаная, с мелкими камушками. Кое-где росла трава и кусты.

Вопрос: на каком расстоянии находилось озеро Нарочь?

Ответ: приблизительно километра полтора. Но почти параллельно береговой линии шла дорога, сверху нам это было все хорошо видно. От озера до дороги метров шестьсот и от дороги до нас около километра, причем метров двести-триста шириной вдоль дороги шла полоса леса. До деревни было около двух с половиной километров. Еще в плену я нарисовал по памяти приблизительную схему, которую периодически перерисовывал.

Вопрос: где эта схема?

Ответ: я ее выбросил, когда увидел людей, которые шли нас задерживать. Но я ее помню и могу сейчас нарисовать.

Вопрос: что вы хотели сделать с найденными ценностями?

Ответ: я хотел сдать их государству.

Вопрос: почему вы раньше не поставили об этом в известность соответствующие государственные органы?

Ответ: вначале я хотел убедиться, что они действительно есть. Я боялся привлечения к ответственности за ложные сведения, если бы их не нашли.

Прочитано. Записано правильно. Прилагаю собственноручно нарисованную схему, где закопаны ящики. Бувечич.»

Выписка из приговора особого совещания УНКВД Вилейской области от 23.10.1940:

«...Бувечича И. Л. признать виновным в участии в контрреволюционном восстании и в шпионской деятельности в пользу Германии и Польши и на основании статей 58-2 и 58-6 приговорить к высшей мере наказания....

Бувечича А. И. признать виновным в шпионской деятельности в пользу Германии и Польши и на основании статьи 58-6 приговорить к 10 годам заключения в ИТЛ...»

Не буду раскрывать, каким образом мне попали в руки копии этих документов. На первый взгляд их содержание говорило о подлинности содержащихся в них сведений. В уголовном деле больше не было документов, указывающих на результаты поиска закопанных ящиков. Логично было предположить, что их не нашли. На это указывало, во-первых, отсутствие в приговоре особого совещания упоминания о судьбе сокровищ.

Если бы ящики нашли, приговор содержал бы и обвинение Бувечичей в покушении на хищение в особо крупных размерах, поскольку по действовавшим тогда законам любой клад являлся собственностью государства. А присвоение найденного клада, или попытка присвоения вели к уголовной ответственности.

Далее вспомним время возможных поисков. Конец сентября — начало октября 1940 года. Потом ноябрь, земля уже мерзлая. Зимой и ранней весной 1941 года копать нельзя по тем же причинам. А с 24 июня 1941 года в этих местах снова надолго обосновалась немецкая армия.

Кроме того, судя по материалам дела, энкавэдэшники откровенно не верили в существование закопанных ящиков. И вряд ли они прилагали большие усилия в этом направлении. Упор делался на шпионаж, и это косвенно подтверждается другими сведениями о предвоенном периоде, тогда шла сплошная охота за шпионами.

С другой стороны, Бувечичу И. Л., будь он настоящим шпионом, не было никакого смысла придумывать столь громоздкую и легко проверяемую версию своего появления в этих местах. К тому же он был наверняка уверен, что шпионаж и активное участие в банде не могут быть доказаны. На худой конец за банду могли что-то дать, но шпионская деятельность? За исключением того, что Бувечичи

копали в лесу, в деле не было абсолютно никаких доказательств о шпионаже в пользу Германии и Польши.

Но вспомним дело маршала М. Н. Тухачевского и других высокопоставленных военных.

«... 11 июня перед Специальным присутствием Верховного суда Союза ССР предстали главные предатели и главарь этой отвратительной шпионской изменнической банды: Тухачевский М. Н., Якир И. Э., Уборевич И. П., Корк А. И., Эйдеман Р. П., Фельдман Б. М., Примаков В. М. и Путна В. К.

Верховный суд вынес свой справедливый приговор! Смерть врагам народа! Приговор изменникам воинской присяге, родине и своей Армии мог быть только и только таким...

Советский суд уже не раз заслуженно карал выявленных из троцкистско-зиновьевских шаяк террористов, диверсантов, шпионов и убийц, творивших свое предательское дело на деньги иностранных разведок, под командой озверелого фашиста, изменника и предателя рабочих и крестьян Троцкого. В свое время Верховный суд вынес свой беспощадный приговор бандитам из шайки Зиновьева, Каменева, Троцкого, Пятакова, Смирнова и других.

...Бывший заместитель Народного Комиссара обороны Гамарник — предатель и трус, побоявшийся предстать перед судом советского народа, покончил самоубийством.

Бывший замнаркома Тухачевский, бывшие командующие войсками округов Якир и Уборевич, бывший начальник Военной академии имени тов. Фрунзе Корк, бывший заместитель командующего войсками округа Примаков, бывший начальник Управления по начальствующему составу Фельдман, бывший военный атташе в Англии Путна, бывший председатель Центрального Совета Осоавиахима Эйдеман — все они принадлежали к числу высшего начальствующего состава, занимали высокие посты в нашей армии, пользовались доверием Правительства и нашей партии. Все они оказались изменниками, шпионами, предателями своей Родины...» Это не выдержка из речи с высокой трибуны. Это цитата из приказа наркома обороны Ворошилова К. Е. от 12 июня 1937 года № 96.

Такие вот пироги. Перечисленные военные, в силу отсутствия надлежащих доказательств, впоследствии были реабилитированы не только юристами, но и большинством историков.

Но там хоть какие-то доказательства существовали. И там военная элита Красной Армии. А здесь какой-то кустарь. Поэтому и не утруждали себя сбором доказательств, как подтверждающих

сказанное Бувевичем, так и опровергающих его версию. А главное доказательство — ящики. Вы поняли, о чем я говорю?

Нам ничего не известно о его образовании. Но сам факт службы в комендантском взводе корпуса говорит о многом. Я не знаю, какими критериями руководствовались при отборе в столь элитное подразделение. Но обычный окопный солдат туда вряд ли попал бы. Значит, какие-то особые качества у него были и, прежде всего, то, что можно назвать общей грамотностью. Об этом свидетельствуют и протоколы его допросов, если Вы их внимательно прочли. Значит, он мог достаточно грамотно провести привязку к местности, начертить нужную схему и так далее.

То есть встает другой вопрос: а правду ли он говорил в части местоположения клада? Он мог неумышленно направить поиск в другое место, — скоротечность и экстремальность событий того дня, прошли многие годы, видоизменилась местность, потеряна память и тому подобное. А мог и умышленно. Рассчитывая на недоказанность шпионажа, формальное участие в банде, получение небольшого срока и по отбытии — возвращение к предмету поиска. А предмет того заслуживал. Честно говоря, я даже не пытался прикидывать ценность этого клада, но... вернитесь к описанию содержимого ящиков.

Можно еще долго рассуждать «про» и «контро», однако, по-моему, «про» перевешивает и основательно. Значит, считаем, что клад есть и нужно приступить к его поиску.

Пять месяцев я провел в библиотеках и архивах (сейчас, когда есть Интернет, все значительно проще).

Во-первых, следовало проверить существование такого сражения Первой мировой войны в районе озера Нарочь. Действительно ли описываемые Бувевичем события проходили в такой последовательности, был ли такой корпус, был ли такой генерал, а может, и фамилия самого Бувевича где-то проявится.

Да, такое наступление было. Однако военные энциклопедии и словари дают лишь его название «Нарочанская операция» и дату: 18 марта 1916 года. Ищу дальше. Вот краткая статья в томе 3 Всемирной истории войн (авторы Р. Э. Дюпюи и Т. Н. Дюпюи): «18 марта 1916 г. СРАЖЕНИЕ У ОЗЕРА НАРОЧЬ. В ответ на призывы со стороны Франции русские силами 10-й армии (командующий — генерал барон Ф. В. Сиверс) начали наступление в районе Вильно — озеро Нарочь, рассчитывая тем самым отвлечь часть немецких сил из-под Вердена. Несмотря на проведение двухдневной артиллерийской подготовки — самой массированной изо

всех, проводившихся на Восточном фронте, — русское наступление увязло в весенней грязи. Его цена — от 70 до 100 тысяч жертв (совокупно убитыми и ранеными, в том числе — 10 тысяч пленными)... Немецкие потери составили около 20 тысяч человек (совокупно убитыми и ранеными)...»

Всего перелопачено около 30 различных источников. И вот с помощью копий оперативных боевых карт, добытых в Российском государственном военно-историческом архиве при содействии друзей из Москвы, вырисовывается следующая картина.

Нарочанская операция началась 18 марта 1916 года в 12 часов 20 минут после артиллерийской подготовки. Главный удар наносила 2-я русская армия под командованием генерала от инфантерии Александра Францевича Рагозы, который фактически являлся командующим 4-й армии, но с марта одновременно командовал и 2-й армией, заменяя заболевшего генерала В. В. Смирнова. Армия была разделена на три группы:

- правый фланг в составе 1-го Сибирского армейского корпуса (генерал Плешков), 1-го армейского корпуса (генерал от инфантерии Душкевич) и 27-го армейского корпуса (генерал Баланин);

- центр в составе 4-го Сибирского армейского корпуса (генерал Сирелиус) и — внимание! — **34-го армейского корпуса (генерал от инфантерии Ф. М. Вебель);**

- левый фланг в составе 5-го армейского корпуса (генерал Балуев), 3-го Сибирского армейского корпуса (генерал-лейтенант Трофимов) и 35-го армейского корпуса (генерал-лейтенант Парчевский);

- и резерв в составе 3-го Кавказского армейского корпуса (генерал от артиллерии Ирман), 15-го армейского корпуса (генерал-лейтенант Торквус) и 36-го армейского корпуса (генерал-лейтенант Короткевич).

Интересующая нас центральная группировка наносила удар как раз между озерами Свирь и Нарочь. А штаб 34-го армейского корпуса дислоцировался в деревне Проньки, а деревня Проньки находится в полутора километрах от деревни Мокрицы, где в лесу были задержаны Буевичи. Показания И. Л. Буевича подтверждаются.

Дальше военные события развивались следующим образом. Русские преодолели 2 немецкие линии обороны и продвинулись на 10—12 километров до местечка Кобыльник. Немецкий генерал Людендорф, выдвинув из района Постав резервный корпус, нанес контрудар. В результате русские войска были отброшены даже

за первоначальную линию фронта. Только 2-я армия потеряла 78,5 тысячи убитыми и ранеными. Боевые действия продолжались до 28 марта. Все сходится. В этой части Бувич говорил правду.

Далее необходимо раздобыть современные карты той местности. Это сейчас километровку почти любого региона можно купить в магазине или скачать в Интернете. А тогда масштаб максимум в 1 сантиметре 50 километров, а остальное все засекречено, хотя все кругом понимали, что настоящий враг уж такие-то мелочи знает наверняка. Еще сложнее добыть старые карты тех времен, особенно оперативные.

Но тем-то поиск и интересен, чем сложнее задачи, тем большее удовлетворение получаешь. Не обидно даже, если все впустую. А сами попробуйте-ка добыть что-нибудь необычное и труднодоступное. Сколько эмоций, сколько приключений, знакомств, встреч с интересными событиями и людьми, новых знаний, сколько адреналина, наконец! И в придачу, вы как бы в машине времени и невольно становитесь опосредованным участником некоторых исторических событий. Ей-богу, такое чувство появляется.

Не буду описывать все нюансы кропотливой работы, предвещающей получение искомого результата. Главное он есть. Итак, сегодня, 3 июня 19... года, я нахожусь в том самом месте. В том, что это именно то место, у меня нет никаких сомнений. Современные и старые карты времен Первой мировой полностью совпали, в том числе и по рельефу местности. И сейчас я своими собственными глазами вижу материальное подтверждение этого совпадения.

Я стою в лесу. По всем приметам лес не старый, на всякий случай зарисовываю годовые кольца на пне. Предшествующие поиски показали, никогда не знаешь, что может пригодиться для дальнейшей идентификации изучаемых фактов и событий.

Я стою на вершине продолговатого холма. Вокруг множество таких же холмов, прямо как будто кем-то искусственно созданные горные мини-хребты. В их подножиях, а также в лощинах между ними остатки немецких блиндажей. В том, что немецких, сомневаться не приходится — сохранившиеся фрагменты верхних перекрытий сделаны из бетона и крупных округлых камней, кое-где даже просматриваются остатки штукатурки. Наши, как показали предыдущие изыскания, делали блиндажи, в основном, из деревьев.

Металлодетектор пока лежит в машине, которая стоит на лесной дороге метрах в семистах отсюда. В руках у меня только щуп — длинный узкий стальной прут с титановым наконечником.

Но и им я ничего не делаю. Просто брожу по холмам и между ними, пропитываюсь атмосферой тех давних событий. Трагичных и страшных, как все войны, хотя описывают их обычно в литературном стиле, то есть красиво и романтично. Местами попадаются полузаросшие снарядные воронки. Здесь с оглушительным грохотом рвались снаряды, трещали пулеметные очереди, шли в атаку плотные цепи солдат в серых шинелях. Эти склоны пропитаны кровью тысяч людей. Русских, немцев. Какая разница. Не солдаты развязывают войны, но солдаты за них отвечают. Своей жизнью.

За время нарочанских боев русская армия потеряла около 110 тысяч человек. Эта цифра почти в полтора раза выше численности всей современной армии Республики Беларусь. Немцы потеряли убитыми свыше 40 тысяч человек. Вспомните теперь совместные потери русских и французов в Бородинском сражении. Вспомнили? То-то.

Следов раскопок не видно. А главное не наблюдаются приметы раскопок «черных археологов» или «черных копателей». Главное отличие настоящих кладоискателей от означенной категории в том, что первые стараются не оставлять никаких следов своей деятельности. Не в силу каких-то особых причин, а в силу присущей им культуры вообще и культуры раскопок в частности.

Небольшое техническое отступление, которое, может быть, будет полезным начинающим кладоискателям. Любая раскопка начинается с аккуратного снятия верхнего слоя почвы — дерна. Дерн кладется рядом с шурфом и предварительно прозванивается прибором, то есть металлоискателем. По окончании работы вынутая из шурфа или ямы почва ссыпается назад, утрамбовывается, а наверх вновь кладется тот самый дерн. Все. Природа сохранена.

Ни в коем случае не оставляйте вынутых металлических и стеклянных осколков, взрывоопасных предметов, фрагментов оружия, патронов и прочих опасных для человека и зверя вещей. В принципе на месте раскопа не должно оставаться ничего. Помните, что по этим местам будут ходить еще другие люди — грибники, охотники, такие же кладоискатели, как и вы.

Забираюсь на очень высокий холм, говоря военным языком, господствующий на местности. На современной километровке даже обозначена его высота. Открывается широкая панорама. По расположению немецких блиндажей и по старой карте определяю, в какой стороне проходила линия фронта и линия русских окопов. Становлюсь к ним лицом.

Слева от меня видна полоса озера Нарочь, параллельно его берегу виднеются фрагменты дороги, по ней проносятся машины, до самой дороги всюду лес. Значит прямо и правее должны быть какие-то остатки сожженной деревеньки. Потом проверю. Все правильно рассказывал И. Л. Бувечич. Возможно, именно на этом холме он и стоял в тот давний день. Выражаясь юридическим языком, идентификация местности произведена, совпадение полное. Все. Пошел к машине за снаряжением. Поисковые работы начну с этого холма.

Прибор у меня, на тот момент, считался весьма неплохим. Minelab Explorer со встроенным компьютером и несколькими режимами работы. Невидимые глазом металлические предметы, скрытые почвой, водой, деревом, бетоном и другими оболочками, отображались в виде рисунка на табло, которое находилось в верхней части прибора, возле рукоятки. Кроме того, находка фиксировалась и сопровождалась электронным звуком, — чем ближе, тем громче. Но не буду утомлять читателя техническим описанием. Все ждут результата. И результат сразу заявляет о себе в полный голос.

Как и собирался, я начал с подножия высокого продолговатого холма. Включаю металлодетектор, подстраиваю, подношу катушку к земле. Прибор реагирует непрерывным электронным звоном. Вожу катушку вправо, влево, вперед, назад — прибор беспрерывно орет. Вот так штука, — с ходу и нашел ящики, проносится в голове. Начинаю копать. Под тонким слоем листвы и перегноя песок. А в нем...

Большие и маленькие ржавые снарядные осколки, несколько картечин, обойма с целыми пятью патронами, несколько пустых патронных гильз, крышка от консервной банки, еще какие-то непонятные куски, облепленные землей — все это извлечено менее чем с одного квадратного метра.

Передвигаюсь на несколько метров вправо-влево вдоль подножия холма, кругом звенит. Включаю режим дискриминации, при котором металлодетектор реагирует лишь на цветные металлы: золото, серебро, медь и другие. Уже лучше, количество звуков уменьшается, чуть ли не вдвое. Копаю. Все равно картечь, гильзы, патроны, две пуговицы, серебряная немецкая монетка....

Я ошеломлен. С такой плотностью залежей предметов из цветного металла мне сталкиваться не приходилось. Более того, ни о чем подобном я не слышал от других кладоискателей. И все это залегает в 5—10-сантиметровом слое почвы. Что же здесь произошло?

Присаживаюсь на поваленное дерево и размышляю. Если бы это были окопы, где, наверное, может иметь место подобное скопление,

был бы соответствующий рельеф почвы. И потом по оперативным схемам, изученным мной, обычное размещение фортификаций, как немецких, так и русских, следующее. Передний край обороны начинается с небольших окопчиков (кажется, они называются «лисьи норы»), затем идет линия окопов или траншеи с ходами сообщения, пулеметными гнездами и прочим. И лишь максимум метров через сто пятьдесят блиндажи или землянки (обычно у русских), где солдаты отдыхают, спят, кормятся.

Если нет второй и последующих линий обороны, дальше идут штабы, затем тыловые подразделения и, наконец, медсанчасти. Я могу и ошибиться в чем-то, но в Первую мировую было примерно такое построение войск в обороне. Здесь только блиндажи, и этот ориентир отражен в протоколе допроса Бувевича. Попробую по-другому.

Копая шурф глубиной в полметра на уже расчищенном от цветмета месте. Сую туда катушку, сначала на дно, затем по бокам — тишина, в том числе и при выключенной дискриминации.

Все эти операции многократно повторяю вдоль холма в шахматном порядке. Копать легко, почва песчаная, только иногда мешают корни деревьев. Клад Бувевича, назовем его так, пока себя не проявляет. День проскочил незаметно. Руки и ноги гудят. Большая брезентовая сумка, куда я складываю находки, тянет килограммов на двадцать. Все это надо очистить, промыть, изучить. На основании изучения будет понятно, на правильном ли я пути.

Описывать мои недельные поиски нет никакой необходимости. Забегая вперед, скажу коротко — совокупность находок позволяет сделать вывод о дислокации на этом месте немецких воинских частей времен Первой мировой.

Ввиду весенней распутицы (а многие свидетельствуют, что русское наступление застряло в весенней грязи) при отступлении, а затем наступлении различные предметы втаптывались в грязь. Линия фронта изменилась, потери никто не искал. В дальнейшем я узнал: в этом месте к тому же немцы применяли газы, которые ветром погнало назад. И кому хотелось возвращаться в отравленные места. Это же касается и местных жителей.

О характере найденных предметов. Окружающая местность усыпана всем, что присуще военным действиям, и всем, что использовали в повседневной жизни кайзеровские солдаты и офицеры. Правда, попадались и русские, и польские, и советские монеты и воинские атрибуты.

Ничего особо ценного я в те дни не нашел. Большую часть найденного составляли патроны, картечины, гильзы, пулеметные ленты и ружейные обоймы. Найдено оружие, плохо сохранившееся, фрагменты холодного и огнестрельного оружия, бритвы, различные пуговицы, часы, верхушка какой-то парадной каски, кружки, фляги, шомпола, фрагменты различных механизмов, подсвечники... и еще много чего, уже и не припомню.

Из более-менее ценного — награды, монеты, значки, портсигары. Еще я оставил себе изящную квадратную бутылочку из-под ликера с сохранившейся чудом этикеткой, и сейчас она стоит у меня на кухне, как память. Из категории, относящейся к хламу, выкопаны пустые консервные банки, битая столовая и стеклянная посуда, котелки, кастрюли, множество проржавевших металлических полос и прочее.

Все ненужное, а также оружие и взрывоопасные предметы я утопил в глубоком болотце, куда человека вряд ли когда занесет.

И еще я понял, что одному с поисками мне не справиться. Самым близким человеком по этой части для меня был Старик. К тому же, кроме minelab-овских портативных приборов у него были еще какие-то рамки, которые нужно было таскать вдвоем, а то и вчетвером, приборчик для привязки к местности с помощью спутника и другой арсенал кладоискателя. И, что немаловажно, у него был гораздо более богатый опыт в этом деле...

Некоторые нюансы, находки и приключения наши, совместно со Стариком, в ходе дальнейших поисков клада Бувевича, я убрал из этой главы по настоянию Старика, которому предварительно дал прочесть рукопись. На мой взгляд, ничего там предосудительного нет. И ничего противоправного или характеризующего нас в невыгодном свете.

Но Старик является моим учителем, действующим лицом Записок, и я обязан уважить его просьбу, чем бы она ни была вызвана. Возможно, глава поэтому выглядит неполно, в связи с чем я приношу свои извинения читателям.

Единственное, о чем могу еще поведать: первое — мы искали в том месте в течение трех лет (урывками, конечно), нашли вторую линию немецкой обороны почти с таким же рельефом местности и будем, по возможности, продолжать поиски, так как есть второе. Второе — клад Бувевича нами не найден. Третье — мы оба убеждены в его существовании.

Наверное, придется привлекать дополнительные силы, поиск в лесу оказался делом сложным, требуется что-то типа научного подхода к его организации, разметка, разбивка территории на квадраты.

Я, например, не могу с уверенностью сказать, что мы его не пропустили. Походите-ка с рамкой между деревьями. Покопайте-ка, когда вокруг все «звенит».

Однажды, разозленный, я даже предложил Старику дать в Интернете объявление и координаты. Из принципа нужно его отыскать, так я примерно сказал.

Старик посмотрел на меня, как на, по меньшей мере, перегревшегося на солнце. Нет, он мужик не жадный. Он вполне обеспечен, бизнесмен средней руки и занимается этим чисто из природного любопытства, как он однажды выразился. Он сказал: «Ты представляешь, что здесь будет твориться после нашего объявления. И как на это посмотрят власти». И он прав.

Глава вторая

Эхо Семлевского озера

«...Авангард, не сделав выстрела до села Семлево, взял в плен более тысячи нижних чинов и несколько офицеров, совершенно изнуренных и больных. По всей дороге были разбросаны пушки, зарядные фуры и обозы без упряжи...» Это из воспоминаний генерала от инфантерии Ермолова А. П., служившего в 1812 году начальником штаба 1-й русской армии.

18 пудов золота, 325 пудов серебра, неустановленное количество церковной утвари, драгоценных камней, старинного оружия, посуды, мехов и прочего». А это из официальной справки Министерства внутренних дел России. Не той России, что сейчас, а России двухсотлетней давности. И отражает справка содержимое обозов Наполеона после оставления им Москвы. Кто не знает, пуд — это 16,38 килограмма.

Обе приведенные посылки объединяет интрига с Семлевским озером, ныне называемым Стоячим.

Кто из нас не слышал о Семлевском кладе Наполеона. Газета «Комсомольская правда» когда-то даже организовала, по-моему, двухгодичную экспедицию по его поиску и подробно освещала этот процесс. Но ничего не нашли. Как не нашли в этом месте ничего и десятки других экспедиций, не говоря уже об одиночках.

Побывали на этом озере и мы со Стариком, но об этом будет ниже. А сейчас о белорусских следах трофеев Наполеона и его маршалов.

По одной из легенд, при отступлении французской армии по старой дороге из Борисова в Вилейку в местечке Селище (это в районе поселка Плещеницы) в панском имении останавливался со своим обозом один из прославленных наполеоновских маршалов Мюрат.

Итак, Иоахим Мюрат, бывший трактирный слуга, он же — принц французской империи, Великий герцог Бергский, Неаполитанский король и муж сестры Наполеона Каролины Бонапарт. Он же командующий всей кавалерии Наполеона, участник почти всех известных сражений, водивший лично в атаки свои кавалерийские лавы. И просто человек отчаянной храбрости.

Небольшое отступление. Всего у Наполеона было 26 маршалов. И практически все незаурядные полководцы. Некоторые из них участвовали в русской кампании. Кроме Мюрата нас интересуют, прежде всего: Луи Николя Даву — герцог Ауэрштедтский и князь Экмюльский; Мишель Ней — герцог Эльхингенский и князь Московский (сын бочара, кстати); Жак Этьен Жозеф Александр Макдональд — герцог Тарентский; Жан Николя Удино — герцог Реджио; Юзеф Антоний Понятовский — князь и польский генерал (единственный иностранец среди маршалов Наполеона). А причиной нашего интереса является то, что обладателей этих громких титулов, помимо полководческих талантов, объединяет наличие у них громадных личных обозов с трофеями. Упрекать их в этом не стоит. Таковы были обычаи войны. И каждый рядовой участник наполеоновской войны тащил на себе из России килограммы ценностей. На эту тему у меня тоже есть любопытная легенда, связанная с моими предками, проживавшими на Смоленщине под Вязьмой, но об этом позже.

Возвратимся к Мюрату. Его пребывание в Селище подтверждается тремя источниками. Один источник утверждает, ссылаясь на виленские газеты 1910 года, что в означенном селении останавливался сам император Наполеон и закопал там несколько бочонков с золотом.

Кстати, что такое источники? Это упоминание в любой форме в книгах, газетах, журналах и прочих средствах массовой информации (а теперь еще и в Интернете) о каком-либо понятии, факте, событии, человеке и так далее. Именно по этому принципу построены все поисковые системы Интернета. Вводишь слово — получаешь информацию. Но Интернет стал доступен сравнительно недавно и туда стекается далеко не вся информация. Поэтому я завел себе громадную амбарную книгу и все, что меня интересует, записываю

туда по региональному признаку. Поясняю на примере описываемого события. Интерес к Мюрату появился после следующего звонка Старика ко мне:

— Слушай, мне тут позвонил один мужик из Плещениц. Ну, по моему объявлению о сборе легенд о кладах. Говорит, что знает деревню, где в 1812 году останавливались французы. Более того, вскапывал огород теще и нашел две золотые монеты и якобы пуговицу от французского мундира. Собираюсь махнуть туда. Составишь компанию?

— Когда? — спрашиваю я.

— Ну, в субботу с утра. Поедешь?

— Хорошо. В пятницу вечером еще созвонимся и, если ничего не изменится, заезжай, — соглашаюсь я.

— У меня мало информации по Плещеницам, посмотри, может, найдешь у себя что интересное?

— Добро. Если найду, перезвоню.

И я открываю свою книгу. Плещеницы находятся в Логойском районе Минской области. Нахожу страницу Логойский район. Так, что тут есть? Много чего, исписана почти вся страница. Во-первых, сам Логойск основан в 1078 году, население 9,9 тысячи жителей (данные на 1995 год), до Минска 41 километр. На территории района находятся 329 населенных пунктов. В районе официально зарегистрировано 8 случаев нахождения кладов, из них 5 (монеты XVII века), 1 (XIV—XV века), 1 (XII—XV века) и 1 (не датирован). Сделано 6 археологических находок. Находится 11 старинных населенных пунктов (до XV века), 9 урочищ, 3 нежилые деревни. На территории района исторически зафиксировано 6 военных столкновений. 1386 г. — в деревне Гайна основан костел. Д. Мстижи — коллекция антиквариата. Д. Стайки — камень со знаками. Д. Крамонец — Святой камень (культовый). Бывш. д. Слободка — клад (31 серебряный слиток).

И так далее и тому подобное. Вам что-нибудь говорят эти записи? По-моему, все понятно и неспециалисту в кладоискательстве. Отмечены все места, где можно походить с металлодетектором и покопать. И все это со ссылками на конкретные источники информации. Например, д. Селище — остановка Наполеона (см. БДГ *Для служебного пользования* № 2 за март 2002 г.). Плещеницы (см. Энциклопедию археологии и нумизматики Беларуси, с.123, 208, 345. Историческое краеведение Белоруссии, с.72,106, История войн, т.2, с.437, газеты «Советская Белоруссия» за 11.01.94 г., «Труд» за 17.07.96 г.).

Просматриваю источники, звоню Старику, обмениваемся информацией. Затем в походном блокноте делаю пометки по некоторым другим местам Логойщины. Это на тот случай, если ничего не найдем в основном месте, то есть в той деревне, где копался огород тещи. Мужик-то не сказал ее названия, чтобы мы не поехали без него.

Но я уже предполагаю, что та деревня Селище. И вот почему. Помимо газетной заметки об остановке там Наполеона, есть и другие сведения, что постояльцем панского дома был Мюрат. *«...Высокий, широкоплечий, голубоглазый красавец с волнистыми волосами до плеч в шикарном мундире с кучей наград, необычайно галантный и изысканный, он ничем не напоминал лихого рубаку.... После обеда они уехали на разведку, русские были близко и приехали поздно ночью.... Уезжая, он оставил мне в подарок несколько повозок с лошадьми, сказав, что повозки все равно пустые и будут только обременять его в походе...»* Чувствуете? Возил-возил с собой Мюрат пустые повозки, и вдруг они стали его обременять. А остальной обоз (всего было около 30 повозок) взял с собой. Полные повозки его не обременяли. Приведенная цитата из воспоминаний пани Малгожаты Крыжевич, чей муж служил у Понятовского и погиб в стычке с казаками под Дорогобужем. И в чьем доме остановился на постой красавец маршал Мюрат.

Читаем дальше в монографии «Большие и малые сражения армии Наполеона на территории Беларуси»: *«...Обескровленная кавалерия Мюрата представляла собой жалкое зрелище, и лишь сам Мюрат с хлыстом в руке и несколько его офицеров выглядели безупречно.... По свидетельствам местных жителей часть ценностей из обоза Мюрата были закопаны (по другим источникам затоплены в озере) возле имени Селищи, где Мюрат останавливался на ночь».*

А вот еще одно авторитетнейшее свидетельство в пользу Мюрата. *«...17-го французская армия тянулась к Зембину, и Наполеон прибыл в Камень. Генерал Ланской, занимавший Белорусским гусарским полком и казаками село Юрово, что на реке Гайне, выступил 16-го числа чрез Антополье и Словогоць к Плещенице, куда прибыл 17-го в полдень. Он имел благое намерение идти впереди неприятеля к Вильне и преграждать всеми средствами путь головы его колонны, что мог исполнить беспрепятственно, ибо в тот день Плещеницы заняты были одною только придворною свитою Наполеона и конвоем раненого маршала Удино... Партизан Сеславин шел на местечко Забрёж, которое 22 ноября занял с боя. За малым дело стало, чтобы на другой день сам Наполеон не попался ему в руки...»* (Давыдов Д. В. «Гусарская исповедь»). Взгляните на карту, и вам все станет ясно.

Увы, Неаполитанскому королю все равно не суждено было возвратиться за своими сокровищами. В 1813-м после битвы под Лейпцигом он изменил Наполеону, для того чтобы сохранить корону. Затем во время «Ста дней» вновь сражался на стороне императора, был разбит австрийцами, взят в плен, и по приговору военного суда Мюрат был расстрелян.

Однако мы со Стариком подъезжаем к Плещеницам. Нас встречает мужчина вполне интеллигентного вида. Показывает монеты. Определенно золото, причем выглядят, как новые. На лицевой стороне монеты, или аверсе, вычеканен мужчина в полный рост. Судя по шлему с забралом и наколенникам, это рыцарь. В одной руке у него меч, в другой — какие-то палочки пучком. И год — 1819. Уже не относится к наполеоновской эпохе. На реверсе четырехугольная табличка с текстом, обрамленная завитушками. Все надписи хорошо читаемы, однако нет ни одного слова, указывающего на название государства. Вторая монета точно такая же. Мы со Стариком переглядываемся и пожимаем плечами. Я собираю монеты, связанные с Россией и СССР, а он, только те, что находит, и еще коллекционирует серебряные портсигары. Монеты с подобным рисунком ни медные, ни серебряные нам не попадались. Пуговица покрыта толстым слоем патины и сразу не разберешь, из какого она металла. В ее центре стоит большая цифра 7. На нее та же реакция — без понятия. Зарисовываю все в походный журнал, и едем на место.

Местом, как я и полагал, оказалось Селище, хотя, похоже, ни Наполеон, ни Мюрат тут ни при чем. Вот он огород, больше половины его занимает свежая пашня. Подходим к месту находки, включаем прибор — пусто. Это нас не смущает, продолжаем поиски вдоль борозд. Через несколько метров металлодетектор издает характерную трель. Есть! И еще одна и еще. Нас охватывает понятный азарт. Три монеты за каких-то пять минут. Распаханный клад? Еще более громкая трель. Звон дает большой продолговатый комок слипшейся земли. Осторожно очищаем находку от земли. Старинная курительная трубка. Промываем водой. Трубка длиной сантиметров двадцать, на конце изогнута, головка закрывается серебряной крышечкой и окаймлена серебряным кольцом. На кольце просматривается какая-то круговая надпись, но различимо лишь слово «CRES». На трубке еще два серебряных кольца — в середине и у основания мундштука.

Увы. На этом ценные находки заканчиваются. Конечно мы прозваниваем весь огород, для быстроты двумя металлодетекторами.

Остальные трофеи состоят из двух десятков винно-водочных пробок из металлической фольги, фольги от сигаретной пачки — на них прибор реагирует, как на монеты. Кроме того, нашей добычей стали самоварная ручка, колесико от часов, кусок столовой вилки, несколько монет советского периода, польский злотый 1932 года и что-то еще несущественное.

Все втроем садимся перекусить. Мужик оказался учителем географии и довольно грамотным. Строим версии происхождения найденных монет, пуговицы и трубки. Ничего толкового на ум не приходит. Надо изучать все надписи, может что-то проявиться. Ведь любой клад интересен с точки зрения истории и его происхождения.

И, как правило, мы стремимся довести поиск до конца, то есть узнать, кому принадлежало найденное нами, какую ценность находки представляли тогда и сейчас, каким историческим событиям мог быть обязан клад, при каких обстоятельствах он образовался и многие другие интересные аспекты. В клубе, который работает у нас по средам и субботам и где собираются нумизматы, фалеристы, филателисты и другие увлеченные люди, приходится выпрашивать у знатоков (которых становится все меньше) об атрибутах и принадлежности найденного. Перелопачивается масса справочной, каталожной, энциклопедической и другой специальной литературы, пока достигаешь хотя бы минимального результата. Это сейчас просто — зашел в Интернет и к твоим услугам все ресурсы. Зашел, скажем, на нумизматический форум, скинул описание монеты или цветную ее фотографию, если монета в сносном состоянии, «кликнул» мышкой что-то типа «ребята, кто знает по данному предмету, — поделитесь информацией». И ребята делятся. И своими мыслями и интернет-адресами, где можно узнать подробности об искомом. Красота. Но иногда всплывает ностальгия по старой «ручной» работе, все же паутина поиска была многообразней.

Касательно найденного в огороде, — позже было установлено, что трубка сделана мастером из Утрехта (Нидерланды), а монеты оказались золотыми нидерландскими дукатами. Причем выяснилось, что на Петербургском монетном дворе Россия с 1768 по 1867 год чеканила поддельные нидерландские дукаты под условным названием «известная монета». Эти деньги использовались для финансирования своих заграничных экспедиций и российских агентов (не в смысле шпионов) за рубежом. Кроме того, ими платилось жалованье русским войскам в приграничье. Нелегальная

чеканка была прекращена только после официального протеста Нидерландов. Но, по свидетельству А. ван дер Виля, найденные нами дукаты были подлинными, поскольку датированы 1819 годом. Загадкой осталось то, что делал голландец, которому, вероятно, принадлежали трубка и монеты, в глухой белорусской деревушке. Впрочем, правдоподобная версия есть. Он служил в коннице Мюрата во время наполеоновской кампании, участвовал в заложении клада и прибыл на известное место в 1819 году (или более поздних) для опять же известных целей. Труднее подобрать версию к тому, что с ним произошло в Селище, и почему монеты и трубка попали в землю не кладно, то есть не упаковывались во что-то. Пуговица же действительно оказалась французской, цифра 7 означала, вероятно, номер какой-то кавалерийской части Мюрата. Попутно мы узнали, что практику нумерации частей войск на пуговицах русские переняли как раз у французов. И, на наш взгляд, никакого отношения французская пуговица к голландским монетам и трубке не имела. За исключением месторасположения, конечно.

Обмениваемся телефонами. Впереди еще полдня, поэтому спрашиваю, где здесь панская усадьба и есть ли поблизости озеро. Нет, не для того, чтобы искупаться. Есть ведь еще версии о том, что Мюрат закопал сокровища возле панской усадьбы и затопил в озере. Хотя я считаю, что усадьбу надо сразу отбросить. Ну, чего ради закапывать свое добро возле чужого дома, да и не сделаешь это незаметно. Едем сначала к усадьбе.

От нее остались только фундамент и небольшие фрагменты стен. Все заросло бурьяном в рост человека. Угадываются планировка усадьбы, остатки сада и даже искусственного канала. Географ подтверждает наличие легенд об оставленных французских кладах, говорит о находках, но неопределенно. Без предварительной подготовки тут делать нечего, хотя любая старинная усадьба — объект интересный. Едем к озеру.

Озеро небольшое, овальной формы длиной метров четыреста и шириной в сотню. С западной стороны берег высокий и обрывистый, значит должны быть глубины. Но покажите мне такое озеро, где можно прямо с берега даже рыбу ловить, не говоря уже об опускании в него клада. Значит необходимо плавсредство или...

Вспоминаем вновь мемуары Дениса Давыдова «...*Переправа совершилась по тонкому льду.... Около сего времени, морозы, после несколькихдневной оттепели, усилились и постоянно продолжались. 20-го (ноября. — Авт.) я получил повеление, оставя погоню, идти прямо на*

Ковну...» Напомню, предположительно в ночь на 18 ноября Мюрат находился в имении Селище. Озеро было уже сковано льдом. А ведь это вариант. Никаких особых трудов, сделал прорубь и опускай туда, что хочешь. Прорубь замерзает, пошел снежок и никаких следов. Большую яму выкопать труднее, почва уже подмерзшая, следы остаются, да и лишнюю землю надо куда-то еще девать. Вы пробовали выкопать ямку, положить туда что-то и закопать? Как ни трамбуй, остается лишняя земля.

Берем это место на заметку. Но подводные изыскания очень дороги. Опыта у нас нет. Однажды мы со Стариком принимали участие в экспедиции по обшариванию вод, а точнее дна, озера Мядель у острова Замок. На острове в XI—XIV веках был замок, разрушенный в 1324 году Тевтонским орденом. Кстати, на озере всего восемь островов и все интересные. Так вот, нашли тогда остатки польского аэроплана, несколько затопленных лодок, пару проржавевших стальных бочек, металлические ворота, немецкую пишущую машинку и прочую дребедень, под определение «сокровища» никак не подходившую. Но это уже другая история.

Прощаемся с географом. До вечера еще далеко. Показываю Старiku на перечень других привлекательных объектов. Ближе всех, да, наверное, и любопытнее, Святой камень.

Итак, Святой камень. Что про него у меня есть? Читаю в походном блокноте. Находится в полутора километрах на северо-запад от деревни Краменец на высокой горе. Культовый. С древних времен являлся предметом поклонения. Д. Краменец основана в XVI веке, 106 дворов, церковь 1779 года, на западной окраине селище раннего феодализма. В XIX веке — ярмарки. Все ясно, поехали.

Ну, и каменюка, однако! Как его занесло на вершину горы, да еще так ровненько. Понятно, ледник. Но камень красив, — светло-серого цвета с коричневыми и белыми крапинками и с красноватыми разводами. Рядом с ним чувствуешь какое-то возвышение духа, что ли. И прикосновение к загадкам мироздания. Обмеряем шагами, хотя есть и рулетка. Примерно четыре на три с половиной метра в поперечнике и в высоту почти два метра.

Для начала прозваниваем прибором сам камень. Слегка фонит, ну это обычное явление. Камень лежит на почти ровной плоской и округлой площадке точно посередине. Начинаем ее исследование. Легкий электронный звон у подножия камня. Старик водит прибором в полуметре рядом, чисто. Я расстилаю на этом месте кусок целлофана, втыкаю лопату в почву, где звенело, глубиной в

штык, сбрасываю землю на целлофан и лопату отставляю далеко в сторону, иначе детектор будет на нее реагировать. Старик подносит тарелку прибора к земле на целлофане. Звенит, значит, металлический предмет здесь. Пластмассовым совком поддеваю примерно половину земли, приподнимаю. Старик подносит тарелку к земле в совке, звона нет, следовательно, предмет остался в другой кучке. Цепляю совком опять половинную порцию оставшейся земли. Старик подносит к ней прибор. Детектор издает легкую трель. Есть. Сбрасываю всю землю с целлофана и кладу на него землю из совка. Ее уже немного — пара горстей. Разравниваю землю руками, ишу. Ничего нет. Старик снова подносит тарелку к разровненной земле. Звенит. Что за чудеса?

Я так подробно описываю этот процесс, чтобы и несведущий читатель понял и по-своему оценил методику поиска.

Делю кучку еще на две части. Одна из них звенит. Буквально перетираю землю между пальцами. Вот она. Малюсенькая монетка, скрывавшаяся в отвердевшем кусочке земли. Поливая водой, осторожно оттираю налипшую землю. Готово. У меня на ладони медная монетка, на одной стороне которой изображен мужской профиль, а на другой распутивший крылья орел. Не надо разбирать и еле видные надписи. Монета знакомая. Это «боратинка».

Она названа именем своего создателя, итальянца Буроттини (Боратини), который «спасал» в XVII веке экономику Речи Посполитой, попросту Польского королевства. И доспасался до того, что экономика рухнула окончательно, а польский король Ян Казимир отрекся от престола. Не помню точно, в чем заключался план спасения, но монетки эти обесценились почти до нуля. И в великом множестве лежат в землях современной Беларуси. Вероятно, по причине малоценности, в кладах я ее не встречал. Помнится, курс одного золотого дуката равнялся почти четырем тысячам медных солидов, так официально называлась «боратинка».

Сам же Буроттини, получив разрешение короля открыть монетный двор и чеканить монету, наверняка, нагрел на этом руки. Судьбы его не помню, то ли повесили, то ли сбежал. А монетки, созданные им, имели хождение еще несколько десятков лет и изрядно засорили нашу землю.

Продолжая поиски возле Святого камня, мы нашли больше трех десятков «боратинок». Скорее всего, крестьяне приносили их сюда в качестве пожертвования культовому камню, о чем-то прося при этом небеса. Кроме солидов были найдены три монетки

«грош», на одном четко виден год — 1754, и две монетки по копейке периода русского самодержца Николая I, о чем свидетельствовал его вензель.

Нашей добычей также стали два медных крестика, оловянное колечко, фигурка птицы, похожей на сову, из непонятного металла и проржавевшая металлическая рамка, возможно, остатки иконки.

И ни одной бутылочной пробки. Это говорило об уважении выпивох к местной святыне. Обычно на любом холме этого «добра» немеряно, что крайне затрудняет поиски. Наш народ предпочитает «употреблять» на всякого рода возвышенностях, озирая окрестности. Возможно, при этом наличествует синдром, оставшийся от попыток введения у нас сухого закона, когда всякого пьющего в месте, отдаленно напоминающем общественное, немедленно волокли в кутузку. А с высоты можно своевременно заметить коварного участкового. Мало, что конфискуют спиртное и составят протокол, но утром еще и очнешься в месте, где окошко в крупную клеточку, а опохмелиться, хотя бы пивом, совершенно невозможно. И слабым утешением будут слова одной из популярных песен Владимира Высоцкого: *«Настанет утро, — не петух прокукарекал. Сержант разбудит. Как человека»*. Вот и вырабатывается соответствующий рефлекс.

Аккуратно все разравниваем, закладываем на места вырезанный дерн. Через неделю все сделанные нами шрамы зарастут и ничто не будет напоминать о нашем пребывании здесь. Присаживаемся, привалившись к камню спинами. Он удивительно теплый. Или кажется теплым, как будто живым. Не зря людей тянуло к таким местам. В них есть что-то надчеловеческое, не от мира сего....

Спускаемся к машине. По пути вожу впереди себя тарелкой детектора. Просто так. Раздается басовитая электронная трель на тропинке возле кустика рябины. Копаем. Из земли достаем громадный схваченный ржавчиной, похоже, стальной, топор. Ручка, или топорщице, отсутствует. Очищаем от присохшей земли. Лезвие, полумесяцем, в длину не менее тридцати сантиметров. У основания лезвия выбит ровными точками знак в виде равнобедренного треугольника. Алебарда? Или чем там были вооружены русские стрельцы? Вспоминаем картину Сурикова «Утро стрелецкой казни». Бердыши? Не будем гадать, выясним дома. Продолжаем поиски.

Снова звон. Разглядываем странную находку, сделанную, похоже, из латуни. Осколок изогнутого крючка, длиной около девяти сантиметров, с завитушкой на конце. В завитушке торчит голубой камушек. Браслет? Примеряем так и эдак к руке. Не похоже. Раз-

мышляем. Камушек, похоже, драгоценный, искусственных раньше не было. Значит, его носили на виду.

— Слушай, — догадывается Старик, — да это же часть эфеса от рукоятки сабли. Или меча.

Точно. Выходит, здесь была битва? А на этой горе было укрепление, возможно городище. Нужно как следует прозвонить все вокруг. Но уже вечер, поэтому отправляемся домой, решив организовать поиски завтра с утра.

Однако утро не приносит ожидаемых результатов. Других материальных следов сражения не обнаруживается. В окрестностях холма мы находим много разрозненных монет: серебряные и медные польские, чешские, немецкие и русские монеты периода 1626—1732 годов; несколько монет СССР; смятый серебряный медальон; современные часы марки «Луч»; большую подкову; ручку от чайника; треснувший чугунок, пустой, к сожалению. В таких иногда попадаются и клады. И еще не упомяну уже, что отыскиали.

Как обычно, некоторые находки не поддаются идентификации даже при богатом воображении. Лишь потом случайно выясняется, что это, например, кольцо, надеваемое на наконечник ручки кнута или плети. А этим крепится спица в тележном колесе. А вот это обломок орудийного прицела. И так далее.

Впоследствии оказалось, что найденный нами устрашающего вида топор служил не в убиенных целях, а выполнял вполне мирные функции. При строительстве бревенчатого дома им вырубались продольные пазы для скрепления бревен. И в пазы набивался мох, чтобы не оставалось никаких щелей. Выбитый в виде треугольника знак был визиткой мастера, изготовившего топор. Обломок эфеса был настоящим, но определить, какому он мог принадлежать оружию, не удалось. И соседство их в земле было совершенно случайным.

Что касается остальных находок, наше окончательное мнение после их детального изучения было следующим. В этом месте находилось какое-то старинное торжище, или ярмарка, как их там раньше называли. Люди, приезжавшие продавать и покупать, просто теряли монеты и некоторые вещи, которые ввиду многолюдности затапывались.

Читателя, наверное, интересует вопрос, а как же делится добыча. Не знаю, касательно других, но у нас со Стариком действует придуманный нами «принцип тридцати трех процентов». Он незатейлив, но, на наш взгляд, справедлив. Приглашающий на «место» получает две трети найденного. Он все-таки тратит немалое время (и деньги тоже) на поиск перспективного места, обоснование и направление

поиска, предварительную разведку и тому подобное, всех нюансов подготовительной работы не перечислишь. Поиск — этап важный, завершающий, но прикладной. Поэтому приглашенный довольствуется одной третью. Независимо от того, кто непосредственно обнаружил клад, независимо от технического и физического вкладов каждого в поисковые работы. Хотя такие работы могут занять и месяцы.

Если же в розыске участвуют более двух человек, вырабатываются, обязательно совместно, другие определенные критерии и условия. Непреложно то, что это должны быть проверенные и надежные партнеры. Безусловно, предварительно должна быть твердая договоренность о долях или процентах. Сам я не слышал о таких фактах в настоящем, но история пестрит легендами и рассказами о кровопролитиях и смертоубийствах, вызванных дележами найденных сокровищ. И это естественно. *«Блеск злата затмевает разум»*, не помню, кто сказал, но формулировка точно отражает человеческое состояние при виде очень больших ценностей.

Попробую теперь объяснить, почему мы никогда из поиска не возвращаемся без добычи.

Причина номер один. Общая. Людям свойственно терять. Поинтересуйтесь в бюро находок, что только не теряют. Все, что угодно, и даже трудно представить. Вплоть до автомобилей.

Посмотрите тиражи монетных дворов. За сотни лет отчеканены многие миллиарды монет. Их теряли чаще всего из-за небольшого размера и потому, как единственное, что человек носит с собой постоянно для известных целей, это деньги. Поэтому, если вы точно знаете, где стояло старинное питейное заведение, где находилась пристань, где проходили ярмарки и различные постоянные торги.... Не буду больше перечислять, этому вопросу будет посвящена отдельная глава. Так вот, если вы знаете такое место, смело берите металлоискатель и принимайтесь за поиски. Вас наверняка ждет удача.

Причина номер два. Специфическая. Наверное, ни одно государство в мире не страдало так от нашествий иноземных захватчиков, как Белая Русь. Только-только у славян образовались первые зачатки государства — княжества, и пошли раздоры и войны. Вот только самые крупные военные столкновения.

XI век: по Белой Руси прошли походами новгородский, киевские, черниговский и смоленский князья. В 1067 году Минск (битва на р. Немиге) захвачен коалицией князей Киевской Руси.

*«Немиги кровавые берега не добром были засеяны —
Засеяны костями русских сынов».*

(Поэма «Слово о полку Игореве»)

XII век: вновь походы коалиции киевских князей во главе с Владимиром Мономахом на Минск, смоленского князя на Оршу и Копысь, галицких, волынских, смоленских и других князей на Туров и Пинск.

XIII век: походы на Полоцк литовских дружин и крестоносцев, нашествие монголо-татар, походы галицко-волынских князей на Новогрудок и Гродно, псковского князя на Полоцк, Ливонского ордена на Гродно.

XIV век: вновь многочисленные вторжения крестоносцев, битвы с татаро-монголами, поход на Оршу смоленского князя.

XV век: последнее вторжение крестоносцев, междоусобные войны князей Великого княжества Литовского Свидригайло и Жигимонта Кейстутовича, нападения крымских татар, война с Великим княжеством Московским (московские войска захватили Оршанские, Мстиславльские, Витебские, Полоцкие и др. земли).

XVI век: многочисленные вторжения крымских татар, непрерывные походы московских войск, Ливонская война, вторжение войск Речи Посполитой, нападения на юге казацких отрядов С. Наливайко.

XVII век: многочисленные вторжения войск Речи Посполитой, русских и шведских войск и украинских казаков.

XVIII век: захват Швецией многих земель Белоруссии, нападения отрядов барских конфедератов, вторжение войск Российской империи и присоединение к ней.

XIX век: захват Белоруссии Наполеоном, многочисленные повстанческие войны.

XX век: в начале века захват значительной территории Белоруссии Германией, а затем Польшей, в 1941—1944 годах оккупация гитлеровской Германией и опустошительная война, дважды прошедшая по всей стране.

Подводя итог, можно сказать, что по территории современной Республики Беларусь многократно прокатывался вал захватчиков и с запада на восток, и с востока на запад, и с юга на север, и с севера на юг. Представьте, каково было мирному населению. Только и успевай прятать, что собрал, скажем, на покупку коровы или ручную маслобойку. Отсюда и многочисленность кладов в землях, водах и

строениях Беларуси. Единичные монеты и небольшие монетные клады можно с помощью металлодетектора найти в любом месте, связанном с различными потрясениями.

Но оттого и небогатость этих схоронок. Некогда было белорусу богатеть, а от войн теряли и последнее, что есть. Горели хаты, уводили в плен или убивали кормильцев, отбирали скотину и имущество. Обитатель Белой Руси прятал не «с жиру», не на «черный день», он прятал, чтобы хоть что-то сохранить.

Богатые белорусские клады (во всяком случае зарегистрированные) можно перечислить на одной странице. Причем находки, содержащие золотые изделия и монеты, а также драгоценные камни чрезвычайно редки. На Беларуси прятали, в основном, медь и серебро.

В деревне Ликовка Гродненского района прямо на огороде в 1954 году был обнаружен глиняный горшок с 6994 различными монетами XVI—XVII веков и среди них редкий шотландский медный торней Карла I.

В 1972 году подростками деревни Козьянки неподалеку от города Полоцка на вспаханном поле найдено несколько серебряных монет. Они продолжили поиски и на небольшой глубине наткнулись на целую грудку таких монет. В целом Козьянковский клад состоял из более чем 7600 серебряных арабских дирхемов.

Редкий клад в 1957 году найден в деревне Дегтяны. В зарытом около 1050 года глиняном горшке, наполненном монетами и ювелирными изделиями, среди прочих монет, 123 оказались довольно редкими чешскими денариями.

В 1893 году возле деревни Задрутье на берегу Днепра раскопан клад, состоящий из 92 платежных серебряных слитков (киевские гривны) и их фрагментов, весом почти в пятнадцать килограммов.

Исторически ценный клад был найден в 2001 году в реке Березине возле города Борисова при очередном поиске наполеоновских сокровищ. Из-под воды извлекли 260 серебряных дирхемов Арабского Халифата начала IX века, большой фрагмент серебряного браслета, 9 железных гирек с бронзовыми насечками и остатки большого меча. Судя по всему, найденное принадлежало древнему викингу.

Уникальный клад обнаружен в 1982 году в деревне Ровки Мостовского района. Его содержимое составляло пять тысяч монет XVII века буквально со всей Европы, а также из Южной Америки. Кому могли принадлежать талеры Швейцарии, Голландии и Германии, драйпельеры Пруссии, скиллинги Дании, шиллинги и орты

Пруссии, солиды и гроши Речи Посполитой, копейки царской России и так далее? Купцу? Или, тому, кто грабил купцов?

Подавляющее большинство белорусских кладов состоит из нескольких десятков серебряных, билонных и медных монет.

В России содержимое кладов побогаче. Нередки и находки большого количества золотых монет. Не сундуки, не бочки, но все же...

К примеру, в Ульяновске в советские времена при рытье котлована под фундамент было найдено более пятисот золотых монет достоинством в 5 и 10 рублей, а также «полуимпериалов» (7,5 рубля) царской чеканки.

Но это не значит, что все легенды о сундуках, мешках и ящиках с золотом и серебром — сплошные сказки. Жизнь, нет-нет, да и подтверждает их реальность.

Повезло, скажем, трем шведам-аквалангистам. Отдыхая в Норвегии, они случайно обнаружили на морском дне возле порта Олесунн затонувший голландский парусник. На его борту находилось шестнадцать больших ящиков с серебром, в них лежали испанские талеры и голландские дукаты XVII—XVIII веков, числом в двести тридцать тысяч монет.

В США при строительстве плавательного бассейна ковш эскаватора зацепил огромный кожаный мешок, из которого посыпались золотые монеты. Всего было собрано около двенадцати тысяч золотых монет Англии, Испании и Франции XVIII века. Предположительно клад принадлежал пиратам.

Глава третья

Легенды и сокровища замков Беларуси

«...въ Городокскомъ уезде, на одномъ изъ острововъ пространного озера, называемаго Озерище, существуетъ до сихъ поръ довольно хорошо сохранившееся городище, которое одни называютъ Озерищемъ, другие — Городищемъ, уверяя, что подъ этимъ именемъ здесь существовалъ городъ съ сильно укрепленнымъ замкомъ. Уцелевшие укрепления состоятъ изъ вала длиною въ 168 метровъ. Выдающийся уголъ вала, наиболее возвышенный, обращенъ къ селению называемому Местечко, съ которымъ и самый островъ соединяется узкимъ, въ 18 метровъ, перешейкомъ. Возле вала идетъ глубокий ровъ, вероятно наполнявшійся водою изъ озера. Кроме того многочисленные остатки свай, идущихъ отъ острова къ берегу на протя-

жении двухъ до трехъ верстъ, по народному сказанію, свидѣтельствуютъ о существованіи двухъ мостовъ, соединявшихъ островъ съ берегомъ. Такіе же сваи дозволяютъ догадываться, что былъ еще третій мостъ, соединявшій городище съ противоположнымъ, вблизи находящимся, небольшимъ островомъ. Сваи эти никемъ съ научной точки не изслѣдованы... Замокъ был сожженъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1579 году. До сихъ поръ находятъ здесь много обломковъ разныхъ железныхъ орудій... Много сохранилось народныхъ легендъ объ этомъ городище, которое вероятно имело подземный ходъ, какъ все большія городища. В этомъ то подземелье были избы съ железными воротами... Называютъ даже по имени рыбака, именно Вехотка, который былъ тамъ и вынесъ оттуда много серебра и золота...»

Так в книге «Живописная Россія» (С.-Петербургъ, 1882) представлена одна из легенд о белорусских замках с сокровищами. Не правда ли, красивая и, в то же время, довольно правдоподобная легенда?

Замки в средневековую пору представляли собой военно-фортификационные комплексы, состоящие из нескольких замкнутых оборонительных сооружений. Первоначально они были преимущественно деревянными. И лишь кое-где на границах строились каменные вежи (башни) типа донжонов. Многие из вас, наверное, видели, хотя бы на снимках, знаменитую Белую Вежу, возведенную на берегу реки Лесной по повелению князя Владимира Васильковича.

Строительство замков из камня получило широкое развитие на Беларуси в XIV веке. Тогда были построены великолепные и внушительные даже по западноевропейским меркам Лидский, Кревский, Новогрудский и другие замки, причем некоторые сохранились во всей своей красе и мощи до наших дней. Всего на территории Беларуси в разные времена было сооружено около 800 замков. Абсолютное большинство из них было разрушено захватчиками. Особенно отличились в этой части шведы, которые взрывали все захваченные замки.

Владельцев замков в те смутные времена ждала непредсказуемая и нелегкая судьба. Князь Иван Гольшанский, последний владетель из знатного рода Гольшанских одноименного замка был казнен в конце XV века за участие в заговоре против польского короля Казимира Ягеллончика. Новым владельцем, по признанию современников, архитектурного шедевра, воспетого в великолепной повести Владимира Короткевича «Черный замок Ольшанский», стал могущественный польский магнат Сапега. Замок словно мстил, — одна за другой у подканцлера Великого княжества Литовского Павла Стефана Сапеги умирают три жены....

И у самих замков судьба была разная. Одни из них постоянно реконструировались, укреплялись, выдерживали многочисленные штурмы и осады. Другие захватывались, разрушались, вновь отстраивались, вновь разрушались.... Третьи разрушались и приходили в упадок, оставив после себя лишь остовы, напоминающие об их прошлом величии. Иногда от замков оставались просто развалины, фундаменты, фрагменты стен. Но в большинстве случаев на холмах и возвышенностях, на берегах и в излучинах рек, на островах — сегодня ничто не напоминает о том, что когда-то в этом месте стоял каменный исполин с бойницами и фортификационными сооружениями.

И, конечно же, ни одно из творений рук человеческих, не обросло так разнообразными легендами, как замки. Легендами красивыми и страшными, правдоподобными и не очень, старинными и современными. Но все эти легенды объединяет одно короткое и магическое слово — «клад». В самом деле, где вы слышали о замках, которые не содержали бы спрятанных сокровищ. Можно ли доверять легендам?

Подойдем к этому вопросу прагматично. Первое. В замках жили самые, скажем так, обеспеченные люди того времени. Второе. В ту далекую пору войны случались практически ежегодно, а иные длились многие годы. Третье. Самым важным во всех отношениях и самым привлекательным, с точки зрения трофеев, объектом был замок. Четвертое. Хозяева и прочие обитатели замков прекрасно понимали, что, перефразируя слова товарища Сталина, нет таких замков, каких невозможно взять. Пятое. В связи с возможным захватом каменной твердыни необходимо иметь возможность быстро и надежно спрятать все самое ценное. Шестое. На этот случай имелись тщательно укрытые, предварительно созданные тайники. Я вас убедил?

Уже только это простое логическое построение наталкивает на создание всевозможного рода измышлений о запрятанных сокровищах. Они просто не могут не существовать. Дело за малым, что они из себя представляют, эти сокровища, и где их разместить. И тут уж дай волю фантазии. Это к тому, что лично я в эти многочисленные легенды не верю. Особенно пересказываемые по принципу: слышал звон, да не знаю, где он. Разберем эту посылку вместе на простейшем современном примере.

Из выступления наркома обороны Ворошилова К. Е. на февральско-мартовском пленуме 1937 года: *«...Мы без шума, это и не нужно было, выбросили большое количество негодного элемента, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостя, в том числе и всякой подозрительной сволочи. За время с 1924 года ... мы вычистили из армии*

большое количество командующего и начальствующего состава. Пусть вас не пугает такая цифра, которую я назову, потому что тут были не только враги, тут было и просто барахло, и часть хороших людей, которых мы должны были сокращать, но было очень много и врагов. Мы вычистили за эти двенадцать-тринадцать примерно около 47 тысяч человек...». Запомните это слово: «вычистили».

Из докладной записки замнаркома обороны Щаденко Сталину от 19 сентября 1938 года: «...из армии по политическим и другим мотивам (возрасту, болезни, служебному несоответствию, пьянство и др.) было уволено 36898 человек...». Уволено.

И вот пошел процесс создания легенды. В конце XX века.

Первый недобросовестный журналист или историк, сейчас, согласитесь трудно понять «ху из ху» — все журналисты становятся историками, а все историки журналистами. Так вот, этот историко-журналист пишет: «в армии было репрессировано около 40 тысяч офицеров». Уже репрессировано, то есть незаконным образом наказано.

Второй заявляет более определенно о форме наказания: «в 1937 году было расстреляно 40 тысяч офицеров Красной Армии». Расстреляно.

Третий, ничтоже сумняшеся, умножает эту цифру на десять и пишет, что за предвоенные годы органами НКВД расстреляно 400 тысяч командиров и политработников и, таким образом, полностью была обезглавлена Красная Армия, что и предопределило ее разгром в 1941 году.

Не буду спорить о причинах разгрома, но историей я интересуюсь уже многие годы и из разных источников попытался выяснить истинную цифру потерь. Так вот, из числа уволенных угодили под суд около 6 тысяч человек, из них расстреляно около 2 тысяч человек. К 1 января 1940 года более 13 тысяч офицеров, уволенных по политическим мотивам, были восстановлены в армии. Кто не верит, почитайте выводы людей, которые работают с документами, а не с мифами. (Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 71—72; «Молодая гвардия» № 9; Ю. С. Ткаченко, Н. В. Зазулин. Правда и ложь о «сталинских репрессиях», Киев. 2000. С. 9).

Бесспорно, даже один незаконно расстрелянный человек — это безобразие, это беззаконие, это произвол. Но речь-то не об этом, речь о том, как создаются легенды. Сейчас вообще повальная мода на расхристывание истории, на ее выворачивание и произвольное толкование. Мне импонируют попытки Носовского, Фоменко, Бушкова и других дать новые версии, иные толкования известным историческим фактам, другую хронологию. Да, следует помахать

красной тряпкой у носа обросших мхом современных исторических столпов, которые в своих работах из года в год ссылаются на одни и те же источники, приводят цитаты, которые народ знает уже наизусть, и колеблются только с линией партии. Пусть вострепелются. Но нельзя же писать так безапелляционно, только я прав, и все тут. Дайте просто вашу версию и подчеркните: возможно, я и ошибаюсь, но это мое видение события. Так будет и симпатичнее, и честнее.

Извините, ради бога, влез не туда, куда надо. Вернемся к вопросу о доверии к легендам и преданиям о кладах и сокровищах.

Другие легенды рождаются не на пустом месте. С теми же французами — захватили несметное количество добра, везли-везли, но не довезли. И, в большинстве своем, сами не доехали. Кое-что у них успели отнять, что-то нашли по горячим следам, но многое и осталось в качестве кладов. Сокровища Мюрата, на мой взгляд, реальная легенда. Сокровища Удино тоже стоит проверить, но об этом позже. А вот сокровища Наполеона.... Давайте вспомним и порассуждаем.

Московские трофеи вывозились подручными императора двумя обозами. Первый был отправлен из Москвы еще, когда Наполеон в ней оставался, с сильным конвоем в середине октября. Догадки о его судьбе строятся разные, но он вполне мог достигнуть Парижа.

Второй обоз следовал вместе с императором в условиях постоянных боев и стычек с русскими войсками. Он постепенно уменьшался. По самой распространенной версии Наполеон избавился от наиболее громоздких вещей, утопив их в Семлевском озере. Категорически возражаю. И аргументирую. Чего ради обозу сворачивать именно в этом месте со Старой Смоленской дороги и делать крюк в двадцать с лишним километров к какому-то ничем не примечательному озеру. Если нужно затопить сокровища, есть глубокие водоемы и поблизости. И реки по пути есть подходящие, — Вязьма и Днепр, например. Хотите закопать, пожалуйста, рельеф местности, изрытый впадинами и холмистый, вполне позволяет. Нет, надо по непролазной грязи, в бездорожье прокладывать загадочный маршрут, пускай потом исследователи чешут в затылках. Вы когда-нибудь бывали на проселочных дорогах Смоленщины? Я там рос и периодически бывал, на Смоленщине, разумеется. Они и сейчас такие, дороги, в смысле. Осенью — только на тракторе.

Нет, не даст такой команды умный император. Время не позволяет, по пятам следуют русские войска. А шаг влево — шаг вправо с большака и нарвешься на лихих казаков атамана Платова или на сумрачных партизан генерала Орехова, которые с французами не церемонились.

Следующий этап потерь части трофеев в районе переправы через Березину. С этим можно согласиться. И некоторые находки подтверждают.

Заключительный этап гибели обоза, о чем с горечью свидетельствовал сам Наполеон, произошел на Лопарской горе под Вильно, когда обезумевшие французы сами стали грабить императорский обоз. Завершили дело вездесущие казаки Платова.

Полно сказаний, преданий и легенд о кладах, связанных со временами наполеоновских походов в Беларуси. И это закономерно. Дважды туда и назад прошли колонны императорских войск по этой многострадальной земле, не неся ее обитателям ничего хорошего. Во множестве уголков Беларуси есть места, обозначаемые местным населением, как «французские курганы», «французские могилки» и прочие. И во многих селах и деревеньках, особенно за бутылочкой, вам доверительно поведают о прошлых находках и предполагаемых кладных местах. А есть еще и «шведские», и «немецкие», и «литовские», и «прусские», и иные курганы и места.

Однако вернемся к замкам Беларуси. Безусловно, под любым замком должно быть подземелье или обширные подвалы, а также, если не сеть, то хотя бы один подземный ход. Для чего? И для хранения припасов, разумеется. Но, главным образом, хозяевам замка следовало, помимо ценностей, побеспокоиться и о своих бранных телах. Дабы не подверглись они насилию, надругательству, а то и убиению со стороны обозленных потерями и скудной добычей захватчиков. В подвалах и подземельях, кои весьма трудно обнаружить даже с современной техникой, побежденные могли найти временное убежище. А там, глядишь, сосед на помощь придет, или сами победители отправятся к следующему замку. А подземным ходом можно вовремя и вовсе уйти, пока происходит штурм, и все враги хлынут внутрь за добычей, а то ведь может и не достаться, если останешься снаружи.

Захваченные замки разрушали, взрывали, сжигали. Иногда их хозяева так и оставались замурованными внизу. Представьте, сколько загадок, открытий и находок ждет исследователя, если он найдет способ проникнуть в самые нижние ярусы замка.

Самой загадочной легендой Беларуси являются, несомненно, сокровища Радзивиллов. Правильнее будет сказать их судьба, поскольку сокровища были реальными. Но все по порядку.

Радзивиллы, ведущие свой род из князей Великого княжества Литовского с XIV века, владели великолепным дворцом в Несвиже. Дворец охватывали крепостные укрепления, окруженные со всех

сторон водой с помощью системы каналов и прудов. По сути, это был замок. Владельцы дворца были сказочно богаты. Изящная мебель из красного дерева, отделанная бронзой и золотом, украшала десятки просторных залов и комнат палаца, как тогда называли дворец. Полы были устланы роскошными персидскими коврами. На стенах висели полотна известных художников, коллекции старинного оружия. Библиотека дворца состояла из двадцати тысяч книг, некоторые из которых были чрезвычайно редкими и существовали в единичных экземплярах. Здесь же хранился архив Великого княжества Литовского. Превосходные коллекции хрусталя, монет, медалей поражали воображение.

Как и во всяком средневековом замке, под ним находились обширные подземелья с разветвленной сетью ходов и переходов. Один из подземных ходов вел в подземелья иезуитского костела. По преданию, существовал и подземный тоннель, который вел в подземелья Мирского замка, расположенного в тридцати пяти километрах от Несвижа, владельцами которого Радзивиллы стали с конца XVI века.

Мирский замок, возведенный в самом начале XVI века, и сегодня потрясает уникальной красотой архитектуры и мощью. Недаром он включен в Список мирового наследия ЮНЕСКО. В те времена замок опоясывали высокие земляные валы с бастиянами по углам, внизу которых проходил глубокий ров, наполненный водой.

Как и все замки на территории Беларуси, Несвижский и Мирский не раз подвергались осадам и разрушениям. Достаточно упомянуть, что их стены видели войска Карла XII, Суворова, Наполеона, Кутузова. Поэтому Радзивиллами в лабиринтах подземелий были оборудованы многочисленные «скарбницы» (тайники) для сохранения несметных богатств. А богатства поистине были несметны.

Посол России в Речи Посполитой М. В. Репнин, посетивший Несвижский дворец вместе со свитой польского короля Станислава Августа, писал: «... После блестящего обеда на 300 особ король спустился в подземелье замка и увидел золотые слитки, уложенные до самого потолка. Золота было на сотни пудов, множество золотых украшений да 12 апостолов из этого металла и серебра, усыпанных драгоценными камнями...». Писал об этом русский посол не какому-нибудь собутельнику, а императрице Екатерине II, поэтому его словам вполне можно доверять. Есть и другие свидетельства существования фигур апостолов в полный человеческий рост из золота и серебра. Их подкрепление донесением Репнина государыне российской (а это

документ государственный) делает наличие статуй и слитков непреложной реальностью.

Последний, из рода Радзивиллов, владелец замка Доминик Радзивилл мечтал о возрождении Речи Посполитой. Несвиж и Мир входили в ту пору в состав Российской империи, поэтому, когда солдаты Наполеона появились у стен замка, Доминик с радостью принял участие со своей челядью в походе на Москву. За что и поплатился, замки были конфискованы российским правительством. Сам князь Радзивилл, будучи тяжело ранен в бою под Смоленском, скончался в Париже, куда его успели перевезти. Замки были захвачены стремительно продвигавшимися русскими войсками. Эконом, ведший хозяйство и бывший самым доверенным лицом князя, успел, однако, спрятать сокровища и взорвать ведущий к ним подземный ход. Называют разные места «скарбницы» (а, может, их действительно несколько) — подземелья обоих замков, подземелье иезуитского костела и тоннель, прорытый из Несвижского замка в Мирский.

Истина умерла вместе с экономом, надерзившим во время допроса русскому офицеру и повешенным здесь же, на воротах замка....

С тех пор, начиная с 1812 года, радзивилловские сокровища искали неоднократно, в том числе и на государственном уровне. Но находили всякую мелочь. Главное же, исследователям открывались фрагменты подземных сооружений и остатки местами полузасыпанных подземных ходов большой протяженности. К примеру, подземный ход, начинавшийся под северо-западной башней Мирского замка, тянулся более чем на полтора километра, а дальше был обвален.

Вечером, проходя мимо темной громады замка, кажется, что вот-вот его окна вспыхнут яркими огнями свечей, зазвучит громкая музыка, и заскользят тени танцующих пар.

*«... Какой великолепный бал...
Огни златятся в замке сумрачном,
Туманен воздух, как опал,
И манит холодом полуночи
Окна испуганный провал...
... Червонным золотом полон зал,
Осыпанный свечей кометами.
Вассалы смотрят из зеркал,
Во тьму дворцовую одетые...
И, смерть... чудовищный оскал...»*

Правда, веет нераскрытой жутью тайн замка? Не угадаете, кому принадлежат эти слова. Женщине, которая знала толк в интригах, тайнах и трагедиях. Шотландской королеве Марии Стюарт, замешанной в нескольких заговорах против английской королевы Елизаветы I, за что и казненной в 1587 году.

До сих пор случайным ночным прохожим является призрак князя Доминика, который, по преданию, охраняет свои сокровища. А в озере возле Мирского замка ежегодно тонет по одному человеку, хотя люди в нем и не купаются. Якобы в глубины озера призрак заманивает дерзнувших покуситься на княжеские богатства.

Возле замка и внутри я бывал не раз, но искать даже не пытался. И вовсе не из-за призрака. Хотя иной раз и содрогнешься, глядя на темную гладь озера (вода в нем отчего-то не рябит, даже при сильном ветре). Просто здесь нужна серьезная техника, типа метростроевской, необходим опыт археологов-профессионалов и применение последних достижений геофизики.

Мощные укрепленные замки находились в Новогрудке, Гродно, Лиде, Крево, Гераненах, Заславле и многих других старинных городах и местечках. Ныне лишь величественные руины, да старинные планы, гравюры и рисунки позволяют судить о масштабах былых каменных исполинов.

Сегодня Крево — обычная белорусская деревня. А в XIV веке оно было центром сильного Кревского княжества, в котором княжил Ольгерд. А после его смерти сын Ольгерда — Ягайло, ставший позже польским королем. Кревский замок был заложен великим князем Гедимином в начале XIII века. История замка, помимо военных баталей, пестрит свидетельствами о трагедиях, великодушии и вероломстве. В его подземельях по приказу Ягайлы был задушен брат Ольгерда — Кейстут, претендовавший на польский трон. Из тридцатиметровой Княжеской башни, переодевшись в одежду служанки, бежал пленный Ольгердом сын Кейстута — Витовт. Все эти имена — древняя история Беларуси, о них написаны сотни книг и научных трудов.

Остатки стен замка, двухметровой толщины, достигают десятиметровой высоты и производят поразительное впечатление. Это и эталон фортификационного искусства тех времен, и образец древней архитектуры, и пример людского трудолюбия.

Чрезвычайно загадочна история замка Могильно и связанных с ним легенд. Сейчас Могильно — название деревни на берегу Немана в Узденском районе. На другой стороне реки в XIII веке на горе, опоясанной глубоким рвом, стоял небольшой, но хорошо укреплен-

ный замок. Современные историки расходятся по событиям и датам, происходившим в те времена в этих красивейших местах.

Предоставим слово Хроникам Быховца.

«... И сговорились между собой князья русские... Святослав Киевский и Лев Владимирский, и Дмитрий Друцкий... И взяли те князья русские на помощь себе от царя Заволжского несколько тысяч татар. И князь великий Рынгольт встретил их на реке Немане у Могильно и был с ними бой лютый, и бились между собой очень крепко, начав рано утром и до самого вечера. И помог бог великому князю Рынгольту, который разгромил князей русских и всю силу их и орду татарскую наголову, и сам, одержав победу с большим веселием, добыв золото и серебро и много сокровищ, возвратился восвояси и жил много лет в Новогрудке и умер, а после себя оставил на Новогрудское княжение своего сына Миндовга».

По одним данным, битва эта случилась в 1235 году, по другим — в 1284 году. Некоторые историки считают князя Рынгольта личностью полностью мифической. Другие — что князь был, но с другим именем. По одной из версий, русские князья были разгромлены, так как не вовремя успели к битве их союзники — татары. А ослабленный жестокой сечей Рынгольт, прознав о подходе свежих татарских войск, утопил богатую добычу в Немане, и ушел с войском на Новогрудок. Разновидностью этой версии является, якобы, захоронение добытых с бою сокровищ в курганах на берегу Немана.

Должен сказать, что я бывал в этих местах неоднократно. Хочу высказаться, во-первых, об отношении некоторых представителей власти к истории. В семидесятых годах прошлого века кому-то из партийных бонз название Могильно показалось неблагозвучным, и его переименовали в Неман. Оригинально, не правда ли? Хотя названия Могильно есть в Смоленской, Псковской, Омской и других российских областях, и никто их не думал менять. Это история. Правда, Указом Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 6 марта 1991 года название Могильно было вновь возвращено.

Затем строителями были разрушены и остатки замка. Строили новый мост через Неман, строили дорогу. Зачем далеко ходить за песком, и замковую гору срыли почти подчистую. Теперь, чтобы найти предметы археологии, монеты, оружие и прочую старину, нужно подкапывать опоры моста, дно Немана под мостом, раскапывать дорогу и придорожные канавы. Что некоторые любители и делали и находили кое-что. И это не единственный пример варварского отношения к памятникам старины, такая же участь постигла еще несколько замков. Никто не наказан. Даже никто не назван и за-

клеямен. Если же случайно подле исторического памятника увидят любителя-кладоискателя.... Не буду развивать тему.

Курганы возле Могильно, кстати, сохранились. Местные жители называют их татарскими. Курганы я не трогал, но по окрестностям бывшего замка с металлоискателем походил. На правом берегу Немана в прибрежной воде нашлись несколько чешуек с отверстиями, возможно от кольчуги. Выудил я и очень ржавый конец кривого клинка, и несколько арабских серебряных дирхемов. Самой крупной находкой оказались два огромных немного поржавевших звена цепи, соединенных вместе. Диаметр каждого звена был не менее пятнадцати сантиметров, а толщина толще большого пальца руки. И исполнение их было очень качественным. Вероятно, это был остаток цепи подъемного моста. На самом берегу нашлись серебряные и медные монеты XVI—XIX веков. Рядом с одной из монеток лежал старинный глиняный свисток с головой в виде ящерицы и, между прочим, свистел. Внутри головы крутились две желтоватые бусинки, по-моему, янтарные, они и издавали мелодичные трели.

Правый берег Немана в этом месте высок, песчанен и очень красив. Вдоль берега остатки фруктовых деревьев, вероятно, было старинное поселение, хотя в своих тетрадах я этого не нашел. Я прошелся с прибором вдоль берега. Сплошной звон. И находки для этих мест обычные — бутылочные пробки и сигаретная фольга. Попалось и несколько советских монет.

Глава четвертая

Гибель и сокровища Новогрудского замка

И опустилась мгла на Новагародок.

И не слышно было стонов уже.

И был слышен плач... И смех....

Плач побежденных. Смех победителей.

Из найденной рукописи

Пять дорог ведут в Новогрудок. С севера от Лиды и Ивье. С запада от Здателя. С юга от Городища. С востока от Карелич. Тысяцкий Михаил Олешкевич, правая рука князя, смотрел с верха Дозорной

башни на самый широкий Лидский шлях. Над ним клубилась густая пыль. Сквозь пыль проблескивали доспехи и шлемы всадников.

Стоял жаркий июль 1391 года. Казавшаяся нескончаемой серая пыльная лента, двигавшаяся к Новогрудку, была войском Великого магистра Ливонского ордена Ульриха фон Юнгингена. Он спешил на помощь крестоносцам Конрада Валенрода, осадившего Новогрудок. Тысяцкий стоял на самой высокой точке Великого княжества Литовского. Новогрудский замок, окруженный крепостными стенами, соединявшими семь высоких башен, находился на вершине Замковой горы. Замковая гора венчала Новогрудскую возвышенность, протянувшуюся от Немана с севера на юг.

Все дороги, ведущие к Новогрудку, были перекрыты крестоносцами. Князь Витос, владелец замка, города и Новогрудского повета, попал в западню. Он заехал с малой дружиной, чтобы отвезти княгиню и детей в Несвижский замок, где находились основные войска Великого князя Великого княжества Литовского Ягайло. Там же находилась и дружина самого Витоса.

Тысяцкий смотрел через бойницу на распростершийся в утренней дымке величественный старинный город. Несмотря на раннее утро, он был одет уже в полное боевое облачение. Несколько помятая, но начищенная до мутноватого блеска кираса плотно облегала грудь и надежно защищала спину. Украшенная орнаментом старинная римская фибула придерживала на левом боку также изрядно потертые ножны с обоюдоострым длинным мечом. Завершал вооружение кривой арабский кинжал, засунутый под новый кожаный пояс, — и то, и другое было взято в последней битве с крымскими татарами при защите Туровского замка.

Расположенный у западного подножия возвышенности лагерь крестоносцев просыпался. Возле шатра герцога Конрада Валенрода, командующего левым крылом объединенного войска крестоносцев, уже толпились, одетые в блиставшие позолотой и яркими красками доспехи, знатные рыцари, возглавлявшие отдельные отряды. Сам герцог, в камзоле синих и желтых тонов — родовые цвета, худой, с несколько изможденным продолговатым лицом, разговаривал с Кремоном де Савиньи — каноником капитула ордена иезуитов и фактически вторым лицом после Великого магистра ордена.

Утренний ветерок нехотя шевелил складки герцогского знамени — оскаленная морда вепря на сине-желтом фоне. Оруженосцы командующего уже несли из шатра герцогские доспехи. Серая лента

войска Великого магистра вливалась в просыпающийся лагерь. Ульрих фон Юнгинген прыгнул с коня возле герцогского шатра. Его доспехи были в пыли. Присутствующие склонились в поклонах. Оба военачальника скрылись в шатре. Через некоторое время один из приближенных герцога вышел из шатра и что-то коротко прокричал. Знатные рыцари взобрались с помощью оруженосцев на своих лошадей и поскакали к своим отрядам.

Час штурма наступал.

Князь Витос находился в Костельной башне. Княгиня разбудила детей и пошла собирать их в путь. Князь с горечью следил за приготовлениями врагов, их было слишком много. Внизу под стенами замка расстился родной город с островерхими крышами домов. Прямо на север от замка блестела двумя позолоченными куполами Борисоглебская церковь. Чуть дальше и западнее высился костел францисканцев. Еще западнее на холме стоял приземистый доминиканский костел. Оглянувшись на юго-запад, можно было увидеть вычурную архитектуру Фарного костела.

Это причудливое смешение эпох, культур и религий разных народов не мешало жить им рядом, а его атрибуты утопали сейчас в изумрудной зелени садов.

Огромный, и без того, многолюдный город походил теперь на кишаший муравейник. Застигнутые осадой многочисленные караваны и обозы производили невообразимую суматоху. Люди и животные оглашали воздух криком, ревом и блеянием. Прямо на улицах были раскинuty шатры, устроены шалаши из ветвей деревьев, а к стенам домов приделаны навесы, под которыми валялись тюки вперемежку с людьми и домашними животными.

На высоких валах, укрепленных бревнами, толпились полуголые лучники и пращники. На специальных помостах в громадных чанах кипела смола. Возле них стояли негустые цепи копейщиков и арбалетчиков.

Город ждал штурма. Час штурма пробил.

Северо-западный склон зачернел тысячами воинов. Оруженосцы и слуги рыцарей волокли к стенам города длинные штурмовые лестницы. На беду защитников, небывалая летняя засуха почти осушила рвы с водой, опоясывающие оборонительные валы. Увы, ни рвы, ни валы не явились серьезной помехой для атакующих. Многократное превосходство нападающих не давало никаких шансов. Через несколько часов все было кончено. Лишь некоторые защитники добрались до замка и укрылись в нем.

Город притих. Со всех сторон в него вливались отряды чужестранцев. И вдруг почти одновременно стены замка сотряс многоголосый вой. Это начались резня, насилия и грабежи....

Совет держали в Щитовой башне, которая соединялась потайным ходом с самой крайней Колодезной башней. От этой башни, в свою очередь, вели подземные ходы. Один к подземному источнику-роднику. Другой — в почти прилегающий к Колодезной башне лес. Под замком существовала обширная сеть подземелий, соединенных подземными переходами и ходами. Но укрываться в них было бессмысленно.

Собственно, совет держать было не о чем. Замок не раз выдерживал штурмы и осады крымских татар, крестоносцев, московских князей. Это был, пожалуй, самый укрепленный и мощный замок Великого княжества Литовского. С XIII века Новогрудок стал центром удельного княжества. В 1253 году в нем короновался на Литву король Миндовг. Его сын Войшелк, борясь против галицко-волинских, московских и литовских князей, объединил вокруг Новогрудского княжества Пинскую землю, Нальшаны, Девольтву и Гародню. Эти территории и составили основу Великого княжества Литовского.

С XII века в Новогрудке начали изготавливать оружие, украшения из золота, предметы из серебра и бронзы. Город вел оживленную торговлю с Европой, балтийскими и скандинавскими странами, а также с Византией, Персией и Сирией. Владельцы Новогрудка были богатейшими людьми того времени, передавая богатства из поколения в поколение. Сам же замок слыл неприступным. И лишь в 1706 году он был захвачен (обманом) шведами и взорван. Шведский генерал Левенгаупт покинул о себе недобрую память. Но и до сих пор его сохранившиеся руины оставляют впечатление мощи и неприступности.

Оставим, однако, этот экскурс в историю, и вернемся к князю Витосу с его заботами. Да, совет держать было не о чем. Замок мог выдержать любой штурм и осаду при наличии полного гарнизона в нем. Сейчас здесь едва ли находилась его десятая часть. Оставалось одно — уходить в лес подземным ходом. Покидать замок следовало ранним утром, пока опьяненные и в прямом, и в переносном смысле победители не очухаются после бурной ночи и не начнут штурм самого замка.

Уйдут вначале княгиня с детьми и няньками в сопровождении тысяцкого. Поворачивать все равно следует в сторону Несвижа,

не все же лесные дороги перекрыты крестonosцами. Тысяцкий пробовал возразить, но князь просто положил ему руки на плечи и сказал, что доверяет самое дорогое самому надежному.

Княжеский тиун спрячет с верными людьми все сундуки с золотом, серебром, драгоценностями, оружием и мехами. Один из сундуков, полностью наполненный золотыми скифскими предметами и поделками, был отбит у крымчаков под Туровом. Тайников и скарбниц в подземельях замка достаточно.

Сам князь попытается наладить оборону замка, кто знает, может, и помощь какая от соседей подоспеет. Он был настоящим воином — бесстрашным, мужественным и, в общем-то, удачливым. Витос не ведал, что все соседние замки уже захвачены и разграблены отрядами крестonosцев. Если замок удержать не удастся, оставшиеся также уйдут подземным ходом.

Штурм, однако, начался ранним утром, едва диск солнца появился над горизонтом и осветил воды Немана, блеснувшие багровым светом зари.

К громадным дубовым воротам замка, обитым бронзой и медью, шестерки коней подтащили две баллисты. Два отряда пращников и лучников, сопровождавшие их, обрушили град стрел и камней на бойницы башен. По современной терминологии это называется слепящим огнем, чтобы обороняющиеся не имели возможности повредить дорогостоящие баллисты. Полутонные каменные глыбы обрушились на прочнейшую древесину, коража медные и бронзовые пластины. Но ворота держались.

На стены полезла первая волна атакующих. Сверху на них посыпались стрелы, камни и дротики. Лились шипящая смола и кипяток. Приставленные к стенам лестницы, падали назад, их отталкивали специальными баграми защитники замка. И тогда воины, висевшие на них гроздьями, срывались на копья своих же, толпящихся под кипящими потоками воды и смолы. Отдельные смельчаки, добравшиеся до верха, рубились на стенах с ратниками князя и падали вниз, буквально иссеченные на куски. Но то была легкая пехота, состоящая из слуг и простолюдинов.

Атака была отбита.

Второй вал последовал без передышки. Груды мертвых тел у стен, и среди них раненые и обожженные, все более разрастались. Стоял дикий вой. Легкие пехотинцы, несмотря на серьезные потери, продолжали лезть на крепостные стены с достойным упорством. Но росли и потери осажденных. Уже не осталось огнедышащей смолы и кипят-

ка. С ног до головы забрызганная кровью, в помятых и иссеченных доспехах, горстка защитников замка отстаивала каждый метр. Князь Витос и тысяцкий Олешкевич были в гуще схватки. Судьба пока к ним благоволила. Князь был полностью невредим. Левый рукав тысяцкого сочился кровью, и лопнула нижняя застежка панциря.

И здесь рухнули ворота, и в бой, уже во дворе замка, вступила толпа спешенных рыцарей. Без коней, они не были сильны в рукопашном бою, но и поразить их было трудно. Стрелы попросту отскакивали от кирас. Короткие мечи и сабли обороняющихся с лязгом высекали искры на шлемах и стальных доспехах крестоносцев, оставляя глубокие вмятины и борозды, но не причиняя серьезного вреда их обладателям. Напротив, длинные тяжелые мечи рыцарей, при попадании, причиняли серьезное увечье, а то и приносили смерть.

Силы защитников таяли. Перед бронированной волной они были вынуждены отступить и закрепиться в Колодезной и Щитовой башне. На остальные башни ратников не хватило, и атакующие захватывали их без сопротивления.

Князь с несколькими воинами и тиуном спустился в подвал башни, пол которого был выложен тесаными каменными плитами. Там уже находилась княгиня с детьми, тысяцким и сопровождающей небольшой охраной. Три ратника с трудом, подцепив плоскими ломиками плиту, лежавшую крайней в правом углу подвала, приподняли ее руками. Скрежетнули проржавевшие шарниры и плита стала вертикально. Открылся лаз, и человек с двумя факелами в руках спустился под землю. Следом шагнул тысяцкий. Бережно опустили княгиню, детей, и первая группа двинулась в путь.

Князь о чем-то долго говорил с тиуном. Тот, шепча водил по стене рукой, а затем размашисто перекрестился. В подвал прыгнул воин с окровавленным мечом, он махнул рукой — все, наверху гибнут последние защитники башни, князю пора уходить. Витос первым шагнул в черный зев лаза. За ним прыгнул коренастый арбалетчик с зажженным факелом в руках. И вот вторая группа из одиннадцати человек двинулась по подземному ходу, своды которого были невысоки и изрядно закопчены.

Наверху остался один ратник. Он с усилием крутанул плиту, и она стала на место. Затем мечник взял мешок и стал сыпать из него золу вперемешку с песком на плиту и швы вокруг нее. После, рубанув мечом по стоявшим в подвале деревянным клетям, набросал на

плиту расщепленные доски, сунул под них кусок войлока и чиркнул кресалом. Потянулась тонкая струйка дыма — теперь вряд ли кто обнаружит лаз под землю. Ратник вытер со лба пот, отцепил от пояса ненужные уже ножны и с мечом в руке полез наверх, откуда еще доносился шум битвы.

Неровный мерцающий свет факела освещал угрюмые лица уходящих, выхватывал куски стен и свода. Идти можно было не сгибаясь, лишь в некоторых местах опускались вниз утолщения, сделанные, вероятно, для усиления прочности. По-современному, ребра жесткости. И тогда приходилось нагибаться. Гул битвы стих, возможно, пали последние защитники замка.

Шли довольно долго. Ход закончился в глубоком овраге в густом лесу. Выход был замаскирован поваленным дубом и присыпан хворостом.

Чтобы сориентироваться вышли на его опушку. Город уже дымился пожарами, замок чернел молчаливыми башнями. Вдруг из города вырвалась группа всадников около тридцати человек и целеустремленно помчалась к западной оконечности леса. Князь понял — крестоносцами замечена группа княгини.

Он выбежал из леса и, вращая вокруг головы мечом, закричал хрипло и гортанно. Ратники выскочили следом и тоже заревели басовито и угрожающе. Их услышали и увидели. Минутное колебание, и крестоносцы, развернувшись, поскакали в их сторону. Они, вероятно, поняли, кто перед ними. Золоченые панцирь и шлем князя, пурпурный плащ с соболиным подбоем свидетельствовали о знатности их обладателя. Став спинами друг к другу, остатки княжеской дружины, дали достойный отпор врагам. Даже старик — тиун махал громадным, неведь откуда взявшимся мясницким ножом. Он и пал первым, защищая князя. Силы были слишком неравны. Бронированные всадники с тяжелым вооружением, и горстка пеших с мечами и арбалетами. Но, отдадим дань их мужеству, они умерли с честью. И дали, тем самым, спастись княгине с детьми...

Таковы ли были обстоятельства падения замка и гибели его защитников, знает только далекое прошлое. Хроники не оставили подробного описания тех давних событий. Известно только, что в той битве погиб Великий магистр ордена Ульрих фон Юнгинген. На эту тему даже есть средневековый рисунок, на котором изображены Великий князь Великого княжества Литовского Ягайло и князь Витовт (не путать с Витосом) на конях, а перед ними на земле тело магистра, покрытое белым плащом с двумя черными крестами.

Неизвестна судьба княгини и ее детей.

И неизвестна судьба несметных сокровищ, спрятанных в потаенных местах подземелья. Мы со Стариком бывали на Замковой горе, любовались величественными руинами замка. Там и сям виднелись следы ям и провалов. Говорят, что натывались на части подземных ходов, но они были засыпаны. Официальные раскопки вроде не проводились. Правда, замок собираются реставрировать, хотя бы частично, и об этом свидетельствуют строительные леса на одной из башен. Не хватает средств? Так поискали бы княжеские сокровища, энтузиасты всегда найдутся. Японский прибор для обнаружения пустот, где-то приобретенный по случаю Стариком, показал наличие в Замковой горе подземных лабиринтов и больших пустых полостей. Но ведь не покопаешься — Замковая гора стоит посредине города Новогрудка.

Первое упоминание о древнем городе относится к 1044 году. Старше Москвы более чем на сто лет. А клады на Новогрудчине находили во все времена. И немалые, подтверждающие, что Новогрудок был не только самым богатым городом Понеманья, но и всей, так называемой, Черной Руси.

Расскажу об одной случайной, но редкой находке на Новогрудчине. Когда приезжал посмотреть на Новогрудский замок, то побродил, скуки ради, вечером возле доминиканского монастыря в окрестностях Новогрудка. С прибором, конечно. Звук отключил, потому что монастырь был рядом, а вечером электронная трель слышна за километр. Смотрел только на табло. Вдруг всплеск — какая-то серьезная металлическая масса на тридцатисантиметровой глубине. Копаю, достаю. Круглая тяжелая трубка длиной сантиметров сорок, вся обросшая землей. Смываю землю водой — свинец. Запаянная с двух сторон свинцовая трубка диаметром шесть сантиметров. Вот он клад, наверное, монетный. Монастырское золото?

Скорее в машину и еду домой. Осторожно распиливаю трубку. Ни за что не угадаете, что в ней было. Прямоугольный кусок плотнейшей белой ткани, обшитый по бокам серебряной нитью, а в центре вышитый золотом рисунок. Оскаленная собака, держащая в зубах кость. После научного исследования, проведенного мной, оказалось, что это официальный штандарт доминиканского ордена. Собака держала в зубах не кость, а скипетр. И вообще на том месте находился раньше доминиканский монастырь. Новый монастырь, тоже доминиканский, построили почему-то рядом. Штандарт оказался прекраснейшей сохранности. Но кто, когда, с какой целью запаял его в свинец, выяснить так и не удалось.

Впервые же я побывал на поисковых работах на территории бывшего замка в семи километрах от Толочина. Замок стоял на возвышенности, на берегу реки Друть. Предложил туда съездить Старик, который уже имел опыт кладоискательства, в том числе и на том месте. Я не имел никакого опыта вообще, кроме того, что закапывал различные монеты и металлические вещи на своем дачном участке и пытался их найти. С помощью металлоискателя, конечно.

Это был мой первый прибор для поиска кладов. Тоже фирмы Minelab, но не очень удобный в обращении. Приходилось опутываться массой проводов, и он работал только с наушниками, табло не было. Но был очень чутким, использовался для армейских подразделений. Современные приборы позволяют работать в одиночку. Хотя вдвоем быстрее и удобней. С тем металлодетектором тоже можно было, в принципе, работать одному, но очень уж мешали провода. Да и в наушниках как-то не комфортно.

Возвратимся к замку. Где-то, в апреле, не помню уж какого года, позвонил Старик и спросил, знаю ли я, что идет вспашка полей и подготовка к посевной. Своеобразный такой юмор, подумал я тогда. Оказывается не юмор. Если вы когда-то находили монеты в поле, особенно россыпью, значит там либо был распахан клад, либо находились остатки рынка, городища, замка и так далее. Короче, это перспективное для поиска монет место. Каждый год поля распахивают, слои почвы поднимаются, перемешиваются и все такое прочее.

Есть такое понятие «монета на ребре». Это означает, что монета лежит в земле ребром, то есть вертикально поверхности земли. Только самый чуткий прибор на небольшой глубине может зафиксировать ее наличие. Потому что приборы работают по принципу эхолота. Если поверхность большая — эхо отражает ее. Если нет, маленькая иголка например, эха не будет или оно будет очень слабым и искаженным.

При вспашке такие монеты меняют свое положение, и прибор легко их фиксирует. Кроме того, поднимаются другие монеты из более глубоких слоев. Пусть не усмеются профессионалы — я пишу это для людей, не имеющих понятия о процессе кладоискательства. Вообще существует поверье, что земля сама выжимает на поверхность некоторые предметы. Камни и монеты, как раз к ним и относятся. Вспомните всеобщую эпоху дефицита и увлечения в связи с этим огородничеством. Кажется, перетряхнул на грядке всю

землю, не осталось ни одного камушка. Тем не менее, на следующий год их опять полно. И так ежегодно.

Первый опыт кладоискательства оказался довольно удачным. Приезжаем, поле распахано, разбороновано — для поиска это идеально. Но где же замок? Или хотя бы его руины? Небольшая возвышенность в излучине берега реки, заканчивающаяся обрывом, внизу песчаный карьер. Замок был, успокаивает Старик. В XIII—XVII веках. В 1707 году был захвачен шведскими войсками и взорван. В настоящее время на его месте колхозное поле. Часть остатков замка вообще срыли, устроив на его месте карьер для добычи песка и гравия. В семидесятых годах прошлого века в районе строили новые дороги, вот и соорудили карьер. Местные ребяташки в прошлый приезд рассказали Старику, что при продвижении карьерной выемки строители наткнулись на какие-то кирпичные кладки, то ли фундамент, то ли еще что. А сбоку даже открылась большая дыра тоже с кирпичной кладкой. Работы приостановили. Приехало какое-то строительное начальство, дало приказ, и экскаватор засыпал все песком. Наше извечное «как бы чего не вышло». О находке археологам наверняка не сообщали, иначе кто-нибудь здесь бы побывал.

Идем парой. Старик с прибором, я с лопатой и прочими техническими штучками. Внезапно старик останавливается и тыкает тарелкой прибора в точку земной поверхности. Я кладу на землю кусок толстого целлофана, втыкаю в отмеченное место лопату и высыпаю землю на целлофан. Уже и без дальнейшего исследования виден ржавый комок чего-то. Чего? Промываем водой — изрядно проржавевший старинный амбарный замок. С почином, смеемся мы.

Следующая находка здоровенный кованый гвоздь. Медная монетка размером чуть меньше копейки — «боратинка», ниже останавлиюсь на названии. Современный компас — неисправный. Пусть меня извинит читатель, я просто перечислю, что нашли. Первый поиск все-таки. Фрагмент латунной пряжки. Снова кованый гвоздь, только почему-то медный. Снова «боратинка». И еще «боратинка». Старик замечает, что и прошлый раз нашел их тут десятка три. Забегая вперед, скажу, что и мы нашли в этот день не меньше.

А вот это уже что-то интересное. Длинный, схваченный ржавчиной, более полутора метров длиной, штырь, низ заострен, сантиметров через десять круглое утолщение. Заканчивается округлыми рожками в виде полумесяцев, сантиметров на десять вниз снова шаровидное утолщение. Промываем водой. Крутим так и этак. Ничего более раци-

онального, чем сравнение с приспособлением для шашлыка, в голову не приходит. Позже оказалось, что это опорная сошка к мушкету.

Идем дальше — серебряная монета. На лицевой стороне горбоносый мужик в короне, на обратной — что-то непонятное с надписью по кругу. Старик говорит, что это вроде орт — монета Речи Посполитой.

Меняемся местами. Теперь я с прибором. Впервые в жизни.

Писк в наушниках. Старик копает. Фрагмент бронзовой монеты с изображением птицы. Позже оказалось, что это фрагмент печати с изображением сокола и латинских больших букв «R» «K». Кому она могла принадлежать, установить не удалось. Следующая находка — медная монетка полкопейки 1886 года с вензелем российского императора Александра III. Сразу две лошадиные подковы. Металлический значок «Минску — 900 лет». Сплошное смешение эпох. Попадались куски изразцов и опаленного огнем кирпича.

За день мы нашли около сотни различных предметов и монет. Самым ценным оказался нательный крест из синего камня, концы которого были как бы окованы золотыми пластинками. Я сразу же отказался от него в пользу Старика. Он вообще собирает всякие диковинные найденные предметы. Создал своеобразный такой музей.

Была и опасная находка, яйцевидная граната, размером больше лимонки. Зарисовали. На будущее надо знать все, что попадаетея, потому что некоторые предметы, несмотря на их внешне легкомысленный вид могут быть опасны. Гранату аккуратно затопили в грязном бочаге возле реки, вряд ли кто туда сунется.

Посмотрел потом в военном каталоге, граната оказалась немецкой М-39, довольно редкой, кажется диверсионной. Заодно и расширил свои познания: на вооружении у немцев была в основном граната М-24, колотушка такая с длинной деревянной ручкой.

Все поле прозвонили основательно, но это не значит, что мы все нашли. Старик сказал, что и в следующем году после пахоты можно здесь покопаться. И много чего отыскать. Раз был замок, значит, был посад, торжище и другие, интересные для кладоискателя места.

Спустились и в карьер. Ничего в нем не нашли. Не видно было и следов кирпичной кладки. Старик предлагает поискать документацию и иные источники по замку. Подземные ходы были под всеми замками. Или, во всяком случае, обширные подземелья.

Читатель разочаруется, но скажу честно, мне побывать в подземных лабиринтах какого-либо замка не довелось. И вообще, знаете,

как отвечает на подобного рода вопросы Старик: «*Да кто ж вам все расскажет!*» А удалось мне спуститься в подземелья монастырей и старинной панской усадьбы, о чем я еще расскажу.

Глава пятая

Золото Забайкалья

Звонит донельзя возбужденный Старик. По-моему, он вообще всегда слишком доверчиво относится к легендам. Заводится с пол-оборота и готов ехать куда угодно. Сидим в кафе. Так оно и есть. Рассказывает. У него был на днях партнер по бизнесу из Москвы. Предложил поехать за золотом на заброшенный прииск. Координаты прииска и все прочие бумаги находятся у его двоюродного брата, который работает в Министерстве природных ресурсов Российской Федерации. Дело верное. Ехать надо на Байкал. Финансировать экспедицию будет московский партнер и он, Старик, в соотношении 60 на 40 процентов. С чиновника документы и разрешение. С меня оружие (у меня есть разрешение на оружие) и участие. Добыча 25 процентов каждому. Все на законных основаниях — будет бумага, разрешающая предварительную разведку прииска с целью последующей его аренды. Все золото сдается в Иркутске в какое-то управление приисков, деньги за него получаем в Москве в банке. С уплатой всех налогов и чего-то там еще. Будет звонить в субботу, если мы в принципе согласны, встречаемся, обсуждаем детали и проводим подготовку. Ну?

Сказать, что все слишком неожиданно, значит, ничего не сказать. Я даже не врубился в тему. Сижу, чешу нос, (признак наибольшего смущения), молчу, мысли скачут.

— Ну? — снова спрашивает Старик.

— Слушай, — говорю первое, что пришло на ум, — а чего он к тебе обратился, у них, что, в Москве своих искателей мало?

— Спрашивал, — отвечает Старик, — говорит, что те, кого знает, — гангстеры, а с незнакомыми такие дела затевать... А мы с ним восемь лет работаем, друг друга ни разу даже не пытались кинуть, фактически семьями дружим. За москвичами подготовка, организация и основное финансирование, — за нами поисковая работа, они металлодетекторы и в глаза не видели.

— Прииск, тайга, там же могут запросто и того... И вообще тут надо сильно думать.

— Чего думать, чего думать? — горячится Старик, — а мы, что, пальцем деланные?

Действительно Старика, пальцем деланным, никак не назовешь, комплекция у него внушительная, и вид может сделать такой, кто не знает, — за братка примет. И Леонид, его партнер московский, пару раз его видел, пожалуй, под стать ему, тоже фигура заметная.

— Прииск заброшенный, там на двести верст ни души. Заброшенный, понимаешь?

Как ни странно, меня это слово, сказанное по слогам, приводит в рабочее состояние. Мы начинаем обстоятельно обсуждать все «за» и «против». Вопросов очень много, дело совершенно незнакомое. Неожиданно взять и отправиться за семь тысяч километров за гипотетическим золотом...

Выясняется, что не неожиданно, время для подготовки будет. Сейчас апрель, а ехать надо где-то в августе. Вообще у меня складывается впечатление, что Старик давно уже в теме. Значит, прикидывал, кого взять, остановился на мне. Спасибо за доверие, — с иронией думаю я, но отказаться еще не поздно. Буду думать.

Короче, позвонил Леонид и, узнав о согласии в принципе, предложил нам приехать в Москву для окончательного согласования. На что мы ответили цитатой из «Бриллиантовой руки»: *«Нет, уж лучше — вы к нам»*. И вот они у нас. Начинаем с изучения копий документов, привезенных московским чиновником. Впрочем, для чиновника столичного министерства он очень молод, на вид лет 25. Назовем его Сухарем за его расчетливую сухую манеру поведения.

Начальнику УНКВД
по Иркутской области
полковнику госбезопасности
Смирнову К. Т.

Настоящим доношу, что согласно радиорапорту начальника Люйского ИТЛ УИТЛК УНКВД по Иркутской области майора Бармина в лагере 5 декабря вышли из строя обе дизельные станции (возможно,

испорчены умышленно), обеспечивающие оборудование и помещения лагеря электрической энергией. Сильные снегопады и снежные заносы не дают возможности выехать из лагеря за помощью. Золото вывезти не может. Назревает бунт заключенных. Прошу Вашей срочной помощи: взвод солдат с собаками и специалистов по дизелям.

Нач. УИТЛК УНКВД по
Иркутской области
майор госбезопасности

Г. Л. Биримбаум

06.12.1941 г.

Резолюция на письме Биримбаума: « Тов. Горошко — объясните тов. Биримбауму, что людей у нас нет, батальон убит в Москву, а те, что остались, занимаются охраной ж. д. и эшелонов, следующих на Москву. Воинских частей в городе нет. Пусть обходится своими собственными силами. Специалистов дадим. Бармину разрешаю применение оружия без предупреждения». Смирнов. 06.12.1941

Начальнику УНКВД
по Иркутской области
полковнику госбезопасности
Смирнову К. Т.

Сообщаю, что радиосвязь с Люйским ИТЛ прекратилась с 8 декабря до настоящего времени, о чем мной сообщено в ГУ ИТЛ НКВД. По-прежнему прошу хоть чем-то помочь. Специалистов пока посылать нельзя, у меня в подчинении всего 7 человек, из них три женщины.

Нач. УИТЛК УНКВД по
Иркутской области
майор госбезопасности

Г. Л. Биримбаум

17.12.1941 г.

12.07.1945

Государственный Комитет
Обороны СССР

В связи с истощением золотоносной породы и ликвидацией прииска «Люя», который обслуживался Люйским ИТЛ УИТЛК НКВД по Иркутской области, который также ликвидирован по причине

вспыхнувшего бунта заключенных, прошу исключить из титульного списка геологических разработок прииск «Люя».

Председатель Комитета по
делам геологии при СНК СССР

А. Груздов

Выписка из постановления Государственного Комитета Обороны СССР «О плане производства золота и олова» № 8316 от 07.08.1945:

П.17: исключить из титульного списка геологических разработок и государственного плана прииск «Люя».

Справка: Прииск «Люя» сдавал государству ежемесячно от 69 до 82 кг родистого золота (золото с содержанием родия. — Авт.). За 4-й квартал 1941 года золото прииском не сдавалось. К. Томлинов

Выписка из приказа № 0231 от 16.04.1946: *в связи с ликвидацией прииска «Люя» и Люйского ИТЛ УИТЛК УНКВД по Иркутской области списать основные средства и оборудование по истечении срока эксплуатации.* Верно. Нач. 1-го спецотдела УМВД по Иркутской области. В. К. Санько.

Бумаг всяких много, я привел только некоторые. Выясняется, что судьба лагеря никого не интересовала вплоть до лета 1943 года. Ну, зима 1941-го понятно, шла решающая битва под Москвой, видно и батальон этот энкавэдэшный участвовал. Год 1942 был тоже нелегким для народа, государства и армии. А в 1943-м УНКВД организовало экспедицию к прииску и лагерю по реке Ляя.

Лагерь и прииск оказались сгоревшими. Экспедиция нашла в лагере и вокруг него множество обглоданных добела человеческих костей. Единственная возможная версия: бунт все-таки вспыхнул. Большая часть охраны и заключенных погибла в междоусобице. Кто-то, возможно, попытался выйти из таежных дебрей. Это было бессмысленно. Зима сорок первого была необычайно суровой. Даже под Москвой мороз стоял под сорок градусов. В Забайкалье и в обычные годы под пятьдесят, а в сорок первом, видимо, были просто лютые холода. Трудно сказать, были ли какие населенные пункты ближе четырехсот километров. А до Иркутска и все восемьсот. Участь оставшихся в живых была предрежденной. Закончились продукты, электричества не было, порядок поддерживать было некому, ссоры, драки... Дело довершили медведи, которых в тайге было порядочно, и прочее таежное зверье. К примеру, тот же знаменитый

соболь не травой питается. Во всяком случае, ни о ком из обитателей Люйского лагеря впоследствии никто не слышал.

Золота экспедиция не нашла. Собрала оружие, кости, захоронила их и возвратилась в Иркутск. А впоследствии, как это видно из документов, и прииск и лагерь списали подчистую.

— Вопросы есть? — спросил Леонид. — Да, и давайте договоримся, командовать парадом буду я, поскольку за мной вся организация и основное финансирование. Возражений нет?

Возражений не было, а вопросы, конечно, были. Нужен подходящий транспорт.

Транспорт будет в виде армейского джипа, напрокат, с лебедкой и со всем снаряжением, — его подготовят друзья Леонида в Братске.

Как добираться до места.

До Красноярска на самолете. Оттуда до Братска на поезде. Затем в Братске как-то погрузить джип и снаряжение на другой поезд и доехать до станции Новый Уоян. Там выгрузиться и продолжать дальнейший путь на джипе, какая-то дорога к прииску должна быть. У нас будут шведская бензопила, лебедка, топоры и прочее. Пробьемся, если будут завалы.

Изучаем карту. Километровки, правда, нет, почему-то засекречена. Вот она река Люя. Прииск, точнее его остатки, обозначен на карте красной точкой в месте почти при впадении Люи в другую реку — Ивешму. Ивешма, в свою очередь, впадает в могучую Лену, которая берет свое начало в отрогах Байкальского хребта и там, конечно, еще не могуча. От Нового Уояна до прииска 196 километров.

Что с оружием.

У всех будут охотничьи ножи и 2 карабина «Тайга», у Сухаря тоже есть разрешение. Оружие дадут в Братске. Говорю, что мое разрешение на оружие на территории России действовать не будет.

Да кто там будет смотреть. И, в конце концов, у нас единое государство — Союз Белоруссии и России. Или России и Белоруссии. Короче, мы единый братский народ.

Что мы рассчитываем там найти.

Во-первых, не сданное государству золото, около ста килограммов.

Во-вторых, как свидетельствовали различные источники, золотой песок и самородки являлись внутренней валютой эков в таких лагерях. Почти каждый что-то утаивал от сдачи и имел определенный запасец. А паханы и авторитеты обладали, без сомнения, солидными запасами. Кое-что, наверняка, перепало

и охране. Про администрацию лагеря и говорить нечего, — они имели от этого больше всех. Ведь никакого контроля за ними не было, сколько хотели, столько и оформляли для сдачи в государственные закрома. Поэтому на обширной территории лагеря и прииска находится множество тайников и тайничков. Найти их с помощью металлодетекторов — плевое дело.

В-третьих, можно и просто пошарить с приборами по отвалам и золотосодержащей породе в поисках самородков.

Обсуждение длится долго. Как водится, потом отмечаем это дело. Пошли рассказы о найденных золотых самородках и россыпях. Леонид берет гитару, перебирает струны и неожиданно хриплым голосом под Высоцкого выдает:

*Таежной мглы вступил под сень я,
Манит блеск злата, пойду на риск,
А за спиной, забытой тенью,
Молчал заброшенный прииск....*

Несмотря на опьянение, в душе возникает чувство тревоги....

Расстаемся за полночь. Завтра они улетают в Москву. Пришлют список, что должны подготовить мы, и — до августа.

16 августа 200... года. Мы стоим на перроне в Братске. Договорились с геологами, которые везут оборудование в Олекму, о погрузке на их платформу и нашего джипа. Джип действительно силен, от земли до днища сантиметров восемьдесят — никакой пень не страшен.

Станция Новый Уоян. Выгружаемся. Оказывается, это бурятский поселок, хотя русских попадаете больше. Все прямо застывают при виде нашего джипа. Покупать нам здесь нечего, все у нас уже закуплено. Утро. Завтракаем своими припасами и решаем, не теряя времени, двигать дальше. Спрашиваем про дорогу на прииск, — никто не знает. Что за чертовщина, может, не туда попали? Где располагается местная власть? Нам показывают дорогу.

Подъезжаем к приземистому одноэтажному зданию с трехцветным флагом над крыльцом. Нас недоверчиво встречает пожилой бурят, председатель поссовета. Показываем документы, в том числе бумагу за подписью замминистра Министерства природных ресурсов Российской Федерации, в которой написано, что АО ЗАОСТ «Люя» разрешена разведка и ограниченная добыча золота на Люйском прииске с последующей арендой означенного прииска. Бумага со-

лидная, на цветном бланке с российским гербом и солидной печатью. И лицензия к ней. Бурят, похоже, проникается, что мы прибыли с государственными целями. Однако сокрушенно разводит руками и говорит, что дороги нет. Как нет? А как же на прииск ездили. Вертолетов-то еще тогда не было. То есть дорога есть, но она заросла, по ней давно никто не ездит. Ну, это нам не страшно, решаем мы, у нас армейский вездеход, а где надо и бензопила поможет. Просим показать дорогу. Председатель зовет из другой комнаты молодого человека, тоже бурята, он покажет нам дорогу.

Останавливаемся на окраине поселка, дальше сплошная тайга, виднеются сопки, и вдаль высятся горные хребты. Подходим ближе, проводник указывает на лес и говорит, что это дорога. Где дорога? Впереди сплошной лес, никаких просветов, дремучая тайга. Здесь раньше была дорога на прииск, утверждает бурят, но она давно заросла лесом. Присматриваемся пристальнее, действительно, в одном месте лес не такой густой и старый. Могучих деревьев нет, но и те, что растут, нам с нашей бензопилой не одолеть. То есть спилить-то несколько десятков деревьев можно и продвинуться метров на пятьдесят за день... До прииска такими темпами мы доберемся за несколько лет.

Что же делать? Может двинуть пешком? Двести километров по тайге? Двести километров пешком, да еще с солидной поклажей. Вы когда-нибудь видели тайгу? Попадаются места, сплошь заросшие, заваленные слоями упавших деревьев, абсолютно непроходимые, которые можно только обойти стороной, делая километровые крюки. Да при этом еще тучи комарья и гнуса, которые пробиваются через любую спецодежду. А как в ней ориентироваться? А дикие животные — медведи, например. Неужели вся подготовка зря?

Но бурят, загадочно шуруется и говорит, что нужно подумать. Типа, как в том анекдоте про чукчу и застрявший вездеход: *«Водка давай, совет будет?»* И получив водку, советует: *«трактор надо...»*. Даем, однако, нашему сопровождающему пятисотрублевую бумажку. И получаем совет. Надо идти к Василию Никифоровичу. Тот якобы знает иную дорогу на прииск, и, говорят, ходил туда неоднократно. Может, согласится стать нашим проводником. Утопающий хватается за соломинку. Никакого иного варианта у нас попросту нет. Едем к Василию Никифоровичу.

Василий Никифорович оказался на вид крепким старичком с лицом, изборожденным глубокими морщинами, и тоже бурятом. И встретил нас весьма неприветливо. Наш бурят, представив нас, как москвичей, ретировался.

— Что, тоже пещеры ищите? — тон вопроса не предвещал ничего хорошего.

Мы объяснили, что ни о каких пещерах и слыхом не слыхивали, что мы здесь чисто по государственным делам, показали свои красивые гербовые бумаги. Что нас интересует только заброшенный прииск и за любую помощь в этом направлении готовы хорошо заплатить. Понемногу старик оттаял. Мы угостили его водкой. Он немедленно зажег древнюю спиртовку, поставил закопченную кружку с водкой на огонь. Затем снял с гвоздя на стенке какой-то здоровенный кисет, вытащил оттуда засохший лист, крошил его в кружку и стал прямо пальцем помешивать в кружке.

Боясь спугнуть возникшее легкое взаимопонимание, мы ничего не спрашивали по поводу этой операции. Наконец, решив, видимо, что зелье достигло нужной кондиции, Василий Никифорович быстро задул спиртовку и сделал из кружки добрый глоток. С минуту посидел с закрытыми глазами, словно прислушиваясь к процессу проникновения алкоголя в организм. А потом, вместо закуски, закурил трубочку. В три глотка кружка была осушена. Мы плеснули по новой. Ритуал со спиртовкой и листиком был повторен, но пить старый бурят больше пока не стал, просто посасывал трубку. Понемногу образовалась нить разговора.

Василий Никифорович, помимо чисто русского имени, прекрасно говорил по-русски, иногда только растягивая окончания некоторых слов. Он жил здесь всю жизнь, в пятидесятых годах прошлого века работал секретарем местного сельсовета, слышал историю про Люйский прииск и даже однажды там побывал. В пятидесятых годах....

Сколько же ему лет? Под девяносто, что ли?

Жизнь шла нормально. Но несколько лет назад в поселке объявились пятеро молодых людей — ленинградцев. Они шныряли по поселку, поили всех спиртом и выпрашивали про прииск и про пещеры в горах. Были и у него. Он показал им лишь направление и нарисовал местоположение прииска. Через несколько дней молодые люди ушли в тайгу, причем не в сторону прииска, а значительно правее. С тех пор их никто не видел.

Недели через три в поселок понаехало множество милиционеров, и некоторые из них, в немалых чинах. Затем прилетели на вертолетах люди из МЧС, говорят, с заместителем самого Шойгу во главе. Оказывается, один из парней был сыном кого-то из ближайшего окружения российского Президента. На поиски был мобилизован весь поселок. Над тайгой несколько дней кружили вертолеты....

Нашли только троих с объединенными лицами и конечностями. Двоих так и не нашли.

Три дня Василий Никифорович просидел в местной кутузке. Его обвиняли в том, что он был проводником у этих ребят, а потом бросил их в тайге, хотя это не так. Обещали упечь в тюрьму навсегда, если не расскажет. Но потом выяснилось, что он безвылазно сидел в поселке и даже хворал. Его выпустили. Такая вот история приключилась. Старичок прикончил и вторую кружку, по-прежнему беспрерывно дымя трубкой.

Как водится, налили и третью.

— А что за пещеры искали эти ленинградцы? — это Сухарь нейтральным голосом, так, между прочим, для поддержания разговора.

— Пещеры? Это, о! Это великая тайна нашего народа! — Василий Никифорович, похоже, «поплыл», глотнул из кружки и запыхтел уже погасшей трубкой. Еще бы. Такая доза, да еще с закуской в виде табачного дыма. Тут и Старику, пожалуй, хватило бы.

— Слушайте. — Он чиркнул спичкой, разжигая потухшую трубку. — Давным-давно мой народ жил на севере теперешней Монголии. Страна наша называлась Гэсэр и правил в ней мудрый Мэргэн. Но вот однажды прискакал к нему монгольский князь Тэмуджин, по-вашему, Чингисхан, и сказал: «Я иду на запад завоевывать Вселенную, пусть твое племя вольется в мое войско». Мэргэн собрал совет старейшин, и все решили — нет. «Нет, — сказал Мэргэн Тэмуджину, — мы скотоводы и предки наши были скотоводами, мы любим свой край, мы останемся». Тэмуджин разгневался и сказал: «Ты, мой названный брат. (По преданиям, Мэргэн помог Тэмуджину бежать из рабства.) — И я тебя не трону, но даю два дня и три перехода, чтобы твой народ ушел из этих мест навсегда. Иначе все станут моими рабами».

Старичок сделал еще глоток из кружки:

— У нас было много храбрых и умелых воинов, и они не посрамили бы своего рода. Но Тэмуджин покорил уже тысячу племен. Когда шло его войско, на земле наступала тьма, пыль, поднятая копытами лошадей, заслоняла солнце. И мои предки ушли на север, в южное Забайкалье. Там они научились ловить рыбу, строить деревянные дома, добывать золото.

Прошло много-много лет. Люди жили богато. И тогда Бурхан, вождь бурятского народа, повелел воссоздать из золота мудрого Мэргэна и поклоняться ему. Но с юга снова пришли завоеватели.

Это были уйгуры. Они хотели отобрать наших лошадей, наших женщин, наше золото. Они не щадили никого, убивали даже младенцев. Мой народ защищался. Но уйгурам помогали китаты. И Бурхан повел всех вдоль Байкала на север. Они нашли в горах древние пещеры и поселились в них. Прошло время. Уйгуры ушли из наших мест, и мои предки возвратились назад. Но золотая статуя Мэргэна и все золотые вещи были оставлены в одной из пещер, их охраняли наши шаманы, чтобы никто больше не польстился на наши богатства. Их и сейчас охраняет дух Эжин. Каждого, кто пытается их найти, ждет смерть....

— Это Эжин погубил их. Они шли искать золотого Мэргэна....

Василий Никифорович сделал последний глоток из кружки, поднял ко рту руку с трубкой и вдруг уронил ее. Он спал. Сидя.

На следующий день мы с утра подъехали к дому Василия Никифоровича. Он сидел на завалинке и дымил трубкой. Вы не знаете, что такое завалинка? Это, наверное, чисто сибирское изобретение. Дом обкладывается землей высотой до метра, земля укрепляется досками или тонкими бревнами. И готово, есть, где посидеть. А если серьезно, то подобное сооружение спасает зимой от любых морозов.

Естественно, мы пришли не с пустыми руками, ожидая увидеть деда в жутко похмельном состоянии. Но он был относительно свеж. Буркнув что-то типа еще не время, Василий Никифорович, тем не менее, ловко уволок, ласково звякнувший полиэтиленовый пакет внутрь дома.

Вышел с неизменной трубочкой в зубах. Мы снова заверили, что нас интересует только дорога на прииск, что у нас нет никаких намерений тревожить дух Эжина (или Эжин), что пещеры нам глубоко побоку, а вот прииск вновь должен давать государству золото.

Разговор возобновился, но с неизменным отрицанием участия в этом полезном для государства деле со стороны Василия Никифоровича. Никакие посулы не могли его убедить. Не знаю. Не помню. Не могу. Нет. Ну, чисто красный партизан на допросе у Колчака. Когда мы дошли до того, что заслуженные ветераны должны передавать свой опыт молодежи, он вдруг сдался. С чего, мы так и не поняли. Может, это особенность загадочной души бурятского народа. Не одни же славяне с загадочной душой.

Он сказал:

— Поехали.

Помните Юрия Гагарина? Той же ликующей нотой прозвучало это простое слово и в наших ушах. Мы вкинули деда в джип, пока

он не передумал. Ехать пришлось на противоположную окраину поселка. Дед только указывал направление трубкой. Приехав на окраину, сворачиваем направо и двигаемся по донельзя разбитой проселочной дороге. Но джипу это нипочем. Приезжаем на берег какой-то речки, здесь нам дорогу перегораживает что-то вроде карьера. Останавливаемся. Смотрим на проводника.

— Здесь, наши щебень берут, — выдает он нам ценное знание и продолжает, — спускайтесь вниз.

Мы спускаемся на дно карьера.

— Вот, — он тыкает трубкой направо, — будете все время ехать по руслу реки, никуда не сворачивая. Это и есть Люя. Она приведет вас прямо к прииску.

Приглядываемся: это и впрямь русло реки. Сухое русло шириной метров десять. Местные приспособились брать здесь щебенку. Вопросы к деду: что, как и почему. Выясняется, что во время строительства БАМа (Байкало-Амурская магистраль, кто не знает) что-то было нарушено в водной системе под землей. Перестали бить родники и ключи, пропали многочисленные ручьи, высохли некоторые реки. Вот они — плоды неразумного вмешательства человека в природу.

Дальше мы поедem без деда. Отвозим его назад в поселок, пытаемся всучить какие-то деньги. Он бурчит что-то типа «расчет по возвращении» и уж совсем мрачное «если вернетесь...» Но нам не до пессимистических высказываний Василия Никифоровича. Впереди забрезжила искомая заманчивая цель.

Едем по высохшему руслу реки, дно удивительно ровное, щебенка и песок. Но скорость движения маленькая. Реку то и дело перегораживают упавшие деревья. В некоторых случаях вездеход без труда их переезжает, чаще приходится пускать в ход бензопилу. Попадается много здоровенных камней и обломков скал. Иные удастся объехать, другие оттаскиваем в сторону с помощью встроенной на джипе лебедки.

Останавливаемся пообедать в три часа дня. На спидометре 26 километров. За четыре часа. Очень даже неплохо. Двое суток, и мы будем на месте. Договорились, каждый дежурит по одному дню, поочередно. В обязанности дежурного входит выбор места привала, раздача съестных припасов, разведение костра и прочие путевые мелочи. Первым дежурить выпало Старiku. Он уверенно тыкает рукой в сторону большого плоского валуна у берега и тащит туда сумку с едой и питьем.

В мои функции сегодня входит охрана рубежей привала. Эти обязанности исполняют поочередно, кроме меня, Сухарь и Старик.

От этого избавлен Леонид, не потому, что он не умеет стрелять, стрелять умеют все, а потому что его основная функция постоянная — водитель. А водить в наших условиях весьма непросто. Я вскидываю «Тайгу» на плечо и, не спеша, продвигаюсь вперед по руслу реки. Все мы в спецкомбинезонах и накомарниках, что не здорово, конечно, но без этого просто съедят. Комары и гнус висят над каждым плотной тучей. Гнус — это такая маленькая мошка, которой, слава богу, нет в Беларуси, пробирается через любую защиту. Во время еды остается открытым только рот, а все лицо обильно сбрызгивается специальным репелентом, запах которого недолго-временно отпугивает этих тварей. Хуже всего во время отправления естественных надобностей.

Вдруг сзади протяжный жалобный вопль, машинально сдергиваю карабин с плеча и оборачиваюсь. Кричит Старик, закрыв лицо руками. Что-то случилось. Сухарь бежит к джипу. Леонид, наоборот, бежит от джипа по направлению к Старiku. Слегка пригнувшись, передергиваю затвор, загоняя патрон в патронник. Озираюсь по сторонам: никакой визуальной опасности.

Леонид орет Старiku:

— Убери руки от лица, не три!

В это время от джипа возвращается Сухарь с пластмассовой канистрой в руках и плещет прямо из канистры в лицо Старiku. Укусил кто-то ядовитый, мелькает мысль. Подбегаю к ним. Сухарь губкой трет лицо Старiku, а Леонид льет ему на руки из канистры. Старик открывает выпученные глаза, из них льются самые натуральные крупные слезы, нос распух, горло, наверное, сдавило спазмами, силится что-то сказать и не может.

Леонид и Сухарь неожиданно грохаются задами на речной щебень и начинают хохотать. Подключаюсь к ним и я, скорее, на нервной почве. Старик тычет рукой куда-то себе под ноги и возмущенно тарашит глаза. Новый взрыв хохота. У ног Старика обычный антикомариный баллончик.

Ага. И он так думал, прыснув себе в лицо. А баллончик-то оказался антимедвежий. Прихватил два таких баллончика из Москвы Сухарь, выманив у знакомых охотников. Баллончики заряжаются жуткой перцовой смесью и слезоточивым газом. Производят их американцы. А используются они для того, чтобы служители отгоняли от себя медведей в Йеллоустонском заповеднике. дабы и себя сохранить, и зверю вреда не причинить. Вверху баллончика эмблема фирмы-производителя, что-то черное, вроде силуэта ко-

мара или паука, на красно-желтом фоне. А читать-то по-английски недосуг...

К счастью, по отношению к животным — американцы великие гуманисты (чего не скажешь об их отношении к людям), поэтому часа через три Старик уже в норме. В течение этого времени, изрядно напуганные его обликом, мы всячески старались устранить последствия воздействия «антимедвежина», в основном, путем промывания и полоскания. В захваченном с собой Справочнике по оказанию скорой и неотложной помощи под редакцией академика Е. И. Чазова по этой части ничего не было. Естественно, не могло быть рецептов противоядий от этой смеси и в Справочнике путешественника и краеведа под редакцией академика С. В. Обручева. Кстати, обе эти книги должны быть в рюкзаке каждого кладоискателя, особенно таежного.

Эта неожиданная задержка спасла нам жизнь. Но все по порядку.

После обеда замечаю у левого берега странный, будто оплавленный булыжник, похожий на громадное яйцо. Тяжеленный, еле поднял. Сбоку на сколе булыжник искрится фиолетовым цветом. Заинтересованный, я достаю металлоискатель, включаю. Прибор гудит густым басом. Леонид и Сухарь подходят, наблюдают за моими манипуляциями. Старик пока лежит в джипе с влажной повязкой на глазах.

Включаю дискриминатор, прибор слегка фонит. Все ясно, похоже, я нашел железный метеорит. Это редкость, и любители платят за них немалые деньги. Хожу, прозваниваю русло, ищу осколок небесного гостя. В одном месте прибор звенит. Копаю песок с камнями и на глубине около тридцати сантиметров обнаруживаю сплюснутый кусок металла неправильной формы. Изучаем вдвоем и приходим к выводу, что это сплюснутая солдатская фляжка. Каким ветром ее занесло в эти безлюдные места? Больше ничего не попадается. Москвичей это, однако, впечатляет, и они смотрят на прибор с уважением.

Тащим небесного странника в джип. Первая добыча. Вечером рассказываю все, что знаю о метеоритах. О Сихотэ-Алинском гиганте, весившем около семидесяти тонн, взорвавшемся над землей и оставившем более ста кратеров и множество обломков. О тунгусской загадке, при взрыве которой в 1908 году на площади в две тысячи километров был радиально повален таежный лес. До сих пор не утихают споры, что же это было — комета, метеорит, внеземной космический корабль или нечто иное. Ни одного осколка Тунгусского метеорита обнаружено не было.

— Слушай, — говорит Леонид, — а может, это он и есть?

Сомнительно. До бассейна Подкаменной Тунгуски, где рвануло загадочное нечто, отсюда на северо-запад около тысячи километров. Хотя, чего не бывает, может, он вошел в атмосферу кусками? Строим всякие версии.

— Продай, — неожиданно обращается ко мне Леонид, — заплачу, сколько скажешь.

— Да ну, о чем речь, нужен, забирай так, какие деньги, мы одна команда, все общее, — бормочу я что-то подобное, хотя метеорит мне жалко. Но не отказывать же организатору нашей экспедиции и, тем более, брать за случайную находку деньги.

Ночь прошла нормально. Ночевали прямо в джипе. Дежурили по очереди. Утро. Завтрак. Вперед.

Русло реки, раздавшееся в ширину метров под сорок, резко сужается до пяти-шести метров. Мы въехали в узкое ущелье, и высохшее русло повторяет его изгибы и неровности. По бокам скалистые обрывистые берега. Упавших деревьев почти нет, зато на дне полно крупных острых обломков, поэтому едем очень медленно. Проходит часа два, мы одолели лишь около двенадцати километров.

Небо неожиданно темнеет, надвинулись сплошные тучи, хлынул сильный ливень. Что, как потом выяснилось, весьма редкий случай для этих мест в это время года. Но дождь джипу нипочем. Быстро и равномерно машут дворники лобового стекла. Из-за плохой видимости еле тащимся, джип встряхивает на крупных камнях.

Едем долго, пора уже останавливаться на обед. Шутим насчет злого духа, обрисованного Василием Никифоровичем, который не дает нам пути к своим сокровищам и, для начала, напустил на путешественников дождь. Лучше бы мы не шутили... Дождь еще более усиливается, пару раз в той стороне, откуда мы едем, сверкают молнии, грохочут отдаленные раскаты.

Решаем остановиться и перекусить прямо в машине, глядишь дождь и поутихнет за это время. Сухарь берет несколько огурцов, приоткрывает боковое стекло, чтобы обмыть их под дождем.

И вдруг орет:

— Вода-а-а! — И показывает рукой вниз.

Что, вода? Я распахиваю заднюю дверь. Под джипом уже почти у самого дна несется бурлящая вода, заполнившая все русло. Многочисленные речушки и ручейки, впадающие в Люю и, в свою очередь пересохшие, дождевыми потоками наполнили и продолжают наполнять высохшее русло. А берега здесь скалистые и крутые,

зацепиться не за что. Не то, что джипу, самим не выбраться, мы ведь не альпинисты.

Решение надо принимать мгновенно. Сзади следует сильный удар, джип вздрагивает. Это обломок ствола, сколько еще их несется за нами вдогонку? И Леонид, на правах руководителя экспедиции, его принимает. Он машет рукой вперед. Мы согласно качаем головами. Вперед! Назад явно нельзя, там такие же теснины. Да и против течения не очень-то потянет даже наш могучий и тяжелый армеец. Перевернет, в конце концов, как щепку и понесет потоком по камням да скалам. И нас вместе с ним.

Леонид включает все фары, газует, и мы с приличной скоростью несемся дальше. Главное, не врезаться в берег. Течение пока только помогает, джип сильно трясет на больших обломках. Только бы не перевернуться. Минут пятнадцать-двадцать этой гонки кажутся нам вечностью. Вода уже касается дна машины и начинает протекать внутрь.

Наконец, скалы расступаются. Впереди распадок. Глазам открывается довольно плоская обширная ложбина. Русло реки вновь немного расширяется, правый ее берег довольно крут и покрыт густым лесом. Левый берег более пологий, и деревья редки, надо попытаться на него взобраться. Вот наиболее пологое место. Леонид тормозит и слегка сдает назад. Автомобиль сильно раскачивается под напором мощного водяного потока. Вода уже плещется внутри.

Леонид врубает оба моста, давит на газ и джип пытается вскарабкаться на берег. Не получается. Колеса напрасно перемалывают мокрый песок с камнями, — джип, зарываясь в дно, оседает еще ниже. Задняя часть кузова уже наполовину в воде.

— Черт с ним, — кричит Сухарь, — уходим сами!

— Лебедка! — орет Леонид.

Правильно! Есть же лебедка. С трудом открываем двери, вываливаемся наружу, держась за джип, чтобы не унесло. Старик хватается конец троса. Помогая друг другу, карабкаемся наверх. Дождь продолжает хлестать. Обматываем трос вокруг ствола могучего кедра. Смотрим вниз, машем руками, кричим. Зад джипа почти полностью скрыт водой. Леонид в воде по грудь. Удивительно, но двигатель продолжает работать. Зажужжала лебедка, трос натянулся, и джип пополз наверх, помогая себе колесами. Внизу бурлил поток, мелькали стволы деревьев...

Дождь прекратился лишь под утро. Вода спала через два дня. Хлеб, соль, сахар размякли, перемешались с крупами и макаронами, и все это стало несъедобным. Из продуктов у нас остался растворен-

мый кофе и четыре десятка консервных банок с тушенкой и рыбой. Бензин и питьевая вода целы.

Спускаемся вниз, воды возле берега ниже колена. Бредем вниз по течению. Ого! Впереди речной пережат. Он полностью перекрыт запрудой из стволов деревьев метра под два в высоту. Протяженность запруды метров двенадцать-пятнадцать. Некоторые стволы цеплялись за торчащие из воды валуны, за них другие деревья и так далее — вот причина образования завала.

Короткое совещание отразило наше единодушие. До прииска еще почти сто тридцать километров. Скалистые горы, виднеющиеся вниз по течению, гораздо выше пройденных нами, значит, русло еще более сузится. А, если вновь дождь. Запруды мешает продвижению вперед. Продуктов осталось мало. Значит, назад.

Позже, оглядываясь в прошлое, понимаю — это Люя тогда сломила нашу волю. Двигаться вперед было можно. И в запруде, с помощью бензопилы и лебедки, можно было проделать проход. И продуктов хватило бы.

И еще пришло понимание, что никогда не следует подшучивать над легендами, преданиями, верованиями, какими бы мифическими они ни казались. Не верить — можно, шутить — нельзя.

Возвратились мы в Новый Уоян благополучно. И вообще экспедиция закончилась нормально. Сработал, как всегда, запасной вариант. На заброшенном Анненском прииске мы, без особых трудов, накопили самородков и даже золотого песка. Прииск находился на пересечении двух небольших ручьев, в свою очередь, впадающих сразу же в речушку.

Будучи новичками в этом деле, мы действовали довольно примитивно. На территории прииска полно техногенных россыпей. То есть уже, как бы, разработанных. Россыпи состоят из речного песка с небольшими камушками. Один цепляет из россыпи большой пластмассовой лопатой породу, другой подносит к ней металлодетектор. Если прибор не реагирует, порода складывается в сторону, в кучу. При звонке порода высыпается на наклонный деревянный лоток и промывается водой, которая, стекая, уносит легкие частички. На лотке остаются обычные камни, которые на всякий случай поодиночке прозваниваются. А также самородки и крупные золотые песчинки. Самородки представляют собой небольшие неровные, иногда овальные, крупинки. Одни из них величиной со спичечную головку, таких большинство. Другие, как булавочные головки, таких меньше. И уж совсем редки (мы нашли около полутора десятков),

как крупные кедровые орешки. Чемпиона, величиной с ядро лесного ореха, нашли Старик с Леонидом. Первую же «спичечную головку» мы взвесили на электронных аптекарских весах — она потянула на 0,46 грамма.

Первые два дня в нашей бригаде царил невероятный азарт — вспомните Джека Лондона. Мы готовы были работать даже ночью, при свете фар джипа. Потом задор спал. Да и золото не смотрелось, как золото. Никакого блеска. Тусклое, коричневатого-желтого цвета. Самородки потемнее, песок посветлее. Работа все-таки нудная и тяжелая. Трудно сказать, сколько тонн породы мы перелопатили.

Пробовали искать и в ручьях, но безуспешно. Никакого опыта по этой части у нас не было. Находили, конечно, золотые песчинки, но они не стоили того времени и тех трудов.

У нас была с собой какая-то дилетантская книжонка по поиску золотоносных россыпей. Но самое большее, что мы из нее почерпнули — были люди поудачливее нас в этом деле. К примеру, в Австралии на руднике «Звезда надежды» в 1872 году была найдена так называемая «Плита Холтерманна» — сланцевый золотой самородок весом в двести тридцать пять килограммов, почти четверть тонны. Чистого золота из него получили около восьмидесяти шести килограммов.

Металлодетекторы все же помогли нам отыскать пару неплохих тайников с золотом. В одном из них лежали два маузера в деревянных кобурах, но без патронов и пачка царских ассигнаций. Мы нашли также медное коромысло от весов и несколько гирек.

Золото сдали в Иркутске. Деньги получили потом в Москве. Хватило и оплатить все экспедиционные расходы, и некоторую прибыль получили.

Иркутск понравился. Город пригож спокойной и величественной сибирской красотой. В 1661 году русские первопроходцы при впадении реки Иркут в реку Ангара построили острог. Нет, не тюрьму. Острогом тогда называлось укрепление, обычно деревянное, служившее опорным пунктом на важном стратегическом направлении. Тюрьма стала именоваться острогом позже — в XVIII веке. Ангара, кстати, единственная река, вытекающая из озера Байкал, при трехсот тридцати шести втекающих в российскую водную жемчужину.

Побывали в мемориальном комплексе «Декабристы в Иркутске». Послушали небылицы про отважных страдальцев. При всей куцести сведений, полученных в школьные времена, я и раньше относился к декабристам настороженно. Как-то плохо вписывались они со

своим гвардейским сиянием в чаяния трудового народа. Позже много литературы появилось на эту тему, в том числе и развенчавшей события 14 декабря 1825 года.

Великолепное исследование, не побоюсь этого слова, хотя это не чисто документальная вещь, на эту тему принадлежит перу Александра Бушкова. Рекомендую, кто не читал — *«Россия, которой не было — Блеск и кровь гвардейского столетия»*. Хороших разящих цитат можно привести из нее много, но вот лишь одна.

«... Ни один барин не пострадал. Никто из благородных не получил ни царапины. На Сенатской остались лежать мертвыми более тысячи обманом выведенных солдат и зевак из простонародья — такой печальный и закономерный итог. Гвардейское столетие закончилось совершенно бесславно для гвардии...»

Возможно, А. Бушков что-то и преувеличивает в отрицании декабристов, но в сути декабристского восстания и его побудительных мотивах он прав на все сто.

Я не обладаю столь обширной информацией, как автор приведенной цитаты. Но мое мнение созвучно — большей частью это — «позеры», уже утратившие остатки боевых качеств и решительность прежних гвардейцев, лихо свершавших государственные перевороты. А идеологические легенды во все времена были нужны России.

В Иркутске наслушались преданий и мифов про места, где лежит золото Колчака и сокровища барона Унгерна. Ну, про Колчака и его казну слышали все. Упоминания о Романе Федоровиче Унгерне фон Штернберге, генерал-лейтенанте русских войск, более редки. Будучи с 1917 года командующим Конно-азиатской дивизией в войсках атамана Семенова, он в 1921 году становится фактическим диктатором Монголии. Конец его был печален. Барон был расстрелян по приговору Сибирского ревтрибунала за контрреволюционное вторжение на территорию Дальневосточной республики. Судя по источникам, золото и другие ценности барона Унгерна реальны и до сих пор не найдены.

Далее, якобы в Прибайкалье, на юге Читинской области находится могила Чингисхана. И, наконец, недалеко от Улан-Удэ, столицы Бурятии, в 1942 году работники НКВД, опасаясь вторжения японской Квантунской армии в Сибирь, закопали возле заброшенного ламаистского монастыря 182 ящика с различными ценностями. В том числе и одну из святынь буддизма — двухметровую позолоченную статую богини Зандан-Жуу. В остальных ящиках находились православные и буддийские реликвии, золото, серебро и старинные иконы. Знакомые Леонида, которым мы сдали приисковое золото,

даже предлагали совместную экспедицию в «заветные» места, якобы известные только им.

Но... хватит с нас таежных приключений.

Побывали и на озере Байкал. Впечатляет. Одна пятая всех мировых запасов пресной воды. Самое глубокое озеро в мире. Прямо из Иркутска на теплоходе сходили на самый большой байкальский остров Ольхон. Штормило слегка, но волны, как на море. На Ольхоне Леонид прикупил бивень мамонта, так уверял продавец, во всяком случае. И все мы купили с собой вкуснейшего копченого омуля. На высоченной горе Ишимей, под водочку со знаменитым байкальским омулем, каждый накрыл своей ладонью руку другого. Поклялись: Люя — мы к тебе еще вернемся.

Глава шестая

Загадки монастырских сокровищ

...Процессия подошла к белевшему свежестругаными досками помосту, под которым угадывался крупный коричневый хворост.

Босой человек в колпаке из желтой ткани, на котором были изображены черти и языки пламени, медленно взошел на помост. Не таким представлял свое ближайшее будущее Великий магистр Ордена тамплиеров Жак де Молэ....

За помостом рассветным туманом курилась Сена. Утро было тихое и серое. Легкий ветерок перебирал плюмаж рослого офицера, возглавлявшего конную стражу. Узкая парижская улочка была пуста. Из окон домов, распахнутых, несмотря на утреннюю прохладу, настежь, торчали многочисленные головы.

Сам король Франции Филипп Красивый находился на богато украшенном черно-красными гобеленами с вышитыми золотыми лилиями подиуме, пристроенном к стене серовато-желтоватого дома, примерно в ста футах от помоста. Наряд королевы, находившейся слева, был скромн, плечи прикрывала накидка из тяжелой желто-бежевой ткани. Рядом бледнел испуганным лицом дофин. Среди чуть поодаль теснившихся на подиуме придворных дородностью и богатством одежды выделялся герцог Валькроэ.

Магистр поднял голову и встретился глазами с легистом Гийомом де Ногаре. Взгляд легиста был торжествующе-презрителен. Глава ордена вспомнил, каким жалким и испуганным де Ногаре выглядел

при его аресте. Тогда он посягал на, казалось бы, незыблемую твердыню. Приказ короля застиг его врасплох, и легист, окруженный многочисленной охраной, мямлил что-то невнятное и держался поодаль... Ровно через год, после торжественной встречи, король с благословения Климента V бросил его в темницу.. Вспомнился Авиньон. Он себя не винил ни в чем, ни тогда, ни сейчас... Они все равно ничего не узнают. Патриция мертва...

Король взмахнул перчаткой. Толпа взревела. На помост взобрался сенешаль с эдиктом в правой руке. Левой рукой он вытирал с лица обильный пот.

Замок в Арле. Лихорадочный шепот Патриции. Тяжелый мрак подземелья. Чадит толстая жирная свеча... Оскаленное лицо Лонгина Артуа. Кровь. Кровь. Кровь... Бонифаций VIII никогда не допустил бы его ареста...

— Дух и разум страдают, видя людей, столь отделившихся от природы, — ворвался в уши Великого магистра тамплиеров голос сенешаля. Толпа молчала. Король подпер рукой подбородок. Валькроэ сморкался в большой голубой платок. Гийом де Ногаре застыл со вздернутой головой. С Сены тянуло прохладой и сыростью.

... Сырость. Запах сырости и тлена. Закопченный свод подземелья. И снова кровь. Ради чего?.. «Не является грехом преступление...»

... — через сожжение. Король милостив! Король Франции Филипп IV, — закончил сенешаль.

Король потер подбородок. На помосте, босой, в шутовском колпаке, стоял последний из тех, с кем можно было считаться и приходилось считаться. Влияние и богатство Великого магистра Ордена тамплиеров едва ли не были равны королевским.

И вот сейчас он уйдет в небытие. И власть короля Франции стала поистине безграничной и несравнимой. Ощущал ли Филипп Красивый торжество? Вначале, после ареста главы ордена, — да.

Сейчас, после того, как главный королевский судья зачитывал в толпу с помоста волю короля, — нет. Главное не достигнуто — несметные богатства тамплиеров исчезли.

Высшие чины ордена умерли на допросах и пытках, унося с собой тайну сокровищ. Молчал и сам Жак де Молэ. Следовало спешить, поскольку Анри Дюбур вчера докладывал о тайных переговорах папы Климента V с монашеским орденом доминиканцев. И золото Великого магистра могло сказать свое слово.

Да, главный тамплиер обязан сегодня умереть. И унести с собой свою тайну? Является ли он сейчас единственным хранителем этой тайны? Спрятанные им сокровища весят многие сотни фунтов... Значит... Те, кто перевозил и прятал, умерщвлены ради сохранения тайны. Тамплиеры следов не оставляют. Но все ли мертвы? Помните, с ним были и особо приближенные лица. Молодая красивая монахиня, возможно, любовница. И отчаянный дворянин, участник взятия Иерусалима, преданный магистру до последнего мизинца. Жак де Молэ обязан сегодня умереть?..

... — ... никакое преступление, совершенное на пользу ордена». Во имя Господа Бога.... Патриция мертва. Де Казуар исчез. Климент V обманул. Король победил. Жак де Молэ взглянул в сторону королевской ложи.

На помост вступил высокий монах в широкой белой сутане. Началась молитва. Толпа внимала.

В доме напротив королевского подиума, на втором этаже у распахнутого окна, сидя на корточках, натирал канифолью тетиву арбалета человек с непокрытой головой, в простом кожаном панцире. Канифоль противно скрипела, от чего морщился второй обитатель комнаты — монах в черной одежде доминиканца. Капюшон почти полностью скрывал его лицо. Брат Ливьер, а это был он, морщился от неприятного скрипа и пребывал в тягостном раздумье.

«Домини канем» — псы Господа. Так называли себя члены ордена доминиканцев. Они, подобно собакам, выслеживали ересь и разрывали еретиков на куски. Орден доминиканцев поставлял всей Европе церковных судей — инквизиторов. Инквизиторы проводили расследования в тайне. Свидетелями обвинения здесь могли быть мошенники, убийцы и даже клятвопреступники. Процессы

длились, нередко, годами. А в способах мучительства и изуверства доминиканцы были неистощимо изобретательны. До середины XII века они подчинялись только папам, но позднее во Франции инквизиция попала в зависимость и от власти короля.

... — ... и Господь решил положить конец всем прегрешениям. И сказал он ученикам своим: — идите... — тянул монах на помосте, надвинув капюшон на лицо и молитвенно скрестив руки. Кони стражников нетерпеливо переступали копытами. Королева склонилась к уху дофина и что-то неласково ему выговаривала.

Жак де Молэ, горько усмехаясь, смотрел в сторону своего главного должника. Мало было европейских монархов и властителей, которые не были бы должны Ордену тамплиеров. Долг французского короля Филиппа Красивого составлял астрономическую сумму. Филипп IV имел большой опыт «оплаты» долгов. В начале своего правления он задолжал ломбардским ростовщикам. Когда они потребовали возврата денег, французский король схватил своих кредиторов и сгноил их в тюрьме. Позже он взял в долг деньги у еврейских банкиров. Пришел срок платежа, и король издал эдикт об изгнании евреев из Франции и конфискации их имущества. Филипп Красивый хотел проделать такую же операцию и с тамплиерами. Однако они обладали не только значительными силами и средствами, но и пользовались покровительством римского папы. Бонифаций VIII никогда бы не допустил ареста Великого магистра тамплиеров, и, к тому же, он был злейшим врагом Филиппа Красивого.

Монах на помосте закончил молитву и обратился к магистру с предложением исповедаться и покаяться в своих грехах перед ликом смерти. В толпе оживленно загудели. Король напрягся, пытаясь расслышать ответные слова. Пальцы короля, вцепившиеся в ограждение подиума, побелели от напряжения...

Вражда французского короля и Бонифация VIII закончилась тем, что сторонники короля ворвались в покои папы, разогнали кардиналов и папских прислужников и разграбили все ценности. А в завершение один из королевских экспроприаторов железной рыцарской перчаткой отпустил папе такую оплеуху, что старик, не выдержав, умер. Много ли ему надо было. Впрочем, официальная королевская версия была иной.

Как известно, римского папу избирает конклав. Через десять дней после его смерти в алых мантиях и широкополых шелковых шляпах собираются высшие сановники церкви — кардиналы. При тусклом свете восковых свечей они произносят слова молитвы в соборе Святого Петра. Затем следует клятва об избрании самого мудрого, святейшего и достойного из своей среды. Вновь избранного римского папу ждет многоярусная золотая тиара — традиционный символ папского сана.

Низко опущенный белый капюшон прятал лицо исповедника. Жак де Молэ слышал его хрипловатый, но звучный голос с фламандским выговором: «Я знаю, ты хочешь спасти свою душу. Скажи, где сокровища, и твои грехи будут отпущены».

Магистр молчал, опустив голову в колпаке. Король подался вперед. По команде инквизитора старшина угольщиков полез под помост, чтобы разжечь огонь.

Арбалетчик в кожаном панцире посплюнул палец и высунул его в окно — ветра почти не было.

Король взмахнул рукой...

Он был мрачен. Борьба заканчивалась победой, но денег на содержание двора и ведение войн не осталось. А сколько коварства и изворотливости было проявлено...

На кардинальском конклаве в 1305 году произошло доселе неслыханное. Король Франции подкупил всех кардиналов. Торг затянулся почти на год, кардиналы постарались набить себе цену. Одиннадцать месяцев христианская церковь была лишена своего высшего духовника. Но Филипп дождался своего — папой был избран его ставленник, нареченный Климентом V.

Монах на помосте повторил: «Покайся и открой тайны свои». Тамплиер с нескрываемым презрением посмотрел в сторону короля и отрицательно покачал головой. Снизу, сквозь щель в помосте, потянулась струйка дыма.

— Поторопись! — монах приоткрыл край капюшона, — пробил твой смертный час, — и, совсем тихо, — доверься мне, ты ведь видишь знак...

Жак де Молэ побледнел — на отвороте капюшона была прикреплена небольшая гемма. Затейливая меандровая вязь обрамляла Мальтийский крест.... Знак!!! Не может быть! Патриция мертва. Де Казуар? Де Казуар послушался, предал?

Де Казуар стоял в глубокой нише, служившей входом через лестницу на второй этаж. Ему плохо было слышно, что читал сенешаль — до помоста было триста футов. И временами плохо было видно из-за застилавших глаза слез. Происходящее казалось ему сном. Несокрушимый, человек отчаянной храбрости, не раз смотревший смерти в глаза, он плакал. Рука сжимала меч. Бесполезный сейчас меч.

— Но я исполнил твою волю. Твоя воля — воля Господа нашего. А с Патрицией не исполнил, прости... Патриция жива... — мысли ворочались беспорядочно и тяжело.

Скрипнули ступеньки лестницы, и рука де Казуара заученно рванула меч. Сверху спускался монах в черной сутане, руки его прятались в широких рукавах, капюшон был отброшен за спину. Левую щеку и бровь пересекал рваный шрам, отчего глаз казался немигающим и страшным. Не доходя до де Казуара двух шагов, он высвободил правую руку из рукава и разжал ладонь. Де Казуар опустил меч. На ладони лежал золотой перстень с тускло мерцающим крупным смарагдом густого зеленого цвета.

— Дело сделано, брат, — монах протянул ладонь.

Де Казуар взял перстень со смешанным чувством облегчения и озабоченности. Достал из-под плаща увесистый мешочек:

— Здесь пятьсот сорок дукатов. Это все, что у меня есть.

Монах помедлил, левый его глаз смотрел страшно и немигающе. Сверху донесся скрип. Де Казуар напрягся, — обе руки были заняты.

— Этого хватит, брат, — и деньги исчезли в широком рукаве сутаны, втянувшись туда вместе с рукой. Монах повернулся, снова заскрипели ступени под его ногами.

Де Казуар обернулся и посмотрел на площадь. На помосте, наклонившись головой к Великому магистру, стоял высокий монах в широкой белой сутане.

Жак де Молэ молчал. Мысли путались, голова стала тяжелой и непослушной. Наконец, он безнадежно вздохнул:

— Я готов исповедаться святой отец...

Дым стал гуще. Толпа молчала. Над Сеной струился сизоватый туман. Две головы, белый капюшон и желтый колпак склонились одна к другой. Прошло еще несколько томительных мгновений...

Помост окутался дымом, сквозь него пробивались языки пламени. Наконец, монах сделал шаг в сторону, готовясь прыгнуть с помоста. При этом он выпрямился и торжествующе посмотрел в сторону королевской ложи.

В воздухе тонко просвистела арбалетная стрела, и монах схватился за горло, что-то хрипя. Сквозь скрюченные пальцы, охватившие стрелу, на белые одежды хлынула кровь, и разом обмякшее тело рухнуло с помоста под копыта лошадей окружавшей место казни стражи. На мгновение стало очень тихо...

Примерно так, на основе отрывочных исторических сведений, я представляю себе последние минуты жизни главы могущественнейшего монашеского ордена. И может, такими были последние попытки выведать тайну сокрытых сокровищ тамплиеров.

Сомневающимся в наличии огромнейших ценностей ордена в золотых монетах, вещах и драгоценностях нет. Во Франции их искали на протяжении многих столетий, ищут и сейчас.

Как возникли эти накопления? Как образовался сам орден? Кто такие тамплиеры?

Почти десять миллионов жизней христиан и мусульман унесли крестовые походы европейского рыцарства в 1096—1270 годах. Феодалы Западной Европы при поддержке католической церкви расширяли свои владения и сферу влияния под лозунгом «освобождения гроба Господня» и «святой земли» (Палестины), для чего с нее нужно было изгнать «неверных» (мусульман). Первый же поход (1096—1099) завершился захватом у сельджуков Иерусалима и образованием Иерусалимского королевства.

В Палестину на поклон к памятным евангельским местам потянулись многочисленные толпы паломников. Они подвергались непрерывным грабежам и убийствам со стороны кочевников и просто организованных для этой цели банд единоверцев. Для их защиты в 1118 году в Иерусалиме был создан католический духовно-рыцарский орден, за службу в котором обедневшим рыцарям было обещано полное отпущение грехов.

Орден получил во владение замок вблизи руин храма, возведенного когда-то легендарным царем Соломоном. Храм, по-французски «temple» (тампль), и дал название ордену. Тамплиеры, подобно монахам, величали друг друга «братьями» и давали монашеский обет безбрачия, бедности, нестяжательства. Членами ордена могли быть только дворяне. И первые члены ордена исправно несли службу и исполняли данный обет.

Но через несколько десятков лет, переняв соответствующий опыт, защитники паломников сами занялись разбоем. Вначале они грабили арабские купеческие караваны, а затем переключились и на людей,двигающихся на поклон к святым местам.

Орден стремительно разрастался и богател и, в конце концов, обосновался, в основном, во Франции. Служители ордена занимались торговлей и ростовщичеством. Для укрепления благосостояния и могущества в ход шли любые средства: похищения и убийства, насилие и шантаж, подкуп и лжесвидетельство. Орден финансировал все крестовые походы (всего их было восемь), получая от этого неслыханные прибыли, а также привилегии от светской и духовной власти. Хотя сами походы были, большей частью, неудачными. Иерусалим был отвоеван в 1187 году Салах-ад-дином.

А последний закатный час ордена я попытался представить вам языком художественного произведения. Вопрос с его сокровищами, повторяю, открыт.

Монастыри различных религиозных направлений во множестве в те времена существовали как в странах Западной, так и Восточной Европы. К примеру, на территории Беларуси за все время существовало около 230 католических, православных и униатских монастырей, хотя доктор архитектуры из России И. Н. Слюнькова дает цифру 500 (ЛГ. 2002. № 47.). Были также еще монастыри францисканцев, иезуитов и доминиканцев. Сколько их было на Руси и в Российской империи, данных не имею. Но, судя по тому, что сегодня в России насчитывается 545 действующих монастырей (Справочник РПЦ 2000//2004), а в Беларуси — 14, предположить их приблизительное число можно.

В силу различных причин, в том числе и собственной хозяйственной деятельности, в прошлом они получали неплохие доходы.

По означенным причинам во все времена обитатели монахов подвергались нападениям и грабежам с тем же азартом, что и замки. И по тем же причинам обитатели монастырей вынуждены были загодя готовить различные тайники и убежища для сохранения своих богатств и жизней.

Самой яркой и богатой находкой порадовала в позапрошлом веке Киево-Печерская Лавра. В 1898 году при ремонтных работах в Успенском соборе лавры рабочие наткнулись на нишу. Содержимое потайной ниши было ошеломляющим. Здесь были спрятаны 4 оловянных сосуда и деревянная двухведерная кадушка, наполненные золотыми и серебряными монетами, медалями, жетонами и меда-

льонами. 6184 золотых изделия, в основном монеты, весили свыше 27 килограммов. Серебро, количеством почти 10 тысяч предметов (подавляющее большинство — монеты), потянуло аж под 300 килограммов. Предполагается, что это монастырская казна, укрытая от разграбления в ходе Северной войны, начавшейся в 1721 году и длившейся двадцать один год.

Выскажу свое личное мнение, исходя из собственных исследований, что сегодня на территории Беларуси остатки монастырей хранят большое количество нетронутых монетных и разнообразных вещевых кладов. В те времена каждый монастырь обладал каким-либо собственным производством, а то и несколькими. Монахи создавали золотошвейные и иконописные, скульптурные и керамические мастерские, имели свои кузницы, переписывали и переплетали старинные книги и так далее.

И опять же, на основании собственного небольшого опыта, полагаю поиск этих кладов наиболее трудоемким процессом, требующим хорошей технической оснащенности.

От большинства белорусских монастырей не осталось даже и развалин. Но встречаются и такие заброшенные монастырские комплексы, от величественного вида которых захватывает дух.

На одном из таких заброшенных, без преувеличения, памятников архитектуры мы со Стариком побывали в апреле 199... года, и не просто побывали.

Если вам доведется когда-нибудь ехать из старинного белорусского города Мстиславля мимо деревни Пустынки в сторону границы со Смоленской областью, вы не сможете не заметить вдалеке справа высоченной пятиярусной со снесенной верхушкой колокольни-звонницы. Она сложена из темно-красного кирпича и особенно эффектно смотрится в закатных лучах солнца. Присмотревшись, вы заметите рядом еще несколько строений старинной архитектуры. Это Пустынский Успенский монастырь, чья судьба, на удивление, не беспокоит ни светские, ни церковные власти. Возможно, он вообще состоит на балансе соседнего Монастырщинского района Смоленской области, до границы с которым всего лишь метров четырехста. Больше ничем нельзя объяснить абсолютное безразличие церкви к этому великолепному заброшенному монастырскому комплексу.

Утро солнечного апрельского дня. Черный японский джип, имея на борту нас со Стариком, не спеша, подъезжает к означенному монастырю. Слева монастырский комплекс огорожен кирпичным

забором, внизу остатки крепостного рва. Справа протекает речушка, опоясывающая очень крутой склон холма, на котором стоит монастырь. Проезжаем по мосту, и вот мы на территории древней монашеской обители. Слева, справа, прямо различные сооружения, всего их одиннадцать. Помимо звонницы в комплекс входят две церкви, одна из них величественный Успенский собор, часовня, типография, школа, что-то типа монастырского общежития. Назначение остальных нам, впервые столкнувшимся с сакральностью, пока непонятно.

Все здания зияют провалами оконных проемов, крыши разрушены и практически представляют собой пустые коробки стен с перегородками и мощными арками перекрытий. Помогая друг другу, по уступам и остаткам перекрытий внутри колокольни взбираемся на ее верх. На холме, да еще высота колокольни метров сорок, открывающийся вид изумительный, — прямо виден Мстиславль, сзади российская деревенька, по бокам видны белорусские селения. Все, начиная от шоссе, снимаем на видео, словами увиденное описать трудно.

Спускаемся, поэзия закончилась, дальше проза. На стене собора прикреплена жестяная табличка, из содержания которой, исполненной, кстати, от руки, следует, что монастырь был заложен Мстиславльским князем Семеном Лугвеном в 1380 году. Ого, шестьсот с лишним лет назад. Из истории известно, что Лугвен был сыном великого князя Великого княжества Литовского Ольгерда и внуком Гедимины. Участвовал в Грюнвальдской битве и даже, вроде, ходил на шведов. Впоследствии монастырскую твердыню неоднократно штурмовали, жгли и разрушали.

Конечно, в этот монастырь мы кинулись не вдруг. Если очень коротко, согласно преданию, князь Лугвен практически ослеп от какой-то болезни, и было ему видение, чтобы он шел в пустынь, нашел там криничку и омыл глаза. Что князь и сделал. Зрение тотчас к нему вернулось, он узрел икону Богородицы над источником и велел основать на этом месте монастырь. А над криницей поставил часовню, назвав ее Пустынки. Последующие случаи исцеления людей с помощью чудотворной иконы Пресвятой Богородицы и вод святого источника Пустынки привлекли сюда массу жаждущих, страждущих, больных и просто паломников из России и некоторых стран Европы. Кроме доходов от собственного производства и приходящего люда, в монастырь поступали щедрые пожертвования. Имелись сведения, что один из колодцев монастыря считался святым и многочислен-

ные паломники, покидая монастырь, бросали в него монеты. Оный колодец и стал первоначально объектом нашего внимания.

Не рискну утомлять читателя всеми нашими передвижениями и операциями на территории монастыря. С помощью чудесного японского прибора, позволяющего определять пустоты в различных средах, и длинного шупа мы установили пять основных мест, где мог быть колодец. В этих местах вырыли метровые шурфы и опущенным на их дно трехметровым буром взяли пробы земли. То есть с глубины четырех метров. Вы спросите, для чего? Для последующего анализа или экспертизы, назовите это, как хотите. И если проведенный анализ покажет в одной из проб повышенное содержание, не знаю чего там, не специалист, анионов или катионов меди, серебра, а то и золота, — это и есть интересующее нас место. И нужно проводить раскопки данной пустоты, предполагаемого искомого колодца.

Кстати, на такой же предмет мы взяли пробы воды и почвы также из существующего и поныне легендарного святого источника. Он находился внизу холма в руинах кирпичной часовни, к нему вела весьма протоптанная тропинка, свидетельствующая о продолжающемся людском интересе к чудотворной силе источника.

Но вернемся к поисковым работам местонахождения колодца. В ходе поисков прибор неожиданно зарегистрировал несколько не вертикальных, а продолговатых горизонтальных пустот, идущих в разных направлениях. Очень качественный прибор, скажу я вам. Японцы изобрели его для нахождения полых мест и пустот в развалинах после разрушительных землетрясений, в которых могли оставаться люди, для дальнейшего их извлечения из-под обломков и руин. А славяне приспособили его и для иных целей. Да единственный ли это пример нашей, местами изоощренной изобретательности?

Характер пустот мог означать лишь одно: здесь проходят какие-то подземные коммуникации. Дальнейшее их тестирование прибором и попытка обнаружить подземные полости методом шурфования и бурения показали следующее. Первое. Пустоты весьма объемны и длинны, хотя в некоторых местах прерываются. Второе. Они залегают на достаточно большой глубине, мы до них не достали. Значит?... Угадайте с одного раза. Правильно, и мы так сочли, — это могли быть только подземные ходы или подземные хранилища.

Другой вопрос, как в них проникнуть. Наши упорные попытки в этом направлении неожиданно дали совершенно иной результат. Мы попали в подземелья, находящиеся под Успенским собором.

Наткнувшись неожиданно на хитроумный вход в подвалы собора, мы принялись за его исследование.

Это было нелегко. Кромешная тьма подземелья не позволяла сделать визуальный анализ окружающего пространства. У нас были специальные фонари, знаете, такие многофункциональные, продаются сейчас свободно в автомагазинах. Это одновременно и обычный фонарь, и лампа дневного света, и мигалка, и сирена. Используя дневные фонари, мы бродили, пока бессистемно, по обширным подземным пространствам. Когда требовалось рассмотреть кусок стены, например, более пристально, один из нас включал лампу дневного света, а второй наводил на объект луч фонаря.

В целом, подземелье представляло собой довольно обширное пространство, наверняка выходя за пределы границ находящегося наверху собора. И состояло из примерно двух десятков помещений различной формы, соединявшихся между собой узкими короткими коридорами, иногда заканчивающихся тупиками. Потолки сводчатые. Высота их не превышала двух метров, в центре рукой запросто доставался потолок. Возле стен высота была меньше, иногда приходилось нагибаться, чтобы не удариться головой.

И стены, и пол, и потолок были сложены из темно-бурого, очень твердого, как мы позднее убедились, кирпича. На отдельных кирпичах мы заметили латинские буквы «NS». Возможно, это была, по нынешней терминологии, товарная марка мастера, изготовившего данный кирпич. Что-то вроде знака минцмейстера на монетах. Я зарисовал их в походную тетрадь. Некоторые тупиковые коридоры перекрывались кладкой из совершенно другого кирпича, похожего на современный.

Помещения были абсолютно пусты. В них не было ничего. Ни каких-то деревянных конструкций, ни ящиков, ни даже хлама. Так, кусочки кирпича, маленькие камушки, толстый налет пыли и все. Некоторые из них имели двери, точнее дверные проемы с косяками от дверей.

По всем признакам здесь давно не ступала нога человека. Вероятно, власти очистили подземелья и, на всякий случай, замуровали их. Об этом говорило и то, что, обшаривая подземелья, мы так и не обнаружили легальных входов и выходов.

В одном из крайних помещений, возле стены, мы обнаружили в полу округлое отверстие, около метра в диаметре, заложное металлическим кругом, похожим на вырезанное из бочки дно. Лаз в подземный ход? Посветили вниз фонарями. Далеко, метрах в ше-

сти от поверхности пола, блеснула вода. Бросили камешек. Точно вода. Да это же колодец! Все правильно, прячась от врагов, монахи должны были иметь хороший запас воды. Без пищи можно прожить до месяца, а без воды дней десять. Поражает только, сколько же трудов стоило соорудить колодец под землей.

В другой продолговатой комнате мы заметили на потолке толстую деревянную балку, на которой висел здоровенный проржавевший железный крюк и виднелись следы от нескольких других. Подвешивали людей за ребра и пытали? Нет, скорее, здесь висели окорока. У монахов должны были быть и запасы съестного.

Применив правило правой стены для лабиринтов, мы нарисовали приблизительную схему помещений. Вы не слышали про такое правило? Все очень просто: идешь, все время, придерживаясь правой стены, и повторяешь все ее изгибы и повороты, пока не вернешься на прежнее место. То же самое потом делаешь налево, но уже начиная с другого помещения. В результате уже можно составить представление о незнакомом сочленении помещений, переходов и коридоров и составить их простейший план.

Итак, схема готова, начинаем методические поиски с помощью металлодетектора. Начинаем прозванивать все стены, потолки и полы. Ничего металлического, только сам кирпич слегка фонит, видимо в глине была примесь какого-то металла. Звенят еще гвозди в деревянных дверных косяках. Включаем функцию дискриминации, теперь звон будут вызывать лишь цветные металлы. Так впустую проходит около часа, а может и больше. Наконец раздается характерный электронный звон, довольно мощный, свидетельствующий о нахождении в зоне катушки массивного металлического предмета. То же показывает табло прибора.

Сигнал исходит от верхней части дверного косяка внутри одного из помещений. Отдираем с помощью инструментов, с большим трудом, верхний наличник. Все удерживающие его толстые гвозди просто обламываются, настолько они спеклись с древесиной. Над косяком открывается небольшая прямоугольная плоская ниша. Надеваю на правую руку тонкую кожаную перчатку, мало ли что там может быть, случалось всякое при обшаривании тайников. Осторожно ощупываю: есть. Достаю деревянную коробку. Внимательно осматриваем. Что-то наподобие большого пенала.

Пытаюсь вытащить крышку из пазов, не получается. Ага, надо, видимо, нажать на углубление в крышке. Вытаскиваю крышку. Смотрим.

На свертке из темно-синей, почти фиолетового цвета плотной материи лежит слиток матово поблескивающего металла со скошенными углами. Похоже серебро очень высокой пробы. На слитке вычеканен красивый рельефный восьмиконечный крест. Внизу надписи на витиеватой латыни. Тяжелый. Беру его в руку и передаю коробку Старику, остальное вытащит он. Такое у нас неписаное правило, чтобы никому не обидно было.

В свертке оказываются завернутые, каждый в длинный лист толстой бумаги, три столбика серебряных монет. Все рубли.

На сегодня хватит. С трудом выбираемся тем же путем наружу, другого пути так и не нашли, наверное, заложен кирпичной кладкой.

На улице уже глубокая ночь. Как говорится, влюбленные часов не замечают. Едем в мстиславльскую гостиницу. Правда, сначала переодеваемся, наша спецодежда вся в грязи и пыли. Завтра продолжим.

Как обычно, позже мы пытались по содержимому найденногоклада реконструировать историю, связанную с ним. Такой серебряный слиток с крестом нигде в литературе не попадался. Надпись знакомый латинист перевел, как *«Не ищи покоя в мире, ищи покой в себе»*. Странное выражение, не правда ли, нигде ранее не встречал. Крест самый обыкновенный. Скорее всего, сей предмет был изготовлен не серийно, а по индивидуальному заказу.

Монеты, в количестве шестидесяти штук, оказались русскими серебряными рублями периода 1823—1836 годов. То есть клад был заложен в 1836 или в более поздние годы. В 1836 году в Российской империи не случилось никаких потрясений. Все рутинное. Например, император Николай I издал указ о введении в учебных заведениях Беларуси преподавания на русском языке вместо польского. Не думаю, что кто-то из взволнованных этим известием монахов кинулся прятать свои денежки.

По тем временам это были, наверное, немалые деньги. Но для монастырского сбережения мелко. Моя версия: клад спрятал настоятель (или какие у них были руководящие должности) монастыря, приберегая его на черный день. У простого монаха вряд ли были такие деньги, да и доступ в подземелье, во всяком случае, в комнату с дверью, имели не все.

О бумаге. Плотная и на ней были какие-то штрихи. Вспомним о монастырской типографии. Она оттуда. О куске материи сказать вообще нечего. Кусок и все тут, без особых примет.

День следующий находками не порадовал. Зазвенело лишь раз в стене. С трудом выдолбили долотом один кирпич. Он и продолжал звенеть. Стали крошить. Из какой же смеси он сделан? Долото вышибало искры при ударах. Наконец добрались до источника звона, — из куска кирпича торчал край большой медной монеты со шнуровидным гуртом. Кладем в сумку, может, дома до нее доберемся, узнать хотя бы год выпуска и номинал монеты.

В одном из помещений в центре подполья при исследовании пола металлодетектор вдруг издает глухой такой дребезжащий гул. Такой гул бывает, когда внизу на порядочной глубине лежит большая масса металла. Башня от танка, например. Так, это уже очень интересно. Начинаем долбить кирпичный пол. Летят искры. Разбиваем два лежащих рядом кирпича. Тыкаем шуп. Он упирается во что-то очень твердое. Разбиваем еще два кирпича рядом, расчищаем дно. Похоже, наткнулись на большой камень. Почти вплотную еще один. Ага, каменная кладка. Что-то здесь замуровано, на совесть. И нужны иные инструменты, которых у нас с собой нет. Портативные камнерезки, большие ломы, тяжелая кувалда и прочее.

Продолжаем прозванивать пол. Метрах в трех справа у стены он вновь отзывается глухим гулом. Совсем интересно.

— Слушай, — предлагает Старик, — давай схожу за «японцем», может, он хоть глубину покажет.

Умный японский прибор определяет наличие под полом большой полости, величиной с нашу комнату. Похоже, внизу второй этаж подполья. Точнее, первый. Начинаем прощупывать прибором полы в других комнатах. Кое-где тоже полости.

После обследования полов во всех помещениях вырисовывается следующая картина. В центре нашего подполья, приблизительно прямо под зданием собора, под полом нескольких смежных комнат, существует еще одно подполье, в котором в двух местах лежат две большие массы металла. Сундуки с деньгами? Монастырские сокровища? Пока остается только гадать. Без серьезной работы туда не проникнешь.

Хотя... А колодец! Он ведь глубокий. Возможно, именно в нем есть боковой ход, ведущий в нижний этаж подполья.

Спешим в комнату с колодцем. Освещаем фонарями боковую поверхность. Метра на два вниз, та же облицовка кирпичами, затем каменная кладка. Спускаем на шнуре один фонарь с дневным светом. Нет. Боковых ответвлений не наблюдается. Во всяком

случае, визуально. Что не исключает, к примеру, наличие в нем замаскированного хода. Но альпинистской веревки у нас с собой нет, а спускаться на подручных средствах... Сорвешься, оттуда ведь уже живым не вылезешь.

Продолжаем исследование помещений с помощью «японца». И выясняется удивительное. За некоторыми крайними помещениями подземелья существуют еще полые пустоты. Стены, заканчивающиеся тупиками, также скрывают полости. И, конечно, за кладкой из современных кирпичей тоже полости.

Третий день «детей подземелья», как с иронией замечает Старик. Затаскиваем с собой танковый аккумулятор и электродрель с толстым и длинным победитовым сверлом. Подключаем дрель к аккумулятору и сверлим стены, за которыми скрываются пустоты. Всюду натываемся на каменную кладку, которая облицована кирпичами, как сказали бы строители, в полкирпича. Лишь в одном месте сверло проваливается в пустоту. Силимся разглядеть, что там. Не получается. Тогда просверливаем внизу еще одно отверстие. К нему прижимаем включенный фонарь, а сами поочередно смотрим в верхнюю дыру. Просматривается узкий коридор, уходящий вдаль. Похоже, подземный ход.

Продолжаем сверлить, но уже в двух новодельных кладках. Тоже насквозь. Выбиваем пару кирпичей. Современные кирпичи явно не чета старинным, крошатся мгновенно. Светим. Тоже узкие коридоры. В одном просматривается сразу поворот направо. В другом — через метра три прямо видна деревянная дверь, обитая металлическими полосами.

Да тут целый город под землей...

Вылезает наверх отобедать. И вовремя. Минут через двадцать к колокольне подкатывают две иномарки, из которых выходят четыре мужика и три женщины. Двое из мужчин при галстуках, похожи на госслужащих, остальные одеты вольно. Накрывают возле звонницы скатерть-самобранку.

Сегодня же пятница. Народ начинает отмечать всякие памятные события и просто дышать воздухом на природе, под водочку и коньячок. А потом выходные. Понаедут толпами.

Не только, наверное, мной подмечено, что наши люди для различного рода пикников и просто выпивок непременно выбирает места, интересные с точки зрения кладоискателя. Совсем недалеко могут стоять специально для этой цели предназначенные беседки, навесы, столы и скамьи. А также урны или ящики для

мусора. Нет, лезут обязательно поближе к руинам замков, монастырей, старинных усадеб и прочих свидетелей старины. На высокие живописные берега рек и озер, где в старину, Средневековье и более поздние времена, располагались укрепленные селения, а также ярмарки, пристани, мельницы и прочие объекты кладоискательства. На острова, любопытные по тем же причинам. На высокие холмы и горки, где покоятся остатки городищ, капищ, тех же замков и крепостей. Таково одно из свойств загадочной славянской души.

Именно выпивох поминает недобрыми словами каждый кладоискатель в процессе поиска. В таких местах металлодетектор беспрерывно заливается «монетным» звоном. На деле же в 95 из 100 случаев откапываются пивные, винные и водочные пробки, фольга от шоколада, конфет и сигаретных пачек, монеты советского периода, высыпавшиеся из карманов присевших откусать, и прочая дребедень. На эти чертовы пробки, валяющиеся в земле в невероятных количествах, прибор издает такой же звук, как и на медные, серебряные и золотые монеты. Говорят, есть профессионалы, способные различать эти звуки. Я не из них.

Забегая вперед, скажу, что и территория Пустынского монастыря вся замусорена этим хламом, и последующие поиски на поверхности земли не принесли нам особой радости. Нами было найдено шесть кладных закладок. Четыре из них в монастырском саду вдоль кирпичного забора, одна внизу возле речушки и одна рядом с монастырским погребом. Состояли они преимущественно из мелких серебряных монет в небольшом количестве. Лишь во второй вместе с мелочью лежал один польский солид времен Сигизмунда I Старого, а в пятой, наиболее богатой, талер Великого княжества Литовского, отчеканенный при Сигизмунде II Августе. Все остальные монеты были грошами, полугрошами, двух-, трех- и четырехгрошовиками Великого княжества Литовского и Польского королевства.

То, в чем находились монеты, свидетельствовало о поспешности их хозяев при сокрытии монетных сбережений. Первый клад был вообще завернут в остатки грубой материи типа мешковины, которая рассыпалась в прах при извлечении. Второй был спрятан в небольшой медной лампадке. Третий и шестой — в остатки кожаных кошель. Четвертый сопровождали глиняные черепки. А пятый вообще был спрятан в оловянной кружке, заткнутой сверху остатками материи. Скорее всего, они были спрятаны простыми монахами.

Найденные монеты датировались 1542—1561 годами. Заглянув в анналы истории, мы быстро обнаруживаем причину возникновения этих кладов. Весной 1562 года русские войска во главе с Иваном Грозным осадили Дубровно, Мстиславль, Оршу, Шклов и другие города Великого княжества Литовского. Конечно, они не могли равнодушно прошествовать мимо богатого монастыря, расположенного рядом с Мстиславлем. Происходило это в ходе знаменитой Ливонской войны (1558—1583), длившейся двадцать пять лет между Россией, Ливонским орденом, Швецией, Польшей и Великим княжеством Литовским за Прибалтику.

Касательно содержимого подземелий монастыря, а также найденного в стенах и других частях остатков зданий монастырского комплекса, — об этом в другой главе, а может быть, и в следующей книге. И про поиск на месте бывшего доминиканского монастыря под Новогрудком тоже. Нельзя вываливать на читателя разом в одной главе столько информации.

А в ту пятницу мы отправились домой, с тем, чтобы, вооружившись новыми техническими приспособлениями и новыми знаниями, возвратиться назад на следующей неделе для раскрытия главной тайны монастыря.

Покидая монастырь, решили завернуть на границу. На протяжении тех четырехсот метров, что до границы Беларуси и России нас сопровождала справа величественная панорама монастырского комплекса. Все. Кончается асфальт. Стоит наш пограничный столб. Начинается разбитая грунтовка — сбоку столб с гербом Российской Федерации. Табличка с названием «Монастырщинский район». И вся граница. Пересекли, доехали до ближайшей деревеньки, в небольшом пустом магазинчике хотели купить русской водки. Увы, только за российские рубли. На валюту посмотрели, даже в руки не взяли. Не знаем таких денег. Назад, несолоно хлебавши...

Между прочим, некоторые наши инструменты остались в подземелье, чтобы не таскать их туда-сюда. Мы уверены в невозможности проникновения в них, пока государство не затеет серьезные раскопки. Нам просто помог слепой случай плюс уникальный японский прибор, аналогов которому я не встречал. Есть приборы российские и зарубежные для определения пустот, но не то. Далеко не то. И не зря я так и не упомянул его названия.

Глава седьмая

Смоленские легенды

Километрах в тридцати от города Вязьма, немного северо-западнее по направлению к Смоленску, находилась простая русская деревня, название которой было связано с лесной чащей. Вокруг действительно были леса. Это — моя Родина. Здесь жили мои предки. Уже лет двадцать, как деревни нет. Вымерла, как и десятки деревень вокруг нее.

Армейская служба забросила отца в Белоруссию, но в детстве я каждый год приезжал в родную деревню в период школьных каникул к деду и бабушке. Ежегодно в деревню летом наезжало десятка два мальчишек и девчонок из Москвы, Ленинграда, Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа и других городов. Местные всех нас называли почему-то «москвичами», даже меня, из Белоруссии.

Здесь я впервые услышал легенды о кладах и страшных историях, связанных с ними.

Оказалось, что и какой-то мой далекий предок, дед Демид (а в деревне дедом называли любого пращура, без всяких там приставок «пра» или «пра-пра», просто дед и его имя, хоть и жил он двести лет назад) имел отношение к войне с французами, а точнее участвовал в разграблении какого-то французского обоза. Легенды, как это бывает на Руси, переходили из поколения в поколение.

И вот, какая-нибудь бабка, обозленная набегом на ее яблони или вишни (а я был непрямым участником таких набегов), кричала на всю деревню, махая вслед прутом:

— Во-во, вылитый дед Демид, и тот таким же разбойником был, порода такая...

И прочие нелестные эпитеты в мой адрес и в адрес неведомого мне предка. Конечно, эти сравнения не могли меня не заинтересовать. И по крупицам я собрал следующую информацию.

В этих местах, через речку, на возвышенности напротив нашей деревни, в начале девятнадцатого века жил помещик по фамилии Каретников. Был он в чинах небольших, поручиком, но гвардейским и служил в Петербурге. Хозяйство за него вел еврей-эконом. Мой пращур, дед Демид, как и остальные жители деревеньки, был крепостным крестьянином этого помещика, или барина, как тогда говорили. Барин был ничем не примечательным. После наполеоновской войны 1812 года был уволен из гвардии за пьянство и карточные долги и поселился в поместье. А прославился он и вошел в историю

тем, что постоянно задирали и даже вызывали на дуэль своего соседа Грибоедова. Да-да, того самого Александра Сергеевича Грибоедова, автора комедии в стихах «Горе от ума». Писатель жил в восьми километрах от нашего барина в своем поместье Хмелита. Кстати, село это сохранилось, и сейчас там дом-музей Грибоедова.

Вражда эта началась в незапамятные времена, еще предками Каретникова и Грибоедова. Яблоком раздора послужил небольшой болотистый лесок (существует и поныне, бывал. — Авт.), который находился на границе владений соседей. Судились из-за ничем не примечательного лесистого куса земли больше сотни лет. Судьи приходили то к одному, то к другому мнению. Такое уж было судопроизводство в те времена.

Послушайте компетентное мнение о состоянии тогдашнего судебного рассмотрения дел, выраженное в малоизвестном стихотворении современника Грибоедова, тоже Александра Сергеевича, только Пушкина:

*Глухой глухого звал к суду судья глухого,
Глухой кричал: — моя им съедена корова!
— Помилуй, — возопил глухой тому в ответ, —
Сей пустошью владел еще покойный дед!
Судья решил: — чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата...*

В точку, да? Как раз к нашей истории. Так вот, время от времени, надираясь в стельку (или, как там надираются гусарские поручики), барин садился «наконь» и отправлялся навестить соседа. Там он гарцевал вокруг грибоедовского поместья, махал саблей, непотребно ругался и непременно вызывал врага на дуэль.

Не знаю, была ли дуэль, но только вскорости Грибоедову это, видимо, надоело, и он укатил послом в Персию, где и погиб. Версия причины отъезда, конечно, шуточная, но помещик Каретников благодаря соседству и своей задиристости оставил след в людской памяти.

Вернемся к моему деду Демиду. Легенда гласит, что он действительно был весьма разбойного нрава, любил подраться и стянуть что-нибудь из поместья. Но опять же не этими обычными для славян качествами он вошел в историю (слово «история» в данном случае не означает исторические анналы). Народная молва из поколения в поколение передала, что осенью 1812 года на Старой Смоленской дороге, которая проходила неподалеку от деревни, молодой еще тогда

Демид вместе с неким Хоней (возможно Афоней) принял участие в разграблении французского обоза отступающей наполеоновской армии. Помимо захваченной добычи, они притащили с собой французского офицера, с которого якобы пытались слупить еще какой-нибудь выкуп. Но француз был уже пуст, и его, как говорят в деревне, зашибли до смерти. Тело несчастного захватчика закопали.

Что может сделать крепостной с богатыми трофеями? С ходу в дело он их точно пустить не может. Поэтому добыча, состоявшая из золотых монет и драгоценных камней, была поделена и, до лучших времен, зарыта возле деревни, по одной версии, на берегу речки. По другой — брошена в старый «барский колодец» для сохранения. Есть у нас такой и поныне в изгибе речки. Конечно, что-то было взято и на текущие расходы.

Через год вернувшийся из французского похода и изгнанный из гвардии барин прознал о злодействе своих крепостных. Злодейство не в смысле грабежа обоза и убийства француза, это как раз признавалось геройством. Вспомните, например, Василису Кожину, которая опоила французов, подперла колом дверь и подпалила дом. Народная героиня. И правильно, нечего с оккупантами церемониться. Злодейство состояло в утаивании трофеев от барина. Якобы донес еврей-эконом. Известное дело, в деревне утаить что-нибудь невозможно.

Короче, запытал помещик обоих до смерти, но тайны не узнал. С тех пор на протяжении многих лет мужички, нет-нет, да и покапывают по берегам речушки. Но сокровищ пока не нашли.

Такая вот легенда существует. Дыма, как известно, без огня не бывает. Я не верю в сказки о заговоренных кладах, про несметные сокровища, охраняемые нечистой силой, и другие малоубедительные с налетом мистики рассказы. Про проваливающиеся под землю церкви. Но легенды, основанные на исторических фактах, с примесью бытовой обыденности... Отчего не поверить? И не попытаться подкрепить другими свидетельствами и проверить на практике.

Чем реально подтверждается наша легенда? Извольте. Помещик такой был. Остатки его усадьбы, точнее усадьбы его потомков, на пригорке за речкой, есть и сейчас. Их называют «барским садом», поскольку уцелел до нашего времени лишь сад. Даже не сад, а остатки парка с аллеями, поросшими могучими дубами и липами. Рядом попадаются куски фундамента дома или другого строения. Сохранился и зев старого «барского колодца» в излучине речушки. И соседом действительно был Грибоедов. И спорный лесок в наличии.

Далее о материальных следах трофеев. В детстве не задумывался, а сейчас вспоминается, что у деда был длинный иностранный кортик, а может штык, им кололи свиней и резали овец. Не русский и не немецкий, точно. Мы, дети послевоенного времени, в таких вещах разбирались. Возможно и французский. На полке в углу кухни, в запертом всегда на замочек встроенном ящике, лежала необычная шкатулка. Она была сделана из какого-то нетяжелого коричневатого камня с разводами и прожилками. Я таких больше никогда не встречал. И открывалась она непросто. Надо было сначала положить палец в углубление сбоку и приподнять им маленькую прямоугольную металлическую пластинку, внутри шелкало, и шкатулка открывалась.

В шкатулке дед хранил метрики, документы, всякие квитанции, бумаги, короче. И была среди них одна, явно старинная и нерусская бумага. Плотная, потертая на сгибах, с витиеватой вязью незнакомого мне языка. Не немецкого и не английского, которые мы изучали в нашей школе. Возможно, французского.

Далее, у моей бабушки были два колечка. Одно обручальное, серебряное. Другое, не помню из какого металла, но камушек был довольно крупный, зеленый, и она надевала его только по праздникам, когда ходили в гости в соседние деревни. В те времена колечки с камушками у колхозниц я не наблюдал.

И еще. Году в 1963 или 1964 в деревню приезжала поисковая группа военных. Искали останки командующего 20-й армией Ракутина, погибшего при прорыве из окружения в октябре 1941 года. Раскапывали много чего, и военного, и околвоенного, в войну здесь шли тяжелые бои. Конечно все мы, мальчишки, постоянно толпились вокруг, пытались помогать, приносили копателям квас, сало, а иногда и самогонку.

В один из дней в небольшой лощинке в полукилометре от «барского колодца» откопали кости, про которые эксперт сказал, что они очень старые, во всяком случае, лежат здесь больше ста лет. А при них была латунная пряжка, по-видимому, от ремня. Надпись на ее обратной стороне была французской, и перевели ее типа «французский императорский двор». Вот вам и подтверждение о зашибленном французе.

Про эту легенду я вспомнил, роаясь в своем архиве и наткнувшись на газетную заметку про отступление французов по Старой Смоленской дороге. И уже потом укрепил ее кирпичиками других личных воспоминаний.

А в один из солнечных июньских дней с чего-то потянуло меня на родину. Время от времени со мной это случается. Решил попробовать уговорить Старика составить компанию. По проселочным и лесным смоленским дорогам только на джипе и проедешь. У меня обычный «опелек», а у Старика японский/тойотовский джип, который по проходимости, пожалуй, не уступает и трактору. Навестим братскую смоленскую землю. Заодно проверим и мою легенду, покопаемся возле барского поместья. Да и богата смоленская земля легендами, и не только легендами.

Помимо сокровищ деда Демида, я приготовил для соблазнения Старика к поездке еще несколько легенд. Недалеко от моей деревеньки проходила раньше Старая Смоленская дорога, по которой отступала армия Наполеона осенью 1812 года. Сейчас там болотистый лес, а новая автострада Москва—Минск проходит значительно южнее. Еще в детстве мы ездили на велосипедах искать французские трофеи в тех местах, но безуспешно. Легендарные холмы, речки, пруды, озера и прочие природные образования наличествуют там на каждом километре. И в каждой деревеньке вам могут поведать историю, связанную с французскими сокровищами.

Есть легенда о сгинувшем в 1941 году в районе Вязьмы эшелоне с белорусским и литовским золотом, о ней я подробнее расскажу ниже.

Под Смоленском в 1941—1942 годах гитлеровцами была построена подземная ставка фюрера «Беренхале» — «Медвежья берлога». И о ней, как водится, ходило немало слухов, мол, под землей расположен целый город и в его галереях фашисты оставили немало награбленных ценностей.

Наконец, знаменитое Семлевское озеро, якобы хранящее в своих водах обоз Наполеона.

Старика, однако, долго уговаривать не пришлось. Удивительно, но он согласился на середине моего рассказа о бывшем гвардейском поручике, соседе Грибоедова. Остальные легенды в ход пускать не довелось. Старик даже не «согласился», а прервал меня фразой: «А, че, поехали, да посмотрим...»

Будто речь шла о соседнем населенном пункте, а не о поездке за четыреста с лишним километров в сопредельное государство. Он всегда, впрочем, отличался легкостью на подъем и какой-то детской доверчивостью ко всем байкам о кладах. Иногда звонит, мол, рассказали ему о двух бочонках с золотом, закопанных в лесном урочище... Ну, явная туфта, даже не сказка. Пытаюсь разубедить.

Не получается. Говорю, что тут я ему — не попутчик. Не обижается. Едет сам или кого еще с собой берет.

Кстати, о бочонках с золотом или серебром. По-моему, все, кто о них рассказывает или пишет, не представляют, что такое бочонок, и не держали в руках золота. Я знаком с этим не понаслышке.

Судите сами. Не знаю, как там дублоны, гинеи и прочие пиастры, но самой крупной золотой российской монетой является двадцатирублевик 1755 года выпуска, его вес 33,14 грамма. Но эти монеты исключительно редки, я их не видел даже издали. Поэтому возьмем обычную золотую «десятку». Их, как правило, называют червонцами, хотя червонцы — это совершенно другие монеты и, притом, разных видов. Но речь не об этом. «Десятка» образца 1886—1897 годов весит 12,9 грамма, а есть еще образца 1896—1911 годов, которая порядочно «похудела» и тянет лишь на 8,6 грамма.

Допустим, вы нашли 30-литровый бочонок (совсем небольшой), наполненный вперемешку золотыми монетами обоих выпусков, то есть, в среднем, каждая монетка будет весить 10 граммов. В трехлитровую банку, которые я иногда покупал, наполненные советскими монетами, о чем сказано в предисловии, входит чуть больше пяти тысяч разных монет. Но там были и пятаки и трех- и двадцатикопеечные монеты, которые значительно больше царских «десяток». Значит, последних поместится в банку приблизительно около 5,5 тысячи штук. Весить такая банка будет аж 55 килограммов. Представляете? А в бочонок войдет монет в десять раз больше, а именно более чем полтонны. Что вы будете делать с таким бочонком? То бишь, что вы, понятно, — будете понемногу разгружать и порциями уносить. Я имею в виду, как такую тяжесть могли затащить в ту мифическую пещеру, или подземелье, или к дубу. Попробуйте даже пустой такой бочонок катить по неровной земле весьма неудобно, не говоря уже о набитом монетами.

Вот и все аргументы. Других не надо.

Мне скажут, а как же пираты... Да, пираты вполне могли использовать для этих целей бочонки. Но не потому, что это самая удобная тара для монет и прочих ценностей. А потому, что на пиратских кораблях, как и на всех прочих, в старые времена бочонки являлись почти единственной прочной тарой. В них перевозили и хранили воду, вино, солонину, крупы и прочие продукты. А также порох. Но это не значит, что они забивали бочонки золотом под самую завязку. Это невозможно по вышеприведенной причине.

Представьте, пиратский корабль подходит к острову, чтобы закопать на нем золото или серебро, уложенное в бочонки. Вплотную

к берегу он подойти не может, осадка не позволяет. Значит надо опускать в лодку. А выгружать на берегу из лодки? А катить по песку, например? И так далее.

Но ведь «клевали» на бочонки и на государственном уровне. Некто Ю. С. Рачковский, шляхтич и житель города Борисова, в 1896 году пишет записку на имя министра внутренних дел России о существовании на берегу Березины восьми бочонков с червонным золотом, зарытых в 1812 году. В записке, помимо доводов, подтверждающих наличие сокровищ, содержится просьба о выдаче разрешения на их поиск. Для краткости не буду излагать сути доводов. Как водится, умирающий солдат открывает тайну отцу Рачковского, тот — сыну... Но поверили. Прощение рассматривается, и минский губернатор выдает разрешение, а заодно, и необходимое оборудование для поисковых работ, в том числе землечерпальную машину.

Естественно, ничего не нашли. То есть не нашли бочонков. Зато вытащили пушечные стволы, лафеты, ружья, сабли, каски, единичные золотые и серебряные монеты и прочее. В данном случае хоть копались не зря. Но и не найти ничего в этом месте не могли — здесь проходила переправа отступающей наполеоновской армии.

Вообще, наверное, ни один род человеческой деятельности не обрастает так мифами, гипотезами, домыслами и вымыслами, как кладоискательство. За исключением, разве, охоты (шутка с элементами правды).

В России самыми основными являются три легенды: библиотека Ивана Грозного, клад Наполеона и Янтарная комната. Они же и самые долгожители. Об их происхождении, участии и поиске столько написано, что, если собрать все воедино и издать, получится несколько томов. Чисто для общего представления, я шелкнул мышью в поисковике Rambler на слово «янтарная комната». Выскочила общая цифра, найдено в Интернете 7859 сайтов и 67627 документов.

Разумеется, даже просто просмотреть их понадобится пару месяцев. Я не ставил перед собой задач специального исследования всех версий судьбы наполеоновских сокровищ, книжного собрания первого русского царя и Янтарного кабинета Екатерининского дворца. Но, как и всякий любознательный гражданин, также на основе познанного, задавал себе соответствующие вопросы. И даже имею собственные версии, несколько отличные от общепринятых.

На кладе французского императора и отрицании как его вместилища Семлевского озера я уже останавливался.

Библиотека Ивана Грозного. Никто, пожалуй, не сомневается в ее существовании. Не буду перечислять всех предположений касательно ее судьбы, остановлюсь на основном. Преобладает мнение, что она до сих пор находится в подземельях Кремля.

Безусловно, различных подземных сооружений под Московским Кремлем множество. И военно-фортификационных, которые начали свой отсчет еще с деревянного Кремля Ивана Калиты, и разноцелевых гражданских, и всякого рода коммуникационных. Подробности интересующиеся наиболее полно могут получить в книге историка Т. М. Белоусовой «Тайны подземной Москвы».

Зачастую мнимый блеск сокровищ затмевает нам глаза и парализует разум. А давайте-ка вернемся на землю и зададим себе парочку обыденных житейских вопросов.

Признавая факты существования библиотеки и обширных подземелий, попробуем ответить на первый простой вопрос. А были ли книги в те времена сокровищами?

Старинные книги начали считать раритетами и коллекционировать лишь в конце XIX века. Тогда же появилось и понятие антиквариат, причем с целью довольно обыденной и прозаичной — упорядочения взимания таможенных пошлин. Поскольку коллекционирование и оборот старинных картин, книг, монет, оружия, почтовых марок, предметов, когда-то принадлежавших великим и знаменитым людям, и прочих любопытностей приобрели широкий размах.

Да, отдельные люди и некоторые государи занимались коллекционированием изделий рук человеческих с давних времен. Римский полководец Марк Антоний, флорентийский герцог Лоренцо Медичи, французский король Людовик XIV, русский царь Петр I, французский математик Мишель Шаль — этот список можно продолжить.

А век XX принес и иные понятия. Антикварные вещи стали предметом скупки, прежде всего, как способ сохранения и приумножения богатств, выгодного вложения капитала. Деньги съедает инфляция, а раритеты прошлого дорожают год от года. Иные фолианты стоят сейчас немалые состояния.

Но во времена Ивана Грозного книги были предметом быта, пусть дорогим и диковинным, но все-таки быта. Библиотека самого жестокого русского царя состояла из книг, написанных на греческом, латинском и еврейском языках, полученных в качестве приданого еще Софьей Палеолог — племянницей Византийского

императора, вышедшей замуж за Великого князя Ивана III. Позже в ней появились арабские книги. Есть сведения о нескольких неудачных попытках перевода хранившихся книг. Естественно, грозный правитель их не читал, не мог судить об их ценности и вряд ли считал сокровищем.

Вопрос номер два. Зачем нужно было прятать книги в подземелье?

Одна из версий — от пожаров. Но от пожаров надо прятать все. Хороший пожар и золото, и серебро может расплавить. Книги, все же, не самая ценная часть царского имущества. Вторая версия — от врагов — отпадает по той же причине. Под ногами грабителя, ворвавшегося в чужое жилище, будут, скажем, хрустеть планшеты с бесценной коллекцией редчайших насекомых. Он на них и внимания не обратит. В качестве трофея он будет искать то, что является ценностью повсюду — золото и драгоценности. Хотя коллекция будет стоять в тысячу раз дороже, в силу своей уникальности. То же и с книгами. Разве, проникнув в ваш дом, вор примется запихивать в сумку прижизненное издание Пушкина? Отнюдь, на худой конец, не найдя денег и ценностей, он лучше бутылку прихватит из вашего буфета, нежели польстится на библиотечные редкости.

И, наконец, самый весомый аргумент. Нет более верного способа загубить книги, чем положить их в подземелье, где всегда присутствует сырость. Разве только в речку бросить. Оставьте книжку на месяц в своем подвале или погребе и увидите, что с ней будет. И, если даже допустить, что библиотека все-таки в тайнике под Кремлем, что с ней стало за полвека?

Более убедительными, хотя и грустными, выглядят предположения о гибели библиотеки в огне от пожара, которые в ту пору в Москве были частыми. И не кинется челядь спасать, в первую очередь, непонятные книжки, есть вещи поценней.

Моя же версия совсем приземленная. Библиотека потихоньку разошлась по рукам. И тому есть свидетельства. Приведу лишь наиболее весомое. Специалиста, весьма компетентного в этом вопросе. По мнению заместителя директора по научной работе Государственного исторического музея доктора исторических наук В. Л. Егорова, «... библиотека во время Смуты и интервенции XVII в. была просто разобрана из Кремля и растащена по всей Москве». Часть книг с пометками Ивана Грозного находится и у них в музее.

Да и нет в Москве места наиболее исследованного, нежели кремлевские подземелья и прилегающие к ним пространства.

Янтарная комната. Правильное название Янтарный кабинет, который был подарен Петру I прусским королем Фридрихом Вильгельмом I и впоследствии вывезен нацистами из Царского Села в Кенигсберг. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Сотни версий, пожалуй, больше, чем по любому другому мифу, определяли местонахождение Янтарной комнаты в различных точках земного шара. Если взять страны и построить четырехугольник из крайних из них, то получатся следующие крайние точки: Соединенные Штаты Америки, Аргентина, Испания и Швеция. А внутри еще десятки стран, где находили действительные и мнимые следы янтарного чуда. Причем в некоторых из них, Австрии, Германии, Чехии, Польше, Швейцарии, СССР и других, находили изделия из янтаря, которые якобы являлись деталями Янтарного кабинета.

Столько же версий высказывалось по поводу, когда именно и каким способом вывозилось из Кенигсберга янтарное сокровище. Я считаю, что многочисленные предположения и свидетельства о вывозе комнаты в начале 1945 года то ли в соляные копи «Граслебен», то ли в штольни Тюрингии, то ли лайнером «Вильгельм Густлов», торпедированным советской подводной лодкой, и так далее, маловероятны. Хотя и отбрасывать их нельзя.

Взгляните на карту нацистской Германии, например, в апреле 1945 года. Куда можно было везти Янтарную комнату? Немцами контролировались лишь островки на территории бывшего III рейха. Уже к середине 1944 года всем было ясно, что война нацистами проиграна, и 20 июля часть высших офицеров вермахта попыталась спасти рейх путем государственного переворота и устранения своего мессии.

Надо основываться на материальных фактах. На основании изучения различных обстоятельств, указывающих на причины эвакуации и местонахождение Янтарной комнаты, я пришел к своей версии.

Факт первый. 21 августа 1944 года центр Кенигсберга подвергся сильнейшей бомбардировке английской авиации. Пострадал и Королевский замок, куда попало несколько бомб. Одной из бомб был поврежден зал, стены которого украшала Янтарная комната. Это была не последняя воздушная атака Кенигсберга.

Факт второй. Изделия из янтаря, похожие на детали пропавшей комнаты, нашли после войны в нескольких странах Европы.

И предположение. Вывоз ценностей из Кенигсберга начался в августе-сентябре 1944 года, поскольку уже в июле советские войска вступили на территорию Польши, южного соседа Восточной

Пруссии, и сухопутное сообщение последней с Германией вот-вот могло быть перерезано. У немцев был единый план конечных мест складирования ценностей, которые были подготовлены заранее. Почитайте, например, воспоминания известного нацистского головореза Отто Скорцени, который также занимался подготовкой тайных баз. Немцы — известные педанты. Различные ценности отправлялись на хранение в различные места.

Поясню на примере. Предположим, картины великих художников и редкие книги, гобелены, ковры и подобные им вещи конечной точкой маршрута имели соляные копи «Виттекинд» в Нижней Саксонии, где на глубине 650 метров условия их хранения были идеальными. В пещеры близ Хайдельберга в горах Тюрингии могли быть направлены, к примеру, нацистские архивы. В штреки и разработки шахты «Эксполь» вблизи Дарстфельда, возможно, отправились ящики с золотом и драгоценностями.

В силу известных причин (война, спешка) могла произойти путаница, и ящики с убранием Янтарной комнаты порознь отправились по разным адресам. Некоторые из них не доехали также по известным причинам. В результате часть янтарных деталей попала в частные руки в разных местах. Остальные, возможно, до сих пор хранятся в различных тайниках.

Иначе ничем не объяснить существующую путаницу и разноречивость версий и находок.

Не исключаю, что мои варианты судьбы наполеоновских сокровищ, книг Ивана Грозного и уникального янтарного комплекса уже кем-то высказывались. Хотя я ранее с подобным не встречался. Бесспорно одно — они возможны и имеют право на существование.

Однако я изрядно отвлекся. Питаю надежду, что этим отвлечением проиллюстрировал, насколько извилист и интересен путь к истине, а также сам процесс поиска как сомнительных, так и реальных кладов. Свидетельства, документы, версии, новые маршруты, металлодетектор в руках... Каждый из этих этапов доставляет наслаждение, независимо от того, уткнется ли лопата в старинный глиняный сосуд, или вызовет разочарование молчание умного прибора в заветном месте. Впрочем, не припомню случаев поездок совершенно впустую, — всегда что-нибудь найдешь. Не там, так рядом. Не империя, так гривенник. Земля таит многое...

Вернемся, как говорится, к нашим баранам, на Смоленщину. От автостреды Минск—Москва в районе деревеньки с ласковым названием Якушкино наша машина сворачивает налево. Асфальт,

кое-где с выбоинами, мы проскакиваем несколько «умерших» деревень, как странно звучит это слово, но деревни, в самом деле, умерли. Не своей безлюдностью, не покосившимися стенами и пустыми глазницами окон. Нет — это ощущение пустоты бытия. Бытия, которому уже не суждено вернуться.

Я предлагаю объехать стороной Старое Село, где у меня живут еще до сих пор дальние родственники и знакомые. Старик соглашается. Причина весьма житейская — при всей небогатости этих людей, они настолько радушно к тебе отнесутся... Это о них можно сказать с чистой совестью — отдадут последнюю рубашку. Сбежится все село, начнутся воспоминания. Как и всегда водилось, каждый принесет все, что у него есть, и начнется длиннущее застолье. А утром, ввиду ужасной смеси всех напитков, единственным желанием будет отлежаться денек в тенечке. Вам не захочется никакого пива, уверяю вас, не говоря уже о напитках покрепче. А ваши вчерашние собутыльники, как ни в чем не бывало, рассядутся за свои трактора, пойдут доить коров и заниматься прочими сельскохозяйственными работами. Такова смоленская порода. И, думаю, не только смоленская. В этом есть какая-то общая русскость.

Странное это чувство — возвращение на родину через несколько лет, когда ничего уже почти не напоминает тех мест, где ты бывал. Где местность видоизменилась настолько, что ее ландшафт, в принципе угадываемый, на твой удивленный взгляд, отвечает укоризненным — где же ты обретался, это ведь твоя колыбель. Дорога довольно сухая. Кое-где попадаются лужи размером с небольшой прудок, и кажется, глубины невероятной, но это видимость, джип их даже не замечает, проходит, как говорится, не замочив ног.

Слева Рыбаковская горка, в детстве мы собирали на ней землянику. Внешне она почти не изменилась. А Рыбаковской названа по имени деревни, которая находилась прямо за ней. Деревни сейчас нет, на карте это место названо урочище Рыбаково.

Справа Косуцкое болото, место сбора черники, а по окраинам и грибов. Сколько же мифов о нем ходило: и про бездонные ямы-бочаги, и про девятиметровых удавов, и просто про ядовитых змей. Конечно, это были обычные сказки, однако в одиночку туда никто не ходил. А возвращаясь ночью из кино, которое ходили смотреть из своей деревни в Старое Село, проходя мимо болота, видели блуждающие огни. Понятно, они могли быть плодом воображения, или просто гнилушки светились, но разговоры сразу стихали, а шаг ускорялся.

И вот погост на большом пологом холме. Погостом на Смоленщине называют кладбище. Поднимаемся наверх, по пути рвем незабудки, которыми здесь все усыпано, и ромашки. Здесь похоронены мои предки: дед, бабушка, прадед, прабабушка, еще некоторые родственники. Кладем букетики в изголовье. Молча стоим несколько минут. На обратном пути нужно подправить крест на могиле деда и подкрасить все оградки, краска в баллончиках у меня с собой есть. Кладбище не выглядит запущенным, хотя деревень вокруг давно нет. Присматривают из Старого Села, я даже знаю кто, русские люди вообще очень, не знаю какое подобрать слово, отзывчивы, что ли. Участливы, душевны, сопереживающи, чутки, — вот если смешать все эти слова, что-то похожее и получится.

Едем дальше. Вот и моя деревня. Вернее, нет даже никаких признаков, что здесь тридцать лет назад жили люди. Нет, признаки, конечно, есть.

Заросшие бурьяном и крапивой остатки фундаментов, торчащие печные трубы, чудом уцелевший колодезный журавель. Возле бывшего моего дома остались четыре громадные березы. Еще мой отец посадил более пятидесяти лет назад напротив дома одиннадцать молоденьких березок. Время неумолимо. Посидели со Стариком на поваленном стволе березы, порассуждали за завтраком о бренности всего сущего.

Затем внимательно рассматриваем карты. Российской империи и современную. Разительный контраст. В царские времена эти края были заселены куда более гуще, нежели сегодня. На современной карте вместо деревень — одни урочища, то есть места, где поселения были раньше. Названия все знакомые, всюду в детстве я неоднократно бывал. Симпатичные смоленские деревеньки с плетнями из тына, с колодезными журавлями, соединенные полuzаросшими лесными дорогами. А сейчас урочище Волково, урочище Поповское, урочище Лаврово, урочище Бараново...

Решаем, с чего начать.

Глава восьмая

На барских развалинах

Начнем с барской усадьбы, точнее, ее остатков. Барская усадьба находилась по ту сторону речки. Речка называлась, по-моему, Бестрень. Неглубокая, но места, где можно искупаться, были.

И запруды на ней ставили. И рыбу ловили. Воспоминания, воспоминания...

Моста, конечно, давно уже нет, но и река обмелела. Джип запросто ее пересекает по мелководью. Дорога, остатки которой наблюдаются фрагментарно, вела когда-то в деревню Зяблово. Ее тоже давно не существует. На карте это место отмечено, как урочище Зяблово. Проезжаем метров двести, справа небольшой лесок — здесь и был раньше господский дом. За ним остатки барского сада, заросшие уже аллеи, но еще отмеченные рядами могучих дубов и старых лип. Сворачиваем.

Кое-где в высоких лопухах и бурьяне просматриваются остатки фундамента, валяются отдельные большие камни и крупные куски кирпичной кладки с остатками штукатурки. Да, искать на таком рельефе очень сложно, трудно даже катушку детектора максимально приблизить к земле, что необходимо при поиске. А что, собственно, мы собираемся здесь найти? Сведений о кладах в этих местах у нас нет. Клад может быть на берегу речки или на дне барского колодца. Но в старинных усадьбах всегда что-то можно отыскать.

Расчехляем металлодетектор. Сразу же сильный звон. Копаем. Немецкая каска, неплохо сохранившаяся, сбоку входное отверстие, вероятно, ее владелец убит пулей. Дальше находим много патронов, патронных гильз, пустую пулеметную ленту, звездочку с русской пилотки. Здесь шли сильные бои, поэтому все время попадаются остатки военного имущества, снаряжения, вооружения. Усадьба располагалась на возвышенности с хорошим обзором, контролировала переезд через реку и поэтому была, по-видимому, опорным пунктом. А поскольку попадаетея и наше, и немецкое имущество, значит, данный укрепрайон служил и тем, и другим. Но ничего ценного не находим, все проржавевшее, пробитое, помятое.

Решаем переместиться в район барского сада. Входим в аллею. Шагов через пятнадцать мелодичный звон. Что-то хорошее. Извлекаем из земли серебряный рубль Николая I. Российские царские деньги легко определять. В данном случае на лицевой стороне профиль императора без головного убора, слегка с залысинами и круговая надпись: «В. М. НИКОЛАЙ I ИМП. и САМ. ВСЕРОСС». На обратной стороне в центре изображение двуглавого орла, обрамленного венками, с короной посреди голов и круговая надпись: «чистаго серебра 4 зол.21 доля * 1827* рубль*». То есть монета утеряна здесь не позже 1827 года, возможно, самим помещиком Каретниковым.

В корнях липы, изрядно потрудившись, выкапываем поржавевший металлический сейф, размером 60 сантиметров в высоту, а по бокам сорок на сорок сантиметров. Взламываем ломиком без серьезных усилий. И не сейф это вовсе, а металлический ящик. В нем два отделения и много бумаг и документов. Карты, схемы, рапорты, приказы, донесения — все слиплось, пожелтело и позеленело, сразу не разобрать. И еще несколько десятков незаполненных солдатских книжек. Хотя бы награды были. Но, наверное, мало кого награждали в сорок первом. Решаем ничего не трогать. Это документы штаба какого-то подразделения Красной Армии. На обратном пути передадим в сельсовет, пусть отдадут в военкомат, там разберутся. Может, откроется еще одна неизвестная страничка Великой Отечественной войны.

Блуждаем по аллеям дальше. Находим несколько медяков периода 1883—1912 годов. Вот еще характерный звон хорошей находки. Ого! Старинная серебряная табакерка. Осторожно отмываем от налипшей земли. Сохранность прекрасная. В центре в золотом обрамлении звездчатой формы вделан крупный камень, по цвету похожий на рубин. Внизу дугой, затыликовой вязью выгравировано: *«Его сиятельству с изумлениемъ отъ бывшего соперника»*. В табакерке табак, но запаха уже нет.

Очень интересно! Да, Старик сразу отказывается от табакерки в мою пользу. Есть у нас такой обычай, если попадается интересный предмет, то иногда следует отказ в пользу партнера по различным основаниям. Старик, видимо, счел сейчас, что табакерка будет мне памятью о родине. Наверное, правильно.

Как обычно, присаживаемся на остатки толстого ствола упавшего дерева и начинаем строить первоначальные версии. Что такое сиятельство? Однозначно, обращение к высоко титулованному лицу. В царской России были чины, звания и титулы. Чины подразделялись на 14 классов — 1-й класс соответствовал генерал-фельдмаршалу, канцлеру, еще, наверное, каким-то первым лицам государства. Последний 14-й класс — это коллежский регистратор, ну и еще какая-то мелочь. Звания были в армии, в гвардии и на флоте. Титулы — это уже князья, графы, бароны, маркизы, виконты... Нет, маркизов и виконтов в России, кажется, не было.

Каретников, хоть и служил в гвардии, сиятельством быть никак не мог. Не тот уровень. Сиятельство — скорее всего, обращение к князю. Или к графу? Нет, граф, наверное, будет светлость. А кто величества? Царские особы? Ладно, знаний не хватает, не будем гадать, дома разберемся.

Гости такого ранга вряд ли приезжали к обычному провинциальному помещику. Загадка. В конце концов, мы сошлись на том, что Каретников мог выиграть табакерку в карты, находясь на гвардейской службе. Сиятельств в гвардии хватало. Придумайте что-нибудь поправдоподобнее.

А надпись могла значить что угодно. Во-первых, слово «изумление» раньше означало не степень удивления, а — «умопомрачение», «лишение ума». Соперничество могло быть где угодно, — в фехтовании, в различных играх, в стрельбе, в заключении пари, в любви, наконец. Вот и гадай.

Тайна табакерки так и не была разгадана, несмотря на нешуточные усилия. Зато в процессе рытья по книгам, справочникам и словарям я узнал много интересного. Кое-что вообще полностью перевернуло мои познания.

Один пример. Русский царь Алексей Михайлович (правил с 1645 по 1676 год) имел прозвище Тишайший. Так и вошел в историю с этим прозвищем, что меня иногда поражало, история свидетельствовала — натура у царя была крутая. Да и события в те времена были не тихие. Воссоединение с Украиной. Помните, чем сопровождалось? Отвоеван Смоленск. Возвращена Северская земля. Жесточайшее подавление восстаний в Москве, Новгороде и Пскове. И, наконец, разгром крупнейшего в истории России восстания Степана Разина и суровая расправа с его участниками. Нет, тишайшим он не был. Крутой был государь.

А слово «тишайший», как оказалось, имело совершенно другое значение. Это был титул государя, взятый на заграничный манер. Кстати, многие реформы и новации, приписываемые Петру I, проводил его отец — Алексей Михайлович. Младший сын лишь продолжил дела отца. Так вот у нас писалась история.

В западных странах государей титуловали латинским словом «clementissimus», что в переводе на русский и означало «тишайший». Титул тишайший, кроме Алексея Михайловича, носили в русском государстве также царь Федор Алексеевич, царевна Софья Алексеевна и Петр I. Лишь когда последний стал императором, его стали именовать другим титулом — «ваше цесарское величество».

Сиятельство действительно было титулом князей.

Попутно я узнал, что Великий князь Великого княжества Литовского Гедимин, успешно воевавший с рыцарями и с Московским княжеством, дал России четыре знаменитых княжеских рода. От него пошли Голицыны, Куракины, Трубецкие и Хованские. Я много

чего узнал, о чем врала, заблуждалась или замалчивала официальная история. Но не это тема моей книги.

Продолжившиеся на усадьбе поиски принесли еще один неплохой результат. Мы нашли хорошо сохранившийся кожаный кошелек с восемнадцатью серебряными рублями и двумя золотыми пятерками. Это явно был клад. Ввиду того, что последняя дата рублей была 1915 год, а обе пятерки датировались 1911 годом, мы пришли к выводу, что клад был закопан экономом или управителем имения. Для помещика клад был мелковат. А причиной закапывания кошелька, вероятно, явились революционные события 1917 года. Вообще клады в кошельках редки. Поэтому прятали, возможно, в спешке, когда крестьяне с вилами и топорами пошли на имение.

О судьбе самого помещика можно было только гадать. Клад он не мог прятать и по другой причине: все русские помещики служили в ту пору в армии и воевали на фронтах с кайзеровской Германией или ее союзниками. А средняя продолжительность жизни русского пехотного офицера (я где-то об этом читал) на фронте составляла всего лишь четырнадцать часов...

Вечером мы неплохо «посидели» на радостях, поговорили о других смоленских легендах. И хорошо поспали. Прямо в джипе. Вот уж универсальная машина!

Утро следующего дня не принесло больше хороших результатов в районе усадьбы. Попадались остатки военного имущества и хозяйственной утвари. Поэтому мы переместили поиски на барский колодец. Почему его называли барским — загадка. Он был на берегу реки, правда, со стороны усадьбы, но расстояние до него было метров триста. А до ближайшего дома исчезнувшей деревни, как я помнил, не более ста пятидесяти метров. Однако через речку. В деревне были два своих колодца. Объяснение могло быть одно. Еще раньше на этом месте, на берегу, стояла другая барская усадьба. А позже ее переместили на пригорок.

Колодец представлял собой остатки сруба из тесаных осиновых бревен, уже почти не возвышавшихся над землей. Темное пятно воды, казавшейся черной, было сантиметрах в сорока от среза сруба. Срубив молоденькую ольху, мы попытались определить его глубину. Метра полтора ствол ольхи шел беспрепятственно, затем уткнулся в твердое. При нажиме вновь полез вниз, но с трудом. Ствол ольхи был четырехметровым, твердого дна мы не достали. Ясно, колодец был довольно глубок, но заплыл илом. Очевидно, им не пользовались очень длительное время.

Отсасывающей техники у нас не было. Да и неизвестно, помогла ли бы она. Колодец находился рядом с рекой и, возможно, с ней общался. Вспомните многолетние поиски клада на острове Оук, там тоже откачивали воду, но она постоянно прибывала, поскольку рядом было море. Покрутились мы с детектором вокруг колодца — ничего, даже железяки никакой не нашли. Сунули тарелку и внутрь колодца, тоже тишина. Никакого смысла искать здесь больше не было.

Что ж, двинемся на место, где поисковики, искавшие останки генерала Ракутина, раскопали более чем столетней давности кости и латунную пряжку с французской надписью. Это в полукилометре отсюда вдоль реки по ее течению. Садимся в джип. Проезжая вдоль берега речки, видим многочисленные рвы, ямки и канавы. То ли искали французские сокровища, то ли это остатки военных фортификаций.

С трудом, по памяти, нахожу это место в лоштинке вдоль реки. Удивительно, кругом вырос молодой лесок, а в самой ложине ни одного деревца. Следов раскопок не видно. Но место то, я хорошо помню. Тщательно прозваниваем всю территорию лощины. Самыми весомыми находками оказались две снарядные гильзы и металлический обод от колеса автомашины. От ЗИС-5 или от полуторки ГАЗ-АА, авторитетно заверяет Старик, и мы оба смеемся, так как знаем, что в войну такие советские машины действительно были, но определить по ободу? Увольте.

Кроме ржавых даров военного времени мы ничего не нашли. Попалась какая-то непонятная шутовина с двумя маленькими параллельными колесиками, но ясно — военное приспособление к чему-то.

Неудачи преследовали нас и дальше. Стояла страшная жара. Мы вспотели. В этой речке, как говорится, воробью по колено. В семи километрах река Вязьма, не поехать ли окунуться? Старик согласен. В джипе работает кондиционер, но это и плохо, при таком раскладе запросто можно схватить воспаление легких. Слышали о таких случаях, хотя самих бог миловал.

Едем к деревушке под названием Никитино. Она стоит на берегу Вязьмы. Там когда-то жила родная сестра моей матери, я у нее частенько гостил, главным образом из-за реки, было, где поплавать и понырять. Даже походы на плоту по течению устраивали. А впадает Вязьма в Днепр.

В деревушке остались только три дома, и те изрядно покосившиеся. Подъезжаем к берегу. Место это раньше называлось «царек»,

неизвестно почему, но для купания идеальное. Сейчас же река сильно обмелела, все дно заросло какими-то стелющимися водорослями. И здесь не искупаешься. А чем недоступней плод, тем он кажется более сладким, перефразируя известную поговорку. Едем вдоль берега, ничего хорошего. Ладно, поедem назад, проезжая до деревни вдоль реки, видели бродное место, хотя бы водорослей нет, обмоемся там.

Едем через деревню. На завалинке крайней хаты сидит очень древний на вид дедок и смолит сигаретой. Даже седая борода в районе рта желто-коричневая. Тормозим, выходим. Терпеть не могу людей, которые останавливают машину и спрашивают из кабины что-нибудь у прохожего. И сам так не делаю. Выйди и спроси. Здравуемся, спрашиваем, где бы окунуться в речке. Дед тыкает пальцем в сторону реки. Объясняем — мелко, нам бы, где поглубже.

Дед задумывается.

— Езжайте на хрaнцузский омут, там глыбь. На своем громобоне (так он выразился о нашей машине) проедете.

Спрашиваем, как проехать. Дедок начинает долго объяснять, и от его бесконечных «тутоть» свернете, «эвон» лесок, «здесь» направо, но будет «ямина», «оттель», «тамака» и так далее мы совершенно запутываемся. Поражаешься богатству народных указательных выражений.

— Слушайте, отец, — вежливо предлагает Старик, — а проводите нас, проедетесь, просвежитесь, а пока мы искупаемся, в тенечке пивка прохладненького попьете.

И он показывает банку пива. Оно действительно прохладное, запотевшее, в джипе есть холодильник.

— Жара, — отрицательно хрипит дед, — а пиво ваше — баловство одно, пробовал, чисто помои.

Скажи мы, что у нас и водочка есть, все равно, наверное, не уговорили бы. Но Старик хитер — нет ничего сильнее наглядности. Никакой оратор не скажет о благе, лучше простой демонстрации сулимого блага. Он идет к машине и достает бутылку водки, накрытую пластмассовым стаканом, а в другой руке держит здоровенный пламенеющий помидор.

Наливаем почти полстакана, дед лихо опрокидывает одним махом в рот и жует помидор, похоже, полубеззубым ртом. Остальное на месте, заверяем мы и садимся в машину. Дед моментально засмаливает сигарету, шибает таким дымом, что горло стискивают спазмы. Старик мгновенно жмет на кнопки, все четыре окна настежь, и кондиционер на полную мощь.

— Что это вы курите? — это я, вежливо так и безмятежно.

Дедок вытаскивает их кармана широченных штанов помятую пачку сигарет и протягивает мне. Я и сам смолил, будь-будь, до тридцати шести лет (потом бросил), но таких сигарет не видывал. Пачка размером меньше обычной, на ней написано крупными черными русскими буквами название — «Дели», индийская столица, что ли? Смотрю, кто же такие выпускает. Московская чаеразвесочная фабрика № 1, вот кто. Судя по оформлению, сигареты еще далеко довоенные, тридцатых, а может, двадцатых годов, на заре советской власти, словом. Интересуюсь, откуда добываются такие раритеты.

Оказывается, четыре года назад дед подрядился расчистить захламленную церквушку в Старом Селе. Решили религиозное сооружение возродить и проводить в нем службу, поскольку ближайшая действующая церковь в пяти-шести километрах, а верующие есть, но сплошь старики. Тем более поселился в селе то ли поп, то ли дьякон бывший и обещал службу наладить по всей форме и обряды разные проводить. Немногочисленное колхозное население работало в посевную. Вот он и согласился помочь за небольшое вознаграждение. Делать-то все равно нечего, бобыль, жена умерла, дети в Коломне живут, хозяйства своего почти нет. Приняв полстакана, дед стал необычайно разговорчив. Так вот, среди хлама он нашел восемь ящиков таких сигарет по двести пачек в каждом. С тех пор только их и курит. И бесплатно и дюже жгучие. Еще он нашел там несколько старых церковных книг, оставил у себя на всякий случай, грех выбрасывать.

При этом, рассказывая, он весьма грамотно руководит нашим движением. Джип объезжает овражки, лески, поворачивает, где надо, и вот блестит лента реки. Берег здесь очень крутой, поросший негустым, но высоким лесом. Выходим. Да, действительно настоящий омут. Река здесь делает изгиб, почти под девяносто градусов, прорезая высокий холм, и в месте изгиба резко сужается. Отчего кажется даже, что на поверхности появляется воронка водоворота. Вода в солнечный день кажется черной. С этого берега туда и не спустишься. Если только прыгнуть прямо в воду. Противоположный берег более пологий.

Дедок требует порцию. Старик наливает четверть стакана и протягивает новый помидор. От другой закуски дед отказывается. Ну, жаренца, искупаться все равно надо, начинаем раздеваться. У берега замечаем остатки каменной кладки крупными камнями. Спрашиваем, что здесь раньше было. А, мельница когда-то в старину стояла. А почему омут называется французским? А, Наполеон сокровища награбленные здесь утопил, а заодно и мельника с его

семейством. Не сам Наполеон, а какой-то его «фелдмаршал». Сказывают, жена его красавицей была, в лунную ночь иногда выходит из воды и плачет по своим деткам, трое их было.

Ни-че-го себе! Опять наполеоновский клад. Новая версия. Интересуемся, искали ли сокровища? Да, приезжали лет семь назад, а может и больше, два москвича с аквалангами (москвичами здесь называют всех приезжих), один бородатый, но лысый, другой, наоборот, патлы длиннющие и безбородый. Нырjali. Бородатого нашли аж в Измайлове, за двадцать километров отсюда, утоплого. А патлатый и вовсе пропал. Приезжали два милиционера из района. Расспрашивали всех под роспись. Тем и кончилось. Больше сюда никто не совался.

Что-то и нам со Стариком расхотелось туда соваться. Легенды легендами, но аквалангисты-то реальные были, раз и милиция приезжала. Утонуть аквалангисту в небольшой речке?

Берем по банке прохладного пива, деду еще порцовку и продолжаем расспросы. Но ничего нового. Так, живописные детали и страшные сказки, кто может жить в омуте. Дед доказывает, что кто-то там есть, потому отродясь никто в омуте не купается. Плышет, к примеру, доска, в омуте воронка образуется и затягивает ее неизвестно куда. Сам видел. Делаем вид, что верим.

Все, поехали назад. Подвозим деда к дому, просим показать церковные книжки. Книги в прекрасном состоянии. Библия 1897 года издания, Псалтырь 1902 года, Житие святых на Руси 1890 года и еще две малоформатные книжки с молитвами. Не такие уж редкости, но все равно пропадут ведь. Предлагаем по 2 бутылки водки за каждую книгу или в денежном эквиваленте. Дед ошеломлен такой ценой, не шутим ли? Выбирает натурой, что и получает вместе с недопитой бутылкой и некоторыми харчами. Интересуемся, нет ли икон. Икон нет, неверующий. Дедок спешит распрощаться, как бы не передумали и не расторгли сделку.

Выгружаем ему все на стол, на котором сиротливо стоит лишь мятая оловянная миска с клочками капусты, плавающими в рассоле. Дед поспешно хлопает очередной стопарь, опускается на колченогий стул и медленно склоняет голову в миску с рассолом, задумавшись, вероятно, о каких-то своих проблемах. Тихо выходим...

Едем к реке, обмываемся на мелководном переезде. Обсуждаем достоверность легенды затопленных французских сокровищ. Что-то здесь есть. Аквалангисты не зря приезжали, не

мальчишки, взрослые люди. Наверное, имели опыт подводных изысканий. Над легендой стоит поработать, поизучать данные по этому району.

Позже выяснилось, что легенда о затоплении французского клада имела под собой почву. Именно в этом направлении со Старой Смоленской дороги свернули обозы маршала Удино, одни из самых больших в наполеоновской армии. И далее их следы терялись. Но это уже другая история.

А пока решаем переночевать в джипе возле деревни и с утра отправиться на Старую Смоленскую дорогу, точнее в те места, где она проходила. Копия карты Российской империи издания 1839 года у нас была. Правда, названия населенных пунктов, рек и прочего были написаны рукой и не везде отчетливо. Но местность и названия населенных пунктов совпадали с современными картами. Были там и Старое Село, и Хмелита, и Вязьма, разумеется. Пацанами мы ездили туда на велосипедах искать мушкеты. Не золото, не сабли или кинжалы, а именно мушкеты. Наверное, отголоски романов Дюма.

Проснулись, позавтракали, прикинули путь по карте и поехали. Добраться до самого места, где проходила Старая Смоленская дорога, не удалось даже на джипе. Места сильно заболочены, бурелом. Берем оборудование и километра полтора пробираемся по заболоченному лесу пешком. Дошли. Карта свидетельствует, что дорога проходила здесь, но никаких признаков нет. Ошибается карта? Проходим еще метров семьсот — все та же картина. Присаживаемся и еще раз сличаем старинную и современную карты. Они почти одного масштаба. Нет, все совпадает.

Возвращаемся, начинаем прозванивать местность, что довольно тяжело при таком рельефе. Болотные лужи неглубоки, трясин нет, просто местность очень неровная, серьезными помехами являются поваленные и растущие деревья. Наконец, прибор гудит. Добираемся до объекта долго, мешают спутанные и переплетенные корни деревьев. И разочарование. Достаем несколько звеньев трака, то ли танкового, то ли тракторного. Ищем дальше. Сигнал. Добываем помятый рубчатый солдатский немецкий термос. Уходим вправо, влево, ходим зигзагами, ничего больше не попадается. Усталые и грязные решаем прекращать поисковые работы. Надо было взять другой участок, где не заболочено. Либо в сторону Смоленска, либо в сторону Вязьмы. Пожалуй, впервые вообще никакой интересной добычи. Ну ладно, пообедаем и съез-

дим на легендарное Семлевское озеро. Не искать, что там найдешь без специального подводного снаряжения, а просто побывать и посмотреть, столько о нем написано.

Что мы и сделали. Однако близко к озеру подъехать не удалось, никаких дорог к нему не вело, только лес. Пошли пешком. Вот и блеснула водная гладь, — озеро небольшое, в Беларуси таких тысячи. И берега очень заболочены. К самой воде не подойти, даже в наших сапогах по пояс от химзащитного костюма Л-5. Как здесь проходили многочисленные поисковые работы? Как здесь работала экспедиция «Комсомольской правды»? Да и с какой стати понесет сюда, делая такой крюк, наполеоновских обозников. Мы со Стариком дружно не верим в нахождение клада на дне данного озера. Фотографируемся, однако, на память, это же, как Лох-Несская легенда Шотландии. И снимаем на видео. Но озеро совсем не впечатляет. Может настроение не то? От последних неудач? Начиналось, как нельзя лучше. А закончилось не очень.

Все, двинули в родную Беларусь. Мы сюда еще возвратимся по поводу «французского» оута. А пока, до свидания, Смоленщина. Тоже родная. Главное на родине я все-таки побывал.

Едем по автострате Москва—Минск. Скорость под сто совершенно незаметна. После реконструкции автострада стала пошире. И покрытие неплохое, без выбоин и трещин. Попутных машин совсем мало, больше встречных. Населенных пунктов на дороге нет, поэтому Старик включает автопилот на скорости 92 километра в час. Чтобы не махал полосатым жезлом невесть откуда выскочивший мент. Превышение скорости, по мнению Старика, замедляет движение, поскольку беспрерывно тормозят стражи дороги, приходится показывать все документы, долго объясняться, платить. Холмы, взгорки, низины, поля, перелески... Кажется, ничего не изменилось со дня моего последнего визита в родные края.

Между нами легкий треп. Так, ни о чем серьезном. Про убогость эстрады и современной литературы. О нравах на телевидении. Про попытки престарелых звезд вернуть себе былую популярность странными браками и разводами, скандалами и прочими рекламными трюками.

— Послушай! — оживает вдруг Старик. — Ты смотрел когда-нибудь такую телепередачу «Сексуальная революция»? Я как-то нарвался...

И он с необычайным пылом поведал мне о двух ведущих — размалеванных ... Посмотришь на этих двух женщин и понимаешь, что она уже свершилась, эта самая революция. Там между ними еще толстый бородатый мужик сидел — дискутировали. Ноги в черных чулках задрали до копчика. Так ведь смотреть не на что. Представишь себя между ними, на месте этого мужика, и собственных сексуальных наклонностей как не бывало. Хорошо, что, возможно, не навсегда.

Мало того, что страшны по всем женским статьям, так еще и удивительно косноязычны. Не в смысле, что молчат, болтают беспрестанно, но потрясающую бессмыслицу. Если бы ему пришлось выбирать из этих двоих одну, для сексуальных радостей, то он выбрал бы третью. Валерию Новодворскую. Та хоть пламенно говорить умеет. Посмотришь такую передачу и понимаешь, откуда сейчас такое засилье голубых, то бишь геев, по-научному. Мода модой, но, наверное, они плодятся по очень простой причине. На телевидении полно различных шоу и отчего-то их участницы — сплошные страшили. Посмотрит на них мужик и думает, нет, лучше с братьями по полу, нежели с такими. О кулинарных радостях почему-то рассказывает красотка, а о сексуальных утехах ..., ну где таких находят.

В это время на развилке дорог, левая уходит на Смоленск, нас и тормозит гибэдэдэшник. По-русски. У нас на Беларуси эта, в общем-то, необходимая служба называется по-старому — ГАИ.

Козыряет, просит документы и очень долго их изучает. Ходит вокруг машины, смотрит на колеса, на фары. Но Старик невозмутим, в этих вопросах он принципиален. Машина в идеальном порядке, документы тоже, мы ничего не нарушили. Дорожный страж тоскливым голосом спрашивает, куда мы движемся. Ему-то что, но объясняем. Больше вроде речь вести не о чем, разве про погоду. Он машет рукой и желает счастливого пути.

Старик опять горячится. Ну, машина крутая, так что — за это плати всем подряд? Нарушил — нет вопросов. Да хоть бы машина, например, не очень чистая, не пристегнут ремнем безопасности, не показал поворот, трещинка на лобовом стекле. Но ни за что. Неужели уже в России порядки такие?

Дальнейшее движение проходит без приключений. Мы дома.

Глава девятая

Исчезнувший эшелон

... В ночь на 2 октября 1941 года от станции Вязьма в направлении на Ржев — Калинин отошел странный эшелон. Станция горела. Над ней кружились самолеты с черными крестами, сбрасывая бомбы. Эшелон состоял из паровоза, восьми «теплушек», двух пассажирских вагонов и двух платформ. На одной из платформ стояли четыре зенитных пулемета, на другой лежали какие-то грузы, укрытые брезентом. Шесть «теплушек» занимали солдаты НКВД. Две «теплушки» и один пассажирский вагон были опечатаны. Оставшийся вагон занимали несколько офицеров НКВД, двое представителей Государственных банков Белоруссии и Литвы и несколько высших партийных работников с женами и детьми.

Эшелон, под усиленной охраной, перевозил в Москву золотовалютные запасы и мешки советских денег государственных банков из Минска и Вильнюса, а также часть партийных архивов. Железная дорога на Москву, однако, была выведена из строя, по меньшей мере, на несколько дней, в результате бомбежек. Целые участки пути были взорваны немецкими диверсантами. Пришлось двигаться в сторону Ржева.

Эшелон вышел из Минска 25 июня, а через три дня в Минске уже были немцы. Затем почти трехмесячная стоянка на запасных путях в Смоленске, поскольку «зеленый» свет давали воинским эшелонам. Да и не думал никто, что Смоленск так быстро сдадут, и что сдадут вообще. Это казалось немыслимым. В Смоленске к эшелону прицепили вагон из Вильнюса. Из Риги и Таллина вывезти ничего не успели.

А сейчас уже к Вязьме прорвались танкисты 2-й танковой группы Гудериана. А под Вязьмой ждали своей горькой участи разрозненные войска пяти наших армий...

Во время завтрака к коменданту поезда, с петлицами капитана НКВД, подошел радист и протянул радиограмму. Из нее следовало, что железная дорога перерезана немцами в районе станции Сычевка. До Сычевки уже — всего ничего. Поезд остановился. К коменданту зашли несколько встревоженных людей, с которыми он не мог не поделиться полученной информацией. Капитан долго изучал карту, а затем приказал позвать к себе машиниста.

Поезд тронулся и минут через десять вновь встал. Капитан вышел наружу, к нему присоединились люди в военном и штатском.

Несколько минут обсуждения, затем короткая команда, и стрелки переводятся на другой железнодорожный путь, с покрытыми ржавчиной рельсами и заросший густой травой и бурьяном. Эшелон сворачивает направо, на этот путь...

Впереди показались какие-то высокие курганы и остатки разрушенных зданий и сооружений. Уцелела только проржавевшая башня водокачки. Судя по всему, это заброшенная угольная шахта. Отрывистые слова команды, и двое солдат с биноклями полезли на водокачку. Еще команда, и взрывом противотанковой гранаты сорвана изъеденная коррозией, огромная металлическая дверь, ведущая в штольню. Капитан, с фонариком в руке, в сопровождении прежней группы шагает в мрачный зев входа в подземные выработки...

Разгрузка закончена. Эшелон задом возвращается к Вязьме. Люди строятся и уходят в направлении Гжатска (ныне Гагарин) на Москву. На месте остается комендант эшелона с двумя саперами. Они стоят в глубокой канаве. Капитан докуривает «беломорину», давит ее каблуком и машет саперам. Один из них опускается на корточки и крутит взрывную машинку. Низко пригибаются. Взрыв полностью заваливает вход в тоннель, одновременно обрушивая его. Капитан смотрит на оседающую пыль, удовлетворенно кивает и вновь машет рукой. Второй взрыв вспучивает землю метрах в тридцати и правее от бывшего входа. Все. Складированные под землей деньги и ценности надежно замурованы в глубине штольни. Долг выполнен. Капитан и его спутники спешат следом за ушедшими...

Такими мне представляются возможные обстоятельства исчезновения эшелона, перевозившего в Москву золото, иностранную валюту, дензнаки СССР и партийные документы, вывезенные из Минска и Вильнюса.

Версия построена не на песке. В ее основу, как водится, легли легенды, рассказы местных жителей. Затем вероятность подобного развития подкреплена некоторыми документами, книгами, статьями. А на вершину положены общеизвестные факты, до сих пор, толком не объясненные военными историками.

Мало кто знает, что в Смоленской области добывался, а может быть, и сейчас еще добывается бурый уголь. Одним из центров добычи был город Сафоново, расположенный между Смоленском и Вязьмой. Во всяком случае, еще в 70-х годах прошлого столетия, когда я там бывал, город оставался шахтерским.

Вторым местом, назовем его Гряднево, был поселок, расположенный между Вязьмой и Ржевом. Добыча угля там прекратилась

в 30-е годы двадцатого века. Поселок потихоньку вымирал и к моменту моего посещения, опять же в 70-е годы прошлого века, представлял собою полтора десятка деревянных домов и несколько развалин каменных строений. Даже магазина там не было, за продуктами и прочим ширпотребом местным жителям приходилось ездить на велосипедах в соседнее село, находившееся в шести километрах от бывшего поселка.

Причиной же моего посещения этого забытого, не знаю, как богом, но уж людьми-то точно, поселка явилось проживание в нем дяди моего троюродного брата Ивана из Москвы, который был старше меня на три года. Иван также приезжал на каникулы в деревню, и мы проводили дни в играх и забавах. У упомянутого дяди в Москве, почему-то в интернате, жил сын Лешка. Этот Лешка столько понарасказывал в Москве Ивану о подземных катакомбах, скелетах в цепях, сундуках с золотом и самоцветами, что тот однажды и решил подзапасть золотыми деньжатами в заброшенном руднике. Одному и скучно, и страшно. Поехали вместе. Так я стал спутником и подельником своего троюродного братца. Ехать решили на велосипедах. Обычный вид транспорта на Смоленщине для старых и малых. За день, с перекурами, доедем.

К счастью, Лешка, как обычно, летом был в поселке. Но разукрашенная им действительность оказалась несколько иной.

Высоченные терриконы из пустой породы являлись единственной экзотикой заброшенной шахты. В сам тоннель, или ствол, или, как он еще называется, проникнуть оказалось невозможно. Лешка клялся, что раньше лазили по ходам внутрь шахты, опять расписывал страшные приключения, но, похоже, врал. Различные норы, ходы, ямы, траншеи в великом множестве имелись на территории шахты, но все они заканчивались тупиками.

На наши расспросы Лешкин отец подтвердил: военные что-то прятали при отступлении, скорее всего, оружие и боеприпасы, а потом взорвали шахту. Взрывы он слышал сам, было ему тогда четырнадцать лет. Несколько раз к шахте потом приезжали представители властей, военные, милиция. Первый раз летом 1943 года, после того как прогнали гитлеровцев. Потом после войны. Был и экскаватор, и бульдозер, копали в нескольких местах. В шахту проникнуть не удалось, глубокая она, извилистая с множеством боковых ответвлений. Раскопки закапывали. Вновь копали, вновь закапывали. Бывали у шахты и немцы, в период оккупации, но ничего не пытались раскапывать.

Примерно такие же рассказы с разнообразными вариациями мы слышали и от других жителей поселка. Вариации заключались в различии содержимого спрятанного. Кто утверждал, что в шахту закатали «катюши», кто — вагон с золотом, кто — что туда свезли деньжищи со всей области. Вплоть до секретнейшего оружия, чтобы не захватил враг.

Легенда отпечаталась в моей подростковой памяти незавершенным загадочным строением и позже, поскольку я всю жизнь интересовался военной историей, дополнялась кирпичиками свидетельств из различных источников. Где-то я читал о вывозе золотого запаса из Минска и Вильнюса. Порой — противоречивые версии о судьбе эшелона. Даже, по-моему, воспоминания участника вывоза ценностей и архива из Минска. Я не собирал сведения из источников, как это делаю сейчас.

«Штаб по поиску при комитете по вопросам безопасности Союзного государства возглавляет заместитель председателя КГБ Белоруссии генерал-майор Иван Юркин». И далее: «... коллекция включала золотые изделия из раскопок Помпеи, редкие и особо ценные монеты, картины известных художников, старопечатные и рукописные книги», «...чрезвычайно ценной оказалась информация очевидца вывоза ценностей Петра Поддубского. Последний заявил, что 13 июля 1941 года он, будучи тогда водителем одной из частей, подогнал к зданию обкома партии грузовик, в который загружались для вывоза ценности. П. Поддубский, который лично в погрузке не участвовал, услышал слова военных: “Какой красивый крест”. Затем груз взяли под охрану сотрудники НКГБ, и автомобиль в составе колонны из еще трех грузовиков отправился в Москву. В одном из автомобилей груз сопровождал 1-ый секретарь ЦК КПБ Пантелеймон Пономаренко...» (Газета «Труд» № 131 от 13.07.2001).

Речь идет о вывозе ценностей из Могилева и в их числе белорусской национальной святыни и непревзойденного произведения искусства — Креста Ефросиньи Полоцкой. Следы его теряются. Это одно из многочисленных свидетельств вывоза ценностей из Белоруссии в начале войны. Немногие из них впоследствии найдены.

К сожалению, сейчас мне удалось найти лишь одно доказательство эвакуации банковских резервов, но оно весьма достоверно и весомо. *«...Вывоз населения и материальных ценностей продолжался. Последним из Минска 25 июня ушел эшелон с ценностями банков Беларуси, который... вела паровозная бригада машиниста А. И. Горбунова...» («Белорусская железная дорога: первые дни войны»).*

А теперь общеизвестные факты, которые, на мой взгляд, косвенно подтверждают этапы прохождения эшелона. Более того, пытаются повлиять на его судьбу.

Факт первый. В момент выхода эшелона из Вязьмы в лесах, в основном юго-восточнее города, находятся пять советских армий: 16-я, 19-я, 20-я, 24-я и 32-я. Немецкие танковые клинья уже обходят группировку с двух сторон, но наши войска не уходят. Приказа на отступление нет.

2 октября эшелон разгружается у поселка Гряднево возле заброшенной шахты. В тот же день командующий Западным фронтом С. К. Тимошенко принимает решение об отступлении. Решение об отводе войск на ржевско-вяземский рубеж утверждает Ставка Верховного Главнокомандования. Совпадение? Или Вязьму удерживали до отхода эшелона, а впоследствии отслеживали его маршрут? Эшелон был радиофицирован.

Если так, то за его спасение заплачена чрезмерная цена. Приказ на отход армий отдан поздно, танковые клещи сомкнулись. В окружении оказались 37 советских дивизий, 9 танковых бригад и 31 артиллерийский полк — сотни тысяч солдат. Часть из них погибли в боях при попытке вырваться из кольца, остальные попали в плен. Одним из первых 8 октября погиб со своим штабом командующий 20-й армией генерал-майор И. К. Ракутин, о поисках останков которого я упоминал выше.

Может быть, поэтому об эшелоне постарались забыть?

Факт второй. Удары на Москву наносились двумя немецкими группировками группы армий «Центр». Одна из них наносила удар 3 октября южнее Вязьмы ударным кулаком 2-й танковой группы генерала Гудериана. Вторая — севернее, из района Духовщины силами 3-й танковой группы генерала Гота, которая в тот же день внезапно меняет направление и, вместо московского направления, движется на Сычевку (вспомните радиogramму, полученную комендантом эшелона) и Зубцов (под Ржевом). Снова совпадение? Или танки пошли на перехват эшелона?

Факт третий. Официальной историей отчего-то замалчиваются кровопролитнейшие сражения по ликвидации Ржевского выступа. Казалось бы, немцам невыгодно было удерживать этот выступ, грозивший им окружением. А они держали здесь фронт вплоть до марта 1943 года. За это время наши провели три крупные наступательные операции: Ржевско-Вяземскую (3 января — 20 апреля

1942 года), Ржевско-Сычевскую (30 июля— 23 августа 1942 года) и Ржевско-Вяземскую (2—31 марта 1943 года). А 3 марта немецкие войска внезапно сами оставили Ржев. В районе Ржевской дуги были сосредоточены около одной шестой всех дивизий вермахта на Восточном фронте и полуторамиллионная группировка советских войск. Фактически это было непрерывное сражение, в котором с обеих сторон погибли сотни тысяч солдат. Его можно считать одной из самых кровавых битв Второй мировой. Почему немцы так удерживали этот район? Не потому ли, что здесь теряются следы эшелона? Или опять совпадение?

Стоимость золотовалютных резервов банков двух республик, наверняка, была немалой. Скажу больше, огромной. Нам золото и валюта были необходимы, и не только для оплаты ленд-лизовских поставок союзников. Немцам — по причине отсутствия своей нефти, многих стратегических ресурсов и так далее. В Германии лишь 18 % стратегического сырья были собственными, остальное ввозилось из-за границы.

Проиллюстрируем это простейшим примером.

«...В 1941 году ни один из наших танков не мог сравниться с Т-34, имевшим 50-мм броню...». (Ф. Меллентин. «Бронированный кулак вермахта»). Гудериан описывает, как 11 октября 1941 года его 24-й танковый корпус подвергся ожесточенной контратаке северо-восточнее Орла, и замечает: *«Множество русских танков Т-34 приняли участие в бою и нанесли тяжелые потери немецким танкам. Качественное превосходство, которое мы имели до сих пор, отныне перешло к противнику»* (Г. Гудериан. «Воспоминания солдата»).

Пушки, установленные на немецких танках, в то время не могли пробить броню Т-34, а тем более КВ («Клим Ворошилов»), лобовая броня которого достигала 105 миллиметров. Не пробивали их и немецкие противотанковые пушки. А русские танки, тем не менее, горели. В чем же дело? Не немецкая же мотопехота жгла их бутылками с горючкой.

В. Башанов в своей книге «Танковый погром 1941 года» подробно исследовал боевые действия танкистов и привел ужасающие цифры наших потерь. Но он не пишет, каким способом уничтожались наши Т-34 и КВ.

Оказывается, для борьбы с этими танками использовались 88-миллиметровые зенитные орудия. Но они нужны были, в первую очередь, для борьбы с англо-американской авиацией, которая и днем, и ночью висела над городами Германии.

А затем Крупп создал 75-мм противотанковую пушку ПАК-41, в которой были применены совершенно новые технологии. Сужающийся канал ствола сжимал изготовленный из легких сплавов снаряд, так что он вылетал из выходного отверстия, диаметр которого был всего 55 миллиметров, с бешеной скоростью и громадной пробивной силой. Но для изготовления корпуса такого снаряда требовался вольфрам, которого в Германии не было. И в нейтральной Швеции за марки его не купишь, необходимы золото или валюта. Вольфрам же требовался сотнями тонн, это вам не спиральки в электрических лампочках.

Не от хорошей жизни немцы наладили производство фальшивых фунтов стерлингов, которые были даже лучше настоящих, и отличить их не могли даже банковские эксперты. И не из чистого изуверства эсэсманы выдирали золотые зубы у узников концлагерей. И «еврейский вопрос» решался не только из расовых побуждений.

Рейху нужны были деньги. Деньги, принятые во всем мире. То есть золото и ходовая валюта. Что и находилось в нашем эшелоне, в очень немалом количестве.

Не стоит сбрасывать со счетов и находившиеся там советские деньги, которые были в ходу в стране до 1961 года, хотя отчасти и обесцененные реформой 1947 года.

Что-то было и в партийных архивах. Может те же ценности (см. эвакуацию Могилевского обкома партии), в том числе и не найденный до сих пор Крест Ефросиньи Полоцкой? Вряд ли за сотни километров в Москву повезли бы постановления и решения партийных органов. В Москве и своих хватало.

Немцам позарез нужен был эшелон, точнее его содержимое. Отсюда и смена направления главного удара, и невыгодное, с военной точки зрения, удержание Ржевского выступа в течение длительного времени. Они искали пропавший эшелон...

Невероятная версия?

Вспомните, сколько в последние годы невероятных версий стало фактами.

И, куда ни ткни, первичными являются материя, экономика, материальные ценности. А уж потом чувства и прочие человеческие придатки. Даже в мрачное Средневековье, фанатичные инквизиторы не сжигали и не предавали смерти иным способом кого попадя. Посмотрите-ка, списки их жертв. За редким исключением, богатые и обеспеченные люди. Они считали, что ересь заразна. Но «заразное» имущество и деньги казненных не сжигали, а обращали в доход. Кому? Частично монарху, а остальное святой церкви, то есть себе.

Глава десятая

Ребусы седой старины. Тайна заброшенной усадьбы

Основой частновладельческих поместий Белой Руси являлись старинные усадьбы. Наиболее обеспеченные люди издревле старались поселиться обособленно, отгородившись от остального мира высоким частоколом, забором или крепостной стеной. Валы, глубокие рвы, системы водных препятствий служили дополнительной защитой, превращая поместья в хорошо укрепленные пункты.

Иногда усадьба представляла собой жилой дом, пристройки для челяди и несколько хозяйственных построек. Позднее они выступали сложными архитектурными комплексами, увязанными с природным ландшафтом, окруженными парками, садами, системами прудов и каналов. Многие такие имения в дальнейшем трансформировались в мощные замковые укрепления. Примером могут служить Смоленский, Гераненский, Любчанский и многие другие белорусские замки.

Другие превращались в роскошные дворцовые ансамбли в соответствии с требованиями современной архитектуры и вкусами их владельцев. Ружаны, Несвиж, Альба, Деречин, Ольса и другие являлись образцом общеевропейской культуры того времени и поражали воображение разнообразием архитектурных форм.

Третьи обрастали поселищами сограждан и становились центрами городов и местечек. Так образовались Новогрудок, Лида, Быхов, Заславль, Койданово и целый ряд других белорусских городков и населенных пунктов.

Многие в силу различных причин захирели. Часть из них исчезла с лица земли. Иные превратились в хутора, каковых много на Гродненщине, Брестчине, Браславщине и в других уголках Беларуси.

Как правило, шляхетские и дворянские усадьбы являлись родовыми поместьями и существовали в качестве таковых сотни лет. Например, род Обуховичей владел Великой Липой почти шесть столетий, Тышкевичи — Логойском около четырехсот лет. Да, я многое мог бы рассказать об истории, архитектуре старинных усадеб белорусского края, владельцах и их судьбах. По моим прикидкам их насчитывалось многие десятки тысяч.

Для строительства усадебных комплексов выбирались живописнейшие места, как правило, возвышенные, с террасно-холмистой

местностью, природными водоемами, хорошим обзором и красивыми видами прилегающей местности.

Обязательными элементами общего интерьера усадебных комплексов являлись брамы (въездные ворота), состоящие из двух украшенных лепниной колонн, соединенных аркой. Иногда их было несколько. Брама олицетворяла престижность и весомость владельца поместья, поэтому некоторые из них представляли настоящие произведения искусства. К сожалению, сохранилось к настоящему времени их немного.

Сами господские дома или палацы иногда представляли собой смешение многих стилей и течений архитектуры. Их постоянно перестраивали и достраивали из поколения в поколение. Флигеля, переходы, веранды, мезонины, мансарды, башенки — выдумки и задумки интерьера были неистощимы.

Подвалы, подземелья, подземные пустоты и ходы существовали практически в каждом поместье. Не буду раскрывать тему — для тех же целей, что в монастырях и замках.

Парки порой занимали территорию в десятки гектаров и имели обязательную планировку. Аллеи, тропинки, лабиринты, горки, гроты, фонтаны и водопады служили для отдыха и развлечений владельцев и гостей. Их зачастую украшали редкие и диковинные деревья.

Сады также старались использовать не только в качестве площадей для производства овощей, ягод и фруктов. Фигурно подстриженные кустарники, вычурные клумбы, экзотические цветы и растения были предметом гордости хозяев. Во многих имениях имелись оранжереи.

Озерца, пруды и каналы выполняли различную роль. В них сочетались компоненты эстетического и ландшафтного облика поместья, фортификационно-оборонительные функции и составляющие производственно-хозяйственной деятельности имения.

В некоторых поместьях были свои церквушки, каплицы, часовни, фамильные склепы.

Иные владельцы содержали на своей территории магазины и корчмы.

Можно, а может быть и должно, рассказать о старинных усадьбах побольше.

Но тема моего сочинения другая. Столетиями владельцами поместий накапливались огромные богатства, из поколения в поколение передавались фамильные реликвии и драгоценности, антиквариат, оружие, различные коллекции, собрания картин и книг. Даже са-

мому захудалому шляхтичу было чем похвастать в плане семейных ценностей. По обычаям того времени наследство предков берегли, приумножали и хранили.

Во всех без исключения усадьбах имелись различные подсобные производства и промыслы. Мельницы, кузницы, сукновальни, винокурни, пивные бровары, сыроварни, маслобойни, коптильни, пекарни были неотъемлемыми элементами ранней эпохи.

Позднее появились заводы и заводики, различные мастерские, типографии и другие более сложные, по сравнению с предыдущим временем, производства.

Великое княжество Литовское, а затем и Речь Посполита, в состав которой княжество вошло на равных правах с Королевством Польским, в те времена процветали. Случались войны, стычки, вражеские набеги, как без этого? Но в целом государство богатело, и богатели его сословия. Шляхта в том числе, как основные владельцы поместий, фольварков и усадеб.

Увы, все имеет свой закат. О причинах исчезновения могучего славянского государства я говорил в главе седьмой — не стоит повторяться.

В результате территории, уцелевшие строения и подземелья старинных усадеб превратились в хранилища веками накопленных сокровищ. Многочисленные скарбницы, тайники и схроны еще ждут своих исследователей. Наиболее интересны в этом плане подземные усадебные сооружения. Но они и наиболее опасны.

Ни в коем случае нельзя копаться в одиночку в подземельях, подвалах, катакомбах и прочих подземных полостях. Резонов в пользу запрета такого одиночного поиска много. Приведу два.

Одному в замкнутом подземном пространстве работать попросту неудобно и тяжело. Постоянно необходима какая-то помощь — поддержать, подсадить, подсветить, словом, сплошные под... Кто бывал под землей, тот знает. Да и вообще, знаете ли, неуютно как-то. Каким бы вы храбрецом ни были, темные суеверия, заложенные природой и развитые тысячелетней историей человечества, под землей дают о себе знать своей самой пугающей дремучестью.

В голове начинают гнездиться воспоминания о сверхъестественном, о страшных случаях, таинственных фактах и непонятных явлениях, о коих за свою жизнь любой человек наслушался и начитался с раннего детства. Что-то почудилось, любой шорох, — и сразу весь покрываешься испариной, а сердце начинает бухать на все подземелье. Такова природа человека. Хотите простой фокус. Закройте

глаза и прикажите себе, например, в течение пяти минут ни за что не представлять голову козла. Эта самая бородатая-рогатая голова намозолит вам глаза, и все пять минут вы проведете в борьбе с тем, чтобы отогнать ее образ. Так дурачил богачей еще славный Ходжа Насреддин. Итак, первый резон — одному под землей трудно во всех житейских смыслах. А многие люди вообще не в силах справиться с приступом клаустрофобии (боязнь закрытого пространства) при спуске в обычный подвал.

Резон номер два. Случись что под землей, и вам никто не придет на помощь. А под землей может стрястись многое. Стрястись и в буквальном смысле тоже. Возможны обвалы и завалы. Представьте, что в этот момент в Беларуси началось небольшое землетрясение, что уже не раз бывало. Результатом может быть обрушение сводов подземелья, дальше развивать тему не требуется — вы будете погребены заживо. Последствием подземных толчков может быть внезапное проникновение подземных грунтовых вод снизу или сбоку и неожиданное извержение наземных из водоема, который находится над подземным ходом. Допустимы наличие ядовитых газов и просто недостаток кислорода в воздухе, который приведет к обмороку, и неизвестно, сможете ли вы очнуться. Не так уж невероятен укус ядовитой змеи, которые водятся в подземельях.

Словом, на глубине, в замкнутом пространстве вероятны всякие «экстримы», которые явятся препятствием к возвращению наверх, под голубое небо и, может быть, неодолимым препятствием. Последствия возможны самые грустные, в том числе и «... В Вашем доме будет играть музыка, но Вы ее уже не услышите...» Помните эту фразу? Она произнесена замечательным артистом Смирновым в фильме «Операция „Ы” и другие приключения Шурика» при известных обстоятельствах. Кроме шуток, одиночный поход в подземелье чрезвычайно опасен.

Ниже я расскажу, как попал в подобную ситуацию при исследовании подземелий старинной панской усадьбы. А пока совет. Операции с подземными пустотами лучше всего проводить втроем. Двое работают под землей, третий страхует наверху. Причем необходимо продумать обеспечение постоянной связи. На мобильники — не надейтесь. В подземельях они, как правило, не работают, хотя и могут вначале давать такую иллюзию.

Я часто просматривал планы застроек старинных помещичьих усадеб, их очертания могут натолкнуть на мысль о предполагаемом устройстве тайника либо заложения клада. Как-то вечером, крутя

перед глазами подобный чертеж, я обратил внимание на определенные странности расположения строений, посадок, каналов и прочих рукотворных структур дворцово-паркового ансамбля. Все усадебные планы разрабатывались архитекторами и имели определенные стандартные позиции.

Стандартные не в понятии «под копирку», как раз ни одной одинаковой старинной усадьбы не было. Стандарт соблюдался, как бы это выразиться, в целесообразности, что ли, расположения и соотношения построек и их ландшафтного окружения. То есть господский дом на плане «просится» именно в это место, на другом он не будет смотреться. Здесь должна быть аллея со скамейками, очень удобно прогуливаться, и местность красиво просматривается. Здесь идеальное место для сада, юг, и ничто не будет заслонять солнце деревьям и кустарникам. Здесь будет жить прислуга, не будет мешать своими перемещениями отдыхающим господам. А вот здесь на холме поставим беседку — прекрасный обзор, можно и с самоварчиком посидеть, и ликерчику попить, и в картишки перекинуться. И пофлиртовать в ней можно: увитая плющом, она издали не просматривается, а из нее все вокруг отлично видно.

Как раз расположение беседки на одном из чертежей панской усадьбы и натолкнуло меня на мысль о возможном подземном ходе под территорией усадьбы. Ну, не мог архитектор запланировать строительство беседки в этом противоестественном месте. И владетельный ясновельможный пан Демкович не мог этого допустить. Совершенно глухое место на задворках усадьбы. Ни целесообразности, ни красоты, ни общей гармонии, наконец. По своему расположению в отношении других структур поместья беседка годилась разве что для заговорщиков, строящих планы свержения короля.

Уже интересно. Изучаю дальше. Вот этот канал странно погибает, с чего бы, видимых помех изменения направления нет. Эстетика тоже от этого страдает. И мостик перекидной зачем нужен в этом месте? Непонятно.

Неизвестно почему, по наитию, что ли, беру мощную лупу. Так, беседку, однозначно, вычерчивала другая рука, и линии толще, и масштаб несколько иной. Скорее всего, первоначально беседку планировалось расположить вот здесь, на берегу пруда. Всматриваюсь через лупу, может, стерта прежняя планировка? Нет, признаки подчистки отсутствуют.

Кладу чертежи на стол. Переключаюсь на другое. Через некоторое время беру план вновь и смотрю на него уже другими глазами.

Другими, в переносном смысле, конечно. Есть такой прием. Увидеть панораму и оценить замысел автора архитектурного ансамбля.

Сработало. Здесь должен существовать подземный ход, одна из точек которого — беседка. Вот его возможное прохождение: под аллеей, затем под панским обиталищем типа дворца, мимо пруда, мимо хозпостройки, вдоль странного загиба канала. Ага, вот зачем этот загиб и перекидной мостик здесь, попробуй, подкопайся под канал, он и сам, наверное, глубиной метра два-три. Дальше чертеж заканчивается. Что за границей поместья в этом направлении. Может быть лес?

Надо ехать на место.

Рекогносцировка местности подтвердила мои предположения. К счастью, поселений рядом с усадьбой не оказалось. Ближайшая деревенька была почти в трех километрах южнее. От брамы (въездные ворота) остался лишь кирпичный остов левой стороны ворот. Панский дворец обозначался высоким фундаментом из очень крупных серых камней, уцелела задняя стена здания и фрагменты боковых стен. Внутри просматривались остатки перегородок довольно многочисленных помещений.

Пруд превратился в заросшее болотце, лишь местами виднелись окошечки чистой воды. Каналы высохли полностью, впрочем, осенью дожди, возможно, и наполняли их. От мостика ничего не осталось, может, этот плоский валун служил одной из его подпорок? Я хотел проследить предполагаемый путь подземного хода. Прохожу загиб канала и дальше...

Дальше шла давно заброшенная, заросшая, в том числе и деревьями, дорога, которая метров через шестьсот уперлась в остатки какого-то монументального строения. Постройка представляла собой прямоугольник со сторонами примерно тридцать на восемь метров. Крыши не было, но все стены были целы. Сложенные из валунов и больших камней, скрепленных, по-видимому, известковым раствором, они имели толщину девяносто сантиметров, прямо крепость какая-то, и большие оконные проемы на высоте выше человеческого роста. Высота стен была не менее четырех метров. Вход был только один, высотой около двух с половиной метров. Ширина? Я просто раздвинул руки в стороны и едва достал проемы кончиками пальцев. Значит, не менее ста семидесяти сантиметров.

Внутри не сохранилось остатков ни деревянных, ни кирпичных конструкций. Не было следов дерева в оконных проемах и на входе.

Пол был земляной. Во всяком случае, наверху была земля с бытовым мусором. Когда же я ткнул шупом несколько раз, на глубине 40 — 50 сантиметров ощущалось твердое препятствие.

Я обошел строение вокруг. Земля была бугристая, в ямах. На ней валялись крупные валуны, некоторые из них скреплены между собой. Метрах в ста пятидесяти впереди было распаханное поле, на краю его чернела темная масса. Подошел. Обычный бетонный дот времен Первой мировой войны. Их-то я уже насмотрелся. Даже не стал заходить внутрь.

Возвратился, присел на камень и стал размышлять о предназначении найденного сооружения.

По толщине стен и размерам можно было предположить, что это какое-то место заточения, тюрьма попросту. Но зачем каталажке такой широченно-высоченный вход? Зачем столько больших окон?

То, что это постройка не для жилья, определено. Главное, смущали размеры входа и окон. Такой вход уместен в парадную залу, например. В него мог въехать всадник, не слезая с коня.

Нет, таких непонятных сооружений я еще не встречал ни в натуре, ни на планах построек.

Пойдем к беседке. Идти приходится уже с другой стороны пруда. Метрах в двухстах остатки двух строений. По плану это помещение для прислуги — людская и что-то типа хозяйственного двора. Туда я не сворачиваю. Моя цель — загадочная беседка.

Увы, беседка не сохранилась. Но, даже судя по торчащим остаткам пилонов на входе, она также была не маленькой. Вероятно, она была аркадного типа с балюстрадой. Валяющиеся поодаль полукруглые белые, несмотря на прошедшее немалое время, осколки указывали на наличие бельведера — круглой надстройки над павильоном. Должно быть, это было красиво в свое время.

Но само место... Беседка стояла на возвышении. С трех сторон, почти вплотную, подступали заросли леса. Было промозгло, несмотря на солнечный день. Где-то внизу журчала вода. Я зашел внутрь. Пол земляной вперемешку со строительной крошкой. Отсюда был виден лишь небольшой кусок остатков панского дворца, и еще дальше смутно темнела в редком лесу та самая непонятная фортификация с толстыми стенами.

Вновь достаю план. Сличаю с местностью. Да, должен быть подземный ход, ведущий или от, или через беседку к панской усадьбе и затем к строению неясного предназначения. Он просится и вписывается в конфигурацию чертежей.

И в то же время он совершенно не нужен. Для чего такой маршрут подземного хода в реальной жизни? Разве в прятки играть? Функционально он просто бесполезен. Его назначение скрыть людей от возможной опасности. Но им никуда не скроешься. Даже если есть его продолжение по вспаханному полю. Так это еще пара километров. Изменился ландшафт местности за двести с лишним лет? Нет. Вот план. Вот местность. Все то же.

Утро вечера мудренее, решаю я. Сейчас позвоню Старику, а завтра этой загадкой мы займемся пообстоятельнее и во всеоружии, а его у нас хватает.

Звоню, вкратце обрисовываю ситуацию, предлагаю с утра двинуться на место.

— Слушай, у тебя горит? — Это вместо обычного «без проблем».

Оказывается у него какие-то тендеры, переговоры с зарубежными партнерами и прочая бизнес-суета. На сон остается часа четыре, и так дней пять.

— Горит, — отчего-то ляпаю я, хотя и не горело. В смысле, душа-то горела разгадать заданный усадьбой ребус, и время, главное, свободное было. Обычно самый дефицит кладоискателя — время, его не хватает постоянно.

— Тогда утром водила подвезет тебе «японца», остальное у тебя есть. Если найдешь могилу Чингисхана, звони, брошу все дела. До связи, — Старик необычайно лаконичен, значит действительно в завале.

Утром начинаю с беседки. Тестирование пола шупом ничего не дает. Включаю «японца». Прибор сразу же регистрирует обширную пустоту в двух шагах слева от входа. Пытаюсь копать. Сначала строительный мусор, затем просто земля. Почти метровый шурф, вырытый в месте самого сильного сигнала, ничего не достигает. Шуп тоже уходит в глубину. Сую в шурф тарелку металлодетектора. Гудит басом, есть железная масса.

Решаю обойти беседку кругом, может, обнаружу железяку. Возле высокого фундамента беседки в месте напротив сделанного мной шурфа прибор гудит непрерывно и рыковито. К грубо рустированному фундаменту беседки примыкает нечто вроде скамеечки, такая тонкая квадратная гранитная плита, опирающаяся на четыре фигурные пята. Симпатично, но непонятно к чему здесь этот приземистый столик. Может, лакеи фрукты ставили и шампанское в тенечке охлаждали. Сую тарелку металлоискателя под столик. Гудит здесь.

Пытаюсь руками приподнять плиту. Тяжело. Беру лом и сдвигаю в сторону. Что-то скрежешет, и плита падает боком на землю. Ага, здесь был простейший крепежный механизм. На двух фигурных пятах, примыкающих к стенке беседки, были прикреплены специальные шарниры. Возможно, они еще и действовали, но поднимать плиту надо было, одновременно прислоняя ее к фундаменту беседки. Я же, используя стенку беседки в качестве упора, наоборот, подвернул ее ломом с другой стороны. Шарниры, уже проржавевшие, просто лопнули и отпустили плиту. А вообще сделано было неизвестным мастером надежно и остроумно.

Слегка тюкаю в этом месте концом лома в землю, он легко проваливается и, поскольку я этого никак не ожидал, он вываливается из моих рук и со звоном падает где-то внизу. Увы, в азарте я забыл об осторожности. Этак, вместо лома и самому можно провалиться неведь куда.

Лопатой аккуратно снимаю верхний слой дерна, а затем с помощью ножа, пластмассовой лопатки и широкой кисти убираю почву. И вот он люк. Квадратный. С широким кольцом у края. Берусь за кольцо, осторожно тяну. Кольцо издает легкий скрежет и остается в моей руке. Люк и все его детали полностью проржавели. Приходится убирать его фрагментами. На это уходит минут десять.

И вот передо мной лаз под землю. Вниз идут кирпичные ступени. Беру фонарик и, подсвечивая под ноги, спускаюсь, придерживаясь рукой, лицом к ступенькам. Лаз идет наклонно, выпрямиться невозможно. Вот и мой ломик. Шестнадцать ступеней, и я стою на дне квадратной комнатухи полтора на полтора метра. И в высоту около двух метров. Справа на уровне пояса в стене сделан люнет, в нем стоит распятие сантиметров шестьдесят в высоту. Это сразу убеждает меня, что я здесь первый посетитель, не считая владельцев подземелья. Распятие бронзовое и кажется очень древним. Слева на вбитом в кирпичи крюке висят два солидных ключа. На всякий случай сую их в сумку на поясе. Прямо, пока хватает луча фонаря, тянется подземный ход. В подземелье сухо. Я не знаю, видели ли вы воочию ту капсулу, в которой запустили в космос Юрия Гагарина. Я видел в Монино под Москвой, в военно-воздушной академии этот шарик метрового диаметра. Немало не сомневаюсь в вашей отваге. Но. Надуйте воздушный шарик размером в четыре ваших головы и попробуйте представить, что туда можно залезть. И непросто залезть, а просидеть там в позе эмбриона почти сутки. И непросто просидеть, а быть

зашвырнутым в этой штуковине на земную орбиту и болтаться там, ожидая одной из тысяч неполадок, которая оборвет ваше бренное существование. И сказать: «Поехали!» Это Героизм. С большой буквы. Сравните-ка, за что сейчас многим давали звание Героя России?

Именно о Гагарине мне почему-то вспомнилось в душной тесноте подземелья, когда сжало сердце, потемнело в глазах и застучало в висках. Я стал пятиться потихоньку назад. Стены цепляли за мои плечи, как бы не желая меня выпускать из каменной ловушки. Кажется, что не хватает воздуха. Но, глотнув коньяка, я успокаиваюсь, дыхание и пульс приходят в норму. Вот и развилка.

Иду теперь прямо. Автоматически считаю шаги. Сто шесть, и я упираюсь в крепкую, обитую железными, слегка ржавыми полосами, дверь. Она закрыта. Достая снятые с крюка у входа ключи, один из них подходит и с мерзким ржавым скрежетом проворачивает механизм замка. Нет, мне все-таки страшно. Коего черта я полез сюда один. Цепляю фонарик на грудь, правой рукой перехватываю поудобней ломик, а левой осторожно толкаю дверь. Она не поддается. Толкаю плечом сильнее, результат тот же. Может, замок не открылся? Кручу ключом, так и есть, два оборота. За дверью слышится шорох, как будто по ней провели тряпкой. Становится не по себе. Возвратиться? Еще глоток коньяка.

Медленно-медленно открываю дверь. Тягуче скрипят ржавые петли. Все — открыл, хлопнув до упора, в стену. За ней никого не может быть. Свечу фонарем по сторонам. Впереди просторная комната, пустая. Вхожу. Потолок здесь выше, можно стоять в полный рост. Стены выложены изразцами, на каждом шестом изразце изображена змея, заглатывающая свой хвост, и все это расположено в шахматном порядке. Пол брусчатый, но неровный. У противоположной стены следы, оставленные, очевидно, мебелью, так как изразцовая облицовка на определенной высоте потерта. Но вообще красиво, похоже на какое-то ритуальное помещение.

Судя по всему, я нахожусь в подземелье под панским палацем (дворцом). Различных помещений здесь много, около десятка. Коньяк сделал свое дело, и я хожу уже безбоязненно. Двери в некоторые комнаты есть, но без замков. Никакой мебели, никаких украшений на стенах, никаких полок или ящиков. Предназначение помещений совершенно непонятно. Пока брожу бессистемно. Открыв очередную дверь, обнаруживаю за ней продолжение подземного хода. Опять приходится идти полусогнувшись.

Через несколько метров слева снова дверь, а ход продолжает идти дальше, причем с наклоном вниз. Эта дверь тоже закрыта. Подходит второй ключ, открываю, ого... Это, по всей видимости, темница, в которой содержали узников. Но скелетов и костей, к счастью, не видно. Длина комнаты около двух метров и почти такая же ширина. А вот высота лишь метр с небольшим, можно передвигаться только на коленях. Но я туда и не лезу. Пол земляной, но сухой. В стену напротив двери на двадцатисантиметровой высоте вмурованы три больших ржавых кольца. Над двумя из них вмурованы прямо под потолком огромные крюки зловещего вида. Определенно, пыточная. На кирпичах выцарапаны какие-то неразборчивые надписи, не на русском, по-моему.

Подробные исследования и изыскания всех этих ходов, переходов, лабиринтов и помещений будем проводить со Стариком с использованием новейших технических достижений. Одному под землей несподручно совершенно. А пока дальнейшая разведка.

Метров через шестьдесят (шаги уже не считаю) ход утыкается в очередную дверь. Закрытую. По моим прикидкам я где-то в районе под парковыми аллеями. Пробую открыть имеющимися ключами, даже не влазят. Ломик тоже некуда подсунуть, все плотно пригнано. Да и дверь дубовая крепкая. Здесь, наверное, все из дуба, благо растет целая дубовая аллея. А еще, кажется, есть и буковая, и грабовая, и липовая. Придется возвращаться за другими инструментами. Прошло всего лишь часа три и весь день впереди.

Из машины беру с собой аккумуляторную электродрель, лопату, широкую стамеску и кувалду. Немного блуждаю в подземелье под господским домом, но нахожу искомый ход. Все-таки неудобно работать одному. Прислоняю к стене кувалду вверх головой, на нее ставлю фонарь, получается шаткое такое сооружение, и пытаюсь высверлить замок. Не выходит — это, наверное, современные звонки высверливаются, а старинный этим не возьмешь. Не вырубить и стамеской. Стамеска и кувалда не то сочетание. Попробуйте взять одной рукой стамеску и попасть по ней кувалдой.

Решаю применить самый кардинальный метод — ударить кувалдой в район расположения замка. Замок, наверняка, проржавевший и не выдержит. Хватаю кувалду обеими руками и со всего плеча шарахаю по двери. Дверь трещит, но выдерживает. Зато сзади слышится странный шелестящий звук. Примерно такой, когда большегрузный самосвал высыпает из кузова землю вперемешку с камнями. Я свечу назад фонарем и холодею. Метрах в пяти позади меня произошел

обвал свода, причем струи земли и камни продолжали осыпаться, правда, небольшими порциями.

Я оказался в ловушке. Первое же ощущение — сейчас обрушится все. Нет, проходит несколько минут, а может секунд (время в таких случаях смещается), все тихо. Второе ощущение — мне уже не хватает воздуха. Дышу тяжело и прерывисто, вот-вот кислород закончится, я это уже ощущаю. Меня ждет смерть от удушья. Хватаю электродрель, сверлю в центре двери несколько отверстий. Припадаю к ним губами.

Но понемногу паника уходит. Начинаю размышлять и сообщать. Отрываю узенькую полоску от туалетной салфетки и подношу ее к отверстиям в двери. Бумажка колышется, значит, приток воздуха, а, возможно, и небольшой сквознячок есть. Достая из кармана мобильник. Бесполезно, связи нет. Искать меня здесь никто не будет, я даже Старику не сообщил координаты. Выключаю фонарь, нужно экономить электричество. Посторонней помощи не будет. Значит?

Значит, следует пытаться выбраться самому. У меня пять метров пространства, на котором я могу маневрировать. Попробовать выбить дверь — это вызвать новый обвал, который погребет и меня, наверняка. Нет, дверь трогать вообще нельзя. Только благодаря ей обрушение произошло дальше, а в этом месте она поддержала свод.

Разбирать завал и копать в обратном направлении к дому? Неизвестно, какова длина и площадь обрушения, а если это десятки метров? Да и куда девать землю? Да еще с моей лопатой. Конечно, хорошо, что есть и такая. Маленькая, с узким острым лезвием, титановая. Моя гордость. Но в сложившейся ситуации я предпочел бы широкий шуфель.

Вот идиот! Это я о себе. Полез под землю один, невтерпеж, видите ли. Шастал совершенно беспланово. Хватанул коньяка. Да в процессе поиска — спиртное вообще исключено. Потом, конечно, с нашим удовольствием, — посидеть со Стариком, к примеру, порассуждать, погипотезировать по теме, ругануть процветающую попу и бескультурие, продажность политиков, Буша какого-нибудь недобрым словом помянуть. Ну, много есть, о чем поговорить хорошим людям за хорошим напитком. Ну, а махать в подземелье кувалдой, это вообще додуматься надо.

Ладно, критику — критикам. Мне сейчас либо лечь в угол и складывать ручки, либо, назовем вещи своими именами, побороться за свою жизнь. *«Терциум нон датур» — третьего не дано, в*

переводе с латыни. Или, как выразился О. Бендер, кажется: «*Пан или пропал. Выбираю пана, хотя...*», ну и так далее. Я также выбираю пана и начинаю ревизию своего имущества.

Кувалда. Пока бесполезна и даже опасна. Аккумуляторная электродрель. На худой конец, можно будет попытаться просверлить несколько сотен отверстий в двери в виде круга, выдавить этот круг и пролезть через него дальше. Не хватит энергии. И прилагать усилия опасно, а без усилия не выдавишь, дуб все-таки. Ломик — вещь удобная и пригодится при разборе завала. Фонарик, наравне с лопатой, самые полезные предметы в сложившейся ситуации. В темноте вообще не поработаешь. И еще часы, контроль времени необходим. Мобильник бесполезен. Есть еще всякие мелкие вещи типа ножа, набора отверток, стамески, маленькой пилки и прочих мелочей.

Хуже обстоит дело с продовольствием. Полфляжки коньяка. Может вылить его сразу? Нет, может стодиться для дезинфекции, если поранишься. На поясе всегда висит двухлитровая фляга с водой, не для питья, а чтобы промывать находки. Но пить можно, и, на счастье, она полна. Как водится, сразу же обуюла жажда, скорей глотнуть. Нет, переходим на жесткий режим экономии, кто знает, сколько придется еще пробыть под землей. Где-то я читал, что без воды человек может прожить не более двух недель, а без пищи — больше месяца. А из пищи у меня всего лишь пакетик жевательной резинки «Орбит».

Вы уже, наверное, догадались, что единственный реальный путь к свободе — пробиваться наверх через обрушившийся завал.

Бесполезно прикидывать, на какой глубине я нахожусь. Возле беседки я опустился под землю метра на три. Но затем ход постоянно опускался, хотя и ненамного. Однако если я спускался каждый метр на один сантиметр вниз, то через двести метров разница составит два метра. Хотя гадать бесполезно. Я бродил по подземельям в состоянии полной эйфории, оттого что мои предположения о наличии хода подтвердились, и, в отличие от сложившейся практики, не делал записей, планов и чертежей с примерными величинами.

Понятно, что назад я вырвался, иначе вы не читали бы эти строки. Стоило мне это неимоверных трудов и, наверное, нескольких потерянных лет жизни. Лишь на третьи сутки, грязный, с ободранными ладонями и сорванными ногтями, я увидел небо. Спас меня дуб. Недаром он считается у славян священным деревом, придающим силу, и является моим деревом по знаку Зодиака.

Дуб рос как раз почти над дверью, по которой я так легкомысленно лупил кувалдой. Его мощные разветвленные корни не дали земле обрушиться в этом месте. Корни же и помогли мне выбраться на поверхность. Я осторожно под углом цеплял лопатой почву, клал ее под ноги, по возможности укреплял обломками кирпичей рухнувшего свода, делая нечто вроде ступени вверх. Плашмя лезвием лопаты притрамбовывал и верхнюю часть своего лаза.

Так я продвигался вперед под углом около сорока-сорока пяти градусов. Работать лопатой было крайне неудобно, делать лаз шире было опасно ввиду угрозы обвала, приходилось часто отдыхать. При этом надо было продираться между корней, никогда бы не подумал, что у дуба их так много. Понимая, что могу полностью обессилеть, я допил коньяк и поспал несколько часов. Иногда мне казалось, что мои усилия не принесут успеха, настолько медленным было продвижение вперед. Вы не представляете мои ощущения, когда лопата, наконец, ушла в пустоту и, потянув ее назад к себе, я увидел кусочек дневного света...

Я стоял, обняв дуб, не меньше часа. Зазвонил мобильник. Меня искали. Никогда в жизни я больше не спускался под землю один.

Мы со Стариком довели это дело до конца. Нас ждали интереснейшие находки. Расследование показало, что пан Демкович, владелец усадьбы, занимался фальшивомонетничеством и в немалом масштабе. Сама мастерская находилась под садом, к ней вел как раз тот узкий ход влево, в который я лезть тогда не рискнул. В ней находились мотки оловянной проволоки, куски серебряной проволоки, серебряные слитки, множество мелкой медной монеты, различный серебряный и медный лом в виде остатков посуды и предметов быта. Всего этого добра было более ста килограммов. Там же находились четыре чекана, или штемпеля, для чеканки фальшивых монет, различные молотки, щипцы, клещи и многие другие приспособления, непонятные для непосвященного в монетное дело человека.

Огромная постройка в лесу с большими окнами служила кузницей, а в поразившие меня своей величиной двери, заходили подковывать лошадей. Кузнецы выковывали и другие хозяйственные предметы, однако это все было, в общем-то, ширмой. Главным сооружением кузни был не горн с наковальней, а небольшая плавильная печь. В эту печь загружались в определенной пропорции серебро, медь и олово, из которых получался сплав низкопробного серебра. Ну, а полученное серебро шло на изготовление фальшивых монет. С помощью «японца» мы нашли в различных уголках

подземелий несколько тайников, а в них кожаные мешки с поддельными монетами.

В одном из тайников стоял шкафчик, на полках которого выстроились небольшие квадратные бутылочки темно-коричневого, темно-зеленого и светло-синего цвета. Их содержимое было разным. В двух светло-синих пузырьках определенно была ртуть. Еще одна светло-синяя содержала затвердевшую темно-красную массу. Во всех четырех темно-коричневых бутылочках были какие-то порошки. Мы их даже не открывали, опасаясь яда. Один темно-зеленый флакон, с плотно притертой пробкой, содержал какую-то тягучую жидкость. На дне другого темнел плотный осадок. Кроме того, в шкафчике стояли несколько тиглей, лежали пестики, шипчики, потемневшие серебряные ложки, несколько аптекарских гирек. Но самих весов не было. Тогда мы дружно решили, что пан Демкович был еще и отравителем и готовил яды. Закрыли шкаф и ни к чему не притронулись.

Лишь позже, когда ко мне в руки попали пару книг по алхимии, я пришел к другому выводу. Владелец усадьбы, скорее всего, занимался алхимией и пытался изготовить путем соединения различных веществ и определенных операций золото. А может, так называемый «философский камень».

В то время этим занимались многие, в том числе известные ученые. Например, великий Томас Алва Эдисон, автор свыше тысячи различных изобретений. Или Никола Тесла, которому также принадлежит множество открытий и изобретений, а его именем названа единица магнитной индукции. Этим людей трудно заподозрить в «чернокнижничестве» и шарлатанстве.

Истории, мифы, легенды об алхимиках, инквизиционные дела по ним составили бы многотомный труд. Лично я верю, что одни вещества можно превращать в другие — ведь все состоит из атомов. Но не верю, что это было возможно в Средние века. Хотя история оставила нам удивительнейшие факты, косвенно подтверждающие наличие такой возможности.

Алхимик Джордж Рипл, живший в XV веке и являвшийся личным другом папы Иннокентия VIII, который, кроме папства, прославился своей ученостью, чего-то такого мог и достичь. Иначе чем объяснить его фантастическое пожертвование в 1460 году Мальтийскому ордену семи тысяч фунтов стерлингов. Фунт в те времена и был фунтом, то есть мерой веса. Откуда бедному алхимику можно было взять столь астрономическую сумму?

Или возьмем Стефена Эмменса — ученого-химика, автора многих серьезных научных публикаций и открытий. Лаборатория Соединенных Штатов Америки, подтвердив наличие всех свойств золота в трех изготовленных им слитках, в то же время отметила необычный серебристый цвет полученного металла. Она купила эти слитки. В ответ на требование открыть секрет изготовления этого золота, Эмменс сказал, что его открытие обрушило бы всю мировую финансовую систему, согласившись, однако, продемонстрировать этот опыт публично на Парижской всемирной выставке в 1900 году. Дабы не обвиняли в шарлатанстве. Но по дороге туда он исчез, и никогда уже о нем не слышали.

Вернемся, однако, к нашему подземелью.

В другом тайнике нашлось также донесение подкомория Вилкомирского повета Гнеся Виртожа королю Сигизмунду III о его подозрениях относительно изготовления фальшивых денег в имении шляхтича Демковича. Вероятно, означенный шляхтич имел при дворе связи, и донос передали ему. Вообще всяких бумаг было много, их еще предстоит переводить и изучать.

Скорее всего, подкомория постигла печальная судьба. В одной из пустот, обнаруженных умным «японцем», мы нашли замурованный скелет. При скелете находилась свинцовая печать Вилкомирского повета, какой-то ключ и серебряные пряжки на остатках кожаных башмаков.

Судьбу самого пана Демковича нам прояснить пока не удалось. Дело в том, что изготовление фальшивых денег из низкопробного серебра было в те времена ремеслом весьма распространенным. Как в Речи Посполитой, так и на Руси.

Так, Соборное уложение 1649 года гласило: «... *Которые денежные мастера учнут делати медные или оловянные или укладные денги, или в денежное дело учнут прибавливати медь, или олово, или свинец, и тем государеве казне учнут чините убыль, и тех денежных мастеров за такое дело казнити смертию, залити горло*». И заливали. Расплавленным оловом. Аналогичные законы действовали в Речи Посполитой. Организатора и исполнителей изготовления поддельных денег ждала только смерть. Различные пособники могли отделаться отсечением конечностей.

С большой степенью вероятности можно предположить, что и Демковича постигла подобная участь. Видно не раз доносил подкоморий о черных делах шляхтича, а возможно, и не он один. То, что тайники с фальшивками остались в целости, как и подпольная

мастерская, свидетельствовало о том, что вельможный пан когда-то домой уже не вернулся.

Впрочем, этот вопрос еще подлежит изучению, как и территория поместья и подземелья, которые оказались весьма обширными. Мы исследовали далеко не все.

Глава одиннадцатая

Призраки полесского рудника

В Беларуси практически нет своих полезных ископаемых. Калийная соль. Немного нефти, которую открыли еще в конце девятнадцатого столетия. Кстати, к началу двадцатого века нефть добывалась только в России и Соединенных Штатах Америки. Есть еще небольшие залежи железной, алюминиевой и медной руд.

Зато... Помните такую песню: *«Широка страна моя родная, много в ней полей, лесов и рек...»*. Это о Союзе Советских Социалистических Республик. Но часть вторая приведенной строфы полностью относится к Беларуси. Недаром нашу республику называют синеокой. На ее сравнительно небольшой территории расположено свыше двадцати тысяч рек и почти одиннадцать тысяч озер. Все знают о Беловежской и Налибокской пушах. Именно в последней происходили действия по роману и фильму «В августе сорок четвертого». Красота наших озер, без преувеличения, неповторима. Озеро Нарочь, Браславские озера... Озеро Волоса на Браславщине обладает уникальными глинами, сравнимыми со знаменитыми глинами Мертвого моря.

А «Голубые озера» являются довольно компактным и, на мой взгляд, самым красивейшим заповедником такого рода во всем мире. Гористый ландшафт, а внизу небольшие округлые пятна разноцветных озер — от темно-синих до изумрудно-зеленых. И маленькое, площадью лишь 0,78 га, но самое глубокое озеро в Беларуси, с загадочным названием Балдук. На территории заповедника реки Страча и Друйка с настоящими порогами.

На Логойщине есть у нас и своя Швейцария со своими белорусскими Альпами, где уже построена и функционирует первая очередь горнолыжного комплекса с кресельной канатной дорогой.

Наконец, есть у нас своя Амазонка — река Припять, в некоторых пойменных лесах которой (последних в Европе) не ступала нога

человека, в чем я убедился сам. Реликтовая флора и фауна, тысячетлетние дубы-великаны, хвощи и трава выше человеческого роста. Вот где надо было снимать «Парк Юрского периода». А весной бассейн реки Припять превращается в настоящее море.

Читатель в недоумении? Что-то я начал с полезных ископаемых, а закончил прямо рекламным проспектом турфирмы, типа «Посетите Беларусь». Посетить, хотя бы эти перечисленные места, я вам действительно советую, если не бывали. Сами убедитесь, куда там европам и америкам...

Речь в этой главе, как раз и пойдет о полезных ископаемых. О золоте. И о его добыче. В бассейне реки Припять.

Однажды на книжном рынке мне попала в руки книга с названием «Добыча золота в Российской империи», издательство «Колос», 1929 год. Конечно, я ее приобрел. Не с целью добычи этого полезного ископаемого, а по своей теме. Я покупаю все книги и брошюры, касающиеся нумизматики, монет, кладов, драгоценных металлов и камней, и прочие, могущие пригодиться в многообразном процессе кладоискательства.

Дома я ее полистал, мама родная! Оказывается, в XVIII—XIX веках на территории нынешней Гомельской области, в бассейне реки Припять существовали рудники по добыче золота. Дана карта района, нарисованы различные схемы. Может, добыча была и невеликой. Рудник «Кротъ», например, давал около восьми пудов золота в год.

Немедленно звоню Старику. Встречаемся в кафешке. Как и обычно, он загорается идеей посещения заброшенных рудников сразу. Мы мотались за семь тысяч километров за Байкал, чуть унесли оттуда ноги, а здесь сокровища под боком — примерно таковы его основные слагаемые. Договариваемся, за мной разработка маршрута и все прочие подготовительные исследования, за ним транспорт, продовольствие, техническая сторона дела. Неравные условия, скажете? Но он побогаче меня, и иногда с удовольствием берет на себя большую часть расходов. Я уже говорил, что человек он не жадный.

Итак, начинаю с реки Припять. Я побывал на ней лишь однажды, будучи в командировке в городе Пинске. Пинск старинный и красивый город, расположен как раз при впадении реки Пины в Припять. Известен аж с 1097 года. Был центром Турово-Пинского и Пинского княжества. Великий русский поэт Александр Блок сравнивал его с градом Китежем по неповторимому колориту самобытности. В этом

районе был центр славянских племенных объединений дреговичей. По существующей легенде, сюда по Днепру и Припяти против течения приплыли каменные кресты из Киева, что и способствовало обращению дреговичей в христианство. Город видел много войн, старина и ее раны тут на каждом шагу. Здесь побывали и шведы со своей зловредной привычкой взрывать замки, уничтожив старинный замок магнатов Вышневецких.

Посидели тогда с шашлычком и ухой на берегу Припяти. Впечатляющая река. Даже вблизи города от нее тянет какой-то дремучестью, блеском осколка старины.

На Припяти также стоит, пожалуй, самый древний город Беларуси — Туров. Первое упоминание о нем в Ипатьевской летописи относится к 980 году. У него есть и современная легенда. Хотя, судя по многочисленным свидетельствам и прессе, это вовсе и не легенда. На выезде из городка есть старое Борисо-Глебское кладбище. Лет восемь назад на нем из-под земли начал расти каменный крест. Утверждают, что к настоящему времени крест вылез почти на полтора метра, явив миру поперечную перекладину. Люди считают это чудом. Якобы здесь был похоронен в глубокой древности святой Кирилл Туровский. Сейчас сюда стекаются толпы паломников и просто любопытствующих. Ученые-краеведы пытаются объяснить это явление движением грунтовых подземных вод. Возможно, после окончательного вытеснения креста из-под земли здесь забьет подземный источник.

Таинственный и загадочный край Полесье, по которому течет Припять, занимает всю южную часть Беларуси. Ее протяженность с запада на восток свыше 500 километров, с севера на юг — более 200 километров. Впечатляет? Целое государство. И громадные территории абсолютно безлюдных мест. Сотни крупных озер в Белорусском Полесье, из которых наиболее крупные и известные, — Червонное, Выгоновское, Черное... Вообще, многие озера кажутся черными, так как стоят на торфяниках. И нескладанное количество мелких, которые то появляются, то исчезают.

Значительную часть Полесья занимают гигантские болота. Крупнейшие из них Поддубичи, Выгонощанское болото, Великий Лес, Загальский Массив, Гричин, Булев Мох, — всех не перечислишь. Их глубина неимоверна. Там, где проводились мелиоративные работы, толщина торфяного слоя достигала одиннадцати метров. Несколько оживляют пейзаж дубово-грабовые леса, параболические моренные гряды и ледниковые холмы. Это я пишу,

уже побывав в том неизведанном краю со Стариком и убедившись, что сухие строчки энциклопедий и словарей преуменьшают дикую первозданность этих краев. Впечатление какого-то потустороннего опасного мира. Действительно, как мы убедились, весьма опасного. Его реплики о валяющихся под ногами и под боком сокровищах, высказанные на первой встрече в кафе, оказались в корне неверными.

Особенно страшны и непредсказуемы травянистые болота. Со стороны посмотришь: поле-полем, поросшее травой, кое-где проблескивают лужицы воды. Ни в коем случае не следует пытаться по нему пройти. Первые несколько шагов — как будто нормальная твердая почва. Еще несколько — почва начинает подрагивать под твоими ногами и колыхаться. Еще шаг — и тебя нет. И уже не будет. Потому что, даже если рядом люди, они никак не смогут тебе помочь. Ты исчезнешь мгновенно. А глубины там бездонные.

Конечно, я пишу это не по собственному печальному опыту. Если бы такой опыт состоялся, писать было бы некому. Перед поездкой я тщательно проштудировал соответствующую литературу. А главное, о нраве и коварстве болотных участков и троп мы узнали от жителей припятской деревеньки, откуда стартовали на искомое место.

Но вернемся к Припяти. Ее длина 775 километров, а площадь бассейна — 114,3 тысячи квадратных километров. С чем сравнить? Допустим Одер, одна из крупнейших рек Европы, протекающая по территории Германии, Польши и Чехии. Ее математические данные следующие: длина — 860 километров, площадь бассейна — 119 тысяч квадратных километров. Сравнили? И не забывайте, что Припять — всего лишь приток Днепра.

В нее впадают сотни рек и речушек. Она обладает очень разветвленной и широкой поймой, которая уже в районе Пинска достигает тридцатикилометровой ширины. На Припяти множество островков, протоков и стариц. На протяжении 500 километров река судоходна.

В районе города Мозыря Припять резко поворачивает направо и устремляется к Украине, где и впадает в могучий Днепр. На Украине на этой реке стоит печально известный Чернобыль и мертвый город под названием Припять. В сильный паводок река превосходит по своим размерам иные моря.

Вот в такой удивительный по своей первобытной красоте и непредсказуемо опасный край нам предстояло отправиться.

Встречаемся со Стариком у меня дома. Кратко обрисовываю ему общую обстановку. Акцентирую моменты возможных трудностей.

Может, передумаем ехать в эти глухие края, где, случись что, помощи ждать неоткуда. Мобильная связь там не действует, ближайший населенный пункт — забытая богом деревушка почти в сорока километрах от рудника. И болота, болота, болота.

Но Старик не из людей, меняющих свои решения по таким соображениям. Я тоже такой. Значит, вперед.

Рисую и показываю по километровке маршрут. До города Петрикова, стоящего на Припяти, на автомашине. Там пересаживаемся в надувную лодку и назад против течения до деревни Перероевский млынок, которая стоит уже на другом берегу. Оттуда по маленькой речушке без названия, впадающей в Припять, в сторону деревни с названием Симоничская Рудня. Кстати, населенных пунктов со словом «Рудня» в названии по ту сторону реки на карте полно. Вичская Рудня, Уботская Рудня, Мысовская Рудня, просто Рудня....

Нам нужна обширная моренная гряда, вот она обозначена на карте параболическим колечком. В ней и расположен заброшенный золотой рудник. Прямо до него на лодке не доберемся, какую-то часть придется идти по болоту. Какую, кто знает? Карта пятнадцатилетней давности, более современной разжиться не удалось. Рельеф местности мог здорово измениться за это время. Хуже всего, если речка исчезла. Это бездумная мелиорация натворила уже множество бед, изменивших природу в худшую сторону.

Еще одно совместное изучение карт. Да, этот маршрут, хоть и с солидным крюком в сторону, но наиболее проходимый и безопасный. Более короткие пути — сплошные болота. Утверждается. Выезд послезавтра утром.

До Петрикова добираемся без приключений. Джип оставляем на охраняемой стоянке. Надувная немецкая лодочка с немецким же моторчиком скорость развивала небольшую. Да нам этого и не требовалось. Мы всматриваемся в левый берег, поросший высоким лесом. Березовые, ольховые, сосновые, смешанные лески перемежаются иногда песчаными лысыми дюнами высотой в несколько метров. Видны старицы, образованные многочисленными протоками, островки, песчаные мысы. Мы стараемся держаться середины реки, чтобы не нарваться ненароком на мель. Хотя осадка у нас мизерная — сантиметров пятнадцать. Но дело не в самой мели, возле нее могут находиться затонувшие деревья с острыми сучьями. Напорешься на такое, и прощай поход, нужно возвращаться и чинить лодку.

Один раз навстречу прогудел сердито пароходик, видно мы шли по неположенному фарватеру. Стали гадать, похожи ли

правила движения по воде аналогичным правилам на дорогах? Не пришли к определенному мнению. Как правило, у моряков все иначе. У одного и того же предмета совершенно разные названия. А если название одно, обязательно ударение на другом слоге. Сравните, у сухопутных людей компас с ударением на первый слог, морской лексикон ставит ударение в этом слове на окончание «...пáс».

Пока болтали о том, о сем, да присматривались к берегам — вот и деревня с интересным названием Перероевский млынок. Ну, млынок, понятно — мельница, точнее мельничка. А вот что такое Перероевский? От слова перерывать? Перекопанная мельница? Впрочем, в своей практике встречались с гораздо более загадочными названиями. Богата людская фантазия.

Никакой мельницы в деревеньке не видать, в ней всего-то дворов двадцать. Идем вдоль по улице. Первые четыре дома заперты на замки. Из пятого на стук выходит высокий седой дед с седой длинной бородой. А вслед седенькая полная невысокая старушка. Вот они загадочные полешуки, жители Полесья — народность со своими вековыми устоями, обычаями, традициями и с добрым нравом. Белорусского лидера Петра Машерова спросили, кто же такие полешуки: нация или народность, или этническая прослойка? Знаете, он ответил просто и точно: «*Полешуки — это белорусы, только со знаком качества*».

Мы поздоровались и спросили дорогу к речке, которая ведет по направлению к Симоничской Рудне. Старикан пригласил нас присесть на скамеечку, бабушка вынесла по здоровенной деревянной кружке замечательного кисловатого прохладного кваса. Завязался неторопливый разговор.

— Туристы, что ли?

— Геологи мы. — Не говорить же, что за золотом прибыли. — Разведку проводим, говорят, там рудник старинный есть?

— Есть такой, кажут, медь на ем раньше добывали.

Медь? Вот так штука, может автор книжки что-то напутал или мы маршрут не тот избрали. Нет, дед там не бывал, далеко. И никто из местных туда не ходит. Нечистая сила там водится. По ночам огни на курганах горят.

— Болоты там непролазные, хлопцы, мабуть не пройдете, утопнете — встречается старушка.

Объясняем, что у нас есть маленькая лодочка, а на карте обозначена речка.

— Только и название, что речка, шпаку (скворцу) по колено, — говорит дед, — кали вода высокая, то еще ничего и рыбку поймать можно, а так... — безнадежно машет рукой.

Но мы уже привыкли, — никакой поиск без трудностей на определенном этапе не бывает. Как правило, мы с ними справляемся. Болото, правда, дело совершенно новое. Опыт почти нулевой. Встречались, конечно, и болота, но не такие. Мы их еще и не видели, но если даже местные не советуют туда соваться... Просим показать дорогу к речке.

Дед просто встает и машет нам рукой, пошли, мол. По дороге к реке объясняет простейшие правила безопасности поведения на болоте. Надо вырубить две слеги (очищенные от сучьев стволы деревьев). Одну держать на весу, у пояса, а второй тыкать, да несколько раз, туда, куда собираешься ступить ногой. Зачем одну слегу держать у пояса? Если провалишься, бывает, кажется, твердо, а раз и..., так вот эта слега поможет удержаться на поверхности, лежа плашмя не даст дальше провалиться. А если провалился, вторую слегу делай накрест первой, — не двигаясь можно несколько часов продержаться, да с ними и продвигаться можно приноровиться.

Далее, ношу, вещмешок, рюкзак, сумку тяжелые надобно сбросить сразу, это только кажется, что они могут помочь удержаться в трясине. Выбирать путь надо ближе к деревьям и кустарникам, ступать на их корни, и то это не гарантия, — деревцо может быть буквально плавучим. Там, где большие деревья, надежней. Дубы и грабы на болоте не растут. Где они есть, можно идти смело. На кочки — это заросшие пни — вообще рассчитывать нечего — гнилье.

Вдвоем двигаться легче. Идти нужно гуськом, каждый за пояс обвязавшись веревкой, связаться вместе. Дистанция метра три, ступать след в след. Но веревка должна быть метров десять — такие бочаги бездонные попадают, чтоб один другого сразу на дно не уволок.

При таком устрашающем, но полезном инструктаже доходим по высокому берегу до места впадения нашей речки в Припять. Насчет скворца дед не совсем прав, русло шириной метров пятнадцать, да и глубина вроде подходящая — дна не видно. Вверх против течения она, конечно, будет сужаться.

Благодарим за науку и прощаемся со славным стариканом. Он осеняет нас крестом по-православному, а мы идем к нашей лодке.

Без всяких приключений мы проплыли километров пятнадцать. Затем река сузилась до пяти-семи метров, местами то разливаясь небольшим озерцом, то разделяясь на две протоки. И тогда при-

ходилось идти берегом в разведку, смотреть сливаются ли протоки дальше, или пошли каждая своей дорогой. Бензин следовало экономить, его запас был небольшим, лодочка и так была переполнена. Берега были вполне твердые, поросшие лесом, местами встречались буреломы. Чуть далее по сторонам угадывались болота.

Время уже перекаатило за полдень. К вечеру мы должны быть на гряде. Заночевать в пути явно не хотелось. Хотя у нас была палатка и по спальному мешку на каждого. Местность утрюмая, сырость, змеи, знаете ли. Да и мало ли кто в этих болотах водится? Не зря местные сюда не ходят. На ходу перекусили, сменяя друг друга за рулем.

Русло речонки еще более сузилось, стали появляться заторы из поваленных деревьев и корчаг. Обходим эти места посуху, таща лодку на себе. Берега пока твердые. Пару раз видели водяных змей. Габариты, почти как у удавов. В научной литературе их не считают опасными. Но в воду мы стараемся не лезть, кто их знает этих змей.

Вот впереди показался большой просвет, и мы подплываем к озерцу, из которого вытекает речка. Из воды торчит всякая растительность, порой нам незнакомая, есть и большие поля чистой воды. За озерцом чернеет лес, а за ним должна быть возвышенность с заброшенным золотоносным рудником. Мы у цели.

Обсуждаем, плыть ли дальше по озерцу. Не болото ли это, покрытое слегка водой, не зря из воды и болотные растения торчат. Наверное, здесь из-под земли бьют ключи, от них и образовалась река. Застрянем где-нибудь посередине, лодка сядет на брюхо на торфяник и что? Достанем ли шестами дно, чтобы оттолкнуться? А если нет. Так и будем торчать посередке болота, ни вплавь, ни пешком оттуда не выбраться. Помощи ждать неоткуда, случайных прохожих тут не бывает, все — кранты.

До сумерек остается часа четыре. Решаем не рисковать и озерцо обойти стороной. Какой? Наверное, правой — на правом берегу загадочного водоема деревья повыше, чем на левом. Значит, теоретически, почва должна быть тверже. Хотя на карте здесь отражено только болото, никаких лесов. Ну, выросли за пятнадцать лет.

Вытаскиваем лодку на берег, здесь ее никто не тронет, не тащить же за собой, грузов и так хватает. Вырубам шесты, или слегги, по терминологии старого полешука, обвязываемся и соединяемся прочной альпинистской веревкой. На плечи рюкзаки, поверх их, у Старика — скатка с палаткой и сложенный металлоискатель, у меня — скатка со спальными мешками. Решаем, кто пойдет первым. Первопроходцем будет Старик. Логика решения такова: если

проходит более тяжелый Старик, то пройду и я. Он проваливается, я еще буду находиться на твердом грунте и могу помогать. Вперед. Передвигаться тяжело и неудобно, деревья, ямы, кочки, но почва пока твердая.

Метров через тридцать стала ощущаться зыбкость почвы под ногами. Вроде твердо, но она прогибается, и такое ощущение, что колыхается. Стараемся держаться деревьев, хотя растут здесь какие-то чахлые березки. Выполняем все советы деда-полешука: только по корням, слегка наперевес.

И вот первый опыт. Старик неожиданно, как говорится, без размаха, ухает вниз выше пояса. Только ступил и раз... Но никакой паники. Он скрестил слуги, рюкзак встопорщился за его спиной. Говорит, что под ногами твердо, хотя голос дрожит. Еще бы. Я сажусь на землю, обхватывая близлежащую березку ногами, сев как бы верхом на ее корни, и начинаю тянуть веревку. Ох, тяжелая эта работа, из болота тащить... Корнею Чуковскому, по-моему, принадлежат эти строчки, но вряд ли он испытал это на собственном опыте. Тащить действительно тяжело. Я кричу Старика, чтобы он особо не трепыхался (мало ли рядом какие глубины), постарался лечь на живот и ползти по-пластунски, помогая себе слагами. Картина, в общем-то, утомительная получилась бы, если заснять ее на видео и послать на телевизионную передачу, не помню ее названия. Но нам не смешно.

Вот мы рядом. Молчим. Тяжело дышим. На нас костюмы химзащиты Л-5, еще советской армии, но они легкие и водонепроницаемые. Рюкзаки и скатки тоже закатаны полиэтиленом. Поэтому дополнительная тяжесть от намокшей одежды и поклажи нам не страшна. Передохнули. Но идти надо. Не хватало заночевать на болоте. Решаем взять еще правее. Там, правда, между редкими деревьями чернеют ямы с водой. Но наш полесский инструктор утверждал, что такие места более безопасны, нужно только прощупывать как следует дно ям.

Что мы и делаем, и иногда идем по дну ям, если оно не протыкается нашими шестами, мы специально заострили один конец. Тем не менее несколько раз проваливаемся, то он, то я. Но все обходится благополучно. Хотя иной раз мелькает мысль, какой черт нас понес... Но лучше не поминать в таких случаях черта. Болото кажется бесконечным. Несколько раз отдыхаем. Под защитным костюмом все мокрое от пота, аж хлюпает. Сбросили килограммов по пять.

Наконец-то ямы попадают все реже. Впереди лес. Настоящий. Растут громадные дубы и грабы. Вот она твердь. Болото заканчивает-

ся, впереди небольшая лужайка и дубрава. Или роща. И тут я теряю бдительность. Перестаю от радости соблюдать технику безопасности, отбрасываю следи и быстро иду по лужайке к лесу. На втором же шагу нога ухает в пустоту, и я с головой погружаюсь в воду. Вода густеет вниз с каждым сантиметром, образуя тягучую трясину, и я тяжело груженный пробиваю сразу несколько слоев и застреваю... Испугаться по-настоящему я даже не успел. Стал энергично махать руками, чтобы всплыть, и трясина начала меня понемногу отпускать. В этот момент натянулась веревка, привязанная к поясу, и меня мощно рвануло кверху. Могучий Старик выдернул меня, как пробку. Правда, пока на поверхность. А затем, потихоньку, и на берег. Какое счастье, что он немного отстал. Следи-то тоже отбросил.

Предательская лужайка, оказавшаяся зыбучей трясинной, окружала, по-видимому, весь островок, на котором находились дубрава и рудник. В нашем месте ее ширина была около двенадцати метров. Более узких мест мы не нашли. Но как преодолеть эту коварнейшую полосу болота?

Идея! Надо построить мост. Какой мост? Старик смотрит на меня с подозрением, не тронулся ли я слегка умом, побывав на дне болота. Не тронулся. Рубим березки, связываем их нейлоновым шнуром в виде решеток, решетки стелем на поверхность лужайки. И ползем по решеткам к берегу, к лесу — такова суть моей идеи. Обсуждаем, детализируем, действуем. Уже начинается смеркаться.

Мы сделали четыре прямоугольные решетки, метра по три длиной. Посредине для улучшения плавучести протянули даже куски целлофана, который у нас всегда был. Целлофан и тонкие прочные шнуры вообще всегда необходимы при длительных экспедициях. Они помогают решать массу задач.

Но я отвлекся. Первым полезу я. Если булькнет в трясину Старик, мне сложнее будет его вытянуть. Он гораздо тяжелее меня и физически сильнее, что немаловажно для тягловых усилий. Связываем две первых решетки вместе, становимся по сторонам, и каждый своим шестом равномерно подталкивает их по поверхности лужайки по направлению к другому берегу. Решетки легли на поверхность трясины, верхний травянистый слой вроде не поврежден, вода нигде не проступила. Ну, с богом!

Ползу осторожно, по-пластунски, коленям и локтям больно. Страшновато. Еще бы, решетки подо мной покачиваются, и мне видно, как колышется поверхность вероломной лужайки. И вот я на середине лужайки, решетка закончилась. Машу рукой Старику, тот бросает мне

конец веревки, привязанной к третьей решетке. Подтягиваю ее к себе, проталкиваю вперед и привязываю к двум первым. Ползу дальше, вот он берег, кажется, прыгни, и ты там. Ага, прыгни. Насмотрелись. Машу рукой, получаю конец очередной веревки с последней решеткой и проделываю операцию, аналогичную предыдущей.

Все, я на берегу. Как приятно твердыня земли. Однако операция продолжается. Сначала я перетаскиваю по «мосту» поочередно наши рюкзаки и грузы, также с помощью веревки. Наступает очередь Старика. Волнующий момент. Но «мост» держит. И я жму руку партнера, как говорится, в тени дубов и грабов.

Я специально столь подробно описал наш «болотный» опыт, может, кому и пригодится. Потому что нет на Земле места коварнее, чем болота. А идея решеточного моста пришла мне при одном воспоминании. Когда-то поставили великолепную пятисерийную эпопею о Великой Отечественной войне. И вот, в одной из серий, посвященных операции «Багратион» (освобождению Белоруссии), обсуждается план преодоления болот, кажется, припятских. Предлагается смелый план, напрямую. Как? Ведь болота. Офицер демонстрирует, по-моему, маршалу Рокоссовскому так называемые «мокроступы», сделанные русским солдатом-умельцем. Это были как раз мини-решетки, только одеваемые на ноги.

«Освобождение» — так называется эта киноэпопея, поставленная замечательным режиссером Ю. Озеровым. Сейчас, к сожалению, таких фильмов не ставят. Неплохи «В августе сорок четвертого» и «Девятая рота», но это маленькие кусочки правды о войне. Нет в нашем кинематографе уже той монументальности, той любви к своему народу, того величия русского духа.

Прошло чуть более 50 лет после войны. Институт Гэллага — негосударственный американский институт общественного мнения — проводит в 1998 году опрос двух тысяч американцев по поводу Второй мировой войны и степени участия государств в ней. Результаты ошеломляющие: 82 % опрошенных считают, что войну с гитлеровской Германией выиграли и освободили всю Европу только США с помощью Великобритании, 47 % подтверждают лишь факт участия в войне СССР в союзе с США, 23 % полагают, что СССР воевал на стороне Германии. Об участии СССР в войне с Японией знали 3,3 %, причем большинство считали, что СССР воевал в союзе с Японией. (Газета «Аргументы и факты», № 31, 1998).

Скоро Голливуд убедит наших потомков, что мы вообще там только «при сем присутствовали», ведь из 10 фильмов, выпускае-

мых сегодня на экраны телевизоров и кинотеатров, лишь один отечественный. Я не принимаю во внимание многочисленные, наспех состряпанные, жалкие и убогие телесериалы, содержание которых забывается через час. Это вообще не кино и, тем более, не киноискусство.

Приношу свои извинения за лирическое отступление. На эту тему говорить можно много, и говорят много и горячо. И бесполезно. Словами дела не делаются.

Уже сумерки. Мост оставляем на месте, течения нет, никуда он не денется. Ночевать будем в лесу. Искать вход в рудник нет ни сил, ни желания. Да и ночевать мы там не будем. Мало ли что в том руднике, вплоть до рудничного газа.

Переодеваемся в спортивные костюмы. Разбиваем палатку под приземистым толстенным дубом, уже только своим видом придающим ощущение безопасности. Ужинаем всухомятку, приняв для снятия перенесенного стресса граммов по двести коньяка. Лениво строим предположения о месте расположения входа, лишь для того, чтобы поговорить перед сном.

— Слушай, а тебе не показалось, что за нами кто-то следил, когда мы преодолевали трясину? — внезапно меняет тему Старик. Я смеюсь в ответ, это он, чтобы мы спали вполуха, не теряя бдительности. Кто здесь может быть? Как обычно, я подвешиваю на замок-молнию, закрывающую вход, маленькую серую коробочку и нажимаю на желтую кнопку на ее корпусе. Это не оберег от злых сил и не амулет. Это приборчик, который завершит электронной трелью, довольно звучной, если попытаются снаружи проникнуть в палатку, или от сильного сотрясения палатки. Сделано в Японии. Собрано в Таиланде. Засыпаем в спальных мешках.

Просыпаемся очень рано, бодрые. Ночь прошла спокойно. Кипятим на спиртовке воду для бодрящего напитка. Я пью только чай, Старик — только кофе. Завтракаем. Снаружи — красота. Солнце только еще зацепило своими лучами верхушки могучих деревьев. От болота тянет сыростью. Над полоской трясинной лужайки стелется низкий слой сизоватого тумана. «*Лепота...*», — сказал бы Юрий Яковлев голосом царя Ивана Васильевича Грозного из известного фильма.

Берем металлодетектор, фонари и прочее привычное снаряжение и отправляемся на поиски рудника. Судя по карте, он должен быть буквально в ста метрах. Дубрава заканчивается, и перед нами открывается панорама — две сплюснутые кольцевидные моренные

гряды, соединенные высоким холмом, поросшим кустарником. На вид их протяженность около двух километров. По выходе из леса нас ждут трава и гигантские папоротники, высотой в человеческий рост, буйные заросли хвощей, плющи, незнакомые травянистые растения, некоторые цветут. Но цветки совсем нам незнакомые. На язык так и просится — Затерянный мир.

Вначале опасаемся наличия болота в траве, прошупываем. Нет, почва пружинит, но это мох, тоже необычный, высокий, густой, темно-зеленого цвета. Преодолеваем полосу растительности и упираемся в лысоватую каменистую возвышенность, кое-где прикрытую кустарником, пятнами травы и мха. Высота ее около семи-восьми метров. Или внутри ее, или под ней должен находиться заброшенный рудник. Решаем идти по правой стороне. Всю экспедицию, за исключением поворота с Припяти на безымянную речку, мы принимаем направо, и пока нам везет. Не будем отказываться от доброй традиции.

Идем вдоль гряды. Никаких намеков на вход. А ведь должен быть еще даже въезд, поскольку из рудника должны вывозить пустую породу. И пирамид или холмов пустой породы тоже не видно. Странно. Может они с другой стороны кольцевидных гряд? Попадает крупная нора в глубь склона возвышенности. Диаметр с метр. Светим фонариком. Стенки из беловатой каменной породы типа известняка. Луч фонаря упирается в стену, нора вроде делает поворот. Берлога какой-нибудь зверюги? А если медведя? Правда, про обитание медведей в этой части Полесья в источниках не говорилось, поэтому оружие с собой мы не взяли. Лишний груз при нашей компактности. Если бы с нами был джип, тогда хоть пулемет можно везти. А так, на своем горбу... Лишняя банка консервов и то создает проблемы.

В нору, конечно, не лезем. Что там делать? Нарвешься на какую зверушку, даже лиса или барсук могут с отчаяния тяпнуть так, что мало не покажется. А лезть придется почти ползком или на четвереньках, и возможный укус будет в область лица.

За полдня мы обошли и осмотрели обе гряды, вернувшись к исходному месту. Все было окружено лесом, а затем болотом. Никаких намеков на вход или въезд. Тем не менее, рудник здесь был. Доказательством этому служили остатки дороги, сложенные, вероятно, из отработанной породы. Она вела от срединного холма, соединяющего кольца моренных гряд, в сторону деревни Симоничская Рудня, противоположной той, откуда мы прибыли. Дорога

несколько метров виднелась на поверхности травяного болота, такого же, какое мы форсировали, только протяженностью свыше двухсот метров, а затем исчезала в его пучине. Видимо со временем опустилась в трясину.

Холм мы исследовали самым тщательнейшим образом. От него вели даже два валика породы шириной метра полтора. Наш следопытский опыт навел на предположение, что породу возили на строительство дороги в тачках. Тачки нагружаются доверху, и по пути с них падают по бокам отдельные куски, из которых со временем образовались эти валики. Логично, да? Но входа-въезда не было. Мы прозванивали холм — прибор молчал. Простукивали. Истыкали его бока длинным стальным шупом. Вырыли даже лопатой шурф в глубь холма в месте предполагаемого входа и в этот шурф совали шуп. Замечательного японского прибора для определения пустот у нас с собой не было, для пеших путешественников он тяжел и громоздок. Да мы и предположить не могли, что он может понадобиться. Рудник, он и есть рудник, какие в нем могут быть пустоты, во всяком случае, по той литературе, которая была изучена перед походом.

Зато нор или лазов нам попало по пути около десятка, в основном еще меньшего диаметра. И вот мы у самой первой обнаруженной нами норы. Обсуждаем. Соваться туда никакого желания. Вот, если бы собаку.. Ага, нам еще собаку с собой по болотам таскать. Пойдем, пообедаем, за обедом помыслим. Поворачиваем назад к палатке. Старик идет впереди, что-то бубня себе под нос.

И вдруг я чувствую затылком чужой взгляд. Резко оборачиваюсь, внимательно всматриваюсь — никого. Второй раз за день такое. Первый раз было, когда мы осматривали дорогу, уходящую в болото.

Знаете, у человека есть какое-то заднее зрение, видимо, доставшееся ему от предков, от зверей, когда главная опасность могла быть с незащитной спины. Таких свидетельств, в том числе научно обоснованных, масса. Не ощущали такого? Стоите в очереди, например, и вдруг чувствуете на себе чье-то внимание. Оборачиваетесь, точно. Какой-нибудь незнакомец или незнакомка пялится тебе в спину или в затылок. Или в толпе — то же самое. Ну, не Старик же мне внушил вчера перед сном про слежку? Гипнотизер из него никакой.

Залезаем в палатку, вытаскиваем рюкзаки, и на свежем воздухе под дубом делаем себе нехитрый обед. Старик режет ножом на пластмассовую тарелку огурцы и помидоры, потом долго копается в своем рюкзаке. Я открываю консервы, режу «докторскую» колбасу. Где же может быть вход, может, он обрушился? Или специально

завалили партизаны? Зачем тут партизаны, здесь и немцев-то не было. Даже помню, была территория в Полесье, на которой всю войну официально существовала советская власть. Кажется, называлась Рудобельская республика. Рудобельская? От слова белая руда. И здесь белая порода.

— Послушай, что-то не найду соль, может она у тебя? — прерывает мои измышления голос Старика.

Нет, соль я не брал. На всякий случай смотрю в рюкзаке, соли нет. Старик полез в палатку, может, там где завалилась. Соль у нас хранится в квадратной прозрачной пластмассовой банке, емкостью в пол-литра с завинчивающейся крышкой.

Обед готов, осталось посолить овощи. Поэтому подключаюсь к поискам, полностью вытряхиваю содержимое рюкзака. Соли нигде нет. Выясняется попутно, что исчезли газеты, которые мы везли из Минска, чтобы почитать перед сном. И вчера вечером листали. Десятка полтора разных газет бесследно пропали. Мы всегда брали газеты в экспедиции. Не занимают много места, источник информации, и заворачивать некоторые боящиеся повреждений предметы удобно.

Что за чертовщина? Делаем полную ревизию своего имущества. В моем рюкзаке недостает металлической банки, в которой хранились пакетики чая. Старик не находит в одном из карманчиков швейцарский многофункциональный ножик. Значит, такой, кроме лезвий, там есть еще полтора десятка разных приспособлений — отвертка, пилочка, шило, буравчик и прочее.

Садимся на землю и молча смотрим друг на друга. Разумных объяснений нет. Вор забрал бы вещи поценнее, их у нас полно. И деньги лежали в карманчиках рюкзаков. Не такие уж малые, скажем, для местных жителей. Кто, кроме местного жителя, мог быть вором. Но здесь полнейшее безлюдье. Не рассказываю Старика о своем ощущении чужого взгляда, чтобы не получить в ответ насмешливого: «И ты, Брут!» Воровать то, что у нас пропало, просто бессмысленно. Проще кинуть на плечи оба рюкзака — и будьте здоровы.

Сходимся на том, что просто «перегрелись», «перегорели». Постоянные стрессовые ситуации, связанные с этими чертовыми болотами, повлияли на восприятие и память. Возможно, мы забыли некоторые предметы дома или оставили в джипе в Петрикове или в лодке, там у нас тоже кое-что осталось. Иные объяснения абсурдны. И в то же время я чувствую, что мы просто успокаиваем друг друга, что мы оба ощущаем, что творится нечто необъяснимое.

Этой ночью мы посменно дежури́м, но все тихо. Утро вновь прекрасное, достойное любых поэтических сравнений и эпитетов. Вчерашние смутные страхи и непостижимости ушли в прошлое. Действительно, пропавшее мы где-то оставили в предыдущем пути.

Завтракаем, вместо чая пью слабенький кофе. Не люблю крепкий. Чуть не отравился кофе, когда пил по ночам, готовясь к сдаче экзаменов в университете. С тех пор, как пел Высоцкий: *«Нет, ребята-демократы, только — чай»*. Кофе практически не употребляю.

Решаем все-таки попробовать залезть в нору, может она приведет в рудник. Я, конечно, большого восторга не испытываю. Лезть придется первому мне, как более компактному. Старик, с его комплекцией в норе будет трудно развернуться, если что...

Подходим к первой найденной норе, она, пожалуй, самая просторная. В левую руку беру фонарь, в правую — большой охотничий нож. За шиколотку правой ноги привязываю нейлоновую веревку. Договариваемся, если начинаю дергать ногой, Старик изо всех сил тащит меня назад. На всякий случай хором орем в черный зев лаза, светим фонарями, швыряем камни — может, кто выскочит, испугавшись. Ждем пару минут, тихо.

Лезу в лаз, сердце, конечно, стучит. Свечу фонарем, передвигаюсь на коленях, специально обмотанных бинтами, чтобы руки были свободны. Все чувства обострились, особенно слух и обоняние. Вероятно, эти ощущения присущи зверю в момент опасности. Метра через четыре поворот налево, еще три метра и лаз заканчивается. Впереди большое темное пространство. Осторожно подползаю к краю, свечу фонарем по сторонам, вверх, вниз. Это большая квадратной формы пещера. До пола вниз — метра полтора. Аккуратно отвязываю веревку с ноги, чтобы Старик ненароком от моего крика не начал тащить назад с присущей ему мощью, складываю руки рупором и громко зову его к себе.

Похоже, понял, поскольку по боковой стенке ответвления норы заметался луч фонаря и слышались сопение и шорохи ползущего Старика. И вот он рядом. Держась за его руку, спускаюсь вниз и, в свою очередь, помогаю спуститься ему. Включаем дневной свет в обоих фонарях. Пещера неправильной формы, длиной свыше двадцати метров и в ширину метра четыре. Скорее — это штольня, вырубленная в породе. В обоих концах прорублены проходы, высотой под два метра и такой же ширины. Еще один проход, поменьше, виднеется на боковой стороне. Без сомнения, мы — в руднике.

Начинаем прозванивать прибором. Кое-где он издает дребезжащие звуки, указывая, по-видимому, на наличие в породе вкраплений металла. О технологии добычи металла из породы мы ничего не знали. Как и в Забайкалье, мы собирались поискать самородки в уже отработанной породе, а также в возможных тайниках на территории рудника. Поэтому мы исследуем детектором все — стены, полы, потолки. Нигде и ничего, за исключением упомянутого дребезжания.

Идем по проходу, традиционно выбирая правый, который тоже через несколько метров заканчивается штольней. Примерно та же картина, только штольня более узкая. Прибор по-прежнему хрипловато дребезжит в некоторых местах. Следующий проход. Снова штольня. Все то же самое. Проход — штольня. Поворот налево. Проход — штольня. Проход — поворот налево. Снова большая пещера с тремя ходами в разные стороны. И всюду относительно чисто. На полу валяются кое-где кусочки породы и лежит слой пыли.

Спыхватываемся, надо же зарисовывать путь, иначе заплутаем в этих лабиринтах. По памяти чертим схему пройденных этапов. Такое ощущение, что постепенно спускаемся вниз, в глубину рудника, хотя уклон почти не заметен. Пробуем проверить опытным путем. Я сдуваю пыль с кусочка относительно ровной поверхности пола и лью на это место воду. Тонкий ручеек тотчас устремляется вперед, по пути нашего движения. Точно, спускаемся.

Вновь выбираем правый проход. Он длиннее других. Вдруг Старик, он идет первым, резко останавливается, прижимает палец к губам и выключает фонарь. Я тоже выключаю.

Показалось, что вдали мелькнул отблеск света. Не фонарного луча, а именно неровный прерывистый отблеск, как от факела. И шаги, равномерные такие, как вода капает из крана — топ-топ.

— Попробуем догнать? — шепотом предлагает Старик, — помоему, впереди кто-то есть.

Соглашаюсь. В конце концов, надо прояснить ситуацию. Нас двое, мужики мы не хилые и по охотничьему ножу имеем.

Зажигаем фонари и быстрым шагом, типа спортивной ходьбы движемся вперед. Бежать здесь тяжело, да и неразумно. Вновь широкий тоннель. Старик замирает. То же делаю и я. Явственно пахнет дымом. В тоннеле два хода — налево и прямо. Светим на пол. В пыли четко видны большие следы. Похоже сапоги — отпечатки гладких подошв и каблука. Другая обувь имеет обычно рифленую подошву. Следы ведут в левый проход. Никуда он от нас не денется, найдем по следам, где-нибудь да закончатся эти переходы, пещеры, тоннели и штольни.

Идем по следам. Я свечу вниз, Старик — вперед. Проход — штольня, поворот — тоннель. Я присвистываю. Старик останавливается, вопросительно смотрит. Я показываю вниз, свечу фонарем на пол. К следам, по которым мы кого-то преследуем, присоединятся в этом месте еще цепочка следов, размером поменьше. Значит их уже тоже двое.

Ничего, они нас наверняка видели и, поскольку от контакта уклоняются, значит, считают себя слабее. Нет, нужно познакомиться с таинственными незнакомцами и спросить, где наши газеты, соль и чай.

Продолжаем преследование и, в конце концов, попадаем в маленькую шарообразную пещерку, в которой проходов уже нет, а есть нора, примерно такого же размера, в которую мы входили первоначально. Прислушиваемся. Мертвая тишина. Затаились и ждут? Или оторвались от нас? Светим в нору — длинная и извилистая, свет на повороте упирается в стенку. Но, главное, она резко идет вниз, под углом не менее шестидесяти градусов.

Короткое совещание. Нет, лезть в нее неразумно, зная, что впереди может быть неожиданная засада. Мало ли какие неприятные сюрпризы там могут быть. В условиях тесного замкнутого пространства явное преимущество получает находящийся впереди и ждущий за поворотом, например. А ты вынужден придерживаться за стены руками, чтобы не заскользить вниз. Гасим фонари, я зажигаю полоску бумаги и подношу к норе. Язычок пламени и сама полоска отклоняются в сторону норы. Сквознячок. Значит, тупика там нет. Поэтому сидеть здесь и брать на измор неизвестного противника смысла нет.

Возвращаемся в свой лагерь. Хорошо, что есть следы, иначе точно заблудились бы. Здесь целый подземный город-лабиринт, созданный, возможно, за столетия, пока действовал рудник. И, скорее всего, многоуровневый. Но обследовать его необходимо, в нем не может не быть тайников, как и во всяком руднике. Мы никогда еще не возвращались без добычи.

А снаружи уже вечерет. Время пролетело незаметно. Нуда, мы же не просто бродили по лабиринтам и штольням, мы исследовали их детектором по всем параметрам. И ничего не нашли. Пожалуй, впервые попали в место, где нет никакого металла. Найти в отработанной породе тоже ничего не можем, за полным отсутствием оной. И вообще, золотой ли это рудник? Наш проводник-полешук говорил о меди.

В палатке ничего не тронут. За ужином прокручиваем варианты возможного нашего поведения. И наших противников. Впрочем,

почему противников? Пока они не сделали нам ничего плохого. Пропавшие мелочи не в счет. А могли? Безусловно, могли. Возможностей, при желании, было достаточно — украсть наши рюкзаки, повредить оборудование, поджечь палатку и, наконец, покуситься на наше здоровье, а то и жизнь. В первый день и ночь мы были абсолютно беспечны.

Приходим к выводу — нам ничего не грозит, надо продолжить работу. Ночью поочередно дежурили, все было спокойно.

Утром решаем пойти в первой пещере налево. Но нас ждет сюрприз. Стрелы, вычерченные углем на полу и на потолке, недвусмысленно приглашают нас в средний, самый маленький и узкий проход. Посоветовавшись, не видим в том ничего плохого. Принимаем условия наших неизвестных, не знаю, как их и назвать, может соискателей?

Протискиваемся в предлагаемый проход и продвигаемся вперед с соблюдением всех мер предосторожностей. Через десяток метров мы попадаем в широкую штольню, из которой, в свою очередь, влево и вправо ответвляются два узких высоких тоннеля. Черная стрела зовет нас в левый тоннель. Следуем туда. Пещера — проход — очень низкая штольня — вновь проход. Все время прямо, ответвлений в сторону нет. Тем не менее, стрелы на полу и стенах указывают направление по прямой, будто мы можем куда-то отклониться.

Очередная пещера впервые демонстрирует разнообразие — устен из породы вырублены длинные скамьи, на полу в центре зола и потухшие черные угли. Дымом не пахнет. Водим металлодетектором по полу, стенам и потолку. Полное молчание. Стрелки приглашают вперед. Узкий проход и вот оно. Свет фонаря сразу же упирается в человеческий скелет. Он сидит, если это выражение применимо к скелету, на полу у стены. Череп, темнея пустыми глазницами, лежит возле костей ног, которые вытянуты вперед. Кости рук опущены по бокам черепа.

Мы напрягаемся, но ничего не происходит. Стоит мертвая тишина. Нам обоим не по себе. Осматриваемся. Дальше хода нет. Это тупик. Помещение имеет форму квадрата, примерно четыре на четыре метра. Включаем дневной свет фонарей. На правой стене пещерная живопись, этакое граффити, сотворенное черным углем. Два горбатых человечка, один побольше, другой поменьше, гуськом бредут к горе. Первый упирает в землю длинную палку. Картина обведена рамкой и крест-накрест перечеркнута жирными размашистыми линиями. Под картиной углем же изображен громадный вопросительный знак. Действительно, что бы это значило?

Молча рассматриваем загадочный образец грубого наскального искусства. Проходит несколько минут. Да это же мы изображены неизвестным художником! Первый — это Старик с металлоискателем, за ним я, идем к горе, то есть к руднику. А горбы — это наши рюкзаки. Не особый мастер живописи, этот художник, но зато очень выразительно. Но картина с нами перечеркнута. Это может означать лишь одно — мы приговорены и нас ждет участь сидящего у стены скелета. В подтверждение этому слышится раскатистый грохот.

Мы замурованы! Тайнственные незнакомцы устроили обвал, и мы погребены заживо. Бросаемся назад. Здесь же много ответвлений, не могли же завалить все. И нор, ведущих в рудник, хватает. Слышится еще грохот. Мы бежим. Пока на пути никаких завалов. Вот и наша нора. Протискиваемся, лезем, и мы на свободе...

Снаружи грохочет гроза и хлещет дождь. Раскаты грома мы приняли за грохот обвала. С нас льет пот. Мы молча сидим у входа в нору, тупо уставившись в землю. Поднимаемся, плетемся в палатку. Пережитое отняло все силы.

В палатке полный порядок. Не сразу замечаю, что на моем рюкзаке стоит моя банка с чаем. Машинально беру в руку. Тяжелая. Открываю. Чая нет, но на дне банки лежат два прямоугольных, каждый величиной со спичечный коробок, темно-желтых слитка. Вынимаю и показываю Старику — это золото. И нас сразу прорывает. Шок от происшедших событий мгновенно проходит, и мы начинаем бурно, перебивая друг друга, обсуждать нюансы прошлых недавних часов. Картина, нарисованная углем на стене, и скелет на полу пещеры означают предъявление нам «черной метки». Предупреждение, что мы здесь нежеланные гости, «персона нон грата», а потому — убирайтесь подобру-поздорову. Жирный знак вопроса на стене значит предложение поразмыслить и сделать выбор — свобода или смерть.

А золото дано в награду за сделанный выбор. Незнакомцы как бы заранее уверены в нашем благоразумии и в том, что мы покинем чужую территорию.

Нам, собственно, ничего другого и не остается. Кроме сплошных опасностей и пережитых страхов, экспедиция ничего не принесла. Продолжать испытывать судьбу? Нет уж, хватит. И под стук дождя принимается решение о немедленной ретирade. По окончании грозы, разумеется. А грозы, они кратковременное явление. Единственное опасение, чтобы в результате дождя не разлилось болото и не унесло наш решетчатый мост.

Дождь действительно скоро заканчивается. Мы уже собраны, сворачиваем палатку. Она сделана из непромокаемой и водоотталкивающей ткани и поэтому практически суха. Все продукты мы оставляем под дубом в ответ на золотые подарки. Старик неожиданно расчехляет прибор и говорит, что у него ощущение — под этим древним дубом что-то зарыто. Внутренний голос ему вещует. Ну-ну. Он бродит вокруг дуба с детектором. Я наблюдаю, понимаю, что ему не хочется возвращаться без всякой добычи. Это небывалый в нашей практике случай. Мне тоже не хочется, но что поделать. Возможно, заброшенный рудник скрывает в себе тайны и сокровища, но жизнь — дороже.

Старик бродит под вторым дубом, под третьим. Вдруг чистая трель детектора. Нашел-таки. Я иду к нему, расчехляя лопатку. Но она не понадобилась. Он выуживает из густой травы обыкновенный гаечный ключ. Современный, сделанный из нержавеющей стали. Как он сюда попал? Да, какая разница. Нужно поспешать, время близится к полудню. Старик с досадой отшвыривает находку в сторону. Все, пошли.

К счастью, болото не разлилось, и наш решетчатый мост цел. Цела и лодка. Обратный путь мы проходим, как говорится, по накатанной колее, вооруженные опытом. Поэтому проходим его быстро. Вот знакомая деревня. Петриков. И вот мы уже катим в джипе домой. По дороге обсуждаем, кем могли быть так и не увиденные нами таинственные незнакомцы?

Старик даже предполагает, что это солдаты или партизаны, оставшиеся еще с войны и не знающие, что она давно закончилась. Ведь были случаи, когда через десятки лет из филиппинских джунглей выходили японские солдаты, не подозревавшие, что война окончена и Япония уже давно оправилась от ран и стала ведущей во многих отношениях державой. Один, кажется, вышел из джунглей через пятьдесят лет, глубоким стариком. Но в отношении наших незнакомцев это, конечно, шутка. Никакие они не солдаты прошедшей давно войны и не партизаны. Но кто?

Следы, один из немногочисленных материальных и визуальных признаков их присутствия, говорят об одном взрослом мужчине, спутником которого была женщина или подросток. Подаренные нам слитки (не самородки) указывали на золотоносность рудника. И на самодельность слитков. Возможно, неизвестные тайно добывали и выплавляли золото. Естественно, они были против присутствия на руднике посторонних. Это единственная реаль-

ная версия. Вариант о беглых преступниках, скрывающихся в затерянном месте, тоже не подходит. Они бы не вели себя столь джентельменски. Не церемонились бы ни с нашим имуществом, ни с нашими жизнями.

Эта экспедиция вошла в нашу историю своей опасностью, безрезультатностью и неразрешенными тайнами и загадками заброшенного золотого рудника и его странных обитателей.

Глава двенадцатая

Тени подземелий Мезерицкого укрепрайона

Бывают очень странные совпадения: изучаешь какую-то конкретную тему и вдруг неожиданно-негаданно по ней со стороны сваливается обилие информации. Вообще, в мире время от времени случаются различные невероятные совпадения, которые трудно даже осмыслить. С вами этого не бывало?

Послушайте об одной давней загадочной истории.

... 24 августа 1883 года очень известный американский корреспондент одной из самых популярнейших газет США «Чикаго трибюн» Уилбур Даркснер вынужден был заночевать в редакции, в своем кабинете. Утром он должен был сдать в набор статью о вреде строительства в городах небоскребов, чем газета намеревалась защитить свой город от поднимающегося бума возведения гигантских зданий. К полуночи статья была готова. Даркснер же решил остаться ночевать в редакции, поскольку транспортная жизнь в громадном городе уже замерла.

Ему приснился необычайнейший и ужасный, но очень красочный и впечатляющий сон. В далеких океанских просторах взорвался вулкан. Взрывом был уничтожен остров Кракатау, на котором он находился. Гигантская морская волна смыла несколько близлежащих морских островов и, достигнув побережья огромных и густонаселенных островов Суматры и Явы, обрушилась на цветущие прибрежные города. Земля полностью покрылась зловонной черно-серой грязью, в которой просматривались обломки зданий и судов. Трупы людей и животных устлали все побережье на много миль вглубь. Всю Землю заволокло серым пеплом, черным дымом

и густой пылью. Наступил полумрак. Солнце имело необычный синий цвет, закаты были ярко-пурпурными, а луна приобрела зеленый оттенок.

Сон был настолько реален и ярок, что ушлый журналист, проснувшись, сразу же записал его, отпечатав на пишущей машинке. Он использовал различные красочные сюжеты, где-либо услышанные или подсмотренные, при подготовке своих статей, пользующихся у читателей повышенным спросом. Сунув напечатанное в какую-то папку на своем столе, Даркснер благополучно отбыл домой досыпать и вообще денек отдохнуть от напряженной работы.

На беду текст попал в папку с надписью «Срочно в номер», всегда лежавшую на письменном столе журналиста, из которой редакторы забирали материалы для печати и в его отсутствие. Пробежав глазами статьи о вреде небоскребов и сенсационного взрыва (все географические названия были реальными), редактор, конечно же, выбрал вторую и немедленно подписал ее в номер, сразу утроив тираж газеты.

Газета была раскуплена мгновенно. Многие американские газеты, сделав ссылку на «Чикаго трибюн», перепечатали сенсационную статью матерого журналистского волка.

Каков же был скандал, когда выяснилось, что никакой вулкан, ни Кракатау и ни иной другой, не взрывался. Возмущенными толпами в трехэтажном здании редакции «Чикаго трибюн» были выбиты все стекла. Редактор, мгновенно уволив Даркснера, вынужден был скрываться и с ужасом ожидал судебных исков со многими нулями в возмещение причиненного морального ущерба. Газета два дня не выходила вообще.

И какова же была настоящая и невиданная сенсация, когда через два дня вулкан Кракатау, действительно, рванул. Да рванул так, что затмил своими страшными и ужасающими подробностями даже газетный вымысел, порожденный сном незадачливого журналиста.

Цунами, порожденное гигантским взрывом, у берегов Явы и Суматры достигло тридцати пяти метров. Звук взрыва оказался самым громким за все существование планеты Земля, а жуткий грохот последовавшего извержения был слышен даже на острове Мадагаскар, расположенном почти в пяти тысячах километров от Кракатау. Все побережье Зондского пролива было снесено и разрушено. Энергия взрыва была эквивалентна энергии 100 000 атомных бомб, таких, какая была сброшена на Хиросиму. По различным данным погибло от сорока до трехсот тысяч человек...

Газета «Чикаго трибюн» несколько месяцев выходила удвоенным тиражом, а восстановленному в правах журналисту присвоили несколько американских премий и титулов, в числе которых были «Человек года» и «Мистер Удача»...

Конечно, мой случай несравним с приведенным выше и все же... Находясь в отпуске, лежу в саду, покачиваясь в гамаке, и читаю книгу. Книга называется «Разведка боем. Записки полкового разведчика», автор А. М. Соболев. Интерес к этой книге не случаен. В ней описываются боевые действия разведгрупп 1-й гвардейской танковой армии генерала Катуква.

Именно в этой армии, в дивизионной разведке 44-й гвардейской танковой дивизии, служил мой дед. Его воинское звание сержант. В Польше при штурме фортификационных сооружений Мезерицкого укрепрайона крупнокалиберной пулей из немецкого пулемета ему оторвало большую часть коленной чашечки. После чего он был комиссован из армии и вернулся домой на Смоленщину.

Воевать он начал в сентябре 1941 года под Вязьмой. Закончил... Вот я и пытаюсь установить, когда он закончил и за что получил орден Красной Звезды. В детстве его рассказы я слушал, к сожалению, вполуха. Как «языка» брали — да, интересно, а остальное... Сейчас я пытаюсь восполнить эти пробелы, читаю различную мемуарную литературу. Вдруг где-нибудь и мелькнет его фамилия...

Звонит мобильный телефон. Смотрю на номер — Старик.

— Ты где? — спрашивает он. Судя по голосу, Старик в крайнем возбуждении.

— На даче.

— Давай подъезжай ко мне, — почти кричит Старик, — мне тут такое попало!

Пока я соображаю, как бы отвертеться от поездки — жара, ехать в город не очень хочется, он будто читает мои мысли....

— Или нет, — говорит он, — я сейчас сам подъеду — так будет быстрее.

— Ну, давай, — говорю. А сам думаю, — что еще за срочность? Похоже, пришел конец беззаботному лежанию в тени яблони и сейчас придется отправляться на какие-нибудь раскопки...

Подъезжает его джип. Старик выходит из машины. В руках у него зеленая полупрозрачная папочка с какими-то бумагами.

Садимся на скамеечку в тени винограда. Ему просто не терпится поделиться со мной чем-то важным. Без всякого предисловия он

отшелкивает кнопчку на папке, осторожно достает оттуда потрепанный лист бумаги и бережно кладет его на скамейку. Я протягиваю за ним руку.

— Э-э-эй, — кричит он, — осторожно только.

Я беру бумагу с величайшей аккуратностью. Это бланк, заполненный немецким готическим шрифтом. Истертый на сгибах кое-где до дыр.

В левом верхнем углу бланка жирным шрифтом отпечатаны две большие эсэсовские молнии. В верхнем правом — черный немецкий орел с зажатой в когтях свастикой. Остальное, кроме некоторых цифр, мне непонятно.

— Я уже забыл, когда читал Гете в подлиннике, — пытаюсь пошутить я.

Но Старик серьезен. Он осторожно отбирает у меня бумагу и кладет ее на краешек скамейки.

— Вот перевод, — коротко говорит он и достает из папки другую бумагу.

Канцелярия ГАУ Восточная Пруссия

Особо секретно (3 экз)

Экз. № 2

12.01.1945

г. Кенигсберг

ПРИКАЗ № 23/17-ос

1. Обербургомистру Кенигсберга доктору К. Вилю подготовить для эвакуации и сдать по описи ценности Московского зала Королевского замка командиру 3 танковой дивизии СС «Мертвая голова» Г. Беккеру.

2. Командиру 3 танковой дивизии СС «Мертвая голова» бригадефюреру СС, генерал-майору войск СС Г. Беккеру обеспечить вывоз ценностей морским путем в порт Данциг на крейсере «Эмден». Складеировать указанные ценности, до особого распоряжения, в объект «Халльсдафф» укрепрайона «Мезериц». Обеспечить их охрану.

Хайль Гитлер!

Гауляйтер-Президент Восточной Пруссии
рейхскомиссар Украины и Галиции
СС-оберстгруппенфюрер и генерал-оберст
полиции

Э. Кох

— Так, — говорю я медленно, — бумага, конечно, весьма интересная... Где взял?

— Хде узюу, хде узюу — купиу? — отвечает Старик фразой из какого-то белорусского анекдота. Видно, что его распирает довольство и гордость.

И это действительно так. Старик скупает различные старые бумаги, фотографии, удостоверения и прочие раритеты, связанные, в основном, с армией и карательными органами различных государств.

На мой вопрос: «Зачем это тебе?» — улыбается и говорит: «Мне не пригодится — сыновья подрастают. Им не понадобится — государству сдать — в музей... Это же живая история, без прикрас...»

— Это приказ об эвакуации Янтарной комнаты, — говорит он гордо, не дожидаясь следующего моего вопроса.

Я смотрю на перевод еще раз и пожимаю плечами.

— Здесь нет упоминания о Янтарной комнате, — говорю я.

— Правильно, — Старик невозмутим, — но здесь говорится о ценностях Московского зала из Королевского замка Кенигсберга.

— И что?

— А то, что Янтарная комната хранилась в Московском зале замка. Вместе с сокровищами, вывезенными немцами из Свято-Успенского монастыря Киевско-Печерской Лавры и другими ценностями, награбленными в музеях СССР. Московский зал является самым большим помещением замка, его длина 83 метра. А Московским он назван потому, что там прусские короли принимали Петра I, любившего простор...

— Подожди... Подожди... Но ведь писали, что Янтарную комнату вывозили на лайнере «Вильгельм Густлоф»...

— ...Пущенным на дно вместе с шестью тысячами немецких подводников советской подводной лодкой С-13, — продолжил Старик, — под командованием Александра Маринеско. Это было предположение, не основанное на документах. А это подлинный документ...

И он любовно касается рукой ветхого бланка.

— Ну, допустим, — спокойно говорю я, — это настоящий след Янтарной комнаты... И ты поедешь в Германию искать какой-то

мифический объект... — я смотрю в переведенную бумагу, — «Халльсдафф»?

— В Польшу, — невозмутимо поправляет Старик, — и мы.

Он выделяет последнее слово.

— Что — мы? — переспрашиваю я.

— Мы поедem, — уточняет Старик, — в Польшу. Укрепрайон «Мезериц» находится теперь на ее территории.

— Если ты думаешь, что я буду тратить свой отпуск, — медленно тяну я, — то ты зря на это рассчитываешь. И ты знаешь мою позицию по Янтарной комнате. Все эти версии...

— Это совершенно новая, нигде ранее не встречавшаяся версия, — торопливо частит мой партнер, — и она солидно подкреплена... А ты просто проветришься. Чем плохо побывать недельку в Польше. Все расходы я беру на себя. Мы поедem на моем джипе...

— Постой, постой... Мы еще никуда не едем... И, по-твоему, чем плохо побывать в польской тюрьме? На мой взгляд, она мало чем отличается от нашей...

— При чем тут тюрьма?

— Нуда. Мы съездим, полюбуемся на Янтарную комнату и мирно возвратимся обратно... Без всякой добычи?

— Да, — твердо говорит Старик, — во всяком случае, Янтарная комната не будет нашей добычей. Мы возвратим ее истинным владельцам...

— И с каких это пор ты стал таким меценатом? — иронизирую я, — что-то в этом качестве я тебя не припомню.

— Зато мы впишем навечно в историю свои имена, — гордо говорит Старик, — это будет самое яркое событие начала этого столетия. Представляешь? Янтарная комната, которой посвящены тысячи книг, которую искали десятки государств и неслучайное количество любителей и профессионалов...

— Ну-ну, — шутливо подзадориваю я собеседника.

— Генрих Шлиман, откопавший Трою... Лорд Карнарвон и Говард Картер — гробница Тутанхамона... Артур Эванс — Кносский дворец... Рус Луилье — Паленке...

— А если серьезно? — заканчиваю я нашу пикировку.

— А если серьезно — то надо собираться и ехать. Другого такого шанса не представится.

— Ну, хоть день дашь на раздумье? — спрашиваю я.

— День на сборы дам... и, скорее, даже два... Нужно утрясти некоторые организационные и технические вопросы.

— Хорошо. Что требуется от меня?

— Пока ничего. Свяжусь с партнерами из Польши, а завтра обсудим детали.

— Заметано, — вздыхаю я.

Старик вглядывается в свою бесценную бумагу и не спешит ее убирать.

— Есть только один нюанс, — мнется он, — который меня несколько тревожит...

— Какой? — настораживаюсь я.

— Понимаешь, в этом документе машинисткой допущена одна подозрительная опечатка... А немцы — они ведь такие педанты — опечаток быть не должно... К тому же, такие секретные бумаги печатали у них мужчины... Конечно, в такой суматохе...

— Покажи, где?

— Вот, — палец Старика тыкает в название должности Э. Коха, — смотри, напечатаны лишние буквы «s» и «t» — SS-Oberstgruppenführer und der General-oberst der Polizei. Надо обергруппенфюрер, а напечатано оберстгруппенфюрер. Может это и не столь...

— Все правильно, — прерываю я его, — было у немцев в их организации СС и такое звание для некоторых высших чинов рейха — оберстгруппенфюрер СС. В переводе — это генерал-полковник. И Эрих Кох имел это звание. Выше было только звание рейхсфюрера СС. Его носил только один человек — Генрих Гиммлер.

— Точно? — с облегчением вздыхает Старик, — ты уверен?

— На все сто. У меня есть энциклопедия по этой части.

— Ну, прям, камень с души свалился, думал уже лоханулся с этой покупкой... И есть здесь еще один нюансик....

— Многовато для такой маленькой бумажки, — усмехаюсь я.

— Понимаешь, кроме гауляйтера Восточной Пруссии, он подписывается еще и в качестве рейхскомиссара Украины и Галиции... А эти территории были освобождены нашими еще к осени сорок четвертого....

— Тут я не уверен, — задумываюсь я. — Но представь, на эти должности Коха назначил сам Гитлер, который до конца верил в свою победу. Снять Коха с должности рейхскомиссара временно утраченных, как считал Гитлер, территорий — значит признать свое поражение. А это — нонсенс. Так думали и многие оголтелые нацисты, верящие до последнего момента в гений фюрера и чудооружие.

Некоторое время Старик размышляет, почесывая свою щеку.

— Пожалуй, ты прав, — говорит он раздумчиво, — назначение состоялось, а война еще продолжается.

— Конечно, я загляну на всякий случай в энциклопедию, проверю, — добавляю я, — но в принципе есть почти стопроцентная уверенность, что все правильно.

— Смотри дальше, — произносит Старик и выкладывает из папки еще стопку листов бумаги с текстом.

Начинаю читать.

«Неразгаданные тайны Второй мировой. Лагерь дождевого червя»

По материалам: www.trackers.su

Предлагаем записки участника Великой Отечественной войны о загадочных подземных укреплениях, затерянных в лесах Северо-Западной Польши и обозначавшихся на картах вермахта как «Regenwurmlager» — «Лагерь дождевого червя». Этот бетонированный и свержукрепленный подземный город остается и до наших дней одной из терра инкогнита XX века.

В начале 60-х годов прошлого века мне, военному прокурору, довелось по срочному делу выехать из Вроцлава через Волув, Глогув, Зеленую Гуру и Мендзижеч в Кеньшицу. Этот затерянный в складках рельефа Северо-Западной Польши небольшой населенный пункт, казалось, был вовсе забыт. Вокруг угрюмые, труднопроходимые лесные массивы, малые речки и озера, старые минные поля, надолбы, прозванные «зубами дракона», и рвы зарастающих чертополохом прорванных нами укреп-районов вермахта. Бетон, колючая проволока, замшелые развалины — все это остатки мощного оборонительного вала, когда-то имевшего целью «прикрыть» фатерланд в случае, если война покатится вспять. Унемцев Мендзижеч именовался Мезерицем. Укрепрайон, вбивавший и Кеньшицу — «Мезерицким»... В Кеньшице мне доводилось бывать и ранее. Приезжему жизнь этой деревеньки почти не заметна: покой, тишина, воздух напоен ароматами ближнего леса. Здесь, на малоизвестном миру пятачке Европы, военные поговаривали о тайне лесного озера Кшива, расположенного где-то рядом, в окладе глухого хвойного бора. Но никаких подробностей. Скорее — слухи, домыслы...

Помню, по старой, местами просевшей мощеной дороге едем на «Победе» в расположение одной из бригад связи Северной группы войск. Пятибатальонная бригада располагалась в бывшем немецком военном городке, скрытом от любопытного глаза в зеленом бору. Когда-то

именно это место и было обозначено на картах вермахта топонимом «Regenwurlager» — «Лагерь дождевого червя».

Водитель, ефрейтор Владимир Чернов, сверлит проселок глазами и одновременно прислушивается к работе карбюратора недавно возвращенной из капремонта легковушки. Слева песчаный откос, поросший ельником. Ели и сосны, кажется, везде одинаковые, но здесь они выглядят угрюмо.

Вынужденная остановка. Угадываю вблизи обочины большую лещину. Оставляю ефрейтора у задранного капота и не спеша поднимаюсь по осыпному песку. Конец июля — пора сбора лесных орехов. Обходя куст, неожиданно натываюсь на старую могилу: почерневший деревянный католический крест, на котором висит эсэсовская каска, покрытая густой паутиной трещин; у основания креста — белая керамическая банка с засохшими полевыми цветами. В негустой траве угадываю оплывший бруствер окопа, почерневшие стреляные гильзы от немецкого станкового пулемета «MG». Отсюда, вероятно, хорошо когда-то простреливалась эта дорога... Возвращаюсь к машине. Снизу Чернов машет мне руками, указывает на откос. Еще несколько шагов, и я вижу торчащие из песка укладки старых минометных мин. Их как будто растащило тальми водами, дождями, ветром: стабилизаторы затащило песком, головки взрывателей торчат снаружи. Только задень... Опасное место в тихом лесу.

Минут через десять пути показалась сложенная из огромных валунов стена бывшего лагеря. Метрах в ста от нее, возле дороги, — похожий на бетонный дот серый двухметровый купол какого-то инженерного сооружения. По другую сторону — развалины, очевидно, особняка. На стене, как бы отрезающей проезжую дорогу от военного городка, почти не видно следов от пуль и осколков. По рассказам местных жителей, затяжных боев здесь не было, немцы не выдержали натиска. Когда им стало ясно, что гарнизон (два полка, школа дивизии СС «Мертвая голова» и части обеспечения) может попасть в окружение, он срочно эвакуировался. Трудно себе представить, как можно было за несколько часов почти целой дивизии ускользнуть из этой природной западни. И куда?

Если единственная дорога, по которой мы едем, была уже перехвачена танками 44-й гвардейской танковой бригады Первой гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукоев. Первым «таранил» и нашел брешь в минных полях укрепрайона танковый батальон гвардии майора Алексея Карабанова, посмертно — Героя Советского Союза. Вот где-то здесь он и сгорел в своей израненной машине в последних числах января сорок пятого... Кеньшицкий гарнизон запомнился мне таким: за камен-

ной стеной — линейки казарменных строений, плац, спортплощадки, столовая, чуть дальше — штаб, учебные классы, ангары для техники и средства связи. Имевшая важное значение бригада входила в состав элитных сил, обеспечивавших Генеральному штабу управление войсками на внушительном пространстве европейского театра военных действий. С севера к лагерю и подступает озеро Кишва, по величине сравнимое, например, с Черемнецким, что под Санкт-Петербургом, или подмосковным Долгим. Изумительное по красоте, кеньшицкое лесное озеро повсюду окружено знаками тайны, которой, кажется, здесь пропитан даже воздух. С 1945 и почти до конца пятидесятых годов место это находилось по сути дела лишь под присмотром управления безопасности города Мендзижеч — где, как говорят, по службе его курировал польский офицер по фамилии Телютко — да командира дислоцированного где-то рядом польского артиллерийского полка. При их непосредственном участии и была осуществлена временная передача территории бывшего немецкого военного городка нашей бригаде связи. Удобный городок полностью отвечал предъявляемым требованиям и, казалось, был весь как на ладони...

Вместе с тем осмотрительное командование бригады решило тогда же не нарушать правил расквартирования войск и распорядилось провести в гарнизоне и окрест тщательную инженерно-саперную разведку. Вот тут-то и начались открытия, поразившие воображение даже бывалых фронтовиков, еще проходивших в ту пору службу. Начнем с того, что вблизи озера в железобетонном коробе был обнаружен заизолированный выход подземного силового кабеля, приборные замеры на жилах которого показали наличие промышленного тока напряжением в 380 вольт. Вскоре внимание саперов привлек бетонный колодец, который проглатывал воду, низвергавшуюся с высоты. Тогда же разведка доложила, что, возможно, подземная силовая коммуникация идет со стороны Мендзижеча. Однако здесь не исключалось и наличие скрытой автономной электростанции и еще то, что ее турбины вращала вода, падающая в колодец. Говорили, что озеро каким-то образом соединено с окружающими водоемами, а их здесь немало. Проверить эти предположения саперам бригады оказалось не под силу.

Части СС, находившиеся в Лагере в роковые для них дни сорок пятого, как в воду канули. Поскольку обойти озеро по периметру из-за непроходимости лесного массива было невозможно, я, пользуясь воскресным днем, попросил командира одной из рот капитана Гамова показать мне местность с воды. Сели в лодчонку и, поочередно меняясь на веслах и делая короткие остановки, за несколько часов обогнули

озеро; мы шли в непосредственной близости от берега. С восточной стороны озера возвышалось несколько мощных, уже поросших подлеском, холмов-терриконов. Местами в них угадывались артиллерийские капониры, обращенные фронтом на восток и юг. Удалось заметить и два, похожих на лужи, маленьких озера. Рядом возвышались щитки с надписями на двух языках: «Опасно! Мины!»

— Терриконы видите? Как египетские пирамиды. Внутри них разные потайные ходы, лазы. Через них из-под земли наши радиорелейщики при обустройстве гарнизона доставали облицовочные плиты. Говорили, что «там» настоящие галереи. А что касается этих лужиц, то, по оценке саперов, это и есть затопленные входы в подземный город, — сказал Гамов и продолжал: — Рекомендую посмотреть еще одну загадку — остров посреди озера. Несколько лет назад часовые маловысотного поста заметили, что этот остров на самом деле не остров в обычном понимании. Он плавает, точнее, медленно дрейфует, стоя как будто на якоре.

Я осмотрелся. Плавающий остров порос елями и ивняком. Площадь его не превышала пятидесяти квадратных метров, и, казалось, он действительно медленно и тяжело покачивается на черной воде тихого водоема.

Улесного озера было и явно искусственное, юго-западное и южное продолжение, напоминающее аппендикс. Здесь шест уходил в глубину на два-три метра, вода была относительно прозрачной, но буйно растущие и напоминающие папоротник водоросли совершенно закрывали дно. Посреди этого залива сумрачно возвышалась серая железобетонная башня, явно имевшая когда-то специальное назначение. Глядя на нее, я вспомнил воздухозаборники московского метро, сопутствующие его глубоким тоннелям. Вузкое окошко было видно, что и внутри бетонной башни стоит вода.

Сомнений не было: где-то подо мной подземное сооружение, которое зачем-то потребовалось возводить именно здесь, в глухих местах под Мендзигжечем. Но знакомство с «Лагерем дождевого червя» на этом не кончилось. Во время все той же инженерной разведки саперы выявили замаскированный под холм вход в тоннель. Уже в первом приближении стало ясно, что это серьезное сооружение, к тому же, вероятно, с разного рода ловушками, включая минные. Говорили, что как-то подвыпивший старшина на своем мотоцикле решил на спор проехаться по таинственному тоннелю. Больше лихача якобы не видели. Надо было все эти факты проверить, уточнить, и я обратился к командованию бригады.

Оказалось, что саперы и связисты бригады в составе специальной группы не только спускались в него, но удалялись от входа на расстоя-

ние не менее десятка километров. Правда, никто в нем не пропал. Итог — обнаружили несколько ранее неизвестных входов. По понятным причинам информация об этой необычной экспедиции осталась конфиденциальной....»

Читаю другие листочки. Во мне нарастает волна удивления.

«...Здесь, в недрах великопольского края, расположено самое обширное фортификационное сооружение в мире — «Лагерь дождевого червя». Сооружалось оно более десяти лет сначала инженерами рейхсвера, а потом специалистами вермахта...

Зрелище не для слабонервных, когда в лесных сумерках из смотровых щелей старых дотов и бронеколпаков выбираются, копошась и попискивая, летучие мыши. Рукокрылые твари решили, что эти многоэтажные подземелья люди построили для них, и обосновались там давно и надежно. Здесь, неподалеку от польского города Мендзижеч, обитает самая большая в Европе колония нетопырей — десятки тысяч. Но речь не о них, хотя военная разведка и выбрала в виде своей эмблемы силуэт летучей мыши...

Об этой местности ходили, ходят и долго еще будут ходить легенды — одна мрачнее другой.

Рассказывает один из первопроходцев здешних катакомб, полковник Александр Лискин: «Вблизи Лесного озера в железобетонном коробе был обнаружен заизолированный выход подземного силового кабеля, приборные замеры на жилах которого показали наличие промышленного тока напряжением 380 вольт. Вскоре внимание саперов привлек бетонный колодец, который проглатывал воду, низвергавшуюся с высоты...».

Что бы там ни говорили, бесспорно одно: в мире нет более обширного и более разветвленного подземного укрепления, чем тот, который был прорыт в речном треугольнике Верта—Обра—Одер более полувека назад. До 1945 года эти земли входили в состав Германии. После крушения «Третьего рейха» вернулись к Польше. Только тогда в сверхсекретное подземелье спустились советские специалисты. Спустились, поразились протяженности тоннелей и ушли. Никому не хотелось затеряться, взорваться, исчезнуть в гигантских бетонных катакомбах, уходивших на десятки (!) километров к северу, югу и западу. Никто не мог сказать, с какой целью были проложены в них двупутные узкоколейки, куда и зачем убегали электропоезда по бесконечным тоннелям с бесчисленными ответвлениями, тупиками, что перевозили они на своих платформах, кто был пассажирами. Однако доподлинно известно, что Гитлер по меньшей мере дважды побывал в этом подземном железобетонном царстве,

закодированном под названием «RL» — «Regenwurm-lager» — «Лагерь дождевого червя».

Зачем?

Под знаком этого вопроса проходит любое исследование загадочного объекта. Зачем было сооружено гигантское подземелье? Зачем проложены в нем сотни километров электрифицированных железных дорог?! И еще добрая дюжина всевозможных «зачем?» и «почему?»

Лишь в восьмидесятые годы была проведена углубленная инженерно-саперная разведка лагеря силами советских войск, которые располагались в этом районе Польши.

Вот что рассказывал потом один из участников подземной экспедиции, техник-капитан Черепанов: «В одном из дотов мы по стальным винтовым лестницам спустились глубоко под землю. При свете кислотных фонарей вошли в подземное метро. Это было именно метро, так как по дну тоннеля проходила железнодорожная колея. Потолок был без признаков копоты. По стенам — аккуратная расшивка кабелей. Вероятно, локомотив здесь двигала электроэнергия.

Группа вошла в тоннель не в начале. Вход в него находился где-то под Лесным озером. Вся трасса устремлялась на запад — к реке Одер. Почти сразу обнаружили подземный крематорий. Возможно, именно в его печах сгорели останки строителей подземелья.

Медленно, с соблюдением мер предосторожности поисковая группа двигалась по тоннелю в направлении современной Германии. Вскоре бросили считать тоннельные ответвления — их обнаружили десятки. И вправо, и влево. Но большая часть ответвлений была аккуратно замурована. Возможно, это были подходы к неизвестным объектам, в том числе к частям подземного города...

В тоннеле было сухо — признак хорошей гидроизоляции. Казалось, с другой, неведомой стороны вот-вот покажутся огни поезда или большого грузового автомобиля.

Группа двигалась медленно и через несколько часов пребывания под землей стала терять ощущение реально пройденного...

Исследование законсервированного подземного города, проложенного под лесами, полями и речками, — задача для специалистов иного уровня. Этот иной уровень требовал больших сил, средств и времени. По нашим оценкам, подземка могла тянуться на десятки километров и «нырять» под Одер. Куда дальше и где ее конечная станция — трудно было даже предположить. Вскоре старший группы принял решение возвратиться...».

Разумеется, без плана-схемы раскрыть тайны «Лагеря дождевого червя» невозможно. Что же касается замурованных тупиков, то

специалисты считают, что там под охраной минных ловушек могут храниться и образцы секретной по тому времени военной техники, и ценности, вывезенные из музеев оккупированных стран.

В рассказе техника-капитана Черепанова вызывает сомнение только одно — подземный крематорий, в котором, возможно, сжигали тела строителей. Дело в том, что строили это фортификационное чудо не пленные рабы, а профессионалы высокого класса из строительной армии Тодта: инженеры-маркшейдеры, гидротехники, железнодорожники, бетонщики, электрики... Каждый отвечал за свой объект или небольшой участок работ, и никто из них не мог даже представить общие масштабы укрепрайона. Люди Тодта применили все технические новинки XX века, дополнив их опытом зодчих средневековых замков по части всевозможных ловушек и смертельных сюрпризов для непрошенных визитеров. Недаром фамилия их шефа была созвучна слову «смерть». Помимо полов-перевертышей, лазутчиков поджидали здесь и шнуровые заряды, взрывы которых заваливали тоннели, заживо погребая под тоннами песка вражеских диверсантов.

Наверное, даже дивизию СС, занимавшую этот район, и ту выбрали по устрашающему названию — «Тоден копф» — «Мертвая голова».

Тем не менее ничто не может утешить самостоятельных исследователей «нор дождевого червя». На свой страх и риск они отправляются в лабиринт Тодта, надеясь на ошеломляющие открытия и счастливое возвращение.

Мы с польским журналистом Кшиштофом Пилявским тоже не стали исключением. И местный старожил — бывший танкист, а ныне таксист — по имени Юзеф, захватив с собой люминесцентный фонарь, взялся сводить нас к одному из двадцати двух подземных вокзалов. Все они обозначались когда-то мужскими и женскими именами: «Дора», «Марта», «Эмма», «Берта»... Ближайший к Мендзижечу — «Хенрик». Наш гид утверждал, что именно к его перрону прибывал из Берлина Гитлер, чтобы отсюда отправиться — уже наземным путем — в полевую ставку под Растенбургом — «Вольфшанце». В этом есть своя логика: подземный путь из Берлина позволял скрытно покидать рейхс-канцелярию. Да и до «Волчьего логова» отсюда всего лишь несколько часов езды на машине.

... Юзеф гонит свой «полонез» по неширокому шоссе на юго-запад от города. В деревушке Калава сворачиваем в сторону бункера «Шарнхорст». Это один из опорных пунктов оборонительной системы Поморского вала. А места в округе — идиллические и никак не вяжутся с военными терминами: холмистые перелески, маки во ржи, лебеди в

озерцах, аисты на крышах, соснячки, горящие изнутри солнцем, косули бродят... Господь творил эту землю с умилением. Антихрист с не меньшим усердием прокладывал в ее недрах свои бетонные пути...

Живописный холм с нестарым дубом на вершине был увенчан двумя стальными бронеколпаками. Их массивные сглаженные цилиндры с прорезями походили на тевтонские рыцарские шлемы, «забытые» под сенью дубовой кроны.

Западный склон холма обрывался бетонной стеной в полтора человеческого роста, в которую была врезана броневая гермодверь в треть обычной двери и несколько воздухозаборных отверстий, закрытых опять же бронированными жалюзи. Жабры подземного монстра... Над входом надпись, набрызганная краской: «Welcome to hell!» — «Добро пожаловать в ад!»

Под пристальным оком пулеметной амбразуры флангового боя подходим к броневой дверце и открываем ее длинным специальным ключом. Тяжелая, но хорошо смазанная дверь легко распахивается, и в грудь смотрит еще одна бойница — фронтального боя. «Вошел без пропуска — получи автоматную очередь», — говорит ее пустой, немигающий взгляд. Такова камера входного тамбура. Когда-то ее пол предательски проваливался, и незваный гость летел в колодец, как это практиковалось в средневековых замках. Теперь он надежно закреплен.

Мы сворачиваем в узкий боковой коридорчик, который ведет внутрь бункера, но через несколько шагов прерывается главным газовым шлюзом. Выходим из него и попадаем в блок-пост, где караул проверял когда-то документы всех входящих и держал под прицелом входную гермодверь. Только после этого можно войти в коридор, ведущий в боевые казематы, прикрытые бронекуполами. В одном из них до сих пор стоит ржавый скорострельный гранатомет, в другом размещалась огнеметная установка, в третьем — тяжелые пулеметы... Здесь же «каюта» командира — «фюрер-раум», перископные выгородки, радиорубка, хранилище карт, туалеты и умывальник, а также замаскированный запасной выход.

Этажом ниже — склады расходных боеприпасов, цистерна с огнесмесью, камера входной ловушки, она же карцер, спальня отсек для дежурной смены, фильтро-вентиляционная выгородка. Здесь же и вход в преисподнюю: широкий — метра четыре в диаметре — бетонный колодец отвесно уходит вниз на глубину десятиэтажного дома. Луч фонаря высвечивает на дне шахты воду. Бетонная лестница спускается вдоль шахты крутыми узкими маршами.

— Тут сто пятьдесят ступенек, — сообщает Юзеф.

Мы идем за ним с замиранием сердца: что внизу? А внизу, на глубине 45 метров, высокосводный зал, похожий на неф старинного собора, разве что собранный из арочного железобетона. Шахта, вдоль которой вилась лестница, обрывается здесь для того, чтобы продолжиться еще глубже, но уже как колодец, почти до краев заполненный водой. Есть ли дно у него? И для чего вздымается нависающая над ним шахта аж до казематного этажа? Юзеф не знает. Но он ведет нас к другому колодцу, более узкому, прикрытому крышкой люка. Это источник питьевой воды. Можно хоть сейчас зачерпнуть...

Оглядываю своды здешнего аида. Что видели они, что творилось под ними? Этот зал служил гарнизону «Шарнхорста» военным городком с тыловой базой. Здесь в главный тоннель, как притоки в русло, «впадали» двухъярусные бетонные ангары. В них размещались две казармы на сто человек, лазарет, кухня, склады с продовольствием и амуницией, электростанция, топливохранилище. Сюда же через шлюзовую противоподающую камеру подкатывали и вагонеточные поезда по ветке, уходящей к магистральному тоннелю на вокзал «Хенрик».

— Пойдем на вокзал? — спрашивает наш провожатый.

Юзеф ныряет в невысокий и неширокий коридор, и мы за ним. Пешеходная потерна кажется бесконечной, идем по ней ускоренным шагом уже четверть часа, а света в конце тоннеля не видно. Да и не будет здесь никакого света, как, впрочем, и во всех остальных «норах дождевого червя».

Только тут замечаю, как продрог в этом стылом подземелье: температура здесь постоянная что летом, что зимой — 10 градусов. При мысли, под какой толщей земли тянется наша щель-тропа, и вовсе становится не по себе. Низкий свод и узкие стены сжимают душу — выберемся ли отсюда? А если обрушится бетонное перекрытие, а если хлынет вода? Ведь более полувека все эти конструкции не знали ни ухода, ни ремонта, а ведь они сдерживают и давление недр, и напор воды... Когда на кончике языка уже завертелось: «Может, вернемся?» — узкий ход наконец влился в широкий транспортный тоннель. Бетонные плиты составляли здесь подобие перрона. Это и был вокзал «Хенрик» — заброшенный, пыльный, темный... Сразу же вспомнились те станции берлинского метрополитена, которые до недавних лет пребывали в подобном же запустении, поскольку находились под стеной, рассекавшей Берлин на восточную и западную части. Их было видно из окон голубых экспрессов — эти каверны застывшего на полвека времени... Теперь, стоя на перроне «Хенрика», нетрудно было поверить, что рельсы этой ржавой двупутки добегают и до берлинского метро.

— Вон туда уехал ваш старшина на мотоцикле, — махнул Юзеф рукой в темный зев магистрального тоннеля.

— Как же он втащил сюда мотоцикл?

— А тут в полутора километрах есть село Высокое. Там въезд под землю. А теперь заглянем к нетопырям...

Мы сворачиваем в боковой ход.

Вскоре под ногами захлюпали лужи — по краям пешеходной дорожки тянулись водоотводные канавки, идеальные поилки для летучих мышей. Луч фонаря прыгнул вверх, и над нашими головами зашевелилась большая живая гроздь из костлявокрылых полуптиц-полузверьков. Холодные мурашки побежали по спине — экая пакость, однако! Даром что полезная — комаров жрет.

Говорят, души погибших моряков вселяются в чаек. Тогда души эсэсовцев должны вселяться в летучих мышей. И судя по количеству гнездившихся под бетонными сводами нетопырей — тут вся дивизия «Мертвая голова», бесследно исчезнувшая в 1945-м в мезерицком подземелье.

Мезерицкий укрепленный район. Инженеры строительной армии Тодта превратили в военные объекты и реки, и озера. До сих пор в здешних лесах можно наткнуться на непонятного назначения шлюзы, гидрозатворы, каналы, водосбросы.

Лет десять назад полковник Лискин вместе с командиром одной из рот Мендзижечского гарнизона капитаном Гамовым обследовали самое большое здешнее озеро.

«Сели в лодчонку, — делится своими впечатлениями Александр Лискин, — и, поочередно меняясь на веслах, за несколько часов обогнули озеро. Мы шли в непосредственной близости от берега...».

А возводить его понадобилось именно затем, зачем был создан весь укрепрайон: чтобы навесить мощный замок на главную стратегическую ось Европы—Москва—Варшава—Берлин —Париж. За сотню километров от сердца Германии и был создан этот бронезелозобетонный щит.

Китайцы построили свою Великую стену, дабы прикрыть границы Поднебесной империи от вторжения кочевников. Немцы сделали почти то же самое, воздвигнув Восточный вал — Ostwall, с той лишь разницей, что проложили свою «стену» под землей. Сооружать ее они начали еще в 1927 году и только через десять лет закончили первую очередь. Полагая отсидеться за этим «неприступным» валом, гитлеровские стратеги двинулись отсюда сначала на Варшаву, а потом на Москву, оставив в тылу захваченный Париж. Итог великого похода на Восток известен.

В зиму сорок пятого бойцы генерала Гусаковского проломили этот «непроходимый» рубеж и двинулись напрямую к Одеру.

По игре исторического случая, именно на той черте, по которой проходят подземные коридоры, остановились орды Чингисхана и повернули обратно.

В послевоенные времена в районе «Лагеря дождевого червя» дислоцировались советская бригада правительственной связи и другие части Северной группы войск. За все эти годы была произведена только частичная инженерная разведка подземного «метрополитена». На большее не хватило средств, да и людьми рисковать не хотели: кто мог поручиться, что на подземных трассах не выставлены мины? Поэтому без лишних сомнений броневые двери, ведущие в глубь таинственного сооружения, были заварены автогенном.

И кто знает, какие запасы взрывчатых веществ и военного снаряжения таятся в замурованных тупиках подземного лабиринта? И что вообще хранится там со времен эсэсовской «Мертвой головы»? И почему чеченских боевиков арестовывают неподалеку от входов в это таинственное и мрачное подземелье?»

ссылка <http://sovsekretno.ru/2001/07/6.html>

— Вот так так, — ахаю я после прочтения, — ну и дела!

— Что впечатляет? — Старик прямо лучится довольством.

— Не только то, что ты думаешь.

Я кладу листочки в сторону, иду к гамаку и приношу оттуда книгу.

— Смотри! Как раз до твоего звонка и приезда я читал эту вот книгу.

Старик недоуменно вертит ее в руках, листает. Поднимает на меня непонимающие глаза?

— И что? — спрашивает он.

— То, что в этой книге есть как раз про Мезерицкий укрепрайон. Я искал здесь следы своего деда.

— Какого деда.

— Потом расскажу, — отмахиваюсь я, — сейчас это не важно. Важно это удивительное совпадение. Мы оба, независимо друг от друга, но в одно и то же время получили сведения о Мезерицком укрепрайоне...

— Что ты говоришь! — восклицает Старик. — Да ведь это знамение! Экспедиция будет удачной. А ты еще отказывался ехать...

— Я не отказывался... Но суть не в том. Давай я займусь дополнительным сбором материалов по данной теме, а ты, когда порешаешь

свои оргтехвопросы, назначай сбор и будем обсуждать детали. Надо добыть подробные карты той местности и прочее...

— Договорились, — удовлетворенно говорит Старик, — у тебя водички холодненькой не найдется?..

На следующий день встречаемся и обговариваем детали.

Оказывается, километрах в восьмидесяти севернее района нашей конечной цели, в польском городе Сквезине, проживает родственник партнера Старика по бизнесу. Он обещает полную техническую поддержку, в том числе поисковой техникой.

Прекрасно. Теперь не придется ломать голову, как объяснять нашим и польским пограничникам и таможенникам наличие электронного поискового оборудования.

— Возьмем только моего «японца», умеющего обнаруживать пустоты — говорит Старик, — металлодетекторы там бесполезны. Весь бетон пронизан железной арматурой и будет сплошной фоновый шум. Они понадобятся нам, в основном, на предмет обнаружения мин.

— Полностью согласен, — говорю я, — судя по описаниям людей, там побывавших, этого опасного добра там хватает.

Поедем на джипе Старика. Официальная цель — туризм.

— Слушай, — спохватываюсь я, — а с чего это этот родственник твоего партнера будет нам помогать? Ты обозначил ему цель? И, может, пообещал уже пол-Янтарной комнаты?..

Оба смеемся.

— Нет, — отсмеявшись, говорит Старик, — здесь будет баш на баш. Этот родственник является внуком польского офицера, погибшего недалеко от Минска, под Раковым, в начале июля 1920 года, в ходе наступления Западного фронта Красной Армии против войск Пилсудского.

— И?

— И мы окажем ему всяческое содействие в поисках останков его деда. Он желает вывезти их на родину и захоронить в фамильном склепе, которому уже почти двести лет. Старинный шляхетский род...

— Понятно, — соглашаюсь я, — тогда возражений не имею.

Не обходим стороной и трудности межъязыкового общения. Некоторые польские слова и фразы я знаю, но...

— А как с языком? — спрашиваю я Старика, — пан муве по польску?

И тут он меня потрясает, выдавая сразу несколько тирад на языке, знакомом мне по обилию звонких и жужжащих звуков.

Я лишь развожу руками. Впрочем, у нас многие знают польский язык, особенно в западных областях, где проживают преимущественно католики. И не зря у нас государственным праздником является и 25 декабря — День Рождества Христова по календарю католической конфессии.

Дополнительно добытые по теме материалы не впечатляли. В основном это пересказы первых двух текстов, добавляющие некоторые подробности, иногда не очень правдоподобные.

Старик вслух читает одну из таких статей.

«...Были найдены замаскированные входы в подземные сооружения, которые выводили к просторному тоннелю диаметром за три метра. По его дну пролегали рельсы, а по стенам, как в метро, висели жгуты кабелей. Тоннель уходил на запад. Когда его принялись исследовать, то обнаружилось множество боковых тоннелей и замурованных входов в какие-то подземные сооружения, назначение которых так и осталось неизвестным.

Один из пологих спусков в это таинственное метро был специально рассчитан для въезда в него на армейских джипах. А расстояние между рельсами учитывало колею автомобиля. И военнослужащие не отказали себе в удовольствии прокатиться по тоннелю в сторону Германии километров двадцать. Хотя на большее не решились. Начало же тоннеля, по прикидкам, находится аккурат под озером Кшива.

Приплывавшие на плавающий остров любители рыбной ловли в ясные дни видели на дне озера сквозь многометровую толщу воды огромный задранный люк.

Местные жители утверждают, что строительство этого грандиозного подземного сооружения немцы начали еще в двадцатых годах прошлого века, а закончили к началу Второй мировой войны, благо в то время эта территория принадлежала Германии, а не Польше, как теперь. Многие уверены, что принимал объект лично Гитлер, прикативший сюда на поезде таинственного метро.

Советский гарнизон покинул Кеньшицкий военный городок лишь в 1992 году. За несколько десятилетий пребывания в нем так и не были сделаны серьезные попытки разгадать тайну озера Кшива?

Леонид БУДАРИН»

Откладывает листок в сторону и хмыкает.

— Так уже и для джипов трасса предусмотрена, — с неудовольствием замечает он, — которых у немцев тогда не было. Следующими будут подлодки и бронекатера, для которых в тоннели специ-

ально закачивалась вода... А там и мини-вертолеты не за горами... И летающие тарелки...

Протягиваю Старику справку по дивизии «Мертвая голова». Он внимательно читает.

«МЕРТВАЯ ГОЛОВА», дивизия СС. Сформирована 1.11.1939 Теодором Эйке в Дахау из 3 полков частей «Мертвая голова» с включением офицеров из частей усиления СС и хаймвера СС Данциг...

...Смарта 1940 действовала на Западе. Солдаты дивизии прославились не только своей выдающейся стойкостью и презрением к смерти, но и крайне жестоким отношением к пленным.

В апр. 1941 переформирована в мотопехотную дивизию СС «Мертвая голова» (SS-Infanterie-Division «Totenkopf»), в ее составе к этому моменту числилось 18 754 чел.

С июня 1941 действовала на советско-германском фронте в составе группы армий «Север».

В сент. 1941 участвовала в отражении наступления советских войск в районе Ильменя.

В февр. — апр. 1942 дивизия вела тяжелейшие бои в Демянском котле: именно она приняла на себя основной удар... В ряде боев дивизия выдерживала удары нескольких советских корпусов. Однако и потери были огромны — более половины своего состава.

В нояб. 1942 переведена на Запад — на отдых и пополнение.

9.11.1942 переформирована в моторизованную дивизию СС «Мертвая голова» (SS-Panzer-Grenadier-Division «Totenkopf»).

В марте 1943 — вновь отправлена на Восток, где вошла в состав II танкового корпуса СС. Участвовала в боях под Харьковом.

В июле 1943 участвовала в Курской битве.

21.10.1943 переформирована в 3-ю танковую дивизию СС «Мертвая голова» (3 SS-Panzer-Division «Totenkopf»).

После поражения на Курской дуге направлена в Польшу, особенно отличилась в оборонительных боях в районе Варшавы...

...В марте 1945 сражалась в районе озера Балатон, а после разгрома отступила в Австрию.

9.05.1945 сдалась американским войскам в районе Вены.

За время боев 47 военнослужащих дивизии были награждены рыцарским крестом Железного креста.

У солдат и офицеров дивизии на правой петлице вместо стандартных рун СС было изображение черепа со скрещенными костями. Кроме того, они носили манжетные ленты либо с изображением того же черепа со скрещенными костями, либо с надписью «Totenkopf».

Командиры: обергруппенфюрер СС, генерал войск СС Теодор Эйке (1.11.1939—7.7.1941; бригадефюрер СС, генерал-майор войск СС Маттиас Клейнхейстеркамп (7.7—18.7.1941); группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС Георг Кенплер (18.7—19.9.1941); обергруппенфюрер СС, генерал войск СС Теодор Эйке (19.9.1941—26.2.1943); группенфюрер СС генерал-лейтенант войск СС Герман Присс (26.2—27.4.1943); бригадефюрер СС, генерал-майор войск Макс Симон (15.5—22.10.1943); группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС Герман Присс (22.10.1943—20.6.1944); бригадефюрер СС, генерал-майор войск СС Гельмут Беккер (21.6.1944—8.5.1945).

— Все сходится, — удовлетворенно произносит Старик, — вот он — Г. Беккер, командир 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова». Однако сколько сменилось командиров... И в Польшу направлена...

— Да, — говорю я, — Гельмут Беккер, будучи оберфюрером СС, был одним из немногих эсэсовцев, награжденных высшей наградой рейха — Рыцарским крестом с дубовыми листьями.

— Оберфюрером СС? — удивленно переспрашивает Старик, — первый раз слышу это звание.

— Это звание шло за штандартенфюрером (полковником) СС, но перед бригадефюрером (генерал-майором) СС, — разъясняю я.

— А почему все они имеют по два звания, тот же Беккер: и бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС?

— Есть организация СС (от слова Schutzstaffel — охранные отряды) с иерархией в 24 звания: от обершютце (низшее) до рейхсфюрера СС Гимmlера, возглавлявшего ее. И есть войска СС, где присваивались армейские звания. Знаю, что самым низшим было штурмман СС (рядовой), которое вроде приравнивалось к званию ефрейтор в войсках вермахта...

— Сколько всяких тонкостей напридумывали эти немцы, — говорит Старик. — Ладно — главное, пока мы на правильном пути, пошли дальше...

— Мы стоим на верном пути! — вдруг патетически провозглашаю я.

Старик удивленно смотрит на меня.

— Мы стоим на верном пути! — с той же интонацией повторяю я. Удивление Старика нарастает.

— Мы стоим на верном пути!

После третьего моего восклицания Стрик уже немного в замешательстве. Он, с участливым выражением — мол, не пере-

грелся ли ты, часом, открывает рот, но я его опережаю и громко кричу.

— Мы стоим! — здесь я притормаживаю и назидательнейшим тоном произношу. — А надо — идти!

Старик балдеет, ему нравятся такие примочки.

Долго и от души смеемся. Стараемся такие отдушины делать почаще — ремесло кладоискателя, местами, дело нервное.

— Удивительнее всего, — отмечаю я, — что в очень обстоятельной книге «Инженерные войска в боях за Советскую родину» об этих укреплениях ничего не упоминается. А ведь инженерным силам и саперам там самое место: где посмотреть, да покопаться...

— Может, засекречено было сразу после войны, — предполагает Старик.

— Вполне возможно, — соглашаюсь я.

Обсуждаем проект дальше. Называем его «Дождевым червем». Уточняем еще кое-какие тонкости...

Все. Детали и мелочи обговорены. Маршрут намечен: Минск—Брест—Варшава—Познань—Сквежина.

Не буду утомлять читателя подробностями нашей поездки, тем более что ничего особо интересного в пути не произошло. Скажу лишь, что дорога, по которой мы ехали, не хуже наших по покрытию и гораздо лучше по сервису.

Ехать в джипе по такой дороге — одно удовольствие. И я, сменивший до своей первой, не самой лучшей, иномарки несколько моделей «Жигулей», начиная от «копейки», прекрасно это ощущаю.

Говорю о своих впечатлениях Старiku.

Он ошарашивает меня своим ответом.

— Один из директоров компании «Дженерал моторс», — с хитрой ухмылкой вещает он, — сказал так: «Завод, который делает автомобили за 5 тысяч долларов, и они при этом еще могут и ездить — это очень хороший завод».

Смеемся. Погода стоит чудесная. Солнце с легкой облачностью...

«Skwierzyna» — гласит указатель перед въездом в город типично немецкого облика.

— Сквежина, — буднично говорит Старик, — сейчас надо найти нашего заботливого внука...

Заботливый внук оказывается очень улыбчивым толстым и бородатым поляком, одетым в джинсы и пеструю рубашку, типа распашонки. На вид ему под пятьдесят.

Старик раскидывает руки и двигается к поляку с намерением дружеских объятий.

— О, ше... — начинает он и спотыкается на этом слове, видя реакцию толстяка.

— О, только не это, — бородач умоляюще выставляет вперед руки, ладонями вперед, он вполне сносно говорит по-русски, — только не это...

Старик останавливается в недоумении, с дурацки разведенными руками и приклеенной улыбкой. Я тоже не понимаю, в чем дело. Поляк боится мужских объятий? Считает, что за этим последует обязательный и долгоиграющий брежневский поцелуй?

Толстяк сразу же развеивает наши сомнения. Он сам обнимает Старика и довольно увесисто хлопает его по спине.

— Понимаете, шановные панове, — возмущенно произносит он, — весьма обидно постоянно слушать предположения о возможной гибели своей родины.

Мы со Стариком недоуменно переглядываемся.

Бородатый толстяк спешит ко мне и дружески похлопывает по моим плечам, слегка обнимая руками.

— Судите сами, — объясняет поляк для тех, кто не понял или сидел в последнем ряду, — отчего-то каждый из граждан бывших советских республик начинает общение с нами, поляками, именно этой фразой: «О, ше польска еще не сгинула?» Но почему это моя Польша должна погибнуть? Мне это непонятно и удивительно...

Я украдкой смотрю на Старика и по его несколько смятенному виду угадываю, что он собирался поприветствовать встречающего аккуратно этим бравым предложением.

— Даже туркмен приезжал весной заключать договор о поставке газового оборудования, — продолжает обидчиво поляк и тот: «О, шшчэ, пульска ашчэ нэ сгынэла», — передразнил он неведомого посланца великого туркменбаши. — А с чего бы Польша должна погибнуть? Наоборот...

Я смущенно кривлю губы в улыбке. Как раз это словосочетание было и моей нехитрой домашней заготовкой — порадовать поляка познаниями в польском языке. А тут — вон оно что...

Вспоминаю сразу же и откуда оно всплыло и запомнилось. Во времена моей молодости по телевизору шли очень популярные польские сериалы: «Четыре танкиста и собака» и «На каждом километре». В первом отчаянные польские солдаты громили немцев. А во втором — отважный польский разведчик (поручик или капитан

Клосс) дурил и водил за нос тех же немцев. А наши солдаты всегда приветствовали своих польских союзников именно этой фразой. Тогда Польша, действительно, была полностью оккупирована и находилась на краю гибели. Вот она и приклеилась, эта фразочка. Естественно, жизнерадостному толстяку вопрос: «жива ли Польша?» и обиден и непонятен. Тем более, что наши бывшие совки, оказывается, всегда с него и начинают общение...

Несмотря на свой весьма легкомысленный вид, бородач страшно деловит. У него уже все готово к нашему приезду. Некоторое время они со Стариком оживленно щебечут на польском языке, с обилием шипящих и свистящих звуков, а потом ударяют по рукам.

— Вшистко едно пшепадать, бешт тэго дьябла! — азартно говорит Старик.

Поляк просто расплывается в улыбке.

Не ручаюсь за точность воспроизведения фразы, но смысл ее в переводе на русский такой: «А, все равно пропадать, черт возьми!»

Мы быстро загружаем в джип оборудование, сверяясь со своим списком, чтобы не упустить чего-нибудь нужного. Едем мы, судя по всему, в изрядную глухомань, и не хотелось бы возвращаться за какой-то необходимой мелочью. К тому же, возвращение у нас считается очень плохой приметой.

Перекладывая в джип два акваланга, улыбчивый толстяк что-то говорит, качая головой. Я улавливаю только слово «дайвинг».

Да, дайвингом нам, конечно, приходилось заниматься. Причем, иногда в самых суровых условиях...

При погрузке новеньких металлодетекторов фирмы «Minelab» вновь происходит оживленный обмен мнениями.

— Minen... — слышу я пояснения Старика.

Толстяк вновь расцветает улыбкой, но уже несколько недоверчивой.

По-моему, он прекрасно понимает, чем мы собираемся заниматься. Не в деталях, конечно. Надо только надеяться, что он не выдаст нас местной дефензиве, или, как она у них сейчас называется. Тем более, что его услужливость говорит о расчете на наше ответное взаимопонимание к его вопросу.

Радуют многофункциональные аккумуляторные фонари. Их можно подзаряжать от генератора джипа.

Ну, похоже, все. Раскланиваемся с гостеприимным поляком и стартуем к месту непосредственной цели. Через полтора часа мы уже недалеко от нее.

Пересекаем довольно большую реку Obra (не путать с Одрой) и сразу въезжаем в аккуратный городок, дорожный знак на въезде гласит: «MIĘDZYRZECZ».

— Вот и Мендзижеч, — говорит Старик.

Останавливаемся и фотографируемся возле знака.

— Почему Мендзижеч, — спрашиваю я, — ведь латинской буквы N в названии нет?

— Таковы особенности фонетики польского языка, — важно отвечает Старик.

— Что-нибудь будем покупать?

— Если только карту какую подробную с указанием фортификационных сооружений Мезерицкого укрепрайона.

— Думаешь, таковые имеются?

— Отчего же нет, — убежденно произносит Старик, — у нас вон воссоздали Линию Сталина. От туристов теперь отбою нет. Так что там уже такого особенного — ты ведь бывал?

— Да, — говорю, — но все равно людям интересно — доты, траншеи...

— Ну вот. А здесь, судя по описаниям — целые подземные города, многоэтажные доты, своя железная дорога. Сам Гитлер по ней из Берлина прибывал. Наверняка такой комплекс отгрохали... Или хотя бы начали...

Но на вопросы Старика владельцы маленьких магазинчиков и киосков, торгующих газетами, журналами и прочей полиграфической продукцией, лишь недоуменно поводят плечами.

Старик немедленно приходит в возбуждение.

— Просто удивительно, — говорит он, — такое впечатление, что мы не туда попали. Сейчас посмотрим.

Достает карту. Рассматриваем вдвоем. Карта очень подробная, полукилометровка, правда, на польском языке. Старик скачал ее из Интернета и распечатал.

— Вот «Międzyrzecz», — тыкает он пальцем в карту, — другого тут нет... Вот целых три Кеньшицы — одна называется «Keszysa Kolonia»... Скорее всего, она нам и нужна. Заметь слово «Колония» — значит, жили чужие, стоял советский гарнизон.

— Согласен, — киваю я головой.

— Правда, тут целая куча маленьких озер, соединенных воедино... — всматривается в карту Старик, — штук пятнадцать, наверное... И на некоторых написано «Stav»... То есть это, видимо, система искусственных водоемов... Вероятно, созданных с

оборонительными целями и входящими в общую систему укреплений района.

— Пожалуй, так, — соглашаюсь я, — и вокруг этих ставов или прудов обозначены сплошные леса, в которых и находятся доты и прочие инженерные сооружения... Но, заметь — никаких островов на них не значит.

— Возможно, островок крошечный. Все. Вперед, — решительно говорит Старик.

Он выходит из машины и что-то спрашивает у молодого мужчины, торгующего под крытым навесом фруктами и овощами.

Мужчина показывает рукой вначале вперед по улице, а потом — направо.

Старик садится в джип.

— Все ясно, — оповещает он, — прямо по этой улице и метров через триста свернуть направо. Дальше все время прямо и упрямся в деревню Кеньшица Колония.

Минут через сорок мы подъезжаем к искомой деревне. Перед въездом знак на польском языке «Kęszyska Kolonia». Дальше стоит высокий, метра на три, крест с распятием. Въезжаем в деревню.

Старик заходит в первый же дом, окруженный аккуратным, крашенным в синий цвет, забором и палисадником с разнообразными цветами. Слышится собачий лай, а затем голоса на польском языке.

Старик возвращается в сильнейшем недоумении.

— Ты знаешь? — произносит он, — здесь рыболовецкое хозяйство. В прудах разводят рыбу... Никаких укреплений здесь нет... Местные говорят — может дальше в лесах за ставками и есть. Но дорог туда нет. На джипе напрямую не проедем.

— Н-да, — тяну я неопределенно, — начало поисков что-то не вдохновляет. Как это местные не слышали о таких мощных укреплениях... Не может такого быть. Или просто не хотят говорить...

— Чего тут скрывать-то, — Старик явно обескуражен, — что будем делать? Есть предложения?

— Все ссылаются на Кеньшицы. Давай сначала посетим две других Кеньшицы, — предлагаю я, — что там нам скажут... А потом будем держать совет.

— Разумно, — соглашается Старик.

Мы снова рассматриваем карту. Прямых дорог нет. Придется возвращаться в Мендзижеч.

Возвращаемся в исходную точку. Едем по главной улице городка до самого выезда.

Старик вновь расспрашивает о дороге. Бородатый дедок в соломенном канотье объясняет с помощью жестов.

— Будешь штурманом, — возвращаясь, говорит Старик, — смотри внимательно. Километра через четыре будет деревня Нетоперек, а в ней надо свернуть направо — будет дорога на обе Кеньшицы. Вряд ли там будет указатель.

Километров через шесть показалась деревня. «Nietoperek» гласил дорожный знак.

Где-то посередине деревни мы сворачиваем на первый же правый поворот и движемся по дороге. Все дороги пока асфальтированные, хотя местами и потрепанные.

Километров через восемь мы подъезжаем к искомой деревне. Непременный большущий деревянный крест с распятием и дорожный знак «Kęszyc».

Я столь подробно описываю наш путь, потому что, возможно, кому-то захочется побывать в этих местах. И ввиду того, что большая часть прочитанного нами об этом укрепрайоне, нашей экспедицией не подтвердилась.

Впрочем, вполне возможно, что мы попали не в то место и побывали не там, где побывали авторы интернетовских и других публикаций о загадочных подземельях Мезерицкого укрепрайона. Авторы очень подробно описывают увиденные ими чудеса, но забывают указать к ним дорогу.

Одно можно сказать с уверенностью — озера с названием Кшива и с якобы плавучим островом в тех местах нет. О таком озере не знают жители всех посещенных нами деревень и самого Мендзижеча. Нет его и на подробнейшей карте этого района...

— Кеньшица, — с удовлетворением произносит Старик, — были по расписанию...

Джип останавливается при виде первого же обитателя деревни. Им оказывается пожилая женщина. Старик выходит из машины и вступает с ней в переговоры. Говорят они минут пятнадцать, а затем двигаются вперед по улице. Заходят в один из домов.

Через некоторое время женщина выходит. Через пару минут выходит и Старик. Его сопровождает высокий худой подросток лет пятнадцати, в джинсах и черной рубашке.

Садятся в джип.

— Это наш проводник, — говорит мне Старик по-русски, — он обошелся нам в тридцать евро. Не слабые здесь ставки услуг гидов...

— Казик, — произносит парнишка ломающимся баском и протягивает мне руку.

Я бормочу что-то неразборчивое и жму его руку. Неясно, как я должен представляться, надо спросить у Старика.

— Давай, Казимеж, — по-польски говорит Старик, — показывай, куда ехать.

Подросток тыкает рукой вперед. Мы проезжаем деревню и едем дальше. Дорога по-прежнему асфальтированная. Километров через шесть виднеются какие-то полуразрушенные строения. За ними стеной темнеет лес.

Подъезжаем. Дорожных указателей нет, хотя по карте здесь значится населенный пункт, вторая Кеньшица. Похоже здесь действительно был воинский городок. Угадываются остатки КПП, высятся руины трех длинных трехэтажных казарм, одноэтажной столовой, котельной, водокачки, проглядывается бетон строевого плаца... Но никакого забора нет, хотя местами торчат бетонные столбы.

Джип медленно переваливается через кучи мусора и куски кирпичей. Останавливаемся посередине плаца.

— Куда дальше? — спрашивает Старик проводника.

Тот машет рукой на темнеющий лес, выходит из машины и прощально машет нам рукой.

— Погоди, — говорит Старик, — покажи, где входить и прочее... Я заплачу.

Он достает пятидесятиевровую купюру и машет ей. Подросток останавливается и нерешительно возвращается. Затем они довольно долго быстро говорят по-польски.

Подросток с явным сожалением бросает взгляд на банкноту, но поворачивается и бредет назад.

— Что он тебе сказал? — спрашиваю Старика, — о чем так долго говорили.

— Отказался наотрез, — произносит Старик, — говорит очень плохое место. Местные сюда не ходят. В лесу мин полно, стрельбу слышали иногда, по ночам призраки бродят в немецких шинелях и касках. Пропащее место. И власти сюда не заглядывают.

Садимся, совещаемся. Решили пообедать и налегке, с двумя миноискателями (металлодетекторами), «японцем» и лопатой, идти в лес — искать доты и подземелья.

После легкого походного обеда идем с указанным снаряжением к лесу. Машину ставим на сигнализацию. Проходим среди каких-то

бугров, поросших кустарниками и молодыми деревьями. Впереди возвышенность.

Забираемся на продолговатый приземистый холм и с его вершины видим озеро. Оно длинное и узкое, шириной не более сорока метров. Берега лесистые. А настоящий густой лес, оказывается, начинается только за ним.

Старик достает маленький, но очень мощный (увеличение в восемьдесят крат) бинокль и внимательно осматривает окрестности. Затем передает бинокль мне.

Озеро имеет форму сапога, как и Аппенинский полуостров, на котором расположена Италия, но более длинного и с более загнутым и узким носом. Это мы видели и на карте. Налево оно тянется довольно далеко, на несколько километров. И виднеется впадающая в озеро речонка или ручей. Направо же похоже есть перемычка, по которой можно подойти к лесу. А, возможно, это и мост.

Переглядываемся со Стариком. У него такое же мнение. Идем в том направлении. Выходим на полузаросшую тропу и движемся по ней. Метров через триста подходим к перемычке. Сразу за ней тропа почти исчезает и дальше стеной стоит лес. Сама же перемычка имеет какой-то странноватый вид. Похоже, что она искусственного происхождения.

Так случается — посмотришь на холм, вроде холм, как холм — обычное природное образование. Но интуиция, основанная, вероятно, на практике, подсказывает, что холм этот не простой. Либо он скрывает старинные руины. Либо это древний курган. Или могильник. И в девяти из десяти случаях так оно и оказывается...

Старик расчехляет металлодетектор и начинает прозванивать с начала перемычки. Примерно на середине детектор басовито гудит.

Старик многозначительно смотрит на меня. Я киваю головой в знак согласия — внизу, под землей, находится очень большая масса металла. Идем дальше.

Вот и лес. Какой-то необычный лес, скажу я вам. И скажу дальше — почему.

В него тянется несколько полузаросших троп, но все они перекрыты двумя плотными изгородями с колючей проволокой. На проволоке висят несколько белых табличек на двух языках.

«Achtung — minen!» — я понимаю, а остальные с польского переводит Старик: «Осторожно — мины!», «Вход строго запрещен», «Опасная зона».

Вглядываемся — проволока довольно свежая, почти без ржавого налета. Значит поставили, максимум, несколько лет назад.

Мы не ищем обходных путей, понимая, что это бесполезно. Старик быстро возвращается к машине, уносит один металлодетектор и приносит специальные саперные кусачки с длинными ручками. Проход в обоих рядах колючки делаем далеко в стороне, чтобы не бросался сразу в глаза. Кусачки режут проволоку запросто, как травянистые былинки.

Я обрезаю несколько веток деревьев и делаю вешки. Старик прозванивает почву детектором, а я втыкаю в землю вешки, через каждые два метра, с двух сторон — это наша безопасная тропа. Лес пока редкий. Кое-где звенит и гудит с различной тональностью, но мы, конечно, не копаем.

Мы опять поднимаемся на пологий холм. И здесь лес становится буквально непроходимым. Старик удивленно смотрит на меня и пожимает плечами.

— Ну и дебри! — восклицает он.

Я пораженно молчу. Настоящая тайга. Сплошной бурелом.

Такой лес я видел лишь один раз в жизни. В районе Вуктыла (примерно центр тогда еще Коми АССР) наша студенческая стройбригада наткнулась на такой лес. Мы не прошли там и двадцати метров, даже с бензопилами....

Поражает обилие громадных камней. Причем камни без всяких следов мха, многие с тусклым блеском, будто только что вынутые из русла реки. Деревья лежат беспорядочными грудями, в основном громадные ели. Стоящие ели — то очень приземистые, то высокие, с голыми стволами и какими-то карикатурными верхушками.

Кое-где торчат тощие березки. Стволы у них перекручены самым причудливым образом. Такие стволы я видел у карликовых березок (кажется, их называют карельскими) опять же в Коми, только значительно севернее, за Полярным кругом. Местность та была гиблой с причудливым названием Долина Хальмер-Ю. Местные называли ее еще Долиной Смерти. В ней не было абсолютно никакой жизни, кроме некоторой чахлой растительности в виде ягеля, который не ели даже всегда голодные олени. Ученые считали, что это гепатогенная зона...

— Ты ничего не чувствуешь? — отрывает меня от воспоминаний ставший хрипловатым голос Старика.

— Чувствую, — говорю я.

Действительно, появляется какое-то необъяснимое ощущение нарастания страха. Хочется бежать от этого места. Нарастает паническое настроение. Вероятно, то же происходит и со Стариком.

Я закрываю глаза и громко, вслух, считаю. То же проделывает и Старик. Мы стараемся попадать в тон друг другу. Это старый проверенный прием восстановления психики, которую зацепило сильнейшим стрессом...

Где-то на сороковом счете паника начинает отступать. Прекращаем счет и открываем глаза. Вокруг ничего не изменилось. Все тот же безмолвный лес. Не слышно даже привычного пения птиц.

Присаживаемся на поваленный ствол.

— Что? — спрашивает Старик.

Я пожимаю плечами. Ощущения уже нормальные.

— Скорее всего — геопатогенка, — говорю я, — смотри какие березы...

— Да, я уже обратил внимание, — произносит Старик, — только уж очень сильная геопатогенка...

Различные аномальные зоны попадают и у нас в Беларуси. Как правило, они бывают возле необычных природных образований. Сильно петляющее русло реки, например. Какие-то покореженные холмы. Причудливые порожистые овраги. Странные, почти неживые леса с чахлой растительностью. Признаком этого является множество необычно искривленных стволов берез и сосен.

Иногда наличие геопатогенной аномальной зоны выдают так называемые «ведьмины круги». Когда какие-то, не очень известные грибы, обычно беловатого или сероватого цвета, растут в лесу или на поляне правильными концентрическими кругами. И тогда грибник или охотник, наткнувшийся на них и начинающий их рассматривать, обычно теряет ориентировку и начинает беспричинно блудить даже в самом знакомом лесу. Я с этим явлением сталкивался. Главное здесь — не глазеть на эти круги, а быстренько убираться прочь подобру-поздорову...

— Какие будут предложения, — спрашивает Старик.

— ...было переться за девятьсот километров! — отвечаю я его любимой фразой.

— Будем пробиваться, — соглашается Старик.

Решаем пробираться верхом — по стволам деревьев. Навьючиваем на себя наш нехитрый скарб и начинаем, со взаимной подстраховкой, лезть по лежащим над землей стволам к вершине продолговатой пологой возвышенности.

Дело это в общем-то нехитрое: цепляешься за многочисленные торчащие вверх сухие и полусухие сучья, поддерживаешь, где необходимо, товарища и осторожно ступаешь ногами по верху лежащих стволов.

Иногда они лежат сплошным настилом. Но это-то и плохо. Надо глядеть в оба, чтобы не было гнилых и прогнивших стволов. Рухнешь вниз на землю, а аккурат там и окажется мина. Подбадриваем друг друга тем, что вывески о минах — «страшилки» для любознательных туристов, вроде нас. Уж перед дотами наши их наверняка обезвредили — иначе, как наступать. По минам далеко не понаступаешь.

Позже выяснилось, что советские войска обошли этот укрепайрон с двух сторон — в лоб не полезли. И немцы сами оставили укрепления, боясь окружения. Так что мины, все-таки, скорее, были...

Вот и верхняя часть длинной холмистой гряды. Она действительно ошетибилась дотами. В пределах видимости мы насчитали их шесть штук. Выглядели они не очень устрашающе. Заросшие деревьями, кустарником, травой и мхом сплюснутые купола и островерхие терриконы. Лес подступает к ним вплотную. Вероятно, он вырос уже после войны. За дотами также растет лес.

Доты шерятся заваренными и заложеными бетоном многочисленными амбразурами. Идем мимо, прозванивая почву металлодетектором. Есть отдельные электронные сполохи. Но не похоже, чтобы здесь происходило сражение, иначе пули и снарядные осколки звенели бы непрерывно.

Пока ничего не раскапываем, просто вешкой я фиксирую на всякий случай наиболее сильные сигналы. Кто из знает, эти мины — какой сигнал они дают? Мы ни разу их еще не выкапывали. Впрочем, говорю это только за себя. Старик в своей гораздо более обширной практике, возможно, и сталкивался с этими подлыми сюрпризами для кладоискателей.

Удалось до сумерек обойти только четыре дота. Ни в один из них доступа нет. В трех случаях признаков входа в дот вообще не наблюдается — то ли он полностью завален, то ли находится где-то далеко в стороне.

Вход в последний дот расположен с тыла и тщательно замурован. Причем не кирпичной кладкой, которую можно легко расковырять, а прочнейшим бетоном. Он единственный и выглядит, как островерхий округлый террикон. Размеры его впечатляют: у основания, вросшего в землю, диаметр — порядка семи метров. Со всех сторон в нем, на разных уровнях, находятся отверстия различных амбразур. Вероятно, орудий в нем не было, судя по раз-

мерам амбразур. Дот был, скорее всего, предназначен для плотного, подавляющего пехоту, пулеметного огня и снайперского обстрела отдельных целей.

Здесь нас вновь внезапно обдает волной беспричинного страха, но ощущения не так сильны, как перед входом в лес. И она скоротечна.

Я зарисовываю в походный блокнот расположение дотов, стараясь соблюдать масштаб и детали.

Такую систему укреплений мы встретили впервые. У нас в Беларуси тоже хватает укрепрайонов, но они построены по совершенно иному принципу...

Ну да нечего мне рассуждать на эту тему — я не знаток фортификации и военного дела.

Поскольку быстро темнеет, возвращаемся назад тем же путем. В темноте здесь однозначно не полазишь. И мин никаких не надо — ноги поломаешь, а то и шею свернешь в этих буреломных нагромождениях...

Джип на месте. Обычный обмен впечатлениями. Рассуждения на тему, что может быть внутри дотов. Планирование на завтра. Все это во время ужина.

Вновь изучаем карту. Полукилометровка на польском языке, издания 2004 года. Ну, нет на ней озер с названием Кшива. Кеньшиц — целых три, а Кшив в округе нет. И похожих названий нет. И островов не наблюдается...

Крепкий сон прямо в машине, с включенной на всякий случай сигнализацией. В зомби в немецких шинелях и касках мы, безусловно, не верим, но... Места глухие и, прямо скажем, неприятные.

Да. Совсем забыл. Мобильники здесь бесполезны — сигнала нет...

Утро какое-то унылое. Странное сочетание солнца и клочковатого серого тумана, клубящегося над озером и возле леса.

Несмотря на включенный на ночь Стариком легкий режим проветривания, стекла в джипе изнутри запотели. На улице по-прежнему тишина. Пения птиц не слышно. Что за странное место...

День, однако, принес удивительные открытия.

Началось все с того, что Старик неожиданно предложил покопаться на перемычке, где прибор выдал басовитое гудение.

Я считал это напрасной тратой времени. Ну, что может быть интересного в земле между двумя частями озера? Разве мост какой был, да танк туда провалилился, а потом заплыл землей со временем.

Судя по тональности сигнала, это соответствовало как раз массе танка. А зачем нам танк?

Но возражать не стал. У нас было принято — если нет железного «контро», значит, предложение проходит...

Копание отняло у нас массу времени, так как подбирались мы к искомому объекту с крайней осторожностью, остерегаясь мин и других опасных сюрпризов. Прошли уже почти метр в глубину и метр в окружности. Гудение прибора и не усиливалось и не ослабевало. «Дзыннь», — лопата зацепила за металл...

Раскопки отняли еще час. В результате мы откопали бетонное кольцо, диаметром ровно в восемьдесят сантиметров и высотой в сорок пять сантиметров. Верх кольца был закрыт ровным толстым броневым листом, приваренным к четырем арматурным концам, вылезавшим прямо из бетонного окончания кольца. Арматурины были толщиной в палец. Броневой лист, точнее плита, пригнан к краям кольца очень плотно.

— С дуба падают листья ясеня, — ахнул Старик.

— ...Ничего себе, ничего себе, — dokonчил я.

Мы молча уставились друг на друга.

— Версии? — коротко рыкнул Старик.

— Это и есть тот плавучий остров, с которого идет ход в подземный эсэсовский госпиталь с теплыми женскими телами, — с ходу выдал я.

— Не пойдет, — не принял шутки мой партнер, — и по описанию не подходит, да и бред это, насчет подземного госпиталя...

— Давай свою, — кротко произнес я.

— Версии пока нет, но эта штука точно куда-то ведет.

— Куда она может вести? Тут до дотов еще метров 120—130.

— Посмотрим?

— Посмотрим.

Старик возвращается к джипу и приходит с портативной электродрелью, титановым долотом и небольшим молотом. Специальное сверло шутя вгрызается в ржавый металл арматуры. Минут десять-двенадцать работает электродрель. Затем несколько ударов по рассверленным остаткам крепежа титановым долотом с помощью молота, и броневая плита освобождена. Вдвоем мы сдвигаем ее в сторону. Одним концом она падает на землю, а другой упирается в верх бетонного кольца.

Снизу открывается полое пространство и совсем внизу виден аккуратный люк, окрашенный в черный цвет. К нему прикреплено колесо размером чуть поменьше рулевого колеса автомобиля.

Старик смотрит на меня. Я киваю головой. Иногда мы обходимся без слов.

Он ложится грудью на бетонное кольцо и пытается двумя руками провернуть колесо. Хотя силища у него не маленькая — ничего не получается.

— Слушай, а в какую сторону его крутить, — он поднимается с кольца и отряхивает грудь, — помнишь в подводных лодках такие же? Куда их крутят?

— Черт его зна... — осекаюсь я, совсем не к месту помяная нечистого, — никогда не был на подводных лодках.

— Я тоже не был, но в фильмах же показывают, как крутят такие колеса, — не сдаётся Старик, — давай — вспоминай.

Не вспоминается. Ни мне, ни ему.

— Знаешь, что, — говорю я, — оно, наверное, слегка приржавело, давай стукнем по нему молотом. Ржавчина собьётся от удара и покрутишь его в разные стороны...

Старик дважды несильно бьёт молотом по колесу и вновь пытается крутить его.

— Поддается, — пыхтит он, — против часовой стрелки пошла, зараза...

Люк, звякнув запорами, падает вниз и повисает на петлях. Мы напряженно всматриваемся в темноту. Протягиваю Старiku фонарь.

— Вода, — разочарованно пыхтит он и выпрямляется, — на, смотри.

Я беру фонарь. Действительно, внизу колышется, обрамленная стенками трубы, черная вода с маслянистыми разводами. Разочарованно вздыхаю.

Сидим и молчим минут пять.

— А акваланги у нас на что, — неожиданно говорит Старик, ни к кому не обращаясь.

— Шутишь, что ли, — ворчу я, — я туда не полезу ни за какие коврижки... Хоть пять янтарных комнат на дне... Ты сам подумай...

— А что думать? Труба куда-то же ведет, надо нырнуть и посмотреть...

— Я туда не полезу...

— Вот заладил — не полезу, не полезу... — безнадежным тоном говорит Старик, — я полезу...

Снова молчим какое-то время.

— И кто там может быть? — продолжает Старик нейтральным тоном. — Акула? Спрут? Барракуда?... Ну, как какой, в крайнем случае. Да и то — их здесь нет... Ты какую-нибудь живность здесь видел? Хоть бабочку, хоть кузнечика...

— Не видел, — говорю я утрюмо, — ты меня не уговаривай...

— Я себя уговариваю... Эх! Вшистка едно пшепадать...

И он отправляется к джипу. Приносит оттуда сумку с аквалангами и прорезиненными черными костюмами. Одевается. Вешает на пояс с одной стороны специальный десантный нож с набором различных функций. Этот нож может противоположной зазубренной частью пилить даже металл. С другой стороны подвешивает фонарик...

Я слежу за его приготовлениями с безучастным видом.

— Да не смотри ты на меня, как на потенциального покойника, — свирепеет Старик, — нутром чую, что не простая это труба...

— Слушай, — говорю, — если ты серьезно — то и я полезу. Почем билет в клуб самоубийц?

— Двоим сразу нельзя, — с явным сожалением произносит Старик, — один должен оставаться на подстраховке.

Он привязывает к поясу конец длинного и тонкого нейлонового фала, а барабан со стопором и намотанным на него фалом протягивает мне.

— Если я дерну вот так, — он дергает за конец фала один раз длинно и три раза коротко, — постарайся вытянуть меня назад. Или, если я не подам никаких сигналов в течение пятнадцати минут — тоже вытягивай. Если я дерну длинно три раза, значит все в порядке. В каждом баллоне — на полтора часа. Всего три. Воздуха мне хватит надолго... Вытащишь, если что...

Я с сомнением смотрю на его могучую фигуру.

— Все, — говорит Старик обреченно, — полез. Я внизу высмотрел металлическую лестницу, приваренную к трубе, по ней пока и полезу.

Он натягивает маску и сует лапы сзади за пояс, берет в руку фонарь. Залазит задом в бетонное кольцо и становится на обрамление нижнего люка.

— Придерживай за фал, — произносит он и начинает спускаться вниз.

Я быстро прикрепляю барабан с фалом к черенку лопаты и перебрасываю лопату поперек бетонного кольца. Подтравливаю фал

вручную. Он на какое-то время застывает, а затем начинает быстро разматываться...

Я смотрю на часы. Проходит уже двенадцать минут. Размышляю, как же реально оказать помощь, если Старик попадет в беду.

Пятнадцать минут.

Беру черенок лопаты наперевес двумя руками и начинаю тащить к себе, одновременно наматывая фал на черенок. Не поддается. Ташу сильнее...

Неожиданно следуют три длинных рывка фала.

Что такое? Значит, все в порядке?

Слегка дергаю за фал, как бы требуя подтверждения.

В ответ три длинных рывка.

— Фу, — бормочу я, — вроде все нормально...

Старик возвращается ровно через тридцать семь минут.

Стягивает маску. Лицо бледное, как алебастр, но улыбающееся.

— Натерпелся страху, — смущенно признается он.

— Ну и что там? — мне не терпится.

Старик садится на край бетонного кольца и, не торопясь, обстоятельно, рассказывает...

И вот мы собираемся под воду вдвоем. Старик упаковывает в водонепроницаемый мешок своего «японца». Я укладываю в такой же мешок два многофункциональных аккумуляторных фонаря, походный блокнот, рулетку, несколько плиток шоколада, маленькую фляжку со спиртом, спички, таблетки сухого спирта для разжигания огня и прочие мелочи, необходимые в экстремальной обстановке и поисковой работе.

Первым спускается Старик. Я жду, когда его голова скрывается под водой, и лезу следом. Под водой очень темно. Включаю герметичный фонарик. Луч света вырывает ржавые ступеньки, уходящие вниз. Они сделаны из толстой арматуры и сварены в виде лестницы, прикрепленной к стенке трубы.

Перебирая руками по арматуринам, двигаюсь вниз. Это не сложно, поскольку в моем поясе упакованы тяжелые свинцовые пластины, сами тянущие под воду. Стенки трубы покрыты толстым слоем белесой слизи.

И хотя Старик возвратился в первый раз благополучно, меня не отпускает чувство страха перед неизвестностью, таящейся в далекой глубине. Правильнее сказать: мне жутковато. К чувству дискомфорта сухопутного существа, оказавшегося под водой, добавляется

ощущение клаустрофобии — боязни закрытого пространства в тесноватой трубе. Стоит немая тишина, прерываемая лишь шелестом пузырьков, выделяющихся из акваланга.

Ширина между ступеньками составляет около сорока сантиметров. Считаю их для того, чтобы определять пройденное расстояние, а также с целью отвлечения от мрачных мыслей...

На тридцать второй ступеньке нога упирается в твердую поверхность. Так, значит, глубина вниз — около двенадцати метров. Свечу вокруг фонариком — слева темнеет овальное отверстие. Его размеры по высоте раза в два больше. Ширина приблизительно такая же. Других ответвлений от вертикальной трубы не обнаруживаю.

Лезу в овал. Впереди, уже достаточно далеко, мелькает свет фонарика Старика. Спешу следом. Попробовать одеть ласты и плыть? Во-первых, особо не размахнешься, а во-вторых, наверное, поднимется муть от резких движений. Иду, сильно согнувшись.

Стрелка компаса показывает прямо на запад. Значит, движемся к дотам. Считаю шаги и посматриваю по сторонам, подсвечивая фонарем. Боковых ответвлений нет. Вода слегка мутная, никаких подводных обитателей, не говоря уже о рыбах, не видно.

На двухсот восьмом шаге часть головы неожиданно оказывается над водой. С каждым шагом поверхность воды уходит вниз, и вскоре я уже стою рядом со Стариком на сухом участке овальной бетонной трубы. Он меня поджидает и сообщает, что в первый раз дошел только досюда. Потому что дальше коридор еще более расширяется и начинаются ответвления в разные стороны.

Мы снимаем акваланги и укладываем их в сумку. Черные прорезиненные костюмы не снимаем. Их специальная подкладка позволяет и не замерзать, и не потеть чрезмерно.

— Судя по всему, — вполголоса произносит Старик, — труба, или как ее называть, постепенно поднималась вверх и уровень воды, соответственно, опустился.

— Вероятно, первоначально она на всем протяжении была сухой, — делюсь своими соображениями я, — и использовалась как запасной выход или вход. Но со временем вода постепенно проникла через различные неплотности и полностью ее затопила.

Старик немного размышляет, а затем утвердительно кивает головой, соглашаясь с моим мнением.

Я тем временем делаю первые зарисовки маршрута в походном блокноте, с обозначением приблизительных расстояний.

Двигаемся дальше. Фонари включены. Сумку с аквалангом берем с собой — вдруг впереди еще будут водные преграды. По моим расчетам, мы где-то метрах в восьмидесяти от вершины гряды. Стрелка компаса по-прежнему смотрит на запад, отклонившись севернее лишь на полделения.

Метров через двадцать овальная труба приводит нас в довольно обширный тоннель. В высоту он немногим более двух метров. Свод овальный. Ширина порядка трех с половиной метров. Обычно мы делаем точные замеры рулеткой, но сейчас не до этого.

Но никаких признаков железнодорожной колеи нет. Зато слева по стене тоннеля, на высоте головы, начинается кабельная электрическая проводка. На потолке через каждые пять метров висят электролампы, затянутые густой металлической сеткой.

Справа чернеет узкое боковое ответвление. Свечу фонариком — ход заложен довольно свежей кирпичной кладкой. Ну, свежей — может сильно сказано, но уж никак не времен войны.

Старик подзывает меня взмахом руки. С его стороны тоже, только несколькими метрами дальше, также боковое ответвление. И также заложено аккуратной кирпичной кладкой.

Никаких летучих мышей и прочих нетопырей не видно. Нет и следов их естественной деятельности. Абсолютно никаких живых организмов — даже вездесущих муравьев и комаров. И угнетающая всеобъемлющая тишина.

Не торопясь идем дальше. Справа вновь боковой ход, уже более широкий, свечу туда фонарем и...

Яркий луч света пропадает вдаль, уткнувшись в плавный поворот. Сигнализирую Старик. Пока он подходит, набрасываю очередные зарисовки в походный блокнот.

— Давай исследуем — что там, — шепотом предлагает Старик.

Согласно киваю головой. Идем гуськом, так как по-другому — тесновато. Проходим плавный поворот налево и вновь, через метров десять, упираемся в кирпичную кладку.

Внимательно осматриваем, освещая фонарями. Разломать ее, в общем-то, несложно с нашими инструментами. Но...

Во-первых, инструментов у нас с собой нет.

И, во-вторых, целесообразнее идти по главному ходу, пока нет препятствий.

Возвращаемся. Продолжаем движение по главному тоннелю. То справа, то слева попадаются замурованные боковые ответвления. Метров через шестьдесят упираемся в бетонную перегородку с

узкой бронированной дверью посередине. Никаких запоров на ней не видно. Скорее всего, она открывалась набором цифр, скрытых в черной металлической коробочке, вмурованной в бетон сбоку от двери. Всего лишь пять цифр, от 0 до 4, виднеются на черных кнопочках и одна кнопка побольше без цифры.

Открыть эту дверь нашими усилиями невозможно, даже если бы мы случайно угадали набор цифр — электричества здесь все равно нет. Дверь же, судя по отсутствию всяких ручек, открывается электроприводом.

Придется возвращаться назад, брать необходимые инструменты и попытаться разобрать намеченную кладку.

Бредем назад. Через десяток метров Старик внимательно осматривает замурованный боковой ход, находящийся справа. Подзывает меня. Тыкает пальцем в кладку.

Вглядываюсь. Да, кладочка здесь слабенькая, с широкими щелями, углубив которые, можно расшатать кирпичи и вытащить их.

Работаем попеременно — то саперным топориком, то ножами — и минут через двадцать проделываем в кладке отверстие, в которое можно протиснуться.

Поочередно пролазим через него. Идем по узкому и низкому ходу гуськом и согнувшись. Метров через тридцать подходим к бетонному расширению типа тамбура. В тамбуре шесть бетонных ступеней, которые ведут к круглому люку с колесиком посередине. Сверху в люке находятся глазок, дающий отблеск стекла, снизу отверстие диаметром сантиметров шесть, закрытое изнутри стальной заслонкой.

Переглядываемся. Первое отверстие, несомненно, смотровой глазок. А второе — с большой долей вероятности — амбразура для стрельбы по непрошеным гостям.

Вне всякого сомнения, в данном случае мы относимся к категории непрошенных гостей. Не шарахнут ли по нам из амбразуры, если попытаемся открыть люк? Я легонько стучу топориком по люку. Он отвечает типичным броневым гудением. Ждем, плотно прижавшись к боковой стенке тамбура. Все тихо.

Старик берется за колесико и смотрит на меня. Я киваю головой. Он пробует крутить в разные стороны, и колесико поддается вращению против часовой стрелки.

Осторожно открываем люк и поочередно в него пролазим. Мы оказываемся внутри железобетонного дота...

Даже изнутри дот поражает своими громадными габаритами. Возможно, потому, что он абсолютно пуст. Прямоугольное помещение

размерами четыре на шесть метров и в высоту метра два не содержало никакого имущества. Зажженные в режиме дневного света наши фонари отчетливо высветили его серую бетонную внутренность.

Длинную сужающуюся к выходу амбразуру для артиллерийского орудия закрывает стальная заслонка, похоже, наглухо заваренная, поскольку через нее не проникает ни лучика дневного света. Пол весь почему-то стальной.

Но перед амбразурой лежит полукруглый железобетонный постамент, из которого посередине выступает толстенная стальная ось. Бока постамента вплоть до передней стенки обрамлены полукруглыми желобами, которые также отсвечивают сталью. Видимо, здесь раньше стояла неслабая пушка, что-то типа крепостной, и желоба служили для ее отката после выстрела. Сразу оговорюсь — специалист в этом деле я никакой. И это мои, чисто умозрительные рассуждения.

Сбоку постамента из груды бетонной мешанины торчат четыре направляющих, в виде тонких двутавровых балок, заканчивающихся каркасом. Что-то, похожее на подъемное устройство.

Перед постаментом, чуть левее, стоит высокое металлическое креслице. Спинка и сиденье у него высверлены специальными круглыми отверстиями. Чтобы артиллерист не потел, что ли? Креслице можно было вращать вокруг своей оси. Тем самым, видимо, регулировалась и его высота.

Правее постамента и чуть вперед высится точно такое же, но еще более высокое креслице. Перед ним на ножке подставка типа нотного пюпитра. На подставке чернеют несколько кнопок, снизу торчат обрывки проводов. Пульт управления? Чем?

Сверху перед креслицем свисает круглая стальная трубка диаметром пару сантиметров. Конец ее изуродован. Остатки стереотрубы или перископа?

Рядом со вторым креслицем громоздится четырехъярусный металлический стеллаж, длиной метра два. Стеллаж для боеприпасов?

С боков и сзади на стенках дота, на разном уровне, три квадратных отверстия, забранные стальными решетками. Принудительная вентиляция?

На потолке висят две небольшие выпуклые густые металлические сетки. Это, пожалуй, электрическое освещение.

Помимо того круглого люка, через который мы проникли в дот, внутри были еще три люка.

Квадратный люк в заднем правом, от амбразуры, углу был намертво заварен. Вход в помещение, где спят, едят и справляют прочие житейские дела защитники дота?

Один круглый люк, со следами крепления крышки, находится в заднем левом углу. Другой, тоже круглый, с висящей стальной крышкой чернеет на потолке, посередине задней стены дота. С пола по стенке к нему протянулась лесенка из толстых прутьев, окрашенных черной краской.

Старик кивает на нее головой и поднимает с пола свой фонарь. Он лезет вверх первым, я за ним. Краска на лесенке не несет на себе следов частых перемещений — машинально отмечаю я.

Вверху мы попадаем внутрь стального бронеколпака. Это определяю я, постучав по стенке саперным топориком со множеством различных загостин для производства разных саперных дел. Стенка отзывается мощным басовитым гулом. Бронеколпак имеет форму сплюснутого с боков гриба. Изнутри его размеры где-то в районе три на четыре метра.

Здесь только две узкие амбразуры для крупнокалиберных пулеметов. Одна лобовая и одна боковая. Они закрыты стальными заслонками, но через узкое перекрестье горизонтальных и вертикальных щелей амбразур (вероятно, обзорных) пробиваются лучи света.

Того же типа креслица перед каждой амбразурой. Старик забирается в близлежащее к нему креслице и начинает внимательно исследовать рабочее место пулеметчика.

Я лезу в креслице перед лобовой амбразурой. Справа на оси возвышается маленький штурвальчик с рукояткой вверх. Ага, вот почему только два пулемета... Бронеколпак может вращаться с помощью этого штурвальчика и перекрывать любые сектора обстрела со всех сторон.

На стенке висит двухъярусная полочка. На ней громоздятся черные эбонитовые обломки каких-то аппаратов. Освещаю фонарем. Остатки телефонного аппарата. Значит, дот был телефонизирован. Зацепляю пальцами сломанные посередине широкие плотные наушники. Ну, это-то понятно — при стрельбе необходимо закрывать уши. Если в стальном колпаке работают сразу два крупнокалиберных пулемета, можно представить, какой грохот и лязг здесь стоят. А если в бронеколпак угодит снаряд извне? Пожалуй, моментально и оглохнешь.

Пытаюсь прокрутить штурвальчик. Ничего не получается. Видимо, поворотный механизм заклинен. Либо неисправно гидроприводное устройство механизма.

Наконец, принимаю к смотровым щелям. Если бы не выросший густой лес, вся местность была бы видна, как на ладони. Но и так — сквозь верхушки елей хорошо просматривается озеро, а правее видны развалины военного городка и наш, сиротливо стоящий, джип. Обзор для стрелка выбран прекрасный — любая точка фронтальной плоскости простреливалась.

Замеряю через щель толщину брони. Очень не слабо — 120 миллиметров! Чем возьмешь такую толщину? «Дорой», что ли? Или «Карлом»? Какие там у немцев еще были сверхкрупнокалиберные осадные пушки?

Машу Старика рукой на предмет обмена местами.

Из боковой амбразуры виден только дот в виде островерхого округлого террикона. Похоже, тот, который мы видели снаружи. Ну и лес, естественно, и прилегающие окрестности. Ничего интересного.

Старик также пытается прокрутить штурвальчик. Но и его сил не хватает...

Вновь спускаемся вниз.

В круглый люк с оторванной крышкой, ведущий вниз, я лезу первым. По металлической лесенке спускаемся в весьма захлапленную комнату.

Помещение небольшое, примерно два на три метра. Здесь очевидно произошел взрыв. Включаем режим дневного освещения на обоих аккумуляторных фонарях. Становится совсем светло, хорошо видны все детали.

Бетонные стены и потолок иссечены беспорядочными неровными шрамами. Это, вероятно, следы осколков, образовавшихся при взрыве. На полу густой и плотный слой мусора: куски бетона, кирпичей, рваные ошметки металла, изломанные деревянные доски темного зеленоватого цвета. Я присматриваюсь к одной из них, поднимаю и показываю Старика.

На ней изображен череп со скрещенными костями и змеится черная надпись на немецком языке: *3 SS-Panzer-Division «Totenkopf»*.

— Вот она и дивизия «Мертвая голова», — ликующе говорит Старик, — это кусок какого-то ящика из имущества дивизии.

Я согласно киваю головой.

Продолжаем осмотр. Но больше ничего интересного не попадает.

У стены, противоположной лесенке, по которой мы спустились, стоит искореженная металлическая конструкция. Это явно фраг-

менты небольшого лифтового устройства или электроподъемника. Рядом на стене остатки электрощита с рубильником и тремя кнопками внизу. Торчат куски кабеля и разноцветных проводов.

Металлические направляющие выгнуты взрывом как распустившийся цветок. Их остатки торчат из потолка, в котором также видны контуры заваленного сверху проема. Искореженная платформа размером примерно 1 м x 0,5 м свисает к полу. В углу валяется оторванная крышка люка.

Осматриваемся. Для складского помещения эта комната мала. Значит...

Переглядываемся. Старик расчехляет и включает своего «японца». Прозваниваем стены. За одной из них полость. Но никаких следов проема или люка на ней не находим.

Прозваниваем пол. И под полом очень обширная пустота. Пытаемся разобрать проем, ведущий вниз, откуда выходят направляющие подъемника. Бесполезно. Здесь нужен сварочный аппарат и бетонобойное устройство.

Придется искать входы в эти пустоты из каких-то других помещений. Впрочем, приходим к выводу, что искать нужно вход только в нижнюю пустоту. Судя по всему, там находится просторное складское помещение. Поиски люка в полу ни к чему не привели. Да его и не должно здесь быть. Если внизу склад, то не через люк же заносили туда его содержимое. А хранить там могли разное: бочки, ящики, мешки и прочее, что бывает на складах. Через вертикальные люки это не затащишь. Значит должен быть нормальный вход, типа двери.

Получается, что помещение, в котором мы находимся: — промежуточное. Что-то вроде щитовой, откуда управляли подъемным устройством.

Присаживаемся на корточки и тихо совещаемся. Тишина вокруг буквально могильная — сюда не доносится ни звука. Вначале мы очень возбуждены. Склад — значит, вполне могут храниться ценности, вывезенные из Кенигсберга. В том числе — страшно даже подумать — и Янтарная комната...

Затем пыл поостывает. Наверху железобетонный дот со стальным бронеколпаком в наверху, в котором, судя по размерам амбразур, стояло артиллерийское орудие и два крупнокалиберных пулемета. Внизу склад. Дот и склад соединены электроподъемником.

Что, предположительно, может находиться на складе?

Правильно. Ящики с орудийными снарядами и патронами, а также необходимые запасы продовольствия. Консервы, вода, сухари

и прочее, что понадобится защитникам дота при длительной осаде его противником.

И все же некоторая надежда на иное содержимое складского помещения есть...

Догадываетесь?

Совершенно, верно. Это дощечка с надписью *3 SS-Panzer-Division «Totenkopf»*. Именно она вселяет в нас надежду, что на складе могут храниться и иные предметы и вещи. Ведь не будут специально для эсэсовской, пусть и элитной, танковой дивизии делать специальные артиллерийские и танковые снаряды и патроны, а также какие-то особые продовольственные запасы.

И вряд ли танковая дивизия бросит свои танки и оседет в подземных казематах для защиты Мезерицкого укрепрайона. Лишилась всех танков? Нет, она еще была вполне боеспособной и позже принимала участие в большом контрнаступлении немецких войск в Венгрии, в районе озера Балатон. В марте 1945 года. В последнем немецком наступлении, из которого Гитлер и его генералы хотели сделать Красной Армии вторые Арденны...

Наличие маркированной дощечки свидетельствовало о том, что какое-то имущество складировалось здесь в таре, принадлежащей эсэсовской дивизии «Мертвая голова». Что могло содержаться в маркированных ящиках интендантской службы дивизии? Что складировалось в подземельях укрепрайона? Временно? Постоянно?

На эти жгучие вопросы нам еще предстояло ответить...

Красивое солнечное утро. Лишь над озером колышались клочки тумана, ближе к лесу сбивающиеся в сероватые комки.

Сегодня решающий день. Опускаю все наши четырехдневные скитания по необъятным раскидистым подземельям Мезерицкого укрепрайона. Без преувеличения — это трехуровневый (а может, и больше) подземный ... Трудно подобрать название. Город — не город, гарнизон — не гарнизон... Короче — оборонительный комплекс. Железобетонные доты, жилые и технические помещения, склады, бесчисленные тоннели, проходы, лазы, колодцы, подземные коммуникации в виде вентиляционных шахт и ходов...

Как раз через вентиляционный ход мы и проникли в искомый склад, поскольку стальная дверь, ведущая в него извне, была завалена (возможно, взрывом), а сверху из щитовой туда проникнуть было невозможно вследствие взрыва. Составив подробную, в масштабе, схему подземного лабиринта, мы просто вычислили, откуда в него можно пробраться...

... Двойная вентиляционная решетка с грохотом падает куда-то вниз. Я проползаю еще полметра и свечу фонарем вниз.

— Ну, что там? — нетерпеливо спрашивает сзади Старик. Комплекция у него значительно мощнее моей и ему труднее передвигаться и действовать в этих катакомбах.

— То, что доктор прописал, — неуклюже шучу я от радости. — Склад... Именно он — родимый...

— Спуститься можно?

— Можно. Надо только развернуться...

Ползем назад, вперед ногами, до крошечного помещеньица, где сходятся пять вентиляционных ходов. Разворачиваемся. Я защелкиваю карабинчиком на груди, под мышками, прочную пластиковую ленту, которой привязан прочный нейлоновый шнур. Старик защелкивает у себя на поясе катушку, на которую намотан этот шнур. Стопорное устройство позволяет потихоньку вытравливать его длину.

Но, как оказалось, далеко вниз спускаться не пришлось. Высота склада была всего около двух метров... Старику я просто подставил пустой снарядный ящик.

И вот мы внизу. Помещение большое, в форме квадрата, и все заставлено стеллажами. Измерить его затруднительно — стеллажи расположены не только горизонтально входной двери, но кое-где и вертикально. Все сделано очень аккуратно и, вероятно, продуманно. На вид метров двести квадратных, не меньше. Проходы между стеллажами узкие.

Включаем фонари на функцию дневного света и начинаем медленно его исследовать. Выражаем опасения насчет возможного заминирования.

На стойках стеллажей висят металлические таблички с надписями по-немецки. На первом стеллаже стоят громоздкие ящики темно-зеленого цвета с маркировкой и надписями на немецком языке. Маленьким ломиком осторожно вскрываем его. Слышится ужасный скрип — гвозди уже изрядно проржавели, хотя, на наш взгляд, в складском помещении сухо.

Сверху под дощечками лежит плотная черная вошенная, на ощупь жирная, бумага. Осторожно ее убираем. Под ней в три ряда по четыре штуки в каждом ряду лежат округлые предметы, завернутые в промасленный пергамент.

— Снаряды? — пытаюсь угадать я.

— Снаряды не заворачивают, — произносит хрипло знающий толк в этих вещах Старик.

Достает одну штуку и осторожно разворачивает.

Нашим глазам предстает круглый рубчатый и, конечно, пустой немецкий солдатский термос.

Разочарованы. Пропускаем, подобные первому, ящики...

Опускаю дальнейшие поиски, на которые мы потратили два дня. Янтарной комнаты и иных сокровищ Третьего рейха мы здесь не обнаружили. Но...

Больше всего здесь было ящиков с боеприпасами. Узкие и тяжелые ящики хранили различные снаряды. Помимо своего калибра они разнились еще и разноцветными каемками в торцах: красные, оранжевые, черные, зеленые, желтые. Вероятно, это были знаки различия снарядов по их функциям. То есть, допустим, осколочные, зажигательные, бронебойные, фугасные и прочие, какие там еще бывают.

Много было ящиков со скрученными пулеметными лентами. Судя по размерам, они были весьма крупного калибра. Каждая лента была упакована в отдельный цинк с ручкой и продолговатым четырехугольным отверстием сверху.

Обычные патроны хранились тоже в запаянных зеленых цинковых коробках с черной маркировкой, в которой крупными цифрами различался калибр. Вес каждого цинка был килограммов пятнадцать.

Других боеприпасов не было, за исключением, пожалуй, одной курьезной и одной непонятной находки.

— Смотри-ка, ящики с мылом какой-то идиот поставил среди боеприпасов, — удивился я вытягивая из очередного ящика продолговатый желтоватый брусок хозяйственного мыла с клеймом посередине.

Старик присмотрелся и понюхал кусок.

— Это взрывчатка, тол, — сказал он коротко.

Я едва не выронил кусок из руки... С величайшей осторожностью положил его на край стеллажа.

— Тол?

— Ну, да, — подтвердил Старик, — только бояться нечего — без детонатора он не взорвется. Когда мы жили на Кавказе, я в детстве столько выплавил его из снарядов и бомб... Только мины не трогали, боялись. А тол продавали рыбакам...

Еще одной находкой, так нами и не определенной, явились два ящика, наполненные круглыми медными трубками. Трубки были толщиной в палец, примерно десятисантиметровой длины и запая-

ны с двух концов. Вскрывать мы их не стали — вдруг какие-нибудь взрыватели. Если все здесь рванет...

Ящиков с продовольствием было, пожалуй, поменьше. Не буду всего перечислять. Консервные банки и плоские жестянки различных размеров составляли большую часть их содержимого. Причем, ящики были с очень широкими щелями, чтобы было сразу видно, что в них находится. Тушенка, рыбные консервы и сгущенка — выбор был небогат.

Другие ящики содержали пакеты и мешки с крупами, макаронами, пиленным сахаром, мукой, сухофруктами, шоколадом, кофе. И здесь также была необычная находка. Несколько картонных ящиков были наполнены ровными прямоугольными пергаментными брикетиками, похожими на упаковки современные сухих супов.

Старик развернул один из них. Принюхался.

— Масло, — с сомнением сказал он, — сливочное масло. Не может такого быть — столько лет прошло... Чтобы оно сохранилось...

— Может, — убежденно произнес я, — немцы уже тогда использовали химию на всю катушку и изготавливали различную синтетику и ее производные. Синтетический бензин, например. Эрзац-продукты. Эрзац-обмундирование.

— Точно, — согласился Старик, — это эрзац-масло, вернее эрзац-маргарин, потому и не испортился за столько лет.

Спиртных напитков, во всяком случае в бутылках, мы не нашли.

Наконец мы добрались до запасов с обмундированием...

Но, забегаая вперед, чтобы не тратить время читателя на перечисление всего найденного на складе, скажу коротко.

Там было много чего еще. Двухсотлитровые бочки, герметично закрытые, в которых что-то булькало (дизтопливо или бензин). Мешки с цементом. Банки с краской. Металлические десятилитровые канистры, из которых резко пахло спиртом (попробовать не рискнули). Различные медикаменты. И еще целая куча всяких полезных вещей, могущих послужить осажденному на длительный срок подземному гарнизону.

Самые интересные находки нас ждали в ящиках с обмундированием. Они стояли на последнем стеллаже возле самой входной двери, замурованной извне. И главное — эти ящики все имели специальную, знакомую уже, маркировку: *«3 SS-Panzer-Division «Totenkopf»*. То есть третья танковая дивизия «Мертвая голова».

Невскрытые три ящика содержали новенькие немецкие противогазы. Следующие невскрытые 7—8 ящиков нас весьма удивили.

— Трусы, что ли? — Старик вертел в руках, так и сяк, некую песочного цвета вещь, наподобие мужских трусов, — так длинноватые, как у баскетболистов. И на хрена на них карманы?

Но обнаружив в следующих ящиках такого же цвета мундиры, вроде легких френчей с накладными карманами и кепи с большими козырьками, догадались:

— Это же шорты! А все вместе — форма для жарких мест.

И, действительно, уже дома мы убедились, что войска СС имели и специальный вариант тропической формы, которая использовалась как в Африке, так и на южном фронте в войне с СССР.

Все остальные ящики были уже вскрытыми, но до конца не опустошенными.

Здесь нас также ждали загадочные находки.

Несколько металлических коробок, наполненных маленькими цифрами из белого металла (от 1 до 17), имевшими специальные усики для крепления. Последующие домашние изыскания показали, что это литеры, крепившиеся на погоны именно в частях дивизии «Мертвая голова» для обозначения нумерации батальонов.

Одну коробку кладем в сумку.

Еще одна красивая металлическая коробочка с готическим шрифтом. Мы открывали ее с надеждой на какой-нибудь редкий орден Третьего рейха.

— Рыцарский крест с дубовыми листьями и мечами, — тотчас загадал Старик, — а может, и с бриллиантами...

Но там оказалось около десятка абсолютно непонятных приспособлений.

В коробочке лежали, упакованные в ватных гнездах, металлические пластинки, размером менее одного сантиметра, с небольшой ручкой, утыканные острыми крохотными иголочками. Что это?

Никаких вразумительных версий построить не удалось — иголочки были расположены хаотично и ничего не напоминали. Коробочку забираем с собой.

В черной коробке из плотного картона были уложены маленькие коробочки из серого и темно-синего сафьяна.

— Уже лучше, — пробормотал Старик, открывая серую коробочку.

В коробочке сверкнула золотом фашистская свастика, на середине которой был прикреплен круглый венок с эсэсовскими рунами (молниями внутри), зацепленным колечком к трапецевидной

разноцветной орденской ленточке. На обратной стороне свастики стояла цифра 25.

В темно-синих коробочках лежали такие же свастики, только серебряные и с цифрой 12 позади.

— Явно эсэсовские ордена, — обрадовался Старик, — ни разу на клубе (так он называет место сбора коллекционеров в ДК железнодорожников) не встречал. Вот и золотишком разжились, да еще и раритетным...

Позже выяснилось, что это эсэсовские награды за службу в СС. Первый знак отличия — за 25 лет службы, а второй — за 12. И, увы, золотым первый знак не был, а всего лишь позолоченным. Хотя и очень редким.

Коробка отправляется в сумку.

Длинная коробочка — что-то вроде большого пенала. Старик сдвигает крышку. Внутри, в обшитых черным бархатом гнездах, стоят золотые овальные знаки. Всего их восемь штук и два гнезда пустых. Вынимаем каждый по знаку. Рассматриваем.

Знак представляет собой овальный круг с венком из чеканных дубовых листьев. Вниз острием, вертикально, венок пересекает эсэсовский кинжал. На острие кинжала вычеканен человеческий череп, у рукоятки — свастика на круглом основании. Лезвие кинжала обвивают змеиные туловища с головами — всего пять голов. Знак сияет золотом в свете фонарей. Очень красив. На обратной стороне вычеканена римская цифра I и по венку змеится готическая надпись на немецком языке.

Высказываем предположение, что им награждались за особые заслуги солдаты и офицеры дивизии «Мертвая голова» (ведь на кинжале их символ — мертвая голова).

Впоследствии оказалось не так. Это был нагрудный знак «За борьбу с партизанами», вручавшийся в качестве награды эсэсовцам (а в конце войны и солдатам и офицерам вермахта). Он имел три степени: I степень — позолоченный (к сожалению, знак оказался не золотым, как мы считали), им награждали за сто дней боев с партизанами, II степень — посеребренный (за 50 дней боев) и III степень — бронзовый (за 20 дней боев). Найденные нами знаки были редкими.

Во втором вскрытом ящике на дне вперемешку валялись пуговицы, пряжки ремней и кокарды на верхнюю тулью эсэсовской фуражки.

Пуговицы были большими и маленькими, металлическими, окрашенными в светло-зеленый цвет. На них был изображен череп.

Пряжки были латунными прямоугольными. Наверху изображен орел с распростертыми крыльями, опиравшийся на круг со свастикой внутри. Второй большой круг, шедший от середины крыльев, содержал готическую надпись: «*Unsere Ehre ist die Treue*».

Дома нам ее перевели: «*Наша честь — верность*». Оказалось, что это эсэсовский девиз.

Кокарды представляли собой изображение орла с распушенными перьями, повернувшего голову налево и держащего когтями знак в виде круга со свастикой внутри. Он был вышит серебряными нитями на такой же формы плотном черном подбое.

Позже выяснилось, что этот знак крепился не на тулье фуражки, а на левом рукаве эсэсовской формы, вместо неудобной, носившейся ранее красной повязки со свастикой.

Все это было сыпано в целлофановый пакет и убрано в сумку.

В следующем вскрытом ящике на дне валялись две картонные коробки. В них оказались завернутые попарно в плотную бумагу эсэсовские офицерские петлицы. Их было всего сорок пар.

Каждая пара содержала две петлицы на плотной черной материи. На одной были изображены эсэсовские руны в виде двух серебряных зигзагообразных молний, на другой — четыре серебряные четырехугольные шишечки по углам петлицы и две серебряные полосы внизу. Петлицы соответствовали эсэсовскому званию оберштурмбанфюрера СС (что адекватно званию подполковника вермахта):

Никаких других петлиц не было, равно как не нашли мы и эсэсовских погон.

Четвертый вскрытый ящик содержал наши самые ценные находки.

В плоских обтянутых черной кожей футлярах лежали наградные эсэсовские кинжалы с ножами.

Старик аж присвистнул, открыв первый футляр. На нижней стороне футляра был пристегнут кинжал, на верхней — ножны.

Кинжал был красив какой-то строгой, с мистическим оттенком, красотой. Сталь клинка прямо холодила кровь. Рукоятка черная, слегка округлая, посередине изображена эсэсовская эмблема орла с распростертыми крыльями, держащего в когтях круг со свастикой. На другой стороне медальон с рунами (молниями) СС. Рукоятка сверху и снизу отделана серебром. На клинке выгравирована уже знакомая надпись: «*Unsere Ehre ist die Treue*».

Ножны изготовлены из серого металла, кончик украшен серебром. Вверху специальная серебряная защелка, фиксирующая

кинжал в ножнах. К ней прикреплена коричневая кожаная петля (или как ее еще назвать) для крепления к поясному ремню. Рядом пристегнут разноцветный темляк.

Старик в полном восхищении. Говорит почему-то шепотом:

— На клубе один мужик продавал такой кинжал, только с царскими на ножнах и рукоятке, за шесть тысяч зеленых...

— И что? — спрашиваю я тоже шепотом.

— Никто не купил, — говорит он, — хотя по каталогу он стоит в четыре раза дороже. Да и подделок все боятся. Сейчас все, что хочешь, изготовить можно. А здесь же оригиналы.

И он принимается щелкать портативным цифровым фотоаппаратом. Сверкает вспышка, зловеще оттеняя холодный кинжальный блеск.

— Для доказательства подлинности, — поясняет он, снимая все вокруг.

Кладет камеру в карман и вздыхает.

— У нас и коллекционеров-то таких серьезных нет... Сколько ж их здесь?

Футляров оказывается шесть штук.

— Тысяч сто пятьдесят за них можно получить, — произносит Старик. — Только как продать? Только в Германии или в России. В Германии оторвут с руками... Есть любители нацистской символики, особенно СС...

— А как провезти? — спрашиваю я.

— Провезти такую мелочь не проблема, вместе с поставляемым оборудованием можно... Да и продать — не проблема. Ухватят только так. Это же «кинжалы чести», их выпускали с 1936 года... Настоящая проблема — предложить. Как их выставить на продажу?

— Может через Интернет? — предлагаю я.

— Посмотрим, — с сомнением говорит Старик. — Главное они у нас есть...

И здесь в определении кинжалов оказалась ошибка. Но ошибка в преуменьшении их ценности.

На деле это оказались вообще редчайшие вещи. Их выпуск был начат в 1933, а прекращен в 1936 году. Кинжал образца 1936 года по форме был таким же, но с клеймом «RZM», а орел на рукоятке был не из серебра, а из алюминия. Ножны стали красить в черный цвет, и подвешивались они на цепочке из восьмиугольных пластинок, а не на ремешке из кожи.

Больше никаких ценных находок на этом складе обнаружено не было. За исключением, пожалуй, нескольких десятков черных треугольных выпелов с белыми окружностями посередине, в которые были вписаны символы СС в виде двух зигзагообразных рун (молний). Вероятно, они крепились на танках дивизии «Мертвая голова».

Вечером произошло традиционное обсуждение результатов поиска. Выводы были следующими.

Первое. Здесь действительно была на постое одна из частей дивизии «Мертвая голова». Судя по найденному имуществу, часть была интендантской. Очень вероятно, что, исполняя приказ гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха, эта часть перевезла сюда ценности Московского зала Королевского замка Кенигсберга, в том числе и знаменитый Янтарный кабинет.

Второе. Подземные укрепления явно были покинуты в спешке, интенданты бросили даже часть своего имущества. Наступать в лоб здесь было сложно. Скорее всего, произошел охват этой части укрепрайона советскими войсками, и все находившиеся в нем воинские подразделения в панике бежали в сторону Германии, опасаясь окружения и уничтожения. А к эсэсовцам наши солдаты были вообще беспощадны. Надо поискать достоверную информацию об этом военном эпизоде.

Третье. Вполне возможно, что ценности замка (или часть их) до сих пор находятся в одном из подземных тайников Мезерицкого укрепрайона.

Четвертое. Принято решение обыскать все доступные подземные фортификации и коммуникации укрепрайона. При необходимости закупить в городе дополнительное оборудование для вскрытия замурованных пустот. Что-то типа отбойных молотков.

Решение принималось в полемике.

— Вроде мы ехали сюда на пару недель, — осторожно возражал я. — Можно ведь приехать еще раз в следующем году.

— За год может все измениться, — настаивал Старик. — Польские власти могут вплотную заняться Мезерицким укрепрайоном. Видишь, сколько публикаций появилось на эту тему.

— Мы и так уже прилично заработали, — говорил я, имея в виду наши ценные находки.

— О чем ты говоришь! Это чепуха, по сравнению... — вновь воодушевился Старик, — представь, что мы найдем Янтарную комнату...

И вновь пошла сладостная песня о наших именах в истории, разных там лордах и знаменитых археологах...

Я сдался.

— Ты смотри, сколько там продовольствия разного, — обрадованно шутил Старик, — здесь не один год можно продержаться. Прямо и переселимся туда, поближе к непосредственному месту работы...

Вечером после ужина Старик вновь возвратился к коробочке с непонятными игольчатыми устройствами. Он раскрыл коробочку, и мы стали крутить их в руках, прикидывая их таинственное предназначение. Четыре крохотные металлические пластинки с тонкими ручками из блестящего металла, утыканые коротенькими, очень острыми иглами числом от восьми до одиннадцати. Все пластинки одинакового размера, но, по количеству иголок, были разными. Для чего же они?

— Что за хреновины? — Старик, «в задуменни», как говорят у нас на Беларуси, чешет за ухом.

— Шкундрики, — коротко говорю я.

— Что? Какие шкундрики? — уставился на меня Старик.

— А вот, послушай одну байку.

И я, придав своему лицу таинственное выражение, начинаю:

— *Едут в поезде, в купе, четыре мужика. Как водится выставили на стол, каждый, что имел. Выпивают, закусывают. Вдруг один бьет себя по лбу и восклицает: «Как же я про шкундрика-то забыл?» Наливает полстакана водки, открывает свой портфель и сует туда стакан — буль-буль-буль — стакан пуст. Трое остальных мужиков настороженно переглядываются — не перепил ли парнишка? Тот, тем временем, кладет на кусок хлеба дольку колбасы и кусочек сыра и вновь сует в портфель — хрусь-хрусь-хрусь — хлеба, как не бывало. Мужик спокойно закрывает портфель и говорит: «Схожу-ка в тамбур, перекурю... хорошо, что шкундрик хоть курить бросил». Выходит. Мужики вновь переглядываются. «Щенок, что ли?» — говорит один неуверенно. «Ну да, — ехидно замечает другой, — и водку хлещет и курить бросил...» «А давайте посмотрим», — предлагает третий. Открыли портфель. Смотрят... А там и в самом деле шкундрик сидит...*

Старик несколько секунд безмолвствует, переваривая непонятку, затем скатывается с камня, на котором сидел, и оглушительно хохочет, придерживаясь за живот.

— Ну, ты даешь! — отсмеявшись, восклицает он, — разве можно так — без всякого предупреждения... Так ведь и загнуться от смеха можно...

— Смех продлевает жизнь, — назидательно говорю я штампованную фразу...

Догадаться тогда о назначении игольчатых предметов так и не удалось, несмотря на наше богатое, обросшее опытом разгадок необъяснимого воображение. Впоследствии, путем тщательных поисков, выяснилось, что эти приспособления служили для нанесения татуировок в виде обозначения групп крови. Они наносились эсэсовцам на левую руку выше локтя, у самого плеча и имели вид латинских букв по названию группы крови. Раненым без анализов сразу оказывалась соответствующая помощь.

Но, кстати, по этим татуировкам наши контрразведчики и сотрудники спецслужб союзников опознавали среди пленных солдат и офицеров эсэсовских частей. Так что они сослужили своим владельцам и плохую службу...

На следующий день мы продолжили свои поиски.

...Ни Янтарного кабинета, ни иных ценностей Кенигсбергского королевского замка мы так и не нашли. А закончилась эта история весьма неожиданно и опасно...

Последующие изыскания мы начали с того самого бокового хода, который обнаружили в первый же день и который через два десятка метров был заложен кирпичной кладкой.

Разбирать ее особого труда не представило. Кладка была довольно свежей и небрежной, с большими прослойками не очень крепкого раствора. Мы начали сверху и не спеша, тихо переговариваясь, снимали кирпич за кирпичом, складывая их в стороне вертикальным штабелем. Горела дневным светом только одна наша лампа.

За кладкой располагался тоннель метра три шириной, по видимой нам стене которого тянулись кабели и провода. На сводчатом потолке была видна мощная электрическая лампочка, забранная в густую металлическую сетку. Ни железнодорожной колеи, ни узкоколейки в тоннеле не было.

— Сердце мне вещует, — произнес Старик голосом Вицина из кинофильма «Земля Санникова», — что не простой это тоннель, ох не простой...

Я лишь хмыкнул одобрительно.

Когда мы дошли уже почти до середины кладки, чуткий Старик вдруг зашипел: «Т-с-с-с», — и предупредительно положил мне руку на плечо.

Мы прислушались. С левой стороны тоннеля явственно доносился мерный топот многих десятков людей...

— Вот тебе и призраки в немецких шинелях и касках... — прошептал Старик. Губы у него тряслись.

Он мгновенно потушил фонарь. Топот явно приближался. Меня начала тряссти нервная дрожь. В проделанный пролом было видно, как по стенке мазнул луч мощного фонаря, а затем начал метаться по тоннелю в такт чьим-то шагам.

Мы застыли на месте, прижавшись к стенкам хода по обеим сторонам пролома.

Топот раздавался уже совсем рядом...

Мимо нас шла целая колонна людей. Впереди шел приземистый мощный мужчина в камуфляже с автоматом АКМ под мышкой и с фонарем в руке. Лицо и прочие детали были неразличимы в отблесках света его фонаря.

За ним, по два человека в ряд, шагали люди небольшого роста. Блики фонарей (а показался еще и луч фонаря сзади) позволяли рассмотреть азитские черты лица идущих. Их было много, не менее шестидесяти человек.

Замыкал шествие верзила в камуфляже, с фонарем и автоматом. Луч фонаря мазнул по моим глазам. Я тотчас пригнулся, но, видимо, был все же замечен. Старик также присел. Яркий свет заметался по краям пролома и потолку нашего хода.

— Матка боска! — рявкнул голос и еще что-то очень быстро по-польски.

Колонна, судя по топоту, побежала вперед.

— Тп-тп-тп-тп-тп, — автомат был с глушителем и очередь прозвучала так, как будто кто-то громко прищелпывал губами.

— Ф-р-р-р-р, — прошелестела вверху над нами автоматная очередь.

— Цвень, дзву, вжах, пкт, — пули шелкали в бетон и большинство из них рикошетировало на повороте нашего хода.

Мы бросились назад, буквально на карачках.

— Тп-тп-тп-тп-тп-тп, — вновь ударила автоматная очередь с повторением прочих звуков.

За поворотом мы легли на пол, боясь при продвижении быть пораженными рикошетом.

Однако невидимый противник больше не стрелял. И не светил фонарем, видимо, опасаясь ответных выстрелов.

— Ползем, — громко прошептал Старик, — еще гранату швырнет...

Я представил, что может натворить осколочная граната в условиях замкнутого пространства; и покрылся холодным потом...

Вероятно, если бы проводили соревнования по ползанию на короткие дистанции, то наш результат в тот день был бы рекорд-

ным. На наше счастье, нас не преследовали. Колонна удалилась по тоннелю, ведущему в сторону территории Германии.

В тот же день, соблюдая всяческие предосторожности, мы собрали все свои вещи и наиболее ценные находки и отправились восвояси. А точнее, сначала в Сквежину — к нашему гостеприимному борода-тому поляку, дабы вернуть полученное от него снаряжение...

По нашему, общему со Стариком, мнению, тоннель, виденный нами в пролом, являлся каналом нелегальной переправки мигрантов из Юго-Восточной Азии в Германию. А оттуда — по всей Западной Европе. Посредством его нелегальные мигранты переправлялись через границу. Возможно была и контрабанда различных грузов, в том числе и наркотиков.

Судя по количеству мигрантов и примененному сразу оружию, за этим стояла мощная транснациональная преступная организация. Вероятно, свежие кирпичные кладки, перегородившие многие подземные ходы, были делом их рук...

И уж наверняка, они пошлют своих людей тщательно прочесать район, куда проникли чужие, то есть мы со Стариком. С единственной целью — найти и уничтожить возможный источник информации о творящихся под землей темных делишках. То есть нас со Стариком.

И нам вовсе не улыбалось закончить свою жизнь в этом мрачном и неприветливом крае, на дне странного лесного озера.

Глава тринадцатая

Неразгаданные секреты «Горелого болота»

Поставщина. Об этом крае у меня сохранилась масса детских и юношеских впечатлений. Отец мой, будучи офицером Советской Армии, был переведен в город Поставы в конце 50-х годов прошлого века. С тех пор я там рос, жил и учился...

Историки считают, что название городу дало белорусское слово «став», то есть запруда, озерцо, водоем. Действительно, в самом городе и на его окраинах расположено несколько живописных озер и озеро с причудливыми названиями.

Одно из них, самое маленькое и мелкое, называлось Черным, из-за цвета своей воды, который определял торфяник, находившийся в нем.

Самое же крупное озеро называлось Задевским, и было оно очень чистым и прозрачным. На этом озере находился даже небольшой островок.

Не случайно герб Постав, утвержденный в 1796 году, представляет собой французский щит голубого цвета, на нем снизу изображена перевернутая белая рыбацкая сеть, а сверху — три золотистые рыбки, направленные под углом вниз головами.

Забегая вперед, скажу, что и жил я почти на берегу Задевского озера в военном городке, который почему-то назывался «шестым» и размещался на северо-западной окраине Постав. Почему «шестым» — этого никто не знал, хотя в наличии имелся и «пятый» городок, расположенный на юго-восточной окраине города. Однако городков с нумерацией ниже «пятого» не было, равно как и городков с нумерацией выше «шестого».

В «пятом» городке располагались воинские части танкистов. «Шестой» занимали летчики и ракетчики. В нем, далее к северу, находился большой военный аэродром, и в дни полетов над городком слышался непрерывный гул и грохот пролетающих самолетов.

На берегу Задевского озера, прямо в черте города Поставы, археологи обнаружили стоянку древнего человека, относящуюся предположительно к III веку до новой эры. На этом месте были найдены древние орудия труда и предметы быта: кремневые скребки, ножи, наконечники стрел, остатки керамической посуды.

Первые упоминания в истории о местечке Поставы появляются значительно позже.

Литературные источники, датированные 996 годом, упоминают о нахождении на этом месте поселения Посадник, принадлежавшего некоему Дануту Зеновичу. Можно сказать, что род Зеновичей владел этой заселенной местностью на протяжении почти восьми веков.

В 1409 году деревушка Посадник привилеем Великого князя Литовского Витовта была переведена в разряд местечек под названием Поставы. Скорее всего, еще в те времена реку Мяделка, протекающую по селению, перегородила плотина, на которой воздвигли водяную мельницу. Плотина, в свою очередь, разбила реку на два широких участка русла, образовавших «ставы» — водоемы по обеим сторонам запруды. Отсюда и название местечка — Поставы.

В 1522 году Яном Зеновичем был построен деревянный костел. С этого же года владельцы местечка получают к фамилии приставку и называются Деспот-Зеновичами.

Единственным историческим упоминанием тех времен о Поставах являются сведения о формировании Стефаном Баторием (польский король и участник Ливонской войны) в этом местечке артиллерии для участия в войне и переправке ее по реке Мяделка через Бирвету и Дисну в Западную Двину.

В 1628 году в местечке насчитывалось всего лишь 62 двора. Так бы и остались Повставы, стоящие вдальеке от культурных центров и основных торговых путей, рядовым заштатным селением, не перейди они в 1720 году во владение знаменитого семейства Тизенгаузов. В качестве приданого от магнатов Беганских, ставших довольно кратковременными владельцами местечка.

В середине XVIII века надворный подскарбий (министр финансов и управляющий имениями, принадлежащими королю) Великого княжества Литовского граф Антоний Тизенгауз полностью преобразил вид местечка, придав ему европейский вид и сделав одним из красивейших городков Виленщины.

Не буду перечислять его общепризнанных заслуг в подъеме экономики и культуры края. Многие вполне обоснованно считают его национальным героем. Достаточно сделать эти выводы на примере Повстав.

Под руководством итальянского архитектора Джузеппе Сакка в центре местечка были построены крытые торговые ряды, которые дали начало новым городским улицам с каменными домами (13 из них существуют и поныне) и строениями общего пользования. Были построены три готеля, театр, корчма, канцелярия, суд, школа, аптека, громадная водяная мельница, различные ремесленные мастерские.

Была возведена гарбарня (это место сейчас является любимым местом отдыха поставчан, унаследовавшим название «гарбарка»). По повелению графа была построена поставская фабрика поясов, сотканых из золотых и серебряных нитей на шелковой основе.

Им был заложен и знаменитый дворец Тизенгауза, прекрасно сохранившийся до сих пор. Высокий одноэтажный палац сочетает в себе классику и романтизм. Двусторонний пандус позволял гостям прибыть к главному входу прямо в карете, вне зависимости от капризов погоды. Вход этот представляет собой высоченный портик, крышу которого поддерживают шесть мощных колонн...

Не буду останавливаться на описаниях архитектурных достоинств дворца. Скажу лишь, что под ним располагается сеть подземелий, доступ в которые возможен лишь на одну треть. Две трети подземелий тщательно заложены каменной кладкой. Кем? Остается только гадать...

Говорю об этом так уверенно, потому что не раз спускался туда сам. В качестве кого? Раскрою секрет для тех, кто не бывал в Поставах. В бывшем дворце Тизенгаузов расположена с давних времен районная больница. В этой больнице работала главным бухгалтером моя мать. А я начинал свой трудовой путь именно в этой лечебном учреждении, в скромном качестве рентген-лаборанта и проработал в этом здании почти год. И, конечно, молодому человеку не давали покоя легенды о подземных сооружениях дворца и якобы ведущих от него многочисленных подземных ходов, в том числе и под руслом реки Мяделки. Поверьте — основания к этим легендам тогда были, в том числе и материальные.

Поспешу, однако, сказать, что внешний облик палаца сохранен полностью и поддерживается местными властями безукоризненно.

В 1780 году Антоний Тизенгауз потерпел полный крах. С помощью недругов он был лишен своих должностей, а на его имущества был наложен секвестр. Через пять лет он умер, живя в уединении.

Не буду останавливаться на причинах падения его власти и популярности. Граф был государственным и человеком принципиальным, что не могло понравиться чванливым польским магнатам и вороватому окружению короля. И этим все сказано...

Его внук Константин Тизенгауз, являясь полковником войска Великого княжества Литовского и участником знаменитой Битвы народов (под Лейпцигом), в которой Наполеон потерпел сокрушительное и окончательное поражение, также вошел в историю. Он был всемирно известным орнитологом и собрал коллекцию птичьих яиц, числом более трех тысяч штук. Помимо орнитологического музея, во дворце была создана картинная галерея, включавшая и полотна известнейших художников.

К сожалению, обе коллекции были подарены в другие города и Поставам не достались.

Правнук Антония Тизенгауза — Рейнольд прославился своей педагогической деятельностью. Однако детей после себя не оставил и славный род Тизенгаузов на этом прервался (Рейнольд умер в 1880 году).

Имение в Поставах перешло к его сестре Марии Тизенгауз-Пршездецкой и до 1939 года им владел род Пршездецких, также неплохо себя проявивший. При нем в городе были построены новые костел и церковь, железнодорожная станция, спиртзавод, почтово-телеграфная станция, аптека. А на личные средства графа Пршездецкого были возведены просторная двухэтажная школа, льнозавод, пивная фабрика, гончарный, винокуренный и патоковый заводы, а также мельница.

Но, главное, граф основал в Поставах филиал парфорсной военно-гвардейской школы имени Петра I.

Можно многое еще сказать об этом замечательном уголке старины и его природных качествах, но не будем утомлять читателя.

Упомяну лишь о парфорсной охоте, прекрасно описанной в одном из романов Валентина Пикуля.

Парфорсная охота — это учебная охота с преодолением различных препятствий напрямую, без всякого объезда. Поясню на примере: специально обученная собака гонит дичь напрямик по следу зверя, для нее нет препятствий. Всадник вынужден следовать прямо за ней, не отклоняясь ни на метр в сторону, независимо от того, какое препятствие может лежать перед ним. Таким образом, преодолеваются густые кустарники, поваленные деревья, ручьи, овраги, болотные ямы и прочие природные загогулины, на которых запросто можно сломать себе шею. И ломали... Без различного рода травм ни одна парфорсная охота не обходилась.

В Поставах на протяжении многих лет действовал этот филиал Санкт-Петербургской высшей кавалерийской школы, и офицеры школы выезжали на своеобразные учения именно в это местечко. Вечером потерпевшим оказывалась медицинская помощь, а уцелевшие, как это водилось у лихих кавалеристов, предавались пьянству и искали любовные приключения.

Приезжал сюда пару раз на охоту и последний русский самодержец Николай II. Для него был построен специальный небольшой замок (не сохранился).

В результате провального похода Тухачевского на Варшаву в 1921 году вплоть до сентября 1939 года Поставы оказались в составе панской Польши. Затем недолго после освобождения Красной Армией Западной Белоруссии здесь действовала советская власть (почти два года).

С 25 июня 1941 по 5 июля 1944 года (более трех лет) Поставы находились под гнетом немецких оккупантов. Наконец, в грозовой

июльский день они были освобождены 15-й Витебской стрелковой дивизией...

Однажды, собирая со сверстниками грибы в лесу, расположенном на юго-востоке от города Поставы, мы наткнулись на уютную поляну, посреди которой рос старый приземистый и ветвистый дуб. Великан производил впечатление таинственной седой мощи, видевшей немало трагических событий и на протяжении многих лет, хранившей эти тайны.

Спешу заметить, что и сам лес, носящий романтическое название «Маньковичская Дача» впечатлял нас, мальчишек, не только растущими в нем грибами и ягодами, но и многими легендами об исторических событиях, произошедших в нем или как-то связанных с ним.

Тогда нас манили легенды о военных сражениях и тайнах, связанных с битвами и боями, благо таковых в данной местности происходило предостаточно.

Иной раз, отправившись по грибы, натыкались на полузасыпанные линии окопов и обвалившиеся блиндажи Первой мировой войны. И, конечно, грибы побоку — мы часами копались в земле, с помощью лишь перочинных ножей и собственных рук. Верхом мечты было найти старый патрон, особенно целый, «невыстреленный», как мы выражались. И находили много чего из армейского имущества, в том числе и небезопасного.

Но бог миловал, несмотря на всю нашу неосторожность. Сердце сладко замирало, когда в наскоро разведенном костерке грели свои ржавые бока «всамделишный» артиллерийский снаряд или мина, а чаще всего граната. Стайка мальчишек, затаившись неподалеку в старой снарядной воронке, с замиранием дыхания ждала грохочущего раската взорвавшегося посланца прошлых военных батальонов. А после взрыва мы бежали выковыривать из деревьев снарядные осколки. У иных из нас были настоящие коллекции различного военного мусора, служившие предметами торга и обмена.

Несколько дней после взрыва мы ходили с загадочными лицами и жаловались друг другу на контузию и потерю слуха, хотя ничего этого и не было. А какие рассказы сопровождали наши тайные опасные делишки! Другие мальчишки, естественно, завидовали всему этому. Но круг посвященных мы, как правило, не расширяли...

Но хватит воспоминаний об этом. Возвращаясь к древнему могучему дубу, росшему недалеко от берега реки Мяделки, почти в самом центре уютной лесной поляны.

Естественно, мы устроили состязание — кто может по нему взобраться. Дело в том, что самые нижние ветви дуба находились более чем в трех метрах над землей, а ствол был примерно в полтора обхвата наших рук.

Кошелки и ведра с грибами поставили в тенечек, прикрыв их от солнца сломанными ветками кустарника, а сами к дубу. Было нас тогда четверо. Один из двух братьев, приземистый Влад, лишь потыкал носком «кеда» (кто не знает — кеды это спортивная обувь, далекая предвестница современных кроссовок, особенно ценились китайские с маркировкой «три кольца») могучий корявый ствол. С сомнением покачал головой и лезть вверх не стал. Его братишка, худощавый Валик, почти достиг цели, но сорвался и сел в сторонке отдохнуть для следующей попытки.

А моя очередь так и не наступила, потому что четвертый наш спутник по имени, а точнее по кличке, Питочка (имя его было Петр) достиг-таки цели и победно посвистывал уже из гущи кроны, глядя на нас снисходительно и даже, как бы жалеючи.

— Хлопцы! — неожиданно закричал он, — я здесь дупло нашел, прямо под веткой... маленькое такое... Счас залезу, может, белка орехов заготовила...

— Сунь, сунь туда свой шнобель, — подал реплику раздосадованный неудачей Валик, — авось и откусит кто...

— Не лезь туда, — заметил рассудительный Влад, — может белка затаилась... А то и змея... Тяпнет — и каюк тебе.

— Ты пошуруди сначала веткой, — не остался в стороне и я, — а потом уже суйся...

Питочка воспользовался моим советом, отломал кусок ветки и основательно, с сопением, поковырялся в дупле, которого снизу совершенно не было видно.

— Никого, — несколько неуверенно констатировал он, запуганный Владовым предположением о змее, — ща, посмотрю...

— Хлопцы! — вновь воскликнул Питочка через несколько секунд, — гляньте, что я нашел... Патрон какой-то огромный...

И он показал нам сверху продолговатый темно-желтый цилиндр.

— Кидай его сюда, — закричал Валик, — и спускайся!

— Ага! — мудро заметил Питочка, — вам кинь — потом не допросишься...

Он быстро слез с дуба, и мы дружно его обступили, интересуясь необычной находкой.

Патрон оказался какой-то гильзой очень крупного калибра, отличной сохранности и с целым капсюлем. Цифры, выбитые на донышке вокруг капсюля, свидетельствовали, что он выпущен в 1916 году — уж в этом-то мы разбирались. Вместо пули из дульца гильзы торчал клочок сухого мха.

— От снаряда, что ли? — предположил Влад.

— Ну да, — Валик отрицательно качнул головой, — для снаряда мелковат, пожалуй... Если только противотанковый?

— А винтовочных таких не бывает, — уверенно сказал я, — что же касается танков, то в Первую мировую у немцев их не было. Только у французов и англичан, да и то только на Западном фронте.

— Таких нам еще не попадалось, — пробормотал Питочка, выковыривая концом перочинного ножика мох.

Но мох просто рассыпался от прикосновения стального лезвия и падал вниз серо-бурым пеплом.

— Осторожно, — предупредил Влад, — не ковыряй ножиком в гильзе! Вдруг там, какое секретное донесение... Кто-то ж его засунул в дупло и заткнул мхом.

— Рассыплется, как и этот мох, — подтвердил его опасения и я, — надо чем-то мягким...

Питочка поворачивает гильзу к солнцу и пристально вглядывается в нее.

— Там какая-то бумага в трубочку скручена, — озабоченно говорит он, — как же ее достать?

— Дай я попробую, — тянет руки Валик.

— Еще чего, — отвечает Питочка, — сам справлюсь.

— Надо взять еловую веточку, — советует обстоятельный Влад, — сунуть туда иголками вверх и поворачивать в сторону закрутки...

— Правильно! — подхватываю я, — бумага будет скручиваться и ее можно извлечь, одновременно вращая.

Питочка так и делает.

С непременным сопением и под наши многочисленные реплики и комментарии бумага, наконец, извлекается из гильзы. Это пожелтевший тетрадный листок в косую линию, сложенный вначале вдвое, а затем скрученный в трубочку. К счастью, он не рассыпается в прах — сухое дупло и полное отсутствие солнечного света не дали ему ни сгнить, ни иссохнуть.

Идем к толстой скамейке, изготовленной из половины липы. Питочка засовывает гильзу за пазуху, поскольку в карманы она не влазит, и садится на скамью верхом, а мы обступаем его с боков.

— Может, дома развернем? — предлагает осторожный Влад, — а то рассыплется еще...

Но все в нетерпении. Питочка кладет бумагу на довольно гладкую деревянную поверхность и проводит по ней ребром ладони, расправляя.

— Осторожнее! — шипим мы дружно.

— Сам знаю, — сопит Питочка и проводит ладонью еще раз.

Листок шуршит, но выдерживает. Питочка разворачивает его...

Каракули. Самые натуральные каракули покрывают весь листок неровными скачущими строчками. К тому же текст исполнялся так называемым химическим карандашом и очень плохо читался. Были и при нас тогда еще в ходу такие карандаши, окончание стержня которых намочишь (послюнишь) и можно свободно писать хоть на дереве, хоть на материи, хоть на бумаге. И текст получался, как чернильный. Очень удобно при отправке, например, посылок и бандеролей.

Но здесь, то ли химикалии от времени выцвели, то ли автор очень спешил (что, скорее всего), и текст получился почти на треть скрытый. Мы немедленно и азартно подвергли его дешифровке. И вот, что у нас получилось.

... бо уси пагіблі... хвашісты бамбілі моцна ... кідалі зажігалкі... усіх пасекло асколкамі... штаб сгареу.. Фадей памер и мой бацька памер... Фадей вялеу перадаць Вацеку, што абозываю рэчї пахавау... таксама дакументы... у ...цьяй боцажіны Ведзьмінага ручая па Вандавым балоце... уцек... паусюду рышут хвашісты з сабакамі... связный Юрак...

Ни даты, ни подписи на листке не было. Это явно было донесение партизанского связного. Оно свидетельствовало о том, что немецкие каратели напали на партизанскую базу и бомбили ее, в том числе зажигательными бомбами. В результате партизанский штаб сгорел, а все находившиеся в нем погибли от осколков. Погиб и (вероятно, командир отряда) Фадей, а также отец Юрека, который, в свою очередь, был партизанским связным. А дупло дуба использовалось для связи. Вацек же, предположительно, был руководителем партизан либо подполья...

Практически все это подтвердилось в дальнейшем в результате наших нехитрых исследовательских изысканий, благо к сведениям о сопротивлении немецко-фашистским захватчикам у нас всегда относились бережно.

Но были в донесении Юрека и свои непонятки.

Абозывая рэчі... То есть обозные вещи, предметы из обоза (чьего?) Фадеем были спрятаны. То есть имели какую-то ценность. А также документы... Скорее всего, различные партизанские документы.

Записка до адресата не дошла. И неизвестна судьба отважного Юрека. Возможно, он был схвачен поисковыми карательными группами, которые использовали собак.

Имело смысл поискать эти вещи. Тем более, что там должно быть и настоящее боевое оружие, которым мы грезили. А в каком же партизанском отряде не было трофейного «шмайссера» (по нашему представлению, созданному тогдашним кино).

Ясно, что имущество было утоплено в бочажине (бочаге, яме), судя по окончанию «...цьяй» — в третьей бочажине.

Но... Вот незадача. Мы никогда не слыхали ни о каком Ведьмином ручье и о Вандовом болоте, хотя нам казалось, что мы знаем все окрест.

После недолгих споров и рассуждений на эту тему мы приняли предложение здравомыслящего Влада.

— Хлопцы, — произнес он веско, — а айда поспрошаем местных, они должны знать.

Местные — это жители небольшой деревушки Маньковичи, до которой было всего ничего — перейти по мостику Мяделку и пройти метров сто пятьдесят до первой хаты.

Однако немногочисленные местные, разных полов и возрастов, которых нам удалось застать в деревушке, в ответ на наши расспросы лишь качали головами — таких названий и они не слышали.

— А партизаны здесь были?

— Партизаны были, — ответ был единодушным.

Тем более, что в центре деревушки стоял высокий обелиск, а на нем были выбиты имена погибших здесь партизан и бойцов Советской Армии. На обелиске имени Фадея мы не нашли. Не было и имен Вацека и Юрека.

— Можа баба Настя ведае... — сказала девчушка в цветастом сарафанчике и густо зарделась, ведь мы были городские и хлопцы — хоть куда...

Баба Настя оказалась шустрой худенькой старушкой лет семидесяти. И, действительно, многое знала. Во-первых, она была почти единственной в деревне коренной местной. Все остальные были пришлыми. В сорок четвертом немцы, проводя карательную операцию, многих согнали с насиженных мест, а хаты посжигали. Баба Настя, будучи тогда еще очень молодой женщиной, вернулась и...

Но суть не в ней, хотя судьба ее тоже оказалась весьма интересной. Для начала она угостила нас всех молоком.

Вот короткий пересказ ее повествования о тех временах.

Вандово болото и в самом деле было. Находилось оно на юго-западе от Манькович, в заброшенных гущинах леса Маньковичская Дача. Прозвали его Вандовым, потому что в нем сгинула красавица-паненка по имени Ванда. А сгинула она по причине несчастной любви к парню по имени Трофим. Ее родители были католической веры, а его православной...

Читатели наверняка не раз слышали трагические истории и легенды о белорусских Ромео и Джульеттах (только своего Шекспира не хватает), которые заканчивались гибелью возлюбленных. Вот и здесь разная вера не дала соединиться двум любящим сердцам. И ушла с горя в болотную темень прекрасная Ванда. И пропала. Обезумевший от горя Трофим пошел ее искать. И тоже пропал...

Стоят теперь на тропе у входа в болото два высоких камня: пониже — Ванда, повыше — Трофим. Я сам видел эти удивительные, склоненные друг к другу продолговатые валуны коричневатого цвета с прожилками — и впрямь: Трофим да Ванда.

А Ведьмин ручей — это ручей, вытекающий из болота, обвивающий маленький островок посередине непроходимых трясин и выпадающий в ту же Мяделку. Прозвали его Ведьминым, потому что живущая в нем Ведьма, в облике русалки, и завела в топи сначала плачущую Ванду, а затем и безутешного Трофима.

Было все это еще до революции, когда Маньковичи были большим селом и принадлежали роду князей Друцких-Любецких.

Поэтому в болото это никто никогда не ходил, хотя, говорят, и водится там клюква с брусникой.

А потом болото назвали Горелым, так как оно горело несколько лет подряд. Точнее, горели залежи торфяника, находившиеся в нем. Подождли его немцы в 1944 году, проводя карательную операцию против местных партизан. Эти самые партизаны захватили какой-то важный немецкий обоз, двигавшийся со стороны Полоцкой дороги в Поставы напрямик через Маньковичский лес.

Вернее, захватили не весь обоз, поскольку он сильно охранялся, но несколько возов взяли точно. И увезли их на свою базу, находившуюся, аккурат, на островке в Вандовом болоте. В деревне нашелся, однако, предатель, который выдал немцам их расположение.

Прибыла немецкая рота, но не эсэсовцы, а солдаты в какой-то странной форме, с кепками на голове. Егеря, что ли? Попытались

захватить партизанскую базу. Но на островок вела всего лишь одна тропа, да и та скрывалась под водой и неглубокими болотцами. Немцы найти ее не смогли. И тогда из Постав, со старого польского аэродрома, прилетели два самолета с большими черными крестами и целый день, в несколько заходов, бомбили болото и островок.

Вот оно и загорелось, а все партизаны, говорят, погибли. Предателя потом убили подпольщики из Постав...

— И жонку яго таксама, — неожиданно всхлипнула старушка, — за што ж яе-то? И дзеток трох, таксама хацелі забіць... Але ж наши местные бабы ня далі, схавалі дзяцей...

Про загадочного Вацека баба Настя ничего не слышала, равно как и про Фадея, Юрека и его отца. В здешних партизанах были не местные, а в основном из Постав, Лынтуп и Крулевщицны. Про то, чтобы власти искали какое-то обозное имущество, тоже ничего не слышала.

Узнав о нашем намерении посетить болото, старушка рассердилась не на шутку и немедленно попыталась отодрать за уши сидевшего поближе Питочку. Тот едва успел увернуться.

И бабуся выдала нам следующий устрашающий рассказ.

Местный забулдыга и по совместительству охотник по имени Никишка рассказывал, что гнался за кабаном и тот мгновенно провалился на лугу возле болота. Но не в топь, а в гарь. По словам Никишки — аж пепел столбом встал.

— А, можа, і сбрахаў, — тут же присовокупила успокоившаяся уже старушка, — якія ў нас тут дзікі? Трусy (зайцы) ёсць... Ён іх і страляў са сваёй дубальгоўкі, ды на паўлітры чарніл (дешевое вино) мяняў...

Но далее она огорчила нас и реалией.

Оказывается, в прошлом году на окраине болота вниз провалилась и корова ее соседки. Несколько дней подряд она жалобно мычала откуда-то из подземных глубин. То есть не утопла, а, видимо, попала в полностью сгоревший толстый пласт торфа. Соседка сулила Никишке несколько поллитр, чтобы тот сходил и убил корову из ружья. Невмоготу ей было слышать, как мучается ее кормилица. Тот, вроде, и обещался, но, в конце концов, пойти туда побоялся, и корова, видимо, умерла сама от голода и жажды.

И надеяться, что этот Никишка нас туда проведет тоже нечего. Он не только самый первый пьяница на деревне, но и самый первый трус.

Получив такую информацию, мы, конечно, приуныли, хотя и виду не подали, хорохорясь по-прежнему.

Забегая вперед, скажу, что в то болото мы так ни тогда, ни позже и не сунулись. Провалиться в бездну без всякой опоры и мучиться, ожидая смерти от удушья, например? Нет, тут и «шмайссером» не заманишь.

Исследования же теоретические все же провели.

Вацек оказался реальным персонажем — поручик Армии Крайовой Войска Польского Вацлав Богунский. После разгрома Польши в сентябре 1939 года бежал от немцев на Поставщину, где у него проживала родня. Но 17 сентября польскую границу перешли и советские войска, и Вацек с единомышленниками ушел в Лынтупские леса — бороться уже с советскими оккупантами. Через десять месяцев на Поставщину (Поставы были захвачены 25 июня 1941 года) вновь пришли немцы, и Вацек начал партизанскую борьбу с ними... В конце 1944 года, по доносу, он был взят энкаведистами, увезен в Вилейку и там его следы теряются. Скорее всего, польский поручик был осужден и расстрелян, поскольку у власти тогда отношение к солдатам армий Людовой и Крайовой было диаметрально противоположным.

Но главной была история с обозом. Будучи подростками, мы, конечно, не смогли узнать многого из тех давних событий военного лихолетья. Но позже мне пришлось вновь вернуться к этой теме. Встал этот вопрос тридцать лет спустя. История оказалась, как говорят в народе, еще та и заставила поломать над собой голову...

Как свидетельствовали мемуарная литература и некоторые архивные документы, в июне 1944 года в сторону Постав через Маньковичский лес прошли два немецких обоза с двух разных направлений. На какой же из них было совершено нападение партизан?

Один из обозов шел со стороны Витебска...

23 июня 1944 года началась знаменитая операция «Багратион», которая была направлена на разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии и последующее освобождение самой многострадальной республики СССР. Пятый сталинский удар застал немцев врасплох.

Генштаб вермахта ожидал масштабного наступления не в Белоруссии, а на южном участке фронта, между бассейном реки Припять и Черным морем, где и была создана сильная линия обороны. Однако главный удар советских армий был нанесен севернее. В период с 23 по 28 июня войска четырех фронтов прорвали фашистскую

оборону на шести участках и окружили крупные группировки противника в районе Витебска и Бобруйска.

43-й армии генерала А. П. Белобородова удалось развить наступление на Витебск, и она вскоре соединилась с 39-й армией генерала И. И. Людникова в районе деревни Гнездиловичи на шоссе, ведущем из Витебска на запад. И здесь кольцо окружения сомкнулось. Это был первый крупный «котел» в Белоруссии, в котором оказались пять полноценных дивизий противника. Витебск был очищен от оккупантов 26 июня. Однако освободители вступили почти в пустой город, жителей в нем осталось мало.

Окруженному под Витебском противнику был предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции, который немецкие генералы отвергли. 26 июня гитлеровцы предприняли попытку вырваться из «котла» и уйти на юго-запад, но безуспешно. 27 июня окруженная группировка была ликвидирована. Враг потерял убитыми около 20 тысяч человек, а более 10 тысяч сдались в плен. Ликвидацию мелких групп противника, скрывающихся в лесах, закончили 29 июня 1944 года.

Первый обоз, оказавшийся в Маньковичском лесу предположительно 24 июня 1944 года, принадлежал, судя по архивным документам, 78-й гренадерской штурмовой пехотной дивизии, оборонявшей витебское направление с помощью закопанных в землю самоходных штурмовых орудий «фердинанд». Что в нем находилось, неизвестно. Отсутствие достоверных сведений не позволяло мне судить об имуществе, находившемся в обозе. Двигался он по шоссе Витебск—Вильнюс и неожиданно в районе озера Воронец, где проходила мощная линия немецких укреплений, свернул в Маньковичский лес и направился в сторону Постава. Чем это было вызвано? Об этом я выскажусь несколько позже. У меня есть на этот счет своя версия.

Между тем, войска 2-го Белорусского фронта уже в ночь на 28 июня вели ожесточенные бои на улицах Могилева. Мощные удары нашей пехоты с востока и стремительная атака танковых соединений с севера быстро решили исход сражения в пользу советских войск. В боях за город наши войска уничтожили 12-ю немецкую пехотную дивизию, разгромили танково-гренадерскую дивизию СС «Фельдхернхалле» и нанесли тяжелые потери другим немецким частям. Было взято большое количество пленных. В числе пленных оказались командир 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Бамлер, немецкий комендант города Могилева генерал-майор Эрдмансдорф,

командир 89-го пехотного полка полковник Дайтентиш и другие офицеры. Были захвачены и большие трофеи, в том числе семь железнодорожных эшелонов с различными военными грузами.

К слову сказать, операция «Багратион» завершилась окружением 30 немецких дивизий под Минском. В результате ее была полностью освобождена Белоруссия, часть Польши, Литвы, с выходом через Вислу и Неман на границу с Германией.

Командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Э. Буша Гитлер снял с должности, назначив на его место генерал-фельдмаршала В. Моделя, который считался опытейшим мастером обороны и отступления, проводил политику «выжженной земли» и даже среди немецких генералов отличался особой жестокостью. Кстати, кончил он плохо: 18 апреля 1945-го Модель застрелился под Берлином, справедливо сочтя поражение Германии предрешенным...

Однако вернемся к нашей непосредственной теме. Второй обоз появился в Маньковичском лесу 26 июня, но принадлежал он танково-гренадерской дивизии СС «Фельдхернхалле» и двигался из Могилева через Борисов и Мядель.

Пока не будем касаться и его содержимого, а зададимся всего лишь одним вопросом: с чего это немецким обозам так полюбились это направление?

Отвечаю. Безусловно, предположительно.

Первое. С началом операции «Багратион» немецкое командование по мощи и направленности ударов сразу определило, что это глобальная операция и сил, могущих реально противостоять натиску, на этом направлении у них недостаточно. Следовательно, необходимо спасать самое ценное имущество. Поэтому многочисленные обозы и двинулись в сторону Германии. Вы спросите: какая же это Германия, если они направились на северо-запад, в сторону Прибалтики? Отвечу: самая что ни на есть натуральная. Речь идет о части исконно германской территории — Восточной Пруссии, гезде профессиональной военщины и незатухающем очаге всех немецких устремлений на Восток.

Еще 29 сентября 1862 года министр-президент Пруссии и князь (а впоследствии 1-й рейхсканцлер германской империи) великий Бисмарк заявил, что созданные Венским трактатом границы Пруссии неблагоприятны для нее и «не речами, не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени..., а железом и кровью». И начались войны в Европе, в результате которых 22 са-

мостоятельных германских государства составили основу империи. Правда, Бисмарк считал, что война с Россией была бы крайне опасной для Германии.

Сталин называл Восточную Пруссию передовым постом германского империализма и оплотом фашистской военщины. А он даром слов не говорил. И Восточная Пруссия доказала справедливость этих скупых формулировок.

Более чем четыре месяца победного 1945 года понадобилось советским войскам, чтобы сокрушить эту могучую цитадель. Хейльсбергский и Кенигсбергский укрепрайоны вкупе с цепью знаменитых Мазурских озер представляли собой поистине неприступную крепость с глубиной обороны более ста километров. Тысячи мощных железобетонных сооружений, системы противотанковых и противопехотных заграждений, деревянно-земляные оборонительные комплексы составляли замкнутую структуру единого укрепрайона.

Взламывание немецкой обороны шло с большим трудом. Недаром Й. Геббельс постоянно отмечал в своих дневниковых записях 1945 года фанатизм и упорство войск, оборонявших Восточную Пруссию. Достаточно сказать, что Кенигсберг — ее столица — был взят лишь 9 апреля 1945 года, когда бои шли уже на подступах к Берлину. А последняя 90-тысячная Земландская группировка была фактически ликвидирована только 26 апреля, когда был захвачен опорный пункт немецкой обороны — крепость и порт Пиллау. И самая последняя опора цепляющихся за прусские земли остатков немецких войск — морская коса Фрише-Нерунг и непосредственно устье реки Вислы с 50-тысячным корпусом капитулировала лишь 9 мая 1945 года. Отдельные же бои шли еще и после этой даты...

Пусть меня извинит читатель за очередной исторический экскурс, но без этого трудно обойтись по той простой и одновременно сложной причине, что вся история постоянно переплетается в событиях и фактах, которые и могут быть объяснимы лишь с определенных аналитических позиций и в связи с ними. История тем и безумно интересна, и безмерно увлекательна, что вся она увязана и укручена как внутренне, так и внешне. И порой приходится кропотливо и скрупулезно распутывать ее тайные узлы и загадочные узелки.

Однако продолжаю. Второй довод. На мой взгляд, в описываемое время июня-июля 1944 года наиболее ценные вещи, имущество и предметы немецкими оккупантами вывозились из охваченной осво-

бодительным пламенем Белоруссии именно в самую ближайшую и надежную точку Германии — в Восточную Пруссию.

Через Польшу было и дальше и менее надежно, тем более что в Варшаве уже тлел уголек грандиозного восстания, о котором немецкая контрразведка прекрасно знала. Немцы сами и раздували этот уголек, чтобы покончить разом со всем мощным польским подпольем, которое было сравнимо с ножом в спину вермахта, отбивающего с фронта советские атаки.

Первый обоз, принадлежавший 78-й гренадерской штурмовой пехотной дивизии, мог иметь в числе своего содержимого, например, наиболее ценные экспонаты Витебского областного краеведческого музея, основанного в 1919 году и имевшего к моменту начала войны неплохую экспозицию, которую не успели вывезти.

Какие конкретно экспонаты?

Картины Марка Шагала, к примеру, пользующиеся сейчас в западных странах бешеной популярностью.

Хотя по определенным причинам немцы не могли считать Шагала великим художником.

Тогда возьмем картины великого русского художника Ильи Репина. Мало кто знает, что знаменитый художник приобрел в мае 1892 года имение Здравнево, находившееся в 16 верстах от Витебска, и написал здесь десятки прекрасных полотен, местонахождение многих из которых до настоящего времени неизвестно. В них преобладала белорусская тема. И хранились они в Витебском музее. Вспомните живописное полотно «Косарь-литвин». Что же касается таких произведений великого мастера, как «Запорожец с бандурой», «Матрос», «Пожарный» и некоторых других, то после войны они исчезли и до сих пор их следы не обнаружены. Бесследно пропали и знаменитые репинские иконы.

В общем-то, здесь я просто гадаю, никаких конкретных сведений о том, что находилось в обозе, у меня нет. Как нет и сведений, на какой из обозов напали партизаны.

Второй обоз сопровождали тыловые подразделения танково-гренадерской дивизии СС «Фельдхернхалле» и двигался он, как я уже упоминал, из Могилева.

И здесь, возможно, кроется разгадка исчезновения одной из самых красивейших разыскиваемых реликвий нашего времени, входящей в сокровищницу мирового искусства.

Угадали?

Все правильно — знаменитый Крест Ефросинии Полоцкой.

Эта великая религиозная и духовная святыня белорусов была изготовлена в 1161 году ювелиром Лазарем Богшей по заказу игуменьи Полоцкой — Ефросинии как ковчег для хранения христианских реликвий. Все знают его описание, поэтому напомним только вкратце.

Крест был шестиконечным, с основой из кипарисового дерева, сверху и снизу покрыт 21 золотой пластинкой с различными драгоценными камнями, орнаментом и 20 серебряными позолоченными пластинками. Край передней стороны креста обрамлен ниткой роскошного крупного жемчуга. На обеих сторонах креста, на концах и перекрестиях изображены Иисус Христос, Матерь Божия, а также евангелисты, архангелы и различные святые.

В кресте содержались святые мощи, в том числе Кровь Христа и Камень от гроба Пресвятой Богородицы, доставленные специальными экспедициями, что придавало ему особую ценность.

Не стану описывать пути неисповедимые, которые Крест Ефросинии Полоцкой прошел почти за восемьсот лет. Упомяну только, что автором непревзойденного творения был лучший ювелир Киевской Руси Лазарь Богша, родом из Белой Руси.

После революции Крест был найден в 1928 году в финотделе Полоцкого исполкома и перевезен в Минск. Поскольку в то время собирались перенести столицу Беларуси из Минска в Могилев, туда он и попал в 1929 году. До июня 1941 года он находился в комнате-сейфе Могилевских обкома и горкома партии...

После чего Крест пропал, и следы его теряются. Быстрое продвижение немецких войск заставило власти в спешке эвакуировать все подлежащее эвакуации в первую очередь. Предметы религиозного культа не были тогда в таком почете. И не находились в числе имущества первостепенной важности. А вот документы различных партийных органов...

Как же — немцы, прежде всего, стремились захватить партийные документы и узнать структуру наших партийных органов, а также выяснить намеченные обкомом партии сроки уборки урожая жаркого лета 1941 года...

И в этой горькой шутке есть большая доля правды.

Бесценная реликвия наверняка попала в руки немцев и, возможно, находилась там до июня 1944 года, поскольку оккупанты считали, что они пришли всерьез и надолго. А в здании обкома партии находился штаб той самой танково-гренадерской дивизии СС «Фельдхернхалле», чей обоз двигался через негостеприим-

ный Маньковичский лес и подвергся лихому налету местных партизан.

Версия, может статься, и не самая убедительная. Но...

Во-первых, обоз был из Могилева, где обрываются последние следы Креста Ефросинии Полоцкой. Не забудем, что обоз имел сильную охрану и полностью захвачен не был. Зачем сильная охрана в своем глубоком тылу, причем через Маньковичский лес, где в районе озер Должа и Воронеж проходила охраняемая линия немецких укреплений.

Во-вторых, на разборку с партизанами сразу же прибыла рота немецких солдат в необычной форме (вспомните бабу Настю), которая характерна как раз для танкистов-гренадеров. К операции по уничтожению партизанской базы была подключена даже авиация, которая больше, несомненно, требовалась на переднем крае, где трещала и рушилась немецкая оборона. Не могли же скрупулезные во всем немцы броситься на поиски лишь своих штабных карт и документов по развертыванию дивизии для наступления...

В-третьих, бесценная реликвия так больше нигде и не объявилась. Антикварный предмет такой значимости в тайной коллекции не скроешь. Значит, вполне вероятно, что Крест лежит в тайнике, координаты которого по тем или иным причинам людьми утеряны. Возможно, тайна умерла вместе с гибелью партизанского отряда, но дала о себе знать почти через сорок лет запиской в старом крупнокалиберном патроне, найденном случайно в дупле старого дуба.

Может лежать наша святыня на нашей земле на дне безвестного бочага безвестного (на карте) ручья? Вполне. Пожар на болоте не мог причинить ей вреда именно в силу этого обстоятельства.

Значит?

Значит, надо хорошенько поискать с современной техникой по пойме зловещего Ведьминого ручья. Ведь мы не боимся, их не боялись и партизаны, разместившиеся в недоступном месте Вандового (ныне Горелого) болота...

И вот через тридцать с лишним лет я возвращаюсь в город своей юности. Я еду из Минска. С шоссе Витебск—Вильнюс, возле указателя «Петровщина» сворачиваю налево и, примерно, через километр направо.

Я нахожусь на высоком перешейке, разделяющем озера Должу и Воронеж. На мой взгляд (и не только на мой), Воронеж — одно из самых красивейших, чистых и загадочных озер нашей синеокой

Беларуси. Небольшое, овальной формы, оно окружено высокими берегами и сверху смотрится, как в жерле кратера вулкана.

Двадцать-тридцать лет назад машин в этих краях было еще мало, и озеро было безлюдным даже в выходные дни. Мы пропадали здесь целыми днями, наслаждаясь тишиной, солнцем и чистой озерной водой. Впрочем, нырять глубоко и плавать далеко избегали. Глубина озера была неизвестна.

По этому поводу я когда-то читал отчет экспедиции географического факультета Белгосуниверситета, которая имела своей задачей измерение глубин небольших озер. Там же, по-моему, мне встретилась одна из многочисленных легенд, связанных с озером Воронец.

В далеком прошлом озера Должа и Воронец составляли единое целое. И это похоже на правду — достаточно посмотреть по карте и на местности. На северо-восточном берегу озера Должа стояла панская усадьба (сейчас на том месте старый немецкий дот). В ней гостили приехавшие из Варшавы к местному пану Крапыльскому его родственники — молодожены, чтобы провести медовый месяц в одном из прекраснейших уголков Виленского края. Красавица-панночка сидела у берега в лодке и ждала своего молодого мужа, который вернулся в усадьбу за зонтиком, поскольку солнце было очень жарким. Они собирались поплавать по живописному озеру на веслах. Лодка стояла у пирса, и панночка оттолкнулась от него руками, чтобы сорвать несколько водяных лилий, выглядывающих из воды недалеко от берега. Но неведомым образом, будто подводным течением, лодку понесло к центру озера. Паночка пронзительно закричала. Муж уже бежал к берегу. Но лодку в центре озера закружило какими-то неведомыми подводными силами и утащило под воду...

За что так обошлась с ней жестокая судьба? Говорят, что панночка любила купаться в озере голышом, и подводный царь, прельщенный ее красотой, забрал ее к себе в жены...

Обезумевший от горя муж пытался найти ее тело с помощью выписанных из Италии ныряльщиков-водолазов, но те не смогли достичь дна озера. Аквалангов в ту пору еще не было. Тогда единое озеро перегородили на одной пятой его пространства насыпной дамбой (на этом месте сейчас перешеек) и воду попытались откачать мощными насосами, доставленными из Берлина. Они работали днем и ночью. Все напрасно — подводный царь включал подземные ключи, и озеро не убавилось даже на полметра. Легенда имеет еще более трагическую концовку — муж, в конце концов, разорился на поисковых работах и застрелился. В посмертном письме он умолял

похоронить его на дне озера, что и было сделано, в соответствии с морскими правилами и традициями.

Что касается названия якобы вновь созданного водоема, то местные жители прозвали его Вороньим (по-польски Воронеч), потому что каждый год в день гибели прекрасной панночки со всей округи слетались стаи ворон и долго кружились над центром озера, оглашая окрестности хриплым и жалобным карканьем...

Такова печальная легенда. А теперь послушайте реалии из отчета глубоиномерной экспедиции. Ее участники пытались измерить глубину обычным механическим лотом (веревка со свинцовым грузилом). Записывая в блокнот глубины, экспедиция на лодке медленно продвигалась к центру озера. 20, 25, 30 метров — лот фиксировал увеличение глубины. Для такого небольшого озера это казалось запредельным. И вдруг лодка отказалась двигаться дальше, несмотря на усилия ухвативших каждого по веслу двух студентов. Более того, она медленно начала губительное вращение, которое убыстрялось с каждой секундой. В лодке возникла паника. Но женщина-преподаватель, находившаяся вместе со студентами, оказалась на высоте и дала команду выбросить блокнот с замерами и все измерительные снасти за борт. Вращение прекратилось, и лодка на веслах быстро двинулась к берегу. Подводный царь вновь отстоял свои страшные тайны.

Не верите? И я не очень верил. Пока не посмотрел во всех справочниках по водоемам Беларуси. Нет обозначенных глубин озера Воронеч. Хотя все соседние водоемы промерены и глубины обозначены, в том числе и Должа, составлявшая ранее якобы одно целое с Воронцом. Глубина Должи, например, 13,7 метра. Тоже немалая, если учесть, что наибольшая ширина озера немногим более четырехсот метров, а площадь 1,04 квадратных километра. Напротив названия «Варанец» записано: «даследванні не праводзіліся».

Как же не проводились, когда я об этом читал. Да и обмерить это озерцо не составляет никаких трудов с технической точки зрения. Оно вполне доступно. Но, похоже, только не его загадочные глубины, в чем я потом лично убедился.

Впрочем, недалеко есть еще одно удивительное озерцо под названием Светлое. Оно расположено в полутора километрах северо-западнее Воронца, рядом с озером Четверть. Оно совсем махонькое, в три раза меньше Воронца, и почти абсолютно круглое. В составленной мной таблице озер Беларуси его глубина проставлена в 33,5 метра, что вообще невероятно. Говорят, его вода сверхпрозрачна, имеет

какие-то особые свойства и хранится свежей многие годы. Я на нем раньше не был, к нему не было дорог. Сейчас по карте дорога обозначена, и я попытаюсь понырять в Светлом с аквалангом.

Сегодня же я заезжаю на северо-восточный берег озера Воронец. Цивилизация сюда уже добралась со всей ее и приятной, и отвратительной атрибутикой. Хорошо, что берег оборудован — столы, скамьи, пирс и прочие полезные на природе вещи. С другой стороны — кучи мусора и беспорядочные кострища — не украшают некогда девственный берег.

Надеваю гидрокостюм и акваланг, ныряю, наслаждаясь прозрачностью воды и игрой мелких рыбешек. Дно опускается медленно — террасами. Глубина 2, 6, 8, 12 метров. Дальше невероятное — вертикальный обрыв вниз. Ей-богу, в природе я такого не наблюдал. Ориентируюсь. Оказывается, я проплыл уже более половины озера. Соваться вниз в расселину мне что-то не хочется. Ощущение, что она создана чьей-то злой нечеловечьей волей. Я не хочу даже плыть над ней, а поэтому всплываю и возвращаюсь к берегу.

Немного посидел на берегу, осмыслил увиденное.

— Не может такого быть, — говорю я себе. — Обман зрения, хотя на глубине 12 метров видимость, ввиду удивительной прозрачности воды и солнца, вполне сносная.

Попробую еще разок, но только с противоположного берега. Именно с этого берега, с которого спускался я сейчас, стартовала бедная паненка в свой последний путь, вспоминаю я совсем нехотати.

На юго-западном берегу дорога, ведущая к берегу озера, перерыва глубоким рвом. Может, и правильно, хоть это место не загадят недобросовестные автотуристы. Действительно, этот берег значительно чище.

Спуск под воду здесь ровный, но очень крутой, под углом 40—45 градусов. Держусь дна. Дно песчаное и чем глубже, тем чище. Видимость вначале прекрасная. 8, 14, 20 метров. Становится совершенно темно. Подводного фонаря я с собой вообще не брал, не ожидая таких глубин в маленьком водоеме. Светятся лишь приборы, указывающие на мое местоположение, глубину и запасы кислорода. Вода просто ледяная. Помимо кистей рук, холод пробивается даже сквозь шерсть специального белья и ткань гидрокостюма. 25 метров! Торможу. Пытаюсь взглянуть в продолжающийся спуск. Бесплезно. Темнотища уже непроглядная. Медленно перебираю ластами — 28 метров и никаких признаков горизонтального дна...

Нет, не обманывал отчет экспедиции насчет глубины. Сразу припоминаются все легенды и страхи, связанные с ними. Застываю на месте. Чувствую проступающий на теле пот. Солба его вытереть невозможно, и это раздражает. Вдруг внизу замаячило что-то смутное и белесое...

Нет! Назад!

Моей скорости позавидовала бы и акула...

На берегу трясущиеся руки никак не могли снять подводное снаряжение. Вокруг же царит покой и безмятежная тишина. Как прекрасен надводный мир!

Все, с меня хватит. Не поеду и на озеро Светлое с его кошмарными глубинами. Пусть другие пробуют.

Есть отчаянные люди? Попробуйте.

А теперь — честно. Влекла меня, в общем-то, не попытка достичь дна и измерить глубину озера. По рассказам местных жителей летом 1944 года немцы опускали в озеро Воронеж какие-то ящики. Конечно, такие недостоверные легенды существуют почти по всем глубоким озерам. Что-то туда опускают, что-то в них прячут...

И более достоверно (читал в брошюрке одного из местных краеведов), что немцы сбросили золоченые гробы с останками владельцев Маньковичского поместья, которое находится к северо-востоку от озера Воронеж.

Два источника пересекаются. Значит, возможно, все-таки что-то затопили? Зачем трудиться и топить в озере чьи-то останки. Разве что, спяну? Но немцы этим не отличались. Не до того им было жарким летом 1944 года, чтобы пьянствовать и топить чьи-то древние останки.

Вот и хотел посмотреть, нет ли чего интересного на дне Воронца. Моей целью было Горелое болото, а здесь — попутно, проезжая мимо... Отчего бы и не взглянуть? Обозы-то шли мимо озера. Маньковичский лес как раз и начинается за ними. И Горелое (Вандово) болото в нем. Слишком много здесь всяких совпадений...

Возвращаюсь вновь на шоссе Витебск—Вильнюс. Напрямик есть изрядно заросшая лесная дорога, но дальше разрушен мост через реку Мяделку.

Вот и известная всем местным жителям асфальтированная «двенадцатикилометровка» (так ее и называют), сворачивающая с шоссе налево и ведущая к Поставам.

Выезжаю на высокий бугор. Нет, скорее, на верхушку гряды. Слева видна деревушка Маньковичи. Прямо за ней стоят две дачи. Между ними остатки старинной усадьбы. Одна из дач принад-

лежит моей сестре Светлане и ее мужу. Они строили ее, можно сказать, своими руками. Но об этом позже. И заеду я туда позже. А сейчас — в Поставы. Хочу посмотреть, как изменился город за эти годы.

Вот и город, с которым у меня связано столько воспоминаний. Проезжаю мимо бывшего «пятого» военного городка и двигаюсь по улице Красноармейской. Пытаюсь притормозить возле районного дома культуры, куда когда-то ходил на танцы, и посмотреть на школу № 1, которую я закончил. Она находится за этим зданием, но еще и через речку — вездесущую Мяделку. Увидел только кусочек здания школы, поскольку остановиться не дают. Улица узкая и с интенсивным движением.

Подъезжаю к перекрестку перед мостом через Мяделку. Направо высится величественное здание костела из темно-красного кирпича. Он был построен в 1903 году в неоготическом стиле.

На перекрестке, не доезжая до моста (запруды, делящей Мяделку на два больших става); на котором стоит восстановленный «млын» (старинная мельница), сворачиваю налево на улицу Гагарина и еду вдоль става, на противоположной стороне которого видны рельеф и строения знаменитой поставской «гарбарки».

Вновь проезжаю по мосту, сворачиваю направо на улицу Советскую и останавливаюсь напротив здания больницы (в ней я начинал свой трудовой путь) — бывшего палаца Антония Тизенгауза. Впечатляет. Сделан прекрасный ремонт, ничуть не испортивший архитектурные изыски бывшей усадьбы. Фотографирую.

Еду по улице Советской. Вот справа «пожарная», дальше милиция. А слева одноэтажный дом, в котором жила с родителями тридцать лет назад моя жена Татьяна. Царствие им небесное — замечательными людьми были ее родители. Похоронены они на своей родине — под Москвой...

Воспоминания...

Вот и старинная площадь. На ее углу красивая каменная православная церковь. Ее построили в 1893 году на месте сгоревшей и осыпали в честь Святого Пророка Осии.

Огибаю площадь, полностью реставрированную старинными застройками. Красиво. Раньше она называлась площадью Ленина, а ее центральная часть со сквериком посередине — «орбитой». Название это произошло оттого, что по вечерам по ней, как по орбите, ходили компании и парочки подростков. Со всеми вытекающими последствиями. Со знакомствами, с любовью, со

ссорами и потасовками. Но никакой поножовщины, драки были честными, как правило, дуэльными (один на один либо группа на группу). А чтобы бить кого-то лежащего, да еще ногами... Такого не водилось вообще.

Дальше сворачиваю направо и еду по улице 17 сентября, названной так в честь освобождения в этот день Западной Белоруссии от панской Польши.

При всем уважении к современной Польше должен сказать, что, по моему мнению, первый неприкрытый акт военной агрессии во Второй мировой войне сделала именно панская Польша.

В октябре 1938 года Польша напала на Чехословакию, оккупировав Тешинский край, в котором на тот момент проживало 156 тысяч чехов и более чем вдвое меньше поляков. Причем, проживающие там поляки и не выражали никаких намерений присоединиться к Польше.

Некоторые авторы пытаются прикрыть этот акт агрессии Мюнхенским соглашением между Гитлером и правителями Соединенного королевства (Великобритании), Франции и Италии.

Да, в соответствии с этим подлым соглашением Гитлеру «подарили» Судетскую область, входившую в состав Чехословакии. Но Польша Тешинский край никто не дарил. Правда, речь о территориальных претензиях других стран в соглашении шла, но в каком виде:

«Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь».

Вот и все. И если Гитлер занял Судетскую область на хотя бы внешне «законных» основаниях, то Польша была обычным агрессором в международном правовом понимании этого слова, со всеми вытекающими последствиями.

Кроме того, на протяжении 1929—1938 года Польша строила планы и вела переговоры с Германией, Японией, Францией, Швецией и другими странами о нападении на Советскую Россию и ее территориальном дележе. Разрабатывала она планы нападения и на Германию....

Ладно, несколько отвлекся. Улица 17 сентября упирается практически в «шестой» военный городок, в котором я жил. Сворачиваю в городок. Здесь жила моя семья, служил мой отец в ракетном дивизионе. ДОСы (жилой дом офицерского состава) остались, новых строений нет. И офицеров, конечно, уже не видно. Военный городок

с авиабазой, командиром которой был муж моей сестры, закончил свое существование лет пятнадцать назад. Грустно.

Пробираюсь через «сосонник» (небольшой парк между жилым городком и Задевским озером) на берег озера. Озеро явно зарастает, а между тем оно одно из самых больших и глубоких в Поставском районе.

Стою и грущу.

— «Что нам знакомые дома, когда из них друзья ушли...» — так пел известный белорусский бард Арик Крупп, погибший при альпинистском восхождении. И я эту песню любил исполнять под гитару.

Все. Встреча и прощание с детством и юностью — ритуал исполнен. Все-таки приятно, когда есть что вспомнить — далекое, доброе и хорошее. Мой путь лежит назад. В Маньковичи.

Деревня Маньковичи имеет выгодное географическое местоположение. В старину она находилась на перекрестке торговых путей, и даже огибающая ее река Мяделка в Средние века была судоходной. Сама деревня расположена на возвышенной гряде, упирающейся в большой лес, который называется «Маньковичская Дача». С юга и с севера гряды окружают болота. Западный склон возвышенности прорезает река Мяделка, весьма обмелевшая к этому времени.

Впервые Маньковичи документально упоминаются с XVI века, как село и поместье в Ошмянском повете Великого княжества Литовского. В 1616 году есть упоминание о принадлежности его Галине Шемет, вдове смоленского кастеляна. Следующими его владельцами были шляхтичи Зеновичи.

В 1663 году в Маньковичах насчитывалось 113 дворов и 735 душ (сравните: в Поставах в 1628 году было лишь 62 двора).

В 1812 году через Маньковичи проходили отступающие французские войска. Стого времени некоторые возвышенности в Маньковичском лесу называются «французскими» курганами и могилками.

Наконец, во второй половине XIX века Маньковичи перешли в собственность знаменитого старинного княжеского рода Друцких-Любецких. Самый известный из них Владимир Друцкой-Любецкой служил министром внутренних дел Российской империи и проживал в Петербурге. Он был в дружеских отношениях с царем Николаем I. В Маньковичи князь наезжал на время, чтобы отдохнуть от государственных дел в красивой и тихой усадьбе, расположенной в живописном месте.

Красивейший усадебный дом князя был построен в стиле барокко. Он был целиком из дерева, за исключением фундамента и каменного портика — князь хотел полного единения с природой. Владимир Друцкой-Любецкой жил богато, на широкую ногу, и его дом был всегда в состоянии праздника и полон знатных гостей.

К сожалению, в годы Второй мировой войны усадебный дом сгорел, и сейчас от него остались только фрагменты фундамента. А от княжеской усадьбы остались лишь поврежденная каплица на другом берегу реки Мяделка, руины водяной мельницы, фундамент амбара, возведенного в стиле ампира, и остатки паркового комплекса.

После смерти князя (1905) его забальзамированное тело хранилось в серебряном гробу с родовым гербом в каплице, построенной княгиней недалеко от берега озера Воронец. По некоторым данным гроб был разграблен немцами во время Первой мировой войны и сброшен вместе с останками князя в озеро Должу. Каплица была полностью разрушена.

А еще в Маньковичской волости родился в 1900 году, а затем рос и учился в самих Маньковичах один из старейших поэтов Беларуси Владимир Дубовка, впоследствии необоснованно репрессированный в 1937 году и через двадцать лет полностью реабилитированный...

Сворачиваю с поставской дороги направо, проезжаю через Маньковичи и останавливаюсь у небольшого кирпичного двухэтажного дома, расположенного на территории бывшей усадьбы князя. Как я уже упоминал, здесь живет моя сестра с мужем.

Увы, за тридцать лет службы летчиком государство так и не позаботилось о предоставлении какого-либо жилья моему шуруну. Он служил и в Германии, и в Южной Америке, воевал в Афганистане, награжден многими наградами, в том числе боевыми и зарубежными. Фактически закончил службу в Поставах комендантом авиабазы и дослуживал уже в Минске.

В Советском Союзе, в соответствии с законом, офицер, закончивший службу, вправе был выбрать для проживания любой населенный пункт (за исключением Москвы, Ленинграда и Киева), а государство обязано было прописать его (и его семью) там и в течение шести месяцев предоставить бесплатную квартиру.

Союз распался, и офицеры, вне зависимости от своих заслуг, стали никому не нужны. Пришлось жилье строить самому. Поэтому, получив участок, шурин вместе с моей сестрой построили дом сами — своими руками (за небольшим исключением) и теперь жили здесь в этом чудесном уголке природы.

Метрах в ста севернее построились и жили их близкие друзья. А как раз между их домами и находились остатки усадебного дома князя Владимира Друцкого-Любецкого. Оставшиеся от парка вековые дубы и липы можно было обхватить только вдвоем, взявшись за руки.

Светлана и Юрий мне страшно рады. Они очень радушны и гостеприимны. Не знают куда посадить и чем угостить. Говорю, что приехал на пару дней, если приютят...

— Какой вопрос! — восклицают они хором. — Как тебе не стыдно...

Сразу обозначаю и свою цель — Горелое болото. Они знают о моем увлечении и готовы помочь. О Горелом болоте, однако, слышат впервые. Зато о Поставах и о Маньковичах Светлана вываливает кучу литературы. Она увлекается историей и всем, что с ней связано, хотя всю жизнь проработала преподавателем музыки.

Сидим, обсуждаем различные легенды и были здешних краев.

— А почему бы не попробовать здесь? — неожиданно предлагает Светлана.

— Что здесь? — не понимаю я.

— Ну, походить с твоими приборами и покопаться на территории нашего приусадебного участка... Здесь жил князь... И другие богатые люди... Наверняка что-то осталось... А может, и клады закопаны... Времена здесь во все века были беспокойными...

Спрашиваю, есть ли насчет кладов конкретные сведения. Ничего конкретного нет, так — слухи, разговоры...

— Давайте попробуем, — соглашаюсь я, — с чего начнем?

— А прямо здесь и начнем, — говорит Юрий, — пока строили, много чего нашли в земле. Правда, ничего ценного. Но, если с металлодетектором...

Начинаем поиски. Действительно, усадьба напичкана всякого рода металлическими предметами и различным металлическим мусором. Прибор звенит и гудит на каждом шагу. Сплошной звон. Я-то уже привычный, а ими овладевает настоящий охотничий азарт. Невидимые под землей предметы неожиданно становятся достигаемыми и вполне доступными. Попробуйте, и вы испытаете неповторимые ощущения!

Находки особой ценности не представляют. Мы выкапываем с десяток монет, в большинстве своем царских, а также польских и советских. В числе других найденных предметов большой ржавый нож (похоже, разделочный), громадный проржавевший замок,

полностью позеленевший медный тазик, кусок цепи (скорее всего, колодезной), половинка от ножниц (судя по размеру — для стрижки овец), маленький бронзовый колокольчик, кусок полуистлевшего кожаного ремня с металлической пряжкой (не военной), несколько стреляных гильз времен Второй мировой войны и несколько отстрелянных пуль. Попадались также осколки старой керамической посуды (похоже, дореволюционной).

Ничего похожего на следы княжеских сокровищ обнаружено в тот день не было.

Утром следующего дня мои гостеприимные родственники заняты посадкой цветов и саженцев, и я один отправляюсь на рекогносцировку к Горелому болоту.

О площади болота судить трудно — оно охватывает дугой южный склон маньковичской гряды. Кое-где, группками, растут деревья, в основном кривоватые березки и молодые сосенки. Метрах в шести-стах правее, ближе к Маньковичскому лесу, темнеет молодой лесной массив. Это, вероятно, остров, на котором находилась партизанская база. Поверхность болота покрыта сфагновыми мхами. Местами торчат кустики осоки, камыша, тростника, болотного мирта. Что-то, похожее на заросли багульника, издали не рассмотреть. Рельеф бугристый и кочковатый, кочки высотой 20—30 сантиметров.

То здесь, то там голубеют россыпи незатейливых цветков. Это травянистые растения семейства норичниковых иван-да-марья — верные спутники лесных и торфяных пожаров. В народе их еще называют «анютины глазки».

Ищу взглядом ручей, но открытая вода не просматривается нигде. Как не видно и следов партизанской тропы, ведущей к острову.

Соваться напрямик, конечно же, безумие. Если болото горело, то сгоревший пласт торфа может составлять несколько метров в глубину. Можно идти даже со слагами и рухнуть в пепел без всякой надежды на опору. И задохнуться. А, возможно, полые места заняты вновь образовавшейся топью. Тоже перспективочка не из приятных.

Надо искать тропу. Решаю идти вправо, ближе к лесу — тропа должна быть скрытой от визуального наблюдения. Иду вдоль болота, почва пружинистая, чувствуется близкое обилие влаги. Растительность все та же. Метров через восемьсот углубляюсь в Маньковичский лес и иду вдоль болота уже в лесу.

В болоте стали проглядываться открытые участки воды, складывающиеся в извилистую линию. Это, вероятно, ручей, огибающий

болото. По его краям растут чахлые кустики, осока и тростник. Появились и крохотные озерца, покрытые болотной ряской. Выхожу на небольшую полянку, поросшую кустиками рябины.

Есть! Слева стоят два высоких продолговатых валуна коричневатого цвета, отчасти покрытые мхом. Это легендарные Трофим да Ванда, нашедшие свою смерть в этих местах. От этих громадных камней и должна начинаться тайная партизанская тропа. Подхожу к валунам и внимательно осматриваюсь.

Никаких признаков тропы. Растут деревья и различная болотная растительность. Кочек нет. Зато впереди видна часть ручья и интуитивно, по каким-то неясным признакам, я определяю, что здесь был брод через ручей. Захожу за валуны. Почва колеблется, дальше идти без подстраховки нельзя. В одном месте ручей суживается, а по сторонам чернеют широкие провалы с неподвижной водой. Вход на тропу должен быть здесь.

По полесскому опыту и в теории знаю, что одно из опаснейших мест в глубине болот — это ручьи. Возле них самая жидкая топь, в которой не за что зацепиться. А сами ручьи могут достигать в глубину нескольких метров, и упасть туда — верная смерть. Не менее опасны заросшие озерца, особенно с обманчиво всплывшим местами торфяником.

В первую очередь нужно изготовить длинные заостренные шесты для прощупывания дна болота и ручья. И потихоньку, тыкая перед собой и по сторонам шестом, продвигаться вперед, отмечая путь вешками. С собой необходимо также иметь обычный надутый воздухом автомобильный баллон. Он в любом случае удержит на поверхности. Если, конечно, не угодишь в выгоревшую торфяную полость. Одному, безусловно, соваться в болото нельзя — поговорю с Юрием насчет его участия.

Возвращаюсь назад. Посадка закончена, и ребята горят желанием покопаться на месте, где стоял когда-то усадебный дом князей Друцких-Любецких. Это место граничит с их участком.

Движению металлодетектора препятствует высокая трава, заросли крапивы и чертополоха. Тем не менее, он выдает разноголосые звоны то там, то здесь. Первой выкапываем серебряную ложечку необычной продолговатой формы. Следующая находка непонятна — нечто, свернутое в комок, угольно-черного цвета с многочисленными крючками и застежками. Черная материя рассыпается в прах при прикосновении, остаются изрядно прожжавевшие крючки и застежки, грудой посыпавшиеся на землю с истлевшей основы.

Долго гадаем, что это может быть такое. Самой сообразительной оказалась Светлана.

— Это же старинный женский корсет, — восклицает она.

Точно. Мы соглашаемся. Как он сюда попал? Гадать бесполезно, поскольку мы практически ничего не знаем о расположении усадьбы и обитателях княжеского дома.

Как обычно, попадают и утерянные кем-то монеты. Это царские серебряные и медные деньги XIX и XX веков. Лишь серебряный рубль 1899 года, по-моему, довольно редкий — остальные никакой особой ценности не представляют.

Все остальные остатки металлических предметов можно смело отнести к категории хлама.

Но вот в одной из впадин прибор, подобно рассерженному шмелю, издает однотонное басовитое гудение. Это означает, что внизу сосредоточена довольно большая масса металла.

— Клад? — вопросительно тянет Юрий.

— Большой чугунный котел... — предполагаю я.

— С деньгами, — деловито добавляет Светлана.

Дружно смеемся. Работа, однако, оказалась нешуточной. Глубина залегания составила чуть более полутора метров. Размеры шурфа — метр на метр. Наконец лопата издает глухой стук. Юрий торопливо очищает предмет, издавший стук. Это плотно пригнанные и хорошо сохранившиеся, похоже, дубовые доски.

Прозваниваю прибором — звук все тот же. Вот так штука — похоже, мы действительно нарвались на клад. Удлиняем шурф вправо и через несколько сантиметров доски заканчиваются куском деревянного резного барельефа. Странно. Копаем в другую сторону и сразу же натываемся на прикрепленное к доскам бронзовое литье. Продолжаем раскопки — перед нами предстает потускневшее изображение родового герба, отлитого в бронзе.

Он представляет собой боевой щит с закругленнымиверху краями и острым низом, на котором посередине крепится серебряный крест. Сбоку щит поддерживают два льва. Сверху на нем лежит изображение княжеской короны. Внизу щита горизонтально прикреплена тонкая серебряная стрела.

Скажу сразу, забегаая вперед, что позже я так и не нашел в геральдике (гербоведение) такого изображения герба. Щиты были почти на всех княжеских и дворянских гербах, кресты и стрелы — на некоторых, но такого сочетания в целом не было. Не обнаружил я и родового герба князей Друцких-Любецких. Поэтому следует

предположить, что найденное нами изображение принадлежит именно этому роду.

Освобождаем ящик от земли со всех четырех сторон...

Увы! Это гроб. Точнее гробик, поскольку в длину он составляет всего лишь сто шестьдесят сантиметров и взрослый покойник туда не влезет.

Светлана сразу же машет руками — все, все, не будем тревожить прах, надо закапывать обратно.

Юрий кивает головой, но смотрит на меня с заинтересованным ожиданием.

— Что-то же там звенело, — бормочу я, глядя на гробик со смесью сакрального благоговения и одновременно изыскательского интереса.

Подношу к крышке металлодетектор — он по-прежнему издает низкое ровное гудение, указывающее на большую массу металла.

Включаю дискриминацию — теперь прибор будет реагировать только на цветные металлы. Он действительно реагирует только на бронзовый герб и в трех-четырех местах левее и правее, но значительно с более слабым сигналом.

— Под гробиком что-то лежит, — нейтрально говорю я, — что-то очень массивное и из черного металла, то есть железо и его сплавы, сталь, чугун, ферросплавы.

— Надо попытаться достать, — говорит Юрий, — все же интересно, что здесь может лежать. Да и трудов жалко, столько копали... Гроб вытащим и не будем его трогать, отставим в сторону, а потом вновь закопаем.

— Только не тревожить прах покойника, — суеверно соглашается Светлана.

— Нужны две крепкие веревки, — обращаюсь я к Юрию.

Он их приносит, и мы с двух сторон обхватываем ими гробик и пытаемся его поднять на поверхность.

Не тут-то было! Юра тянет с одной стороны за два конца, а мы со Светланой с другой. Гроб даже не шелохнулся.

— Не отдает! — с явным страхом произносит Светлана и бросает свой конец, — не хочет покойник на свет вылезать...

Но мы с Юрием не отступаем и пытаемся вдвоем с одного конца приподнять дубовый гробик. Это нам удастся после серьезных усилий. Мы приподнимаем его на несколько сантиметров, у меня веревка выскальзывает из рук, и груз падает назад, издавая явный металлический лязг.

— Да, это же в нем металл, внутри, — почти хором, но разными словами заключаем мы.

После короткого совещания и обмена мнениями решаем не доставать гроб из земли и попытаться вскрыть его прямо вниз.

Мы быстро расширяем боковое пространство, земля очень мягкая и податливая. Открывается полностью крышка, она застегнута на позеленевшие от времени медные застегжки. Некоторое время ждем, глядя на них — все же открывать вместилище, служащее последним пристанищем человека, как-то боязно...

— Штонг! — сухой и звонкий звук отшелкнутой последней застегжки. Гроб полностью забит различными старинными образцами холодного оружия!

Мы в полном восторге. Раскладываем его прямо на зеленой траве, подчеркивающей его стальной хищный блеск в лучах заходящего уже солнца. Предположения, гипотезы, реплики льются нескончаемой рекой. Отчасти наша словоохотливость объясняется суеверной боязнью и напряжением, предшествующими вскрытию тайного хранилища оружия.

Все холодное оружие не имеет ножен, а также деревянных частей, где они должны быть положены. Эфесы и рукоятки сверкают серебряными насечками, а также самоцветными камнями. Вероятно, это коллекция кого-то из княжеского рода Друцких-Любецких, висевшая когда-то на коврах, украшавших стены залов старинного поместья.

У одного из моих близких друзей имеется неплохая коллекция холодного оружия, часть из которой украшает стены его квартиры. Поэтому я лучше ориентируюсь в удивительном разнообразии представленных здесь образцов.

Начнем с простейшего — шпаги. Она пришла на вооружение солдат и офицеров в середине XVI века на смену страшным, но более неповоротливым мечам. Вначале шпаги делались плоскими, с прямым и узким клинком, и они служили и рубящим и колющим оружием одновременно. Затем клинок шпаги стал треугольным — она стала чисто колющим оружием. Носить ее начали лишь люди дворянского сословия, а предназначалась она больше для украшения военных мундиров и для дуэлей. Именно такими дрались с гвардейцами кардинала и прочими врагами д'Артаньян с сотоварищами.

Иногда для причинения верной смерти даже от незначительного ранения конец шпаги смачивался и выдерживался в густом рас-

творе сильного растительного яда. Были и более подлые штучки, когда конец шпаги умышленно изготовлялся волнистым, чтобы причиненная рваная рана не могла быстро зажить, и дело часто заканчивалось гангреной...

Сразу оговорюсь: я не являюсь знатоком и экспертом по части холодного оружия и где дал маху и допустил лишку, прошу знатоков меня извинить.

Здесь наличествовало оба вида шпаги. Одна треугольная, с круглым эфесом и гардой (защита для пальцев и кисти руки) в виде скошенных книзу колец разного размера, вероятно офицерская. Другая плоская и обоюдоострая с эфесом в форме закругленного прямоугольника и простой гардой в виде крестовины, скорее солдатская.

Третья шпага была явно парадной. Она была короче других, ее клинок был прямым длинным и узким, но края заточены не были. Эфес отделан серебром, позолотой и крупными красными и зелеными камнями различных оттенков. У самого эфеса на клинке змеилась надпись старославянской вязью: «Вівать императоръ!» Она, несомненно, принадлежала кому-то из князей Друцких-Любецких, поскольку посередине эфеса были вставлены позолоченные изображения того же самого герба, который украшал крышку гроба.

А вот это — несомненно кавалерийский палаш. Клинок короче, чем у шпаг, однолезвийный и более широкий с канавкой для стока крови. Его эфес массивный, с крестообразной гардой и стальной защитной полосой, соединявшей конец эфеса и крестообразную гарду. Палаши появились на вооружении в русской тяжелой кавалерии (драгуны, кирасиры) лишь в XVIII веке, хотя в Западной Европе гораздо раньше, и, кажется, обязаны своим происхождением Венгрии.

Далее — сабля, оружие всем хорошо известное и очень древнее (появилась впервые в странах Востока в VI—VII веках). Кажется, вначале ими были вооружены конники легкой кавалерии, то есть всем известные своим буйным нравом и пьянством гусары.

Следующее оружие — шашка. Она также имеет изогнутый клинок сабли, но более массивная и тяжелая. Как оружие она пришла от горцев с Кавказа, позже была чисто казачьим холодным оружием, а с XIX века общим армейским оружием в русской армии, вплоть до полицейских и жандармских подразделений. Еще в годы Великой Отечественной войны шашками рубили немецких захватчиков

лихие всадники генерал-майора Л. М. Доватора, погибшего в 1941 году в битве за Москву, и бойцы конно-механизированной группы генерала Исы Плиева, который прошел всю войну и дослужился до высокого звания генерала армии. В СССР с 1968 года шашка стала почетным наградным оружием. Наша же шашка, судя по ее простоте, была казачьим холодным оружием.

А это, вроде, тесак. Клинок короткий (чуть более полуметра) широкий и обоюдоострый с эфесом в виде толстой рукоятки с защитной дужкой. Оружие, хоть и грозное, но довольно примитивное. Вооружались им простые солдаты.

Разновидности мечей и кинжалов нам ни о чем не говорят. Трудно сказать, как они называются, насколько они древние и кто ими вооружался. Здесь может определить лишь специалист. Во всяком случае, турецкого ятагана и японского самурайского меча здесь точно нет.

Особенно красивы и многообразны кинжалы. Ну, те прямые, массивные и с серебряной насечкой, скорее всего горские. А остальные? Крысы, навахи, ассагаи, сики, кукри, трубаши, пинги, финки, стилеты... Нет, финки и стилеты с прямыми лезвиями, различаются формой и толщиной, а здесь сплошь кривые страшилища. Страшилища, не в смысле безобразные, а в смысле — страшные с виду. Кто-то сказал, что человек не изобрел ничего более страшного и красивого, чем оружие.

Из древкового оружия есть только грозного вида широкое лезвие топора в виде полумесяца, но без древка. Что это? Бердыш, алебарда? Трудно сказать.

Еще одно необычное оружие — металлическая булава, увенчанная острыми ребрами. Пернач (древнерусское ударное оружие с металлической ребристо-перистой головкой)? Нет, вероятно, это шестопер, поскольку имеет шесть ребер в виде перьев (русское оружие XV—XVII веков, пришедшее на смену перначу).

Два вида неопределимы совершенно. Первое, что-то типа серпа, которым еще в недалекой старине жали хлеб. Только лезвие массивное, хищно изогнуто и изгиб менее крутой, чем у серпа. Я зарисовал его. Впоследствии выяснилось, что это очень древнее сирийское холодное оружие. Название его хопеш. Из Сирии распространилось по восточному арабскому миру. Лишить им человека головы было сущим пустяком для древнего воина.

Второе оружие имело вид широкого, но довольно тонкого и плоского меча, имеющего с одной стороны заточку, а с другой — острые

зубья, как у обычной пилы. Юрий сказал, что видел такое оружие у саперов в Афганистане, оно многофункционально и может служить также и в качестве пилы. Но это современное оружие, вернее даже сказать, принадлежность...

Позже в одной из военных статей я читал, что было в позднее Средневековье оружие с функцией ломать или сгибать вражеские шпаги и называлось оно «шпаголоматель». Но весьма сомневаюсь в этом по многим причинам, пусть читатель сам здесь порассуждает... Скорее, этой штукой все же вооружались тогдашние саперы. Ведь этот вид войск появился в европейских армиях еще в XVII веке, а в начале XVIII века и в русской армии...

Итак, мы нашли клад в виде старинного холодного оружия?

Увы. Мой наметанный глаз вскоре уловил общую схожесть производства указанных грозных предметов. На правой стороне каждого клинка, прямо под самым эфесом было выгравировано клеймо в форме дубового листика с двумя желудями. А на желудях были обозначены латинские буквы «F» и «N». Такие же метки, приглядевшись, можно было обнаружить и на других образцах оружия.

Вне всякого сомнения, все это оружие, которое разделяли целые эпохи, было изготовлено одним и тем же мастером, пометившим его личным клеймом с начальными буквами своего имени. Скорее всего, он был современником одного из князей Друцких-Любецких и изготовил образцы древнего и старинного оружия в соответствии с подлинным для коллекции владельца княжеской усадьбы.

Единственным подлинником оказалась шпага с гербом князей Друцких-Любецких и настоящими драгоценными камнями. Все самоцветы на остальном холодном оружии были фальшивыми, изготовленными из стекла, хотя и весьма искусно.

Тем не менее, оружие смотрелось красиво. Я выбрал себе на память шашку и один из причудливо изогнутых кинжалов. Ребята также оставили себе несколько единиц оружия, а все остальное раздали друзьям. Княжескую шпагу с гербом они отдали в Поставский краеведческий музей.

На следующий день я, перегревшись на солнце, неосмотрительно искупался в ставке возле старой мельницы, после чего затемпературил и быстро вернулся домой.

А Горелое болото?

Горелое болото все еще ждет своих исследователей...

Глава четырнадцатая

Смертельное наследие пещеры Лос-Тайос

Вместо предисловия

Хочу заранее принести свои извинения читателю за возможные неточности и нестыковки в описании нашей экспедиции за океан. Ее материалы столь обширны и удивительны, они содержат столько открытий и загадок, что послужат основанием к написанию отдельной книги. Здесь же приводятся ее первоначальные наброски, своеобразный краткий отчет об этой самой странной и поразительной экспедиции.

— Есть серьезный разговор... — с этими словами Старик открывает свой внушительных размеров кейс и брякает об стол квадратной литровой бутылкой какого-то экзотического напитка.

Экзотика чувствуется уже в ее внешнем оформлении: пробка бутылки исполнена в виде здорового сомбреро золотистого цвета. Следом на столе появляется плоская жестяная банка консервированной ветчины и пузатая стеклянная банка миниатюрных маринованных огурчиков. Пока Старик занимается вскрытием этой незамысловатой закуски, я с интересом рассматриваю красочную бутылочную этикетку. На ней изображен уса́тый мужик индейской внешности в громадном красном сомбреро и с гитарой в руках. Он сидит с весьма задумчивым видом, подпирая спиной здоровенный зеленый кактус. «Sierra Tequila Gold» гласит надпись на бутылке.

Это меня сразу же пугает. В прошлый раз, перед поездкой в Мезерицкий укрепрайон на поиски Янтарного кабинета, Старик потчевал меня польской «Выборовой». А укрепрайон, откуда мы едва унесли ноги, хотя и с богатой добычей, находился на территории Польши. Позапрошлый раз запомнился украинской перцовой «Горилкой». Тогда мы ездили на раскопки скифского кургана на Херсонщину. Теперь текила — знаменитая кактусовая водка. Традиция, однако. Значит, Мексика?

Осторожно скашиваю глаза на Старика. Он уже закончил с подготовкой закуски и шарит взглядом в поисках стаканов. Вид у него невозмутимый и страшно деловой. Второй плохой признак...

Мы находимся на кухне, в моей квартире. Я достаю из шкафчика широкие приземистые и очень тяжелые стаканы для виски и вопросительно смотрю на своего партнера — подойдут ли? Шут его знает, из каких стаканов следует пить текилу, может тоже есть своя специфика поглощения этого крепкого напитка? Про церемонию употребления прославленного кактусового пойла я вообще-то наслышан и даже участвовал в этом загадочном ритуале. Сначала следует насыпать соли на левую руку, причем, по одной версии, на локоть, а по другой — на запястье, затем лизнуть соль языком и пить водку неторопливым, но одним глотком, пропуская жгучую жидкость по поверхности языка. В качестве первичной закуси — лучше всего ломтик лимона, так как вкус у текилы какой-то самогонно-овощной. Лично мне не по нраву. Но дареному коню... К тому же законы гостеприимства не позволяют хаять принесенные спиртные напитки, даже если вы абсолютный трезвенник.

Старик поощрительно кивает головой — подойдут, мол. Наливаю на три пальца — вновь одобрителный кивок. Выпиваем без всяких ритуальных таинств и молча закусываем, чем бог послал. Я присовокупил к нашему нехитрому застолью несколько пунцовых помидоров и пару луковиц сиреневатого цвета, говорят, они не такие горькие и их можно грызть целиком, не разрезывая на колечки.

— Что за погода нынче на Североамериканском континенте? — я с хрустом впиваюсь зубами в луковицу, и этот коварный вопрос — мой пробный камень на предмет «серьезного разговора».

— Слушай, давай обсудим после третьей, — Старик отправляет в рот очередной крохотный огурчик и тянет руку за бутылкой.

— Согласен, —двигаю свой стакан поближе к нему, а сам зорко наблюдаю, не станет ли наливать мне побольше, дабы сломить волю к сопротивлению очередной замышляемой моим верным напарником авантюре.

Нет, все идет по-честному, на три пальца и вровень. После третьей — это будет примерно грамм по двести семьдесят на брата, глаз на это дело у меня наметанный. При такой дозе захмелеешь не особенно, но при подобной закуске мозг все же утратит обычную осторожность в оценке окружающих явлений и поступающей информации. Хитер, Старик! Но и я не так прост, и с самого начала задаю себе посылку не поддаваться ни на какие посулы и заманчивые предложения типа легкой прогулки по мексиканским лесам и горам, с фотографированием собственных персон на фоне знаменитых ацтекских пирамид. Всего и делов-то — приготовить емкие

и прочные баулы под золотую и серебряную утварь, устилающую окрестности древних развалин индейских городов. Знаем, проходили уже и неоднократно...

Тем временем третий рубеж преодолен, но Старик начинать не торопится. Хрустит и хрустит себе огурчиками, благо банка размеров немаленьких. Я же налегаю больше на ветчину, мясная закуска более гасит воздействие коварного мексиканского алкоголя. Возможно, кактус содержит и некие дурманные вещества, это тоже надлежит учитывать. Поэтому открываю бутылку «Кока-колы» и стараюсь ослабить крепость выпитого пенистым, придающим бодрости, коричневатым снадобьем. Хотя, в принципе, я являюсь противником разбавления крепких спиртосодержащих напитков и считаю полнейшей глупостью, когда, например, виски разбавляют содовой и к тому же бросают в него кусочки льда. Не всякие заморские примочки следует принимать на ура и брать в свой обиход. И так кругом уже сплошные «о-кей», чуждое нам «зафакивание» и прочие «вау». У нас, славян, свои добрые и старые традиции, особенно по части питья, где, кажется, мы впереди планеты всей. Но каждому, как говорится, свое... И все же пора переходить к сути визита Старика, он уже тянется разлить по четвертой.

— Итак, Мексика? — я беру в руку наполненный стакан, но выпивать не тороплюсь.

— Буде здрав, боярин! — гудит Старик фразой Ивана Грозного из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» и наши стаканы издают приглушенно-стеклянный характерный стук.

Американцы и здесь привносят свои вычурные вкусы. Наши стаканы звенят звонко и радостно, придавая лихость процедуре опорожнения питейных сосудов и особую праздничность нашим хмельным посиделкам. Что-то типа салюта или на манер торжественного колокольного звона. По ком звонит колокол? Это Хемингуэй, являвшийся, как известно, мастаком по части питья, взял наверняка от нас, но никак не от американцев. С этой мыслью я и опустошаю свой стакан, стараясь не дать себе расслабиться.

— Не угадал..., — Старик тащит из банки очередной огурчик и щурит глаза от предстоящего удовольствия его хрустящей погибели, — это Южная Америка!

— Южная Америка? — я не скрываю своего удивления. — А, как же текила? Ее родина Мексика и...

— А еще конкретнее — Эквадор! — не дает мне сосредоточиться Старик, — что-нибудь знаешь об этом государстве?

Я пожимаю плечами. Эквадор? Нет, он никогда не был объектом моего внимания. Я о нем почти ничего не знаю. Ну, разве только то, что он действительно находится на южноамериканском континенте, а живут там вроде индейцы или их потомки, смешавшиеся с европейскими завоевателями.

— Это крохотное государство в северо-западной части Южной Америки, — конкретизирует мой приятель, почти не добавляя этим сообщением мои скудные знания.

Я немедленно отправился в свой кабинет за Большим географическим словарем. Так, что тут у нас об Эквадоре? Информации оказалось не очень много, но...

— Ничего себе — крохотное, — вскричал я, — да площадь Эквадора на восемьдесят тысяч километров больше, чем площадь территории нашей родной Беларуси!

— Да? — удивился Старик, — а я смотрел на карте — так там такой клочок... На территории той же Бразилии, к примеру, несколько десятков Эквадоров поместятся.

— Сравнил... Бразилия — одна из крупнейших стран мира.

— А что там еще об Эквадоре написано?

Я зачитал ему текст небольшой по объему статьи, из которой следовало, что население Эквадора — свыше одиннадцати миллионов человек и состоит преимущественно из индейцев, а также метисов, мулатов и креолов. В древности там проживали многочисленные племена индейцев, в пятнадцатом веке эта территория была завоевана инками, а в шестнадцатом — испанскими конкистадорами. Государственный язык испанский, государственный строй республика, климат тропический, ну и так далее.

— Да, — озадаченно произнес Старик, — он и по населению почти на два миллиона поболее нашего.

— Слушай, а кто такие метисы, мулаты и креолы, — любопытно спросил я, — когда читал приключенческие книжки, знал, но это было в далеком детстве и не помню уже.

— Метисы, — авторитетно начал Старик, — это точно потомки смешанных браков индейцев и европейцев, большей частью испанцев и португальцев. Мулаты, кажется, являются потомками негров и европейцев. А вот креолы... Хрен его знает, тоже не помню. У тебя же полно всяких словарей, давай глянем.

Большой энциклопедический словарь определил креолов, как «потомков первых испанских и португальских поселенцев в Латинской Америке».

— Послушай-ка, — спохватился я, — а чего мы, собственно, занялись изучением этого Эквадора. Странно: приходишь с бутылкой мексиканского пойла, заговариваешь об Эквадоре, а к чему все это?

— Я просто не знал, что пьют в этом самом Эквадоре, — стал смущенно оправдываться Старик, — из всех американских алкогольных напитков мне известны только виски да текила. Виски глшат штатовцы. Текила, вроде, ближе...

— Но почему Эквадор? Собираешься туда съездить?

— Понимаешь... — Старик, как всегда начал издалека, — есть возможность быстро и, главное, неплохо заработать... Это древнеиндейское государство славится своими золотыми кладами. Еще до новой эры индейцы научились добывать золото и серебро и изготавливать из них золотые драгоценности и предметы обихода. А серебро и сейчас там практически не считается драгоценным металлом, настолько его там много. Кроме того, там существуют россыпи различных драгоценных камней...

— Клады! С этого бы и начинал... А знаешь ли ты, как свирепы и безжалостны тамошние тонтон-макуты? И что тюрьмами там служат простые земляные, но очень глубокие ямы, к тому же кишашие ядовитыми змеями и крысами?

— Ну, тонтон-макуты это совсем из другой оперы, — блеснул своими знаниями Старик, — это на Гаити. И то в далеком прошлом, когда там правил какой-то генерал-диктатор. А тюрьмы там наверняка обычные, сейчас всюду цивилизация, защита прав человека и прочее. И, вообще, при чем здесь тюрьмы? Мы не собираемся нарушать эквадорские законы и попадать за это в местную каталажку.

— Мы? — возмущился я, — вот при чем здесь я — объясни мне, пожалуйста. Собираешься грабить индейские могилы, так это занятие не для меня! Я не намерен участвовать в этих грязных делишках...

— Да почему вдруг могилы? — рассердился Старик, — ты же выслушай меня сначала. И до конца. Потом будешь возмущаться, если будут на то причины.

— Ну, давай, — покорно согласился я, — только плесни еще по одной, чтобы слушать было интереснее.

— Виталия Андреевича ты знаешь, — утвердительно произнес Старик, после того, как мы опорожнили очередные стаканы.

— Знаю, конечно, — подтвердил я, закусывая ломтиком помидора.

Виталий Андреевич был нашим общим знакомым по увлечению кладоискательством, несколько раз мы выезжали с ним и в совместные экспедиции.

— А знаешь ли ты, что он внезапно разбогател?

— Да нет, мы не настолько близки с ним, и вообще я уже давно его не видел.

— Месяц назад он открыл свой собственный антикварный магазин, купил новую квартиру и начал строительство загородного особняка.

— Наткнулся на легендарные радзивилловские сокровища, — усмехнулся я.

— В том-то и дело, что нет. Это не клад. Точнее, клад, но не из наших мест и имеет не совсем кладное происхождение.

— Из Эквадора?

— Да. Богатство свалилось на Виталия Андреевича после его возвращения из туристической поездки в Эквадор. А, может, вовсе и не туристической... Так вот, вчера я взял пару пузырей его любимой водочки «Nemiroff на бруньках», мы неплохо вечером в его лавке посидели, и я расколол его вчистую. Ты же знаешь, принять на грудь он любит и чрезвычайно...

— Что есть, то есть, — подтвердил я заинтересованно и тут же добавил с сомнением: — и он тебе все рассказал? Что-то на него не похоже.

Виталий Андреевич по своей натуре был весьма скуповатым человеком, и я не припомню случая, чтобы он рассказывал о своих, даже не очень значительных находках и, тем более, выдавал места своих изысканий.

— Не похоже, — согласился Старик, — однако здесь он расслабился. Возможно, под влиянием неожиданного успеха и привалившего богатства. Ну, и водочка, соответственно, повлияла.

— И что же он тебе поведал?

— Не только поведал, но и собственноручно записал, — с этими словами Старик выудил из своего портмоне сложенный вдвое клочок бумажки и протянул мне.

На неровно оторванной четвертушке формата А-4 было неровными скачущими буквами написано название некоего населенного пункта, состоящего из четырех слов, и фамилия человека, судя по его имени и фамилии — француза.

— И... — отдал листок своему собутыльнику и изобразил на своем лице большой вопросительный знак.

— Это человек, у которого Виталий Андреевич приобрел большую партию старинных золотых изделий доколумбовой эпохи.

Далее, со слов Старика, ему была рассказана следующая история. Виталий Андреевич, будучи якобы в туристической поездке в Эк-

вадоре (что слабо сообразуется с его натурой), познакомился там с одним французом-коллекционером, который за смешные деньги продал ему целую кучу золотых украшений, а также предметов культа и обихода индейского происхождения. Француз пояснил, что большую часть из них он нашел сам, а остальные скупил у местного населения, которое активно занимается раскопками древних индейских городов и захоронений. Возвратившись на родину, Виталий Андреевич быстро распродал приобретенное на одном из российских интернет-аукционов, наварив на этом сумасшедшие проценты.

— О конкретных суммах речь не шла, — пояснил Старик в ответ на вопросительно поднятые мной брови, — этого с Виталия Андреевича не вытянешь, даже если влить в него целую бочку водки, ты же знаешь. Однако... Открыть антикварный магазин, купить новую трехкомнатную квартиру и затеять строительство особняка... И это в условиях кризиса, в том числе и всемирного... Сам понимаешь — деньги получены хорошие.

— М-да-ааа, — в моем голосе звучало неприкрытое сомнение, — и ты ему полностью поверил?

— Ну, не полностью... Но в Эквадоре-то он был? Был. Это факт. При всем его скупердяйстве — отправиться не куда-нибудь в Крым, а за океан? Француз тоже, похоже, существует. Ну и главное — материальные следы, появившиеся после его поездки. Вещественные доказательства, как говорят юристы — в наличии.

— Меня беспокоит не это, — заметил я, подчеркнув словосочетание «не это».

— А что?

— То, что он так легко сдал источник своего быстрого обогащения. Ну, не в его это манере... Почему он не захотел съездить туда еще разок и еще разок резко обогатиться? А потом и еще. Вместо этого он бесплатно... Бесплатно ведь?

— Нуда, — сказал Старик, — не считая трех бутылок дорогой водки и закуски. Но это, конечно, мелочи. Фактически — бесплатно.

— Вот, — продолжил я, — вместо того, чтобы потихоньку наживаться самому, раз это так легко и быстро, Виталий Андреевич вручает тебе, ни с того ни сего, такой роскошный подарок.

— Я об этом думал, — признал Старик, — но, знаешь, по-моему, он всю жизнь стремился разбогатеть, это произошло, и он просто обалдел... Он достиг, чего хотел, и большего ему не нужно. Ну и алкоголь свое влияние оказал, безусловно. Он же рассказал мне о своем дельце в

самом конце, когда мы были уже на бровях... И потом — мне кажется, когда я уходил, он уже сожалел о рассказанном. Так мне показалось.

— И все-таки, мне кажется, тут что-то не так. Не знаю что, но выглядит эта история очень и очень странно, если не сказать большего.

— С утра я залез в Интернет, — продолжил Старик, — и заглянул на эти аукционы. Все эти антикварные вещицы уходят мгновенно и по бешеным ценам. На форумах же идет базар, что скупают их московские и питерские дельцы для дальнейшей перепродажи новым русским богатым в их частные коллекции. И, мол, честным коллекционерам не выдержать конкуренции по причине вбрасывания крупного бабла, и надо что-то предпринимать, чтобы остановить творящийся беспредел.

— Бешеные цены? — задумчиво пробормотал я, — ну, например?

— Золотая статуэтка ламы, вполне возможно принадлежавшая Виталию Андреевичу, ушла за семнадцать тысяч зеленых при первоначальной цене шесть тысяч.

Я только присвистнул. Таких кладов на территории Беларуси сразу и не припомнить.

— Нам нужно побывать у этого француза, — как уже о чем-то решенном, подытожил Старик, — уверен, это реальная личность и реально то, что именно он продал Виталию Андреевичу старинные индейские сокровища.

— Почему нам? — возмутился я, — у меня, кстати, на носу отпуск, и я хочу провести его в родных белорусских лесах, в поисках боровиков, подосиновиков и прочих лисичек.

— Вот и проведешь свой отпуск в тропиках...

— Да, я ни за какие...

— Полностью за мой счет, — ласково добавил Старик, — даже с выплатой командировочных. Независимо от результата. А в случае успеха — все пополам. А грибов и там полно, полазишь в свое удовольствие, если захочешь.

— Да какие там грибы... В джунглях, да в тропиках!

— Я читал, что грибов существует тысячи различных видов. И растут они повсюду вплоть до Антарктиды.

— Мне нужны только наши: красивые знакомые и съедобные грибы, а не какие-то субтропические уроды — слабо защищался я.

— Ты же их все равно не ешь, — в голосе Старика звучала укоризна, — для тебя же сам процесс важен...

Это было верно. Грибов я почти не ел, исключительно разве что за рюмкой. Подцепить вилкой маринованный грибок в засто-

лье — сам по себе красивый жест, а еще и вкуснятина и, говорят, полезно для организма. Лисички скупает у нас вся Европа и не зря: эти желтенькие грибочки не бывают червивыми, а дикие животные жуют их для лечения различных недугов. В Японию идут тонны сморчков и строчков, которые во всем мире считаются ядовитыми, а у нас условно съедобными. Потомки самураев, оказывается, нашли в них массу полезных микроэлементов и добавляют в лекарства. Ну и так далее. Про грибы я много чего знаю и могу прочесть длинную лекцию об их природе, свойствах, местах и времени произрастания и прочее... А важен для меня действительно сам процесс тихой грибной охоты.

— Отдохнем, понежимся на южном солнышке, расширим круг наших познаний... — уверенно дожимал Старик, — никогда не были в Южной Америке, по Амазонке поплаваем...

— Амазонка гораздо южнее, в Бразилии, — я потянулся за словарем.

— Не надо, эти карты еще намозолят нам глаза — Старик удержал мою руку, — давай лучше накатим еще по одной. За успех нашего, — он подчеркнул это слово, — предприятия.

— Давай! — почти сдался я, — только учти, просто выпьем, а не за успех нашего (и я намеренно выделил это слово) предприятия. Я еще не решил, составлю ли тебе компанию в этой очередной авантюре, а то и в далеких туземных застенках.

— Чудненько! — засуетился Старик, наполняя стаканы, — кстати, у меня и еще одна бутылочка припасена...

И он ласково похлопал по боку своего внушительного кейса.

— Нет, хорош! Будет уже занадто. А что занадто, то не здорово, — процитировал я подхваченную в Польше, при поездке в Мезерицкий укрепрайон, половицу.

— Нет, так нет! Ну, будьмо?

— Твое здоровье.

Сухой стук стаканов, и очередная порция кактусового алкоголя скользнула по желудку теплой волной. Закусили последним помидором. Немного помолчали, обдумывая сказанное. Тема казалась незаконченной, и я ее продолжил.

— А когда надо ехать? — вопрос прозвучал нейтрально, еще не подтверждая моего участия в столь дальнем вояже.

— Ровно через месяц, — оживился Старик, правомерно считая, что раз уже пошли детали, то его задача в принципе решена. — Пока там сезон муссонных дождей, тропические ливни, в джунгли

не сунуться — сплошное болото. Лететь нужно на самолете через Франкфурт-на-Майне до Кито. Это столица Эквадора.

— Хорошо. Допустим, мы отправились в Эквадор. Положим, нашли этого загадочного француза. Предположим даже, что приобрели индейское золото в драгоценностях и изделиях. Как нам его вывезти оттуда и ввезти сюда? Таможня даст добро, по-твоему?

— Нет, таможня, конечно, добро не даст. Ни та, ни другая, — невозмутимо произнес Старик, — но надежный способ все же есть.

— Виталий Андреевич поделился?

— Увы! Здесь его расколоть не удалось. Пытался, но он держался, как Мальчиш-Кибальчиш на допросе у ненавистных врагов.

— Тогда как же?

— Мы покупаем там битую машину на аукционе, загружаем ее в контейнер и отправляем через океан в портовый город Клайпеду, предварительно напичкав ее нашими старинными золотыми подделками. Из Клайпеды контейнеровозом — в Минск.

— Думаешь, мытники не знают такого способа?

— Знают, в принципе. Но эквадорским таможенникам мы просто заплатим...

— И уж тогда точно сядем!

— Нет. Эквадор — одна из самых коррумпированных стран в мире. Там берут взятки абсолютно все и за всё, что угодно. Никаких проблем не будет, я уже наводил справки.

— Ну, а наши?

— Нашу таможню совершенно не интересуют битые автомобили. Их никогда не досматривают, есть вещи поинтереснее. Да и для любой таможни главное, чтобы не вывезли ценности, а к ввозу относятся достаточно спокойно — все же достояние государства прирастает, а не убывает. К тому же мы не просто сложим наши безделушки в пакетах на сиденье и в багажник, а спрячем и замаскируем их.

— Каким образом?

— Вещи кладутся в предназначенные полости, в нашем случае в бескамерные автомобильные шины, пороги, топливный бак, и заливаются жидкой смесью полиуретана, или как там называется эта специальная пластмассовая масса, у меня записано. Затем полиуретан застывает и все готово. Он обладает специфическим свойством задерживать даже рентгеновские лучи, которые просто вязнут и гаснут в этом полимере. Золото становится невидимым.

— Мг-м-м-м... Любопытно. А как его потом извлечь?

— Проще простого. Полимерная упаковка поджигается и почти мгновенно сгорает, не достигая температуры плавления золота.

— Я смотрю, ты хорошо изучил вопрос.

— Еще бы! — отвечает Старик, не подозревая никакого подвоха, — пришлось серьезно поработать над проблемкой.

«Интересно, как это можно после такой дозы, выпитой им с Виталием Андреевичем, за одну ночь проработать все вопросы, вплоть до контрабандной тематики. Да при этом выглядеть относительно свежим...» — подумал я про себя, Старика не обязательно посвящать во все мои сомнения.

На этом мы заканчиваем обсуждение, и Старик звонит по мобильнику, вызывая такси.

— Да, чуть не забыл, — он притормаживает у двери, почти уже выходя, и лезет в свой поистине необъятный кейс, — это тебе.

И вручает мне небольшую картонную коробку.

— Что это? — я в недоумении.

— Аудиоплеер и к нему аудиокассеты с курсом ускоренного изучения испанского языка. Воткнул в ухо наушник и спи себе, а через три недели будешь свободно шпрехать по-испански. Правда, на бытовом уровне, но нам и этого вполне хватит.

Я только скептически хмыкнул в ответ на это сообщение. Если бы языки можно было изучать во сне, все бы вокруг уже давно и «шпрехали» и «спикали». И у школьников и студентов не было бы никаких проблем с успеваемостью по инъязу. Помню, как сам мучился с временными формами глаголов в университете.

— Ну, приятных сновидений, — Старик не реагирует на мой скепсис и протягивает на прощание свою руку.

Я двумя руками трясую его запястье и закрываю дверь.

Хитер Старик! Эти замечания по поводу муссонных дождей, Франкфурт-на-Майне, способ доставки предполагаемой добычи и припасенная загодя программа обучения испанскому языку свидетельствовали о заранее проведенной подготовке. Нет, не вчера он пил с Виталием Андреевичем и не вчера родился замысел заокеанской поездки за индейскими сокровищами... Все было уже продумано, взвешено и изучено. Амазонка! Крохотное государство Эквадор! Пиджачком прикидывался... Да он изучил уже все его подробнейшие карты и скачал всю нужную информацию из Интернета. И провел блестящую (с его точки зрения) вербовку своего постоянного напарника, в том числе и путем якобы моего участия в исследовании подброшенной темы. Но не буду его разочаровывать,

тем более что я вполне добросовестно клюнул на заброшенную приманку и даже наполовину успел ее заглотить, прежде чем понял неладное.

Таким образом, расстались мы вполне довольные друг другом, еще не подозревая, сколь опасным и необычным будет наше очередное путешествие.

Месяц пролетел мгновенно. Не буду рассказывать о нашей подготовке к вояжу на другой континент, ее как таковой в общем-то и не было. С собой решили взять только личные вещи, все остальное, если понадобится, закупим на месте. Пошарил по справочникам и по Интернету в поисках нужных знаний, чтобы быть готовым к новизне совершенно иных мест. Почитал о джунглях и маленечко ужаснулся их безлюдности, непроходимости и свирепости обитателей сельвы. Ну, да в джунгли нам ни к чему, быстренько сделаем свой гешефт и назад.

Удивительно, но мой скепсис в отношении изучения иностранных языков во сне не оправдался. Через три недели я действительно довольно бегло говорил по-испански, правда, на простейшие темы, но все же. Иногда мы со Стариком практиковались в этом на улице, вызывая некоторое удивление прохожих, поскольку наш облик не очень-то соответствовал южной испаноподобной внешности... Вот только поймут ли наш испанский настоящие испаноязычные граждане?

Лишь в аэропорту, после прохождения таможенного и пограничного контроля, до меня полностью вдруг дошло, какую опасную авантюру мы затеяли. Ринуться на край света за какими-то мифическими древними сокровищами? Только по причине рассказней пьяного кладонскателя, которые, как известно, подобно рыбакам и охотникам, склонны существенно преувеличивать свои достижения и находки? И лишь на основании бумажки с несколькими словами, даже корявость и прыгучесть почерка которых навевали серьезные сомнения в истинности изложенного? Бред! Но было уже поздно, мы взлетели.

Сам полет, как до Франкфурта-на-Майне, так и до Кито, прошел спокойно и ничем особым не запомнился. Над Атлантическим океаном была почти стопроцентная облачность и лишь изредка сквозь прорехи облаков виднелась темно-серая масса океанской толщи. Южноамериканский континент мы пересекали уже под вечер, и внизу в лучах заходящего солнца зеленели десятками различных оттенков сплошные заросли джунглей, прорезаемые лишь крайне извилистыми линиями рек.

Зато Анды нас поразили. Даже с высоты десяти тысяч метров величественные горные хребты, увенчанные сверкающими снежными шапками и тускло блистающими длинными языками ледников, вызвали нечто благоговейное перед мощью дикой природы. Облака, окрашенные багровым цветом уже зашедшего за горизонт солнца, плавали где-то далеко внизу, в предгорьях, и казались порождением буйной фантазии художника-фантаста.

А вот и столица Эквадора — город Кито. С борта самолета он напоминает длинную толстую и пеструю змею, покрытую миллионами ярких разноцветных светлячков и ползущую по черному ущелью, с двух сторон окруженному гористыми вершинами. Красотища!

Из справочников мы знали, что Кито (полное название Сан-Франсиско де Кито) основан в 1534 году на руинах древних построек инков и находится в ущелье между горными массивами на перепаде высот от 2500 до 3000 метров. Его протяженность около сорока километров в длину и лишь пять километров в ширину. Город называют столицей «вечной весны», поскольку погода здесь удивительно комфортна круглый год.

Ну и еще много чего мы знали, запасаясь всеми возможными сведениями об Эквадоре. Теперь предстояло ощутить все прелести здешнего мира всей полнотой своей души и прочувствовать все опасности этих экзотических мест на своей собственной шкуре.

Пятизвездочный отель «Мариотт», расположенный на широком авеню, на так называемой части нового города, поразил своим шикарным внешним видом и роскошью убранства и обслуживания. Поднимаясь в номер на громадном лифте в сопровождении лифтера и носильщика нашего немудреного багажа, я все же высказал Старику свое мнение о ненужности столь больших трат на проживание. Мол, могли бы и поскромнее обставить свой быт — приехали ведь не шиковать, а работать. На что получил реплику о кратковременности нашего здесь проживания (всего-то двое суток), обеспечении нашей максимальной безопасности (поворачивают здесь, сударь, а иногда даже и убивают), а также крохотности той бреши в кармане Старика из-за столь незначительных денежных средств.

Ладно, проехали. Тем более ворчал я для «порядку», на деле будучи весьма довольным редкой возможностью пожить по-буржуйски.

Ужинать в ресторан не пошли и откушали прямо в номере из собственных запасов, из коих наиболее привлекательными была родная кристалловская водочка высочайшей очистки под названием «Хлебное вино» и настоящее деревенское, с крупными прожилками,

сало. Вид с террасы балкона был также превосходным — поодаль внизу лежал старый город с многочисленными подсвеченными соборами, церквями (только их в столице около сотни) и прочими сакральными объектами. Лепота! Как сказал бы незабвенный Иван Васильевич колоритным баритоном Юрия Яковлева.

Утром попили местного пива (оказавшегося, кстати, очень неплохим) и по совету портье двинулись пешочком в старый город. Там якобы масса красивейших достопримечательностей и цены в магазинах гораздо ниже, нежели в здешних бутиках и сувенирных магазинах. Несмотря на высокогорье, дышалось легко, а яркое солнце не создавало ожидаемого дискомфорта (кепи с длинным козырьком). Единственно незаметно обгорели руки, оголенные почти до плеч, но это уже мелочи.

Неспешно поднимаясь вверх по узенькой крутой улочке, неожиданно попали в настоящий эвкалиптовый лес. Позже мы узнали, что это парк Ла Аламеда. Сфотографировали друг друга у величественной статуи Симона Боливара и здесь же едва отбились от целой толпы гидов, предлагающих туристам всевозможные завлекательные маршруты и развлечения.

Конечно, нам хотелось побывать на знаменитом «нулевом меридиане». Там находится комплекс Митад дель Мундо (середина Мира), расположенный ровненько на линии экватора, и можно постоять одновременно в южном и северном полушариях и за считанные секунды совершить кругосветное путешествие. Мы решили непременно посетить это действительно исключительное место, но только по завершении всех дел, при отбытии в родные пенаты.

И сам город очарователен. Новенькие сверкающие небоскребы из стекла и бетона с громадной броской рекламной атрибутикой. А напротив — симпатичные одноэтажные или двухэтажные домишки колониальной архитектуры с красными плоскими крышами. И многочисленные зеленые скверики с пальмами и апельсиновыми деревьями, в тени которых сидят и лежат индейцы в пончо и шляпах. Все это упирается в подножия окружающих Кито остроконечных вершин, за которыми виднеются величественные заснеженные купола вулканов. Немногочисленные облака, продирающиеся сквозь горные вершины, кажется, плывут прямо над улицами города.

Не буду, однако, рассказывать о дальнейших впечатлениях, ибо это не главное, что привело нас сюда. Тем более что при современном развитии средств информатики сегодня всякий желающий может побывать виртуально в любом уголке земного шара и даже в космосе.

Скажу лишь, что мы закупили все необходимое по части одежды, обуви и некоторых технических приспособлений, из коих самыми важными были портативные рации и спутниковый навигатор.

Не забуду упомянуть и об оружии, на приобретение которого было потрачено полдня. Естественно, без взяток так быстро получить мы его не смогли бы. Но здесь взятки брали абсолютно все за любое малозначительное действие или бездействие, за каждую самую пустяковую бумажку. Собственно, по-моему, взятками эти подношения в этих краях и не считались — так, вознаграждение за внимание, за услугу, за должность и прочее. Вначале лицензия на добычу кайманов в количестве трех голов была получена в министерстве охраны природы. Затем наша тропа прошла через полицейский участок, где было получено разрешение на приобретение огнестрельного гладкоствольного оружия.

Финальной частью было посещение оружейного магазина в старом городе, которое стоило нам нервов. Хозяин сразу же попытался всучить нам какие-то весьма подозрительные с виду ружья, похожие больше на древние аркебузы или мушкетеры. Продавались эти старинные пищали по цене хороших гранатометов, хотя магазинные полки кишели современным охотничьим оружием многих стран мира, а на витрине висели даже российские «тулки». При этом в ответ на наши возмущенные возгласы он заявил, что выданное нам полицейское разрешение позволяет продать только такой класс оружия, дабы мы не смогли причинить большого ущерба окружающей среде. Но ружья, мол, нормальные, с хорошим центральным боем.

Взятка здесь вопроса не решила, и мы уже собрались уходить несолоно хлебавши и поискать более сговорчивых оружейников. В самом деле, такими дробовиками трудно убить даже комара по причине неподъемности тяжелой зброи, а уж стрелять-то они точно неспособны.

Однако хозяин лавки развеял наши сомнения самым экстравагантным способом. Он поманил нас рукой куда-то внутрь двора. Думая, что он предложит нам что-то стоящее с черного хода, мы двинулись следом. Однако во дворе он поднял эту аркебузу вверх и саданул по верхушке ближайшей пальмы. Эффект был поразительным — широченные исполосованные дробью листья ворохом посыпались вниз. И грохот, что и говорить, был приличным. Следующим загнанным в ствол патроном он вполне серьезно пытался шарахнуть по стае индюков, чинно слонявшихся по двору, которых грохот ничуть не испугал (видимо, уже привыкли). Но здесь Старик,

предвидя большие накладные расходы, этому действию решительно воспротивился.

Хозяин еще раз поклялся всеми существующими католическими святыми, что лучшего оружия нам в славном городе Кито не найти, а современного никто не продаст, здесь с этим очень строго. Делать нечего, мы ударили по рукам и попросили пару штук упаковать потщательнее, чтобы не пугать прохожих по дороге в наш «Мариотт» и сам персонал отеля.

Следующей нашей целью был заброшенный в джунглях городишко со звучным названием Пуэрто-Франсиско-де-Орельяна и встреча с неким субъектом по имени Пьер Касьен. Именно эти слова были начертаны неверной от принятой солидной дозы алкоголя рукой Виталия Андреевича на неровно оторванной четвертушке формата А-4.

Оказалось, что туда также можно попасть без труда — обычным рейсовым самолетом. Пока дела складываются превосходно. Однако не надо забывать, что так выразился и один человек, сверзившийся случайно со сто второго этажа Эмпайр Стейт Билдинга и пролетающий в чарующем свободном падении мимо пятидесятого этажа...

Город Пуэрто-Франсиско-де-Орельяна оказался обычной смесью строений старинного колониального стиля и современных дорогих вилл, банков, офисов, бутиков, непременных сувенирных магазинов и отелей. Последним, правда, было далеко до приютившего нас на пару дней «Мариотта», но жить в них было можно. И лабиринт узких, выложенных булыжником улиц с классическими зданиями из камня и необожженного кирпича.

Удивительно, но сами жители города почему-то именовали его кратко и, на наш взгляд, уничижительно — Эль Кока. Остановились мы в гостинице, высокопарно именуемой «Отель Эксельсинор», но по своему обслуживанию и комфортности немногим лучше наших «готелей» в районных городках.

Возле отеля нам встретился местный полицейский, который нами почему-то заинтересовался. Надо было видеть, как он несет свое брюхастое тело, одетое в мятый поношенный мундир. Так у нас ходят только гаишники. Ну еще, пожалуй, аксакалы на востоке (но те — заслуженно). Он проверил наши документы и поинтересовался целью приезда. Туристическая версия ответа его, кажется, не очень убедила...

Неужели на наших лицах застыла порочная печать алчности? Пристально взгляделся в отражение своей физиономии с помощью

большущего зеркала в фойе отеля. Да нет — ничего эдакого. Типичная славянско-туристическая внешность. «Облик моралле», как однажды выразился один из российских комиков. Старик заметил мои манипуляции с зеркальным отражением и понимающе ухмыльнулся.

Искомый француз оказался в городе личностью известной, портье, к которому мы обратились за справкой, сразу же дал нам его адрес. Вообще, как давно я подметил, гостиничные портье являются самыми осведомленными людьми во многих, даже самых неожиданных вопросах.

Например, в Стокгольме мы наткнулись на очень странный памятник — на лужайке лежит друг на дружке кучка шаров на небольшом постаменте. Каждый шарик диаметром сантиметров тридцать. Мы его сфотографировали и стали строить догадки, что это за памятник такой. Долго строили различные версии: от «этими ядрами был потоплен вражеский флагман и выиграно решающее морское сражение» до «в память об изобретении шарикоподшипника». Пспрошали у прохожих — никто не знает. Это раздуло наш спортивный интерес, и мы продолжили расспросы. Не знали в близлежащих офисах и магазинах. Не знал уличный зазывала, приглашающий совершить туры по Скандинавии. Наконец, не знал и проходивший мимо полицейский. Ну и загадка! И лишь портье нашего отеля на случайный вопрос Старика о происхождении такого странного памятника мгновенно дал верный ответ. Оказалось, что на той лужайке проходили соревнования под старинных викингов — кто дальше зашвырнет этот шар... А от отеля до того самого места, между прочим, было расстояние около километра.

Исполнив необходимые обряды гостиничного устройства, мы вызвали, с помощью того же портье, такси и двинулись в гости к Пьеру Касьену, загадочному незнакомцу, якобы нежданно-негаданно обогатившему нашего приятеля.

Француз жил в собственном особняке колониальной архитектуры — может и небольшом по североамериканским или западноевропейским масштабам, но по меркам нашей страны очень даже приличных размеров. Одиночеством и болезнью повеяло с самого порога... Но не буду о грустном, его и так впереди прилично. Главное мы, несмотря на мой скептицизм, таки добрались в нужное место и человек, к которому мы пришли, не был мифическим или просто порожденным воспаленной алкоголем головушкой незабвенного Виталия Андреевича.

И все же без грустного не обойтись. Вид у нашего француза был просто ужасным. Несмотря на рост (выше среднего), весу в нем было не

больше, чем в самой истощенной голодовками подиумной топ-модели. Его желтоватая кожа была просто прозрачной, сквозь нее просвечивались не только кровеносные сосуды всех форм и размеров, но и кости. И двигался он сродни киношным привидениям. Живыми оставались только глаза — большие, черные, умные и слегка настороженные.

Общий язык мы нашли сразу. Узнав, что мы из Беларуси, Пьер (так он сразу попросил его именовать), даже похорошел остатками румянца на худющем болезненном лице и стал жать нам руки. Мы прошли в большой зал, обставленный стариной мебелью какого-то хорошего темного дерева, и расположились в удобных креслах рядом с хорошей ручной работы письменным столом. Стены зала были обшиты панелями такой же древесины.

На стенах, без видимой упорядоченности, висели самые разнообразные предметы, большей частью различное старинное холодное оружие.

Из выпивки нам были предложены несколько марок французского, естественно, коньяка в тяжелых темных бутылках (думаю, урожая годов пятидесятых прошлого века), от которого мы, опять же естественно, не отказались.

Радужие хозяина объяснилось сразу же. Пьер оказался нашим земляком. Вернее будет сказать, что предки француза были литвинами чистейшей воды и проживали с незапамятных времен на территории Беларуси, носившей тогда название Великого княжества Литовского.

История оказалась интересной и заслуживает приведения ее здесь, правда, в сокращенном виде. Далекие предки Пьера Касьяна происходили из старинного шляхетского рода с Пинщины, имели свой родовой герб и носили фамилию Касьянские. Один из них, Янош Касьянский, оказался неисправимым романтиком и во время наполеоновского нашествия на Россию возомнил себя спасителем отечества (земли Великого княжества Литовского были присоединены к Российской империи в 1792 году) и вступил со своей челядью в армию Наполеона. А точнее в польский корпус маршала князя Юзефа Антония Понятовского, входившего в состав французской армии.

Как не удивительно, пинский шляхтич прошел невредимым почти всю тяжелейшую русскую кампанию и был легко ранен лишь под Вильно, в стычке с русскими казаками. После этого он попал сначала в Париж, а затем, после второго и окончательного разгрома вновь созданной наполеоновской армии, выехал на жительство в Испанию, где и обосновался окончательно в городе Овьедо. Его сын возвратил-

ся в Париж в конце XIX века и получил французское гражданство. Ну и далее все Касьены-Касьянские проживали в Париже

Пьер Касьен являлся таким образом потомком в восьмом поколении того самого патриота-пинчанина. А в Эквадор он прибыл шестнадцать лет назад в поисках инкских сокровищ.

Далее я передаю наше общение прямой речью. При этом следует учесть, что я не являюсь знатоком испанского (на котором мы говорили) или французского (на котором мог изъясняться Пьер) языков, поэтому мое изложение может показаться искушенному читателю чрезмерно сухим.

— Вы, конечно, удивлены, отчего я с вами так откровенен? — Пьер в очередной раз наполнил наши стаканы пахучим французским напитком поразительно тонкого вкуса.

— Н-ну... — разноголосо и одновременно протянули мы со Стариком и засмеялись, взглянув друг на друга.

— Все очень просто. Во-первых, жить мне осталось считанные дни. Во-вторых, мы с вами, можно сказать, одной крови. И, наконец, в-третьих, у меня никого не осталось... Ни родных, ни близких... Нет даже никаких наследников. В случае моей смерти все мое имущество должно перейти этому государству. Эквадору. Я полагаю, что это несправедливо, я начинал в этой стране с французским капиталом и здесь вложил все свои средства. По этим причинам вы для меня неожиданный и счастливый случай, и я все, или почти все, хочу оставить вам.

— Это для нас весьма неожиданно, — пробормотал Старик, — мы приехали, чтобы купить у вас некоторые индейские предметы доколумбового периода. По рекомендации нашего друга Виталия Андреевича, который побывал у вас ранее.

— Деньги мне уже не нужны, — грустно сказал француз, — да у меня их уже и не осталось — все ушло на лечение моей болезни.

— Как она называется? — осторожно спросил я. — Кажется, абсолютно неизлечимых болезней на Земле уже не осталось.

— Никто не знает, ни как она называется, ни ее симптомов, ни способов ее лечения. Эта болезнь не зафиксирована в медицинских анналах. Мой организм, мое тело, все его члены просто тают. Я умираю от истощения, хотя никаких достаточных поводов и оснований для этого нет. Но можете не волноваться, она совершенно не заразна, иначе бы меня здесь давно изолировали.

— Где же вы ее подхватили, то есть... где могли заразиться? — Старик также старался тщательно выбирать выражения, чтобы ненароком не обидеть собеседника.

— Скорее всего, там, — Пьер махнул рукой куда-то на северо-запад, — хотя не исключено, что меня отравил мой слуга, которого я недавно выгнал...

— Слуга? — поразился я, — но в вашем доме не замечаются следы его присутствия, а кроме того, в таком случае надо ведь заявить в...

— Об этом потом, — поморщился француз, — а сейчас я хочу предложить вам сделку.

— Мы готовы вас выслушать, — Старик обменялся со мной взглядом.

— Как я уже говорил, денег у меня уже не осталось, оба банковских счета почти пусты. Дом и имущество я продать уже просто не успею... Но я ревностный, если можно так выразиться, католик. И последним и единственным моим желанием является похоронить меня здесь, на католическом кладбище при храме Святого Антония. Но я в этом городе чужак, и мне, как говорится, это не светит. Однако здесь берут все, даже служители бога, и за деньги, которых у меня, к сожалению, не осталось, можно решить любой вопрос. Итак, первое условие — обещайте, что вы обеспечите мои похороны в соответствии с моим пожеланием.

— Обещаем! — дружно и вполне искренне произнесли мы.

— Деньги на ваши похороны у нас найдутся, можете в этом не сомневаться — уверенно добавил Старик.

— Слава Христу.. — облегченно сказал француз, — давайте же за это выпьем.

За что было предложено выпить, мы со Стариком не совсем поняли — ну не за похороны же еще живого человека... Но синхронно подняли свои стаканы и выпили по глотку пахучего напитка. Тем более что чокаться нам не приходилось, эту славянскую традицию француз в своем питейном арсенале не унаследовал.

— Поклянитесь мне в этом на кресте, — француз достал из-под рубашки массивный золотой католический крестик и вопросительно глянул на нас поочередно, — чтобы я мог спокойно умереть.

Мы неуверенно переглянулись.

— Я не знаю, как там у вас православных это делается... Вы вообще-то верующие?

Старик кивнул головой утвердительно, а я напротив — отрицательно.

— У нас при этом осеняют себя крестным знаменiem, — добавил мой напарник, целовать чужой крест ему (как, впрочем, и мне) явно не хотелось.

— Валяйте, как у вас принято... — махнул рукой Пьер, которому даже простой взмах давался с трудом.

Что мы и сделали, креститься умел и я.

— Завтра же я составлю завешание, по которому все мое имущество перейдет вам. Но не это главное...

— А что? — по старой кладоискательской привычке Старик инстинктивно наострил уши в готовности проглотить и переварить любую, даже кажущуюся незначительной, информацию.

— Главное — содержимое пещеры Лос-Тайос... — при этих словах француз, казалось, совсем обессилел, и его голова в некотором забытии склонилась на грудь.

Лос-Тайос... Какой кладоискатель не знает этих магических слов? Конечно, были подкованы по этой части и мы со Стариком. Хотя, если откровенно, ни он, ни я в эти легенды не верили.

Согласно легендам, это самое загадочное и неисследованное место не только в джунглях Эквадора, но и на всем земном шаре.

Уже давно до ученых доходили слухи о подземных тоннелях, расположенных в Лос-Тайосе, на границе Перу и Эквадора в невероятно труднодоступном месте.

Общее представление даст нижеприведенная информация, скачанная с одного из многочисленных интернет-сайтов, повествующих о загадочной системе тоннелей и пещер.

«... В июне 1965 г. в Эквадоре аргентинским исследователем Хуаном Морицом в провинции Морона-Сантьяго, в пределах территории, оконтуриваемой городами Галаквиза — Сан-Антонио — Йопи, обнаружена и нанесена на карту никому не известная система подземных тоннелей и вентиляционных шахт общей протяженностью в сотни километров. Вход в систему тоннелей выглядит, как аккуратный вырез в скальных породах размером с амбарные ворота. Спуск на последовательно расположенные горизонтальные платформы приводит на глубину 230 м. Здесь находятся тоннели прямоугольного сечения, изменяющейся ширины с поворотами под углом 90 градусов. Стены гладкие, будто покрыты глазурью или отполированы. Строго периодически расположены вентиляционные шахты диаметром около 70 см и помещения размером с концертный зал. Обнаружено, что в центре одного из них размещаются сооружение вроде стола и семь «тронов» из неизвестного материала, похожего на пластик. Рядом с «тронным» местом обнаружены литые из золота большие фигуры ископаемых ящеров, слонов, крокодилов, львов, верблюдов, бизонов, медведей, обезьян, волков, ягуаров и даже

крабов и улиток. В этом же зале находится “библиотека” из нескольких тысяч металлических тисненых пластин размером 96 x 48 см с какими-то значками. Каждая пластина особым образом проштампована. Х. Мориц нашел также каменный “амулет” (11 x 6 см) с изображением фигурки человека, стоящего на глобусе.

Тоннели и залы изобилуют горами золотых изделий (диски, пластины, огромные “ожерелья”) с различными рисунками и символами. Встречаются изображения динозавров, вырезанные на стенах. На пластине встречаются изображения пирамид, сложенных из блоков. А символ пирамиды соседствует с летающими (не ползающими!) в небе змеями. Таких изображений найдены сотни. На некоторых пластинках отражены астрономические понятия и идеи космических путешествий.

Без сомнения, открытие, сделанное Х. Морицом, в некоторой степени приоткрывает завесу того, кто сооружал тоннели, их уровень знаний и ориентировочно — эпоху, когда это происходило (они видели динозавров)...

В 1976 г. туда, якобы, направилась совместная англо-эквадорская экспедиция...

«...Спустившись в закрытую зарослями дыру у подножия холма, исследователи очутились в широком туннеле, пол и стены которого были выложены из прекрасно обработанных и отполированных каменных блоков, испещренных изображениями различных животных: слонов, обезьян, крокодилов и даже динозавров. Художник запечатлел их в движении — они словно стремились к некой определенной точке...

Попадались и геометрические рисунки, например квадрат со скругленными углами, внутри которого была сделана какая-то надпись, а также группы фигур, расположенных в определенном порядке. Возможно, они представляли собой шифр или систему вычислений. Присутствовали в туннеле также колодцы и вентиляционные каналы, было похоже, что здесь некогда жили люди.

Вскоре путь экспедиции преградила стена. Пришлось свернуть налево, в узкий проход. Приблизительно через километр ученые снова оказались в тупике, однако проводник из местных слегка надавил рукой на невидимую “кнопку” — и стена разъехалась в разные стороны. За ней открылась просторная пещера высотой около 5 м. Если пол в коридоре был засыпан мусором и пометом, то тут не было ни малейших следов грязи и пыли. Стены пещеры, как и в коридоре, покрывали изображения животных и квадраты, замкнутые в цепочку.

Посреди зала стоял стол, окруженный стульями. Мебель казалась изготовленной из камня, но на ощупь материал скорее походил на пластик. Стулья явно предназначались для людей очень высокого роста — высота их спинок составляла более 2 м.

В стенах виднелись углубления, ведущие, должно быть, в другие “комнаты” или тоннели, но вход туда загораживали каменные плиты, сдвинуть которые было невозможно. Проводник сумел открыть лишь одну из этих “дверей”. За ней оказалась еще одна пещера, по стенам которой висели полки из неизвестного материала, мягкого и прохладного на ощупь, но с острыми краями. Это помещение напоминало то ли книжный магазин, то ли библиотеку, а то и читальный зал. Оказалось, такое сравнение не зря пришло в головы исследователям: в глубине полок были спрятаны книги! Они представляли собой толстые, не менее 400 страниц, фолианты, но самое удивительное — листы их состояли из чистого золота! Они были разделены на квадраты со скругленными углами, заключавшие в себе, по-видимому, отдельные отрезки информации: группы из символов и человеческих фигур с лучами над головой, имевших по 3—5 пальцев на руках. Похожие символы вырезаны на загадочном предмете, хранящемся в музее церкви Богоматери Исцелительницы в г. Куэнка. Говорят, его тоже привезли из Лос-Тайоса.

На обложках фолиантов был рисунок из четырех больших квадратов с надписью в середине. Очевидно, каждая книга имела свое название. Их отдали специалистам по древним языкам, которые и по сей день безуспешно пытаются расшифровать тексты...

Таковы сказочки, в которые мы со Стариком, конечно же, не верили по многим соображениям. Но сейчас не время и не место устраивать по этому поводу диспут и приводить свои «contro».

И когда наш Пьер очнулся, мы выразили ему, в очень мягкой форме, сомнения по этому поводу. Мол, да, легенды бесспорно красивы, завлекательны, но ненаучны-с, абсолютно, ненаучны-с. А посему обсуждение этой темы бесперспективно и представляет собой напрасную трату драгоценного времени.

— А я и не говорю об этих мифах... — неожиданно усмехнулся француз, — их все знают. Кто верит, кто не верит. Но речь совершенно о другом.

Мы со Стариком состроили на своих физиономиях заинтересованность, каковую обычно проявляют хищные животные, включая домашних кошек и собак, надвигающиеся незнакомые предметы.

— Да есть легендарный Лос-Тайос, где собраны всякие небылицы, — невозмутимо продолжил наш гостеприимный хозяин. — Но эти мифы запущены с единственной целью — сбить со следа различных настырных исследователей и кладоискателей. Многие искали эти легендарные пещеры, но нашли совершенно иное.

— Но все-таки нашли? — не удержался Старик.

— Да. Но история и результаты этих поисков таковы. Когда в 1969 году аргентинский ученый венгерского происхождения Хуан Морич во главе отряда из семнадцати человек прошел через джунгли от реки Рио-Сантьяго (восточная провинция Эквадора — Морона Сантьяго) до пещер Куэвас-де-лос-Тайос, они в самом деле натолкнулись на одну искусственную пещеру. Вот что он писал в своем отчете.

С этими словами француз достал из ящика стола какую-то пухлую папку, достал из нее несколько листков бумаги и прочел:

— «...Протиснувшись через узкий проход, промытый водой, мы неожиданно очутились в огромном зале высотой не менее 80 метров. Стены внутри были гладкими, как бы отполированными, а на полу имелись ступени...»

Мы со Стариком переглянулись — отполированные стены?

— Начало, как видите, интригующее, — саркастически произнес Пьер, — Морич назвал ее «пещерой верховного жреца». Но в ней не было никаких сокровищ, кроме метрового слоя птичьего помета, да обычных для карстовых пещер сталактитов и сталагмитов.

По словам инженера-топографа Августина Паладинеса из Национального управления по геологии и горному делу, эта и другие пещеры на востоке страны, безусловно, возникли естественным путем.

Это мнение разделяют многие геологи. Так, к примеру, западногерманский исследователь пещер, физик д-р Герберт В. Франке усматривает в «системе тоннелей» типичное русло пересохшей подземной реки. И в ФРГ, в Швабских Альпах можно найти похожие полости в зоне распространения формации юрских известняков. Ксендз монашеского Ордена жозефинцев, профессор археологии Католического университета Кито Поррас, который более чем за четверть века открыл, по меньшей мере, дюжину пещер на востоке Эквадора, не обнаружил в них ни малейшего следа деятельности разумных существ.

— «...Абсолютно ничего, никаких обработанных камней, никакой пещерной живописи, ни глиняных черепков, ни даже копоти на стенах...», — прочел он с другого листка.

Мы со Стариком вновь переглянулись, но уже разочарованно.

— Наконец, в археологическом музее Кито нет ни одного экспоната, который был бы найден в известняковых пещерах востока страны, — француз забил последний гвоздь в крышку гроба этой легенды. — А некоторые просто делают на этом бизнес. Наверняка вам известный Эрих фон Дэникен получил свыше трех миллионов марок за якобы раскрытые им в своих книгах пещерные тайны.

— И все-таки есть Лос-Тайос или же это миф чистейшей воды? — спросил я, несколько сбитый с толку этим повествованием.

— Повторюсь, есть легендарный Лос-Тайос, где собраны всякие сказки и небылицы, — невозмутимо продолжил наш гостеприимный хозяин. — Эти мифы ведут свое начало с древних времен, в них есть доля правды. Другие же запущены с целью просто запутать следы или пустить по ложному следу различные экспедиции научных исследователей, а также авантюристов и кладоискателей. Но существует и подлинный Лос-Тайос, созданный не воображением, а руками поколений древних индейских племен. Предметы, отданные вашему приятелю, принесены мной именно оттуда.

Мы затаили дыхание. Это уже было серьезно.

— Для начала имейте в виду, что я попросил его вернуться сюда или же кого-то прислать, чтобы я мог отдать секрет в чьи-то надежные руки. У меня нет здесь ни друзей, ни близких знакомых. Не осталось их во Франции. По некоторым причинам я вел очень замкнутый образ жизни.

Ай, да Виталий Андреевич! Ай, да мастер паутинных интриг! А мы-то думали — по пьянке и от чистого щедрого сердца.

— Хочу отметить, — продолжал тем временем Пьер, — что доиспанские культуры Эквадора, Перу и Боливии из всех металлов знали только золото. Ну, еще серебро. Но добывали и использовали преимущественно золото, из которого изготавливали различные ритуальные предметы и фигурки. Вначале — исключительно для своих многочисленных богов, завоеывая их благосклонность по различным вопросам золотыми дарами. Затем использовали для украшения храмов и жилищ.

— С какого века местные племена занимались добычей золота? — не удержался я.

— Справедливый вопрос, но на него вам никто не ответит. Мои личные исследования упираются в XI век. Но следы древней чавинской культуры обнаружены еще во втором веке до новой эры. Тогда металлов еще не знали, процветала керамика.

— Вероятно, первыми золотодобытчиками были инки, — заметил Старик.

— Нет, — твердо произнес француз, — золото и медь добывали задолго до них. И потом правильно следует называть «инка», именно так назывались эти индейские племена, а не «инки». Инка основали свою империю в XIII веке в Центральной части Анд в долине реки Мараньон на территории современного Перу. Но затем двинулись по обеим сторонам горной цепи Анд на север и на юг, подчиняя или вытесняя другие народы. И вот тогда-то индейское племя хивари, проживавшее в Андах на границе современных Эквадора и Колумбии, впервые решило откупиться от захватчиков ритуальными золотыми изделиями.

— И у них это получилось, — сказал я, читавший или слышавший где-то подобную легенду.

— И у них это получилось, — повторил за мной Пьер, — они приветствовали инка, как представителей богов, и несли им многочисленные золотые дары. Благо золото в тех краях встречалось повсеместно в виде крупных самородков прямо на поверхности многочисленных каменистых осыпей. Инка приняли почести и дары и обошли стороной земли хивари. Кстати, вы не против, если мы будем общаться до тех пор, пока не выясним все наши вопросы? Время для меня очень дорого, я боюсь не успеть.

— И не поставим все точки над «i», — продолжил я.

— Хоть до утра, — бодро поддержал нас Старик, выразительно поглядывая на бутылки с коньяком.

— Да, да, наливайте, конечно, — зоркие глаза француза подметили красноречивый взгляд моего компаньона, — только мне больше не надо — опасаюсь заснуть.

Старик плеснул приличные порции в два стакана, и мы взяли их в руки, потихоньку потягивая из них и наслаждаясь ароматной жидкостью.

— И тогда люди хивари, чтобы избежать истребления или рабощения и в дальнейшем, решили построить громадную тайную сокровищницу и наполнить ее золотыми ритуальными вещами про запас. Золото валялось прямо под ногами, и все люди племени принялись за работу.

— Выходит, предметы, которые вы дали нашему другу, взяты непосредственно из той сокровищницы? — Старик даже отставил свой стакан в сторону.

— Да, — подтвердил наш гостеприимный хозяин, — но это еще только начало истории. Слушайте дальше. Местом для сокро-

вищницы была избрана практически недоступная естественная пещера в жерле потухшего вулкана. Гора с вулканом называлась Лас Тайя, что в переводе с местного языка означало — Спящее чудовище.

— Так вот откуда пошло это легендарное название Лос-Тайос, — воскликнул я.

— Именно, — отметил француз, — только, как говорят у вас в России, «слышали звон, да не знают, где он». Современные легенды перенесли Лас Тайя совсем в другое место, а затем родились мифы о целой системе запутанных тоннелей, скрытой в них золотой библиотеке и прочая чушь.

Он внезапно закашлялся и прикрыл рот ладонями.

— Спуститься в сокровищницу можно было только через длинный извилистый каменный колодец по лестнице, сплетенной из прочнейших лиан, — откашлявшись, продолжил Пьер. — Шли годы, и сокровищница наполнялась разнообразными золотыми предметами, а также наиболее крупными и чистыми самородками, один из которых я вам сейчас покажу.

С этими словами француз вышел и возвратился лишь минут через десять. В его руке тускло желтел крупный камень величиной с гусиное яйцо. В другой руке находился весьма вместительный пакет из плотной пергаментной бумаги.

— Любуйтесь! — Он протянул нам самородок.

— Килограмма на три потянет, не меньше, — определил Старик, покачивая камень в ладони.

Затем его подержал я. Камень, казалось, испускал тепло и желтоватый призрачный свет, и у меня от такого зрелища застучало сердце.

— И это еще не самый крупный, — заметил Пьер, наслаждаясь нашей реакцией.

Мы положили камень на столик на виду и дружно подняли свои стаканы.

— За успех нашего предприятия! — прочел я в прищуренных глазах Старика и поддержал тост, опрокинув содержимое до дна. То же сделал и мой напарник. Хозяин с доброй улыбкой следил за нашим незамысловатым и красноречивым ритуалом.

— А вот изделие мастеров народа хивари, — француз достал какой-то предмет из пакета.

Мы не смогли сдержать своего восхищения, обозначив его звуками «ого-о-о-о» и просто «о-о-о». Даже смешно стало. Прямо,

как Эллочка-людоедка при виде заморского ситечка, которое протягивал ей Остап Бендер в обмен на вожделенный стул.

Это была золотая чаша для питья в форме равностороннего треугольника со сглаженными углами. Изящный треугольный лепесток поддерживали своими мордочками вытянутые в струнку стройные парнокопытные животные — то ли косули, то ли ламы, то ли газели — я не знаток в этом деле. Их задние копытца упирались в края второй округлой чаши в виде заглубленного блюда. Черт возьми, как трудно все-таки описывать прекрасное — трижды переделывал, и все равно не удалось создать на бумаге образ изумительнейшего творения древних ювелиров. Мы смотрели на него несколько минут, буквально не дыша, как замороженные.

— Предлагаю продолжить наш разговор, — с этими словами Пьер положил чашу на столик.

Мы едва оторвали от нее глаза и согласно кивнули головами.

— Еще дважды племя хивари откупалось от экспансии инка ритуальным золотом, — тихо произнес француз, — но нравы тогда были очень жестокие. Следующий верховный вождь инка решил: зачем нам брать по частям, если можно взять все сразу. Воины инка были прекрасными охотниками и следопытами. Вождь сделал вид, что согласен на очередное подношение, а сам направил вслед за пошедшими к сокровищнице хивари своих лучших соглядатаев. И они узнали путь к сокровищнице. Племя хивари было почти полностью истреблено, а его остатки вытеснены на другую сторону горной цепи. Сокровищница перешла к инка со всем своим богатым содержимым, и они стали, в свою очередь, пополнять ее другими золотыми трофеями, а также собственными ювелирными поделками из драгоценного металла. Вот образец их ювелирного мастерства.

Нашим взорам предстало нечто вроде кинжала с закругленным внизу лезвием. Изделие было из золота с красноватым оттенком, а рукоять, которую венчало изображение морской раковины, была сплошь инкрустирована крупными зелеными изумрудами. Лезвие его широкое, обоюдоострое и отточено, как бритва, но не имело посередине привычных канавок для стока крови. Вид этого странного оружия подспудно внушал какое-то чувство ужаса.

— Это ритуальный нож инка, — пояснил Пьер, — когда совершались человеческие жертвоприношения, им вскрывали грудную клетку жертвы и оттуда вырезали сердце.

Красноватый блеск золота, напоминающий цвет крови, как бы красноречиво свидетельствовал в пользу этих страшных подробностей.

— Вам, конечно, известна судьба верховного вождя инка Атауальпы?

— Да, — уверенно сказал Старик, — он был схвачен испанскими конкистадорами и предложил в качестве выкупа за себя заполнить до потолка помещение, в котором его держали на цепях, золотом, а соседнее помещение серебром. И его подданные это сделали. Но коварные испанцы, вот только не припомню, кто ими командовал...

— Маркиз дон Франсиско Писарро, — блеснул я своими знаниями. — Он высадился на побережье Перу с отрядом в составе ста пяти пехотинцев и шестидесяти двух всадников в 1532 году. Армия Атауальпы была разбита в битве при Кахамарке, в ходе которой испанцами было истреблено свыше пяти тысяч инка.

И я выжидательно посмотрел на своего компаньона — мол, продолжай.

— Писарро опасался потерпеть поражение, если выпустит Атауальпу, — подхватил он тотчас же, — поэтому сфальсифицировал суд, который приговорил пленника к сожжению. Но и здесь испанцы обманули — верховный вождь был задушен с помощью гарроты.

— Что ж, в общем и целом — все правильно, — одобрил француз, — но есть и еще кое-что...

Он зябко потер свои ладони и продолжил:

— Я занимался в свое время археографией, это моя специальность. Рылся в архивах Овьедского католического монастыря и наткнулся на удивительный старинный документ. Я вам все покажу. Отныне у меня нет от вас секретов.

— А что такое археография? — спросил Старик.

— Это наука о методике издания письменных исторических источников.

— Этот документ касается конкистадорских завоеваний? — спросил в свою очередь я.

— Я вам сейчас все покажу. Отныне мы одна команда.

С этими словами Пьер подошел к стене и надавил ладонью на массивную шляпку гвоздя, на котором висел какой-то старинный морской кортик. Деревянная панель бесшумно сдвинулась в сторону и открыла современный металлический сейф. После коротких манипуляций с кнопками, дверца сейфа была открыта, и француз извлек оттуда пожелтевшую и покореженную временем папку и аккуратно положил ее на столик перед нами.

— Вот смотрите.

Мы со Стариком уставились на непонятную нам надпись, исполненную витиеватым почерком с жирными завитушками и на незнакомом языке: Pizarro (Francisco) Marquis. Cortes (H.) Copia delle lettere del Prefetto (Hernando Cortes) della India, la Nuova Spagna detta.

— Что это?

— Копия доклада Франсиско Писарро о пленении Атауальпы, — торжественно произнес француз, — на староиспанском языке.

— Невероятно! — мы со Стариком дружно ахнули.

— Согласен, — усмехнулся Пьер. — Тем более что сам доклад так и не был найден историками.

— Но кто мог снять его копию? И зачем?

— Я исследовал и этот вопрос. В середине XVI века король Испании поручил инквизиции расследовать дело о хищении золота испанскими капитанами, перевозившими на кораблях добычу из Нового Света. Монастырь в Овьедо был одним из центров зловещей и вездесущей инквизиции. Там и были сняты копии с многих документов, касающихся разграбления испанцами индейских сокровищ. В ходе следствия выяснилось, что далеко не вся богатейшая добыча попадала в королевскую казну. Часть оседала у самих конкистадоров, часть разворовывали капитаны и экипажи испанских кораблей, а часть расхищалась королевскими чиновниками, учитывавшими награбленные сокровища и помещавшие их в казну. Но не будем сейчас касаться этого вопроса...

— И все же, — азартно произнес Старик, — известна ли хотя бы примерная стоимость вывезенного?

— Есть различные расчеты, — пояснил наш гостеприимный хозяин, — увы, все они разнятся и иногда на целый порядок.

Он немного помолчал.

— Но, чтобы вы могли представить масштабы разграбления золотых запасов индейских племен, я приведу вам пару цифр. Так, король своей грамотой Торговому дому Севильи от 21 января 1534 года приказал 100 000 кастельяно золота и 5000 марок серебра в виде сосудов, блюд и других предметов, привезенных Писарро в Испанию, отдать на чеканку монет. «...кроме вещей удивительных и малого веса» — это дословная цитата из грамоты. Кое-что испанцы все-таки оставляли себе в качестве коллекционных предметов.

— Кастельяно?

— Это старинная золотая испанская монета, чеканка которой прекратилась в 1497 году с началом чеканки новой монеты — песо.

С того времени ее вес стал в Испании единицей измерения золотых слитков и золотого песка.

— И каков же ее вес?

— Около пяти граммов. Точнее — 4,7 грамма.

Старик выудил из своего кармана калькулятор, с которым не расставался никогда, и быстро произвел необходимые вычисления.

— Четыреста семьдесят килограммов золота, — тотчас объявил он. — Не хило! Да еще серебро... Кстати, что такое марка серебра?

— Это весовая единица, имевшая хождение в Западной Европе, применявшаяся в разных странах с IX века. Испанская марка серебра составляла около 230,4 грамма.

Старик вновь защелкал кнопками калькулятора.

— Тысяча сто пятьдесят два килограмма... — пробормотал он, а затем, переварив, видимо, полученные цифры, вскричал, — полтонны чистейшего высокопробного золота и больше тонны серебра! Да еще оставленные без переплавки коллекционные изделия! Недурственная добыча! И это только за один раз, из одного источника! Плюс, наверняка, треть осела в карманах расхитителей, не дойдя до казны.

— Ну вот, — усмехнулся француз, — теперь вы имеете некоторое представление о размахе испанских приобретений в Новом Свете.

— Еще бы!

— Но как могла сохраниться копия доклада, оставшись незамеченной историками и исследователями? — я не смог удержаться от этого вопроса, будучи, по натуре, скептиком.

— Дело в том, что я обнаружил ее в месте, для нее совершенно неподходящем. Она содержалась в обширнейшем монастырском архиве в разделе «Кодикология, XIX век».

— Кодикология? — вновь какой-то непонятный термин.

— Именно. Кодикология — это очень узкая наука об истории изготовления рукописей. Кому интересна эта специфическая научная дисциплина? Да еще работы XIX века? Да еще в монастыре, коих в Испании сотни...

— Но как она туда попала?

— Либо по небрежности архивистов, — задумчиво промолвил Пьер, либо... Но скорее, ее спрятал кто-то специально, но не успел вынести из архива и воспользоваться... Однако вернемся к нашим баранам! Точнее, к Атауальпе... И к самому Писарро, который все же был наказан Провидением за свое коварство и закончил свою жизнь досрочно.

И француз подробно поведал нам печальную историю иезуитским способом захваченного конкистадорами верховного инкского вождя.

По свидетельству другого испанского конкистадора Франсиско де Чавеса — Франсиско Писарро осуществил пленение Атауальпы, спойив сначала его и его полководцев вином, отравленным моносльфидом мышьяка, что совершенно упростило задачу захвата в плен верховного правителя, а самим испанцам не было оказано никакого существенного сопротивления.

Желая быть выпущенным на свободу, Атауальпа предложил Писарро заполнить помещение, в котором его держали в цепях, до самого потолка золотом. Видя некоторое замешательство своего пленителя (на деле Писарро был чрезвычайно удивлен таким количеством золота), Атауальпа решил, что выкуп недостаточен и пообещал, что вдобавок заполнит соседнее помещение серебром. Когда Писарро наконец пришел в себя, он лукаво возразил, что второе помещение меньше, чем первое, но Атауальпа пообещал заполнить второе дважды. На протяжении более чем трех месяцев инки собирали золото и серебро и приносили его в Кахамарку, где томился их вождь. Понадобилось еще более месяца, чтобы переплавить все золотые и серебряные изделия. Все эти сокровища составили так называемый «Выкуп Атауальпы». Так как испанцы чувствовали, что после освобождения Атауальпы они, вероятно, потерпят поражение, то после получения выкупа они обвинили правителя инков в организации восстания и убийстве собственного брата Уаскара. Суд приговорил высшего вождя инка к смерти через сожжение. Однако Атауальпе было обещано сменить вид казни на удушение, если тот перед смертью примет католичество, и Атауальпа согласился на это, чтобы сохранить древние обычаи захоронения инкских вождей.

Десятки тонн золотых и серебряных изделий, полученных в качестве выкупа, были переплавлены в слитки и отправлены в Испанию. Но это было только начало неслыханного в истории грабежа...

И все же, по утверждению Пьера, до самой главной инкской сокровищницы грабители не добрались. Главным аргументом являлось ее посещение самим французом, который полагал, что собранные там золотые поделки являются самым крупным в истории человечества кладом.

Что же касается убийцы, в прямом смысле, Атауальпы — его также покарала судьба.

В 1538 году между Писарро, назначенным губернатором захваченных территорий, и его сподвижником Альмагро возник конфликт по поводу распределения полномочий и дележа добычи. В завязавшемся военном конфликте, Писарро одержал верх над соперником в битве при Салинасе, после чего казнил бывшего сподвижника. Однако затем группа недовольных во главе с сыном казненного Альмагро организовала против Писарро заговор, в результате которого он был убит. Воскресным утром 26 июня 1541 года Писарро принимал в своем дворце гостей. Неожиданно в дом ворвалось около двадцати человек, вооруженных мечами, копьями, кинжалами и мушкетами. Гости в панике разбежались, некоторые из них выпрыгивали прямо из окон дворца губернатора. Писарро защищал свою жизнь в спальне, отбиваясь от нападающих мечом и кинжалом. Он дрался отчаянно, зарубил одного из противников, но силы были явно неравны, и вскоре покоритель инкской империи упал замертво от множества нанесенных ран.

Признав, что судьба обошлась с конкистадором круто, но вполне справедливо, мы закончили обсуждение этой темы.

Удивительна и загадочна история самого завоевания индейских племен. Захват империи с населением в восемь миллионов человек, из которых почти половину составляли воины, отрядом конкистадоров в составе ста шестидесяти восьми пехотинцев и всадников, не имеет никакого мало-мальски вразумительного объяснения.

Ссылки на то, что не знавшие в бою страха индейцы якобы испугались невиданных ими ранее лошадей и мушкетного огня, просто смехотворны.

При таком соотношении сил испанцам не помогло бы ничто: ни металлические доспехи, делавшие их неуклюжими в ближнем бою, ни военная выучка, ни их более современное, но крайне медленно перезаряжающееся оружие. Отважные и проворные индейцы просто задавили бы их своей численностью. Даже на равнинах, не говоря уже о засадах в хорошо знакомых им джунглях и на узких горных тропах. Да еще с применением отравленных ядом стрел и другого оружия.

Более разумным кажется то объяснение, что местное население приняло захватчиков за потомков богов из древних легенд и безропотно им покорилося. Вера оказалась сильнейшим фактором столкновения двух таких различных миров. Ну и, конечно, война без правил — постоянное коварство предприимчивых пришельцев.

Меж тем, на дворе была уже глухая, по-тропически беспросветная, ночь. Спать же совершенно не хотелось, и подогретые кладоискательским азартом и добротным французским напитком, мы продолжили наши изыскательские проблемы. Француз также разгорячился и даже слегка порозовел лицом, только и розовость эта была болезненной, подобно лихорадочному румянцу больного тяжелым недугом.

— Сейчас о самом главном — вашем маршруте.

Вслед за этим он вновь открыл дверцу сейфа и достал оттуда плотный пакет, который открыл с величайшей осторожностью. Его содержимым была карта на старинной ломкой бумаге, нарисованная от руки, но с пометками, носящими следы современной шариковой ручки темно-синего цвета.

Наши стаканы и бутылки отодвинуты в сторону, и карта, вновь с превеликими предосторожностями, была расстелена на столе. Рядом с ней лег кусок обычной километровки, видимо, отражающей подробную топографию все той же местности. Правда, схожесть карт была почти нулевой, за исключением схематично изображенных на древней бумаге горных хребтов Анд, с похожей горной цепью на современной карте.

— Вот цель вашего конечного маршрута, — невесть откуда взявшейся крохотной металлической указкой француз ткнул в километровку рядом с одной из горных вершин, северо-восточнее от вулкана Каямбе.

Мы со Стариком присмотрелись к этому месту. Кроме крохотной точки, оставленной все той же темно-синей пастой шариковой ручки, никаких других ориентиров не было.

— Вы говорили, что гора с потухшим вулканом называется Лас Тайя... — нерешительно заметил Старик, — а здесь ничего не обозначено... Судя по карте, это просто западный склон Анд, поросший лесами.

— Да. Этой горы на карте действительно нет, — подтвердил француз, — у нее совершенно плоская усеченная вершина, внутри которой скрыто жерло потухшего вулкана. Более того, она не видна даже из космоса, поэтому современные топографы и не смогли обозначить ее на карте.

— Не видна из космоса? — в голосе Старика сквозило недоверие, — но с помощью современной оптической техники со спутников различаются даже номерные автомобильные знаки...

— Она не видна по той причине, что постоянно скрыта сплошной облачностью, — спокойно пояснил Пьер. — В самой середине

жерла вулкана находится сероводородное озеро с аммиачными примесями, которые постоянно испаряются, создавая сплошные облака. Кроме того, со склонов горы с обеих сторон извергаются десятка три водопадов, создающие вокруг горы водяную пыль и туман. Так и висит эта завеса круглосуточно, мешая рассмотреть какие-либо подробности земного рельефа. Сама природа позаботилась о сохранении в неприкосновенности сокровищницы инка.

— Но, если верить карте, это место совсем рядом с Кито, — тут прорвался и мой скепсис, — неужели наземные экспедиции не исследовали эти места?

— Вулкан находится примерно в ста десяти километрах от столицы, — француз по-прежнему был спокоен, точен и немногословен, — но эта местность крайне труднодоступна даже для профессиональных альпинистов.

Вот как! Мы со Стариком переглянулись, альпинисты из нас были никакие. Как же мы туда тогда пройдем?

— Дело в том, что по своей структуре эта гора напоминает слоеный торт, имеющий форму усеченного конуса. Когда-то в далеком прошлом извергающиеся потоки лавы покрыли тот конус своеобразными исполинскими кольцами. Эти кольца застывшей лавы абсолютно гладкие, на них не за что зацепиться. А угол восхождения вообще отрицательный, снизу невозможно даже забросить веревку с крюком на верх такого кольца. А если и исхитришься это сделать, то зацепиться не за что. Почва там почти не задерживается, а чахлая растительность на немногих ее участках то и дело сползает вместе с этой почвой ввиду постоянной влажности. Частые оползни — привычное явление в этих гибельных местах.

— Но на карте обозначен лес, — встрял Старик.

— Лес действительно есть, но только в самом низу, а также на высоте свыше четырех километров, там, где течет множество ручьев и низвергаются водопады.

— Я не совсем понял, зачем нам тогда в горах моторная лодка? — этот вопрос опять мой.

— К заветному месту вы двинетесь из этого города, вверх по реке Напа.

— Но зачем? От Кито ведь рукой подать. А здесь даже по прямой километров под четыреста. Да еще по непроходимым джунглям. Возвратимся в столицу, а оттуда...

— А оттуда вы к Лас Тайя никак не попадете, — насмешливо произнес француз. — Сплошные горные вершины, пропасти, никаких дорог и рек.

— На вертолете... — робко начал Старик в мою поддержку, поскольку в джунгли ему лезть тоже не хотелось.

— Вертолеты на такую высоту не забираются, цепляться винтами не за что, — парировал Пьер, — а легкий самолет не подойдет по причине сплошной облачности и туманов. Сесть ему негде. Правда, на парашютах он вас сбросить может — только куда?

М-м-да, задачка. Француз, похоже, кругом прав. К тому же ему виднее, как добираться до места, он ведь там уже побывал.

— Но река Напа туда тоже не доходит, — Старик уже успел изучить всю карту.

— Верно, — согласился француз, — дальше вы поплывете по ее притоку, вот он на карте — безымянный. А еще дальше по еще одному крохотному притоку, который на карте даже не обозначен.

— Дикий край, — вздохнул Старик, — и это всего в сотне километров от столицы крупного цивилизованного государства.

— В долине реки Амазонки и в труднодоступных местах сельвы и горных пиков еще полно таких мест, — усмехнулся Пьер. — Да и на земном шарике хватает. Хотите сказать, что в России таких мест нет?

Мы не стали напоминать, что к России наша республика не имеет уже отношения, разве только, что мы строим вместе союзное государство. Будем считать, что с современной картой и прокладкой по ней маршрута закончено. Более подробно изучаем ее дома, то бишь в своей гостинице. Перейдем к древностям.

Далее француз дал подробнейшие пояснения к каждой линии, каждому значку и каждой пометке на старинной рукописной карте. Вопросов по ней у нас пока не было, но, тем не менее, он заявил, что подготовит для нас особую письменную инструкцию наших действий на завершающем этапе. С тем мы и разошлись уже под самое утро.

Немного вздремнув, мы изучали полученные карты и решили вновь отправиться к Пьеру за дальнейшим обсуждением проблем подготовки к предстоящему плаванию и походу.

Поэтому ближе к полудню мы снова посетили француза, выяснили последние непонятки и разночтения в картах и определили день нашего отплытия. Пьер вручил нам дополнительно написанную собственноручно инструкцию по преодолению последнего этапа наших поисков и дал нам какой-то темный пузырек из-под лекарства.

— Что там? — спросил Старик.

— Семена бругмансии, — коротко ответил француз, — вход в тоннель можно найти только с помощью этого растения. Здесь все написано, вам остается лишь точно следовать инструкции. Не потеряйте их, иначе экспедиция завершится крахом.

Старик бережно засунул пузырек в барсетку, где хранил свои и мои документы.

— А это копия моего завешания, — Пьер протянул листок бумаги с машинописным текстом, скрепленным большой круглой печатью и тремя подписями, — как я и говорил, все мое имущество завешано вам. Оригинал завешания будет храниться у моего нотариуса. Его координаты внизу под текстом.

Завешание отправилось вслед за пузырьком, читать его при живом французе, из соображений этики мы не стали.

Мы расселись по прежним местам и продолжили обсуждение.

— Наверное, у вас появились некоторые вопросы, — хозяин вновь извлек бутылки с благородным французским напитком и расставил стаканы.

— Испанцы знали о существовании сокровищницы? — первым начал Старик.

— Несомненно. Но найти ее так и не смогли.

— Откуда такая уверенность?

— Судя по некоторым документам, главным разногласием между Писарро и казненным им Альмагро и была эта тайная пещера. Они не смогли поделить между собой еще не найденные сокровища. Подручные Писарро запытали до смерти несколько десятков индейцев, но лишь один из них оказался слабым и выдал заветный маршрут. Но снаряженная туда испанская экспедиция потерпела крах.

— Это достоверно?

— Еще бы, — усмехнулся француз, — я сам видел их останки. И вы их также увидите.

— И что послужило причиной их гибели?

— Я думаю, что испанцы погибли от ядовитых испарений. Вода в озере ярко-изумрудного цвета.

— А как же индейцы пробирались к сокровищнице мимо этого ядовитого озера?

— Теперь у них уже этого не спросишь, — философски ответил Пьер. — Возможно, они преодолевали этот опасный участок бегом, задержав дыхание. А может быть, изготавливали что-то типа защитных масок...

— А теперь я бы хотел, чтобы вы записали или запомнили примерный перечень того, что вам необходимо взять в экспедицию, чтобы благополучно добраться до места.

Старик немедленно вытащил свой рабочий блокнот, который, как правило, всегда носил при себе, и изготoвился записывать.

Список получился приличным по объему и начинался с моторной лодки. Наш французский наставник оказался человеком весьма предусмотрительным в этом плане. Казалось, он учел все, что может быть полезным в любой ситуации, вплоть до разовых аварийных ракет с разноцветными дымами и мази от укусов насекомых. Теперь мы уже не удивились включению в этот список противогазов. Впрочем, тащить это нам не на своем горбу, а в моторку взлезет достаточно всякого добра.

День закончился нашим возвращением в отель.

Мы намеренно, в целях безопасности, взяли один номер на двоих. Он не являлся люксовым, но все необходимое здесь было: туалет, телевизор, холодильник, печь СВЧ и даже зачем-то керосиновая лампа на старинном бронзовом основании. Для красоты, наверное, решили мы и ошиблись. И верх технического совершенства — возможность прямо из номера подключиться к Интернету по Wi-Fi, используя свой портативный компьютер.

Наступал вечер, и мы сидели за столом, изучая полученные от француза карты. Да, координаты и топографическая обстановка на них все-таки сходились. Но как добраться до места, отмеченного кружочком с крестиком посередине? По нашим прикидкам отсюда до него было километров триста семьдесят. По прямой. Расстояние по нашим временам пустяковое. Но впереди — сплошной лесной массив, изрезанный ниточками многочисленных рек.

Вы бывали когда-нибудь в заброшенных таежных лесах? Полное бездорожье, сплошной бурелом, коряги, ямы, кочки... Иногда, для того чтобы преодолеть всего лишь километр этой заросшей чащобы, требуется полдня, после чего валишься под какой-нибудь могучий кедр совершенно обессиленным.

Но по сравнению с джунглями — это просто прогулка по заросшему травой полю. Помимо того, что джунгли сами по себе являются серьезным препятствием, здесь в изобилии водится всякая ядовитая нечисть. На суше ядовитые муравьи льютури, летучие гигантские муравьи-листорезы, ядовитые жабы, лягушки и пауки, свыше двухсот тридцати видов змей... Ягуары и пумы, у которых начинается брачный период и тогда они становятся крайне агрес-

сивными. Да что там говорить — даже стая обычных обезьян (а в лесу они кишат) может забить вас плодами деревьев и сучьями, если вы им чем-то не понравитесь. А в воде кайманы (до шести метров длиной), анаконды (до девяти метров длиной) и маленькие прожорливые пираны, способные в пять минут оставить от забредшего в реку быка только скелет. Впечатляет?

— Где взять проводника? — Старик был крайне озабочен, — без местного сопровождающего в джунгли нечего и соваться. Не давать же объявление в газету? Да и сомневаюсь я, что здесь издаются газеты...

Я с ним был вполне солидарен насчет джунглей. Более того, я считал, что и с проводником мы обречены там на неминуемую гибель от водившихся в жутких непроходимых зарослях всяких суперядовитых тварей. И ступив под густой полог неведомой растительности, мы обрекали себя на иной отсчет наших жизненных часов. Именно часов. Наша жизнь будет измеряться уже этими скоротечными отрезками времени, как у русских пехотных офицеров на Восточном фронте в Первую мировую войну, средняя продолжительность жизни которых равнялась четырнадцати часам.

Но перечить возбужденному напарнику не стал, опасаясь вызвать еще большую активность и напористость, типа «быстро встаем и отправляемся туда немедленно!» Нет, поищем-ка лучше, не спеша, проводника, изучим подоскональней экологическую ситуацию и поспрошаем местный народ на предмет выживаемости в тамошних окрестностях. Время лечит от всего. Глядишь, и пройдет у моего напарника желание отправляться в неведомую и крайне опасную даль. Особенно, если выяснится, что намерни парочку аборигенов схарчила стая пятиметровых крокодилов. А вообще, путники, осмелившиеся сунуть свой нос в сельву, являются традиционной и излюбленной пищей этих кровожадных бревнообразных чудищ, которые только и ждут добычу в засаде, прикидываясь мирными упавшими стволами деревьев.

А где еще можно вдоволь наслушаться подобных леденящих душу историй? Конечно же, в местном кабаке. Крепкие напитки способствуют даже самому скудному воображению. Послушайте-ка наших рыбаков и охотников у костерка, да под водочку. Какой-нибудь среднеевропеец и загнется от страха, вкусив вместе с горячительным пойлом были о трехметровых сомах, заглатывающих рыбаков вместе с их лодками, и диком злобном вепре величиной с носорога.

— Действительно, — лицемерно и быстро подтвердил я, — газеты — это вряд ли, в этой глуши. Да и подходящей доски для объ-

явлений нам тоже вроде не попадалось на глаза. Значит, надо идти в трактир. Только в живом общении с туземцами, под стук стаканов с текилой можно произвести глубокую и надежную разведку особенностей тутошней природы и вывести адресок соответствующего специалиста по ее преодолению.

— Ну, текилу тут вряд ли отыщешь... — раздумчиво буркнул Старик, но немедленно извлек свой бумажник и стал изучать его содержимое на предмет наличности.

Щелк. Внезапно погас свет, и обнаружилось, что в номере уже довольно темно. Мы выглянули в окошко. Та же картина. Но в домах потихоньку начало появляться освещение от различных источников света. Засветились и некоторые вывески. Так вот для чего здесь стоит керосиновая лампа.

Пришлось ее зажечь, поскольку тьма в этих широтах опускалась мгновенно. Старик же невозмутимо продолжил изучение своих финансов.

— Хватит даже на пару хороших попок на Монмартре! — удовлетворенно возвестил он, — ну, что — двинули?

— Куда? — удивился я, — в такую-то темень...

— Кабаки должны работать в любых условиях, — рассудительно заметил Старик, — даже, если весь мир перевернется. На то они и кабаки.

И он оказался прав. Словоохотливый портье пояснил, что вышла из строя подстанция, что здесь случается довольно часто, и указал нам направление на ближайшее питейное заведение, подтвердив, что оно несомненно будет работать.

На улице было относительно тихо, и лишь где-то в центральной ее части бойко тархтел какой-то движок.

Трактир, или как его по-здешнему называть, находился именно там и никак себя специфически не обозначал, являя собой точно такую же приземистую каменно-глиняную постройку, как и прочие строения, хаотично разбросанные по многим городским улицам, не получившим еще современной застройки. Никакого аварийного уличного освещения не было, и приходилось довольствоваться скудным светом звездно-лунного неба и светившимися полосками окон близлежащих домов. Впрочем, по приближении к сему питейному заведению над его открытой настежь дверью обозначивалось и некое подобие вывески. На струганой двухметровой доске, окрашенной в грязно-желтый цвет, змеилась красная надпись «Απακονδα», а сбоку над дверью горел настоящий электрический фонарь.

Стрекот движка усилился, и нам стала понятна природа электрического освещения не только снаружи, но и внутри салуна. Это работала простейшая дизель-генераторная установка для выработки электроэнергии.

Само помещение представляло собой длинный прямоугольный зал с полутора десятком столиков. При этом столики были современные пластмассовые, правда, уже весьма неопределенного цвета, а вот табуретки и скамьи были массивными и грубыми деревянными изделиями. Как и полагается в приличном заведении, барная стойка была дополнительно освещена и находилась в самом конце зала. Большинство столиков было занято весьма специфической публикой. По причудливости одеяний, смешению различных рас и свирепости рож некоторых их представителей здесь вполне можно было снимать среднезатратный голливудский вестерн.

Музыкальное сопровождение осуществлял гитарист с унылым лицом пьяницы, мечтающего с утра опрокинуть пару стопок горячительного, одетый в синие джинсы, цветастую ковбойку навыпуск и что-то типа широкополого сомбреро. Не берусь судить о привлекательности сей музыки, но, по-моему, он тянул что-то медленное в стиле кансьона или харабе, но никак не кантри.

Мы со Стариком заняли отдельный столик неподалеку от барной стойки и стали ожидать местного полового с меню, чтобы заказать что-нибудь крепенькое и выбрать закуску, хотя бы названием напоминающую что-то знакомое и безопасное. Вместо этого от стойки к нам бодро подковылял плотно-пузатый мужичонка, расовую принадлежность которого можно было определить, наверное, лишь «после литра выпитой...», как пел Высоцкий. Он сильно хромал на левую ногу, был одет в замызганное цветастое пончо, а его причастность к руководящему трактирному племени можно было определить лишь по плутоватым заплывшим глазкам и их хищному блеску при виде денежных купюр.

Тотчас же выяснилось, что по части текилы Старик был бесспорно прав — благородными напитками здесь и не пахло, да и выбора особого не было. Из четырех видов выпивки мы выбрали ту, что смотрелась визуально более респектабельно, и, на всякий случай, предупредили хозяина о нашем самостоятельном умении открывать бутылки. Закуской послужила жареная рыба на внушительном металлическом подносе. Или, правильнее будет сказать — рыбака, поскольку она напоминала наших килек, только донельзя отощавших.

Опорожнив по стаканчику оказавшегося отвратительным, с привкусом поджаренной кукурузы, напитка, мы начали осматриваться по сторонам. И сразу обнаружили ничем неприкрытый, откровенно настырный интерес к нашим персонам со стороны обитателей трактира. На нас открыто пялились со всех сторон. Причем, не отводя благонравно взгляды при их встрече, а напротив, нагло осматривая нас с ног до головы и в упор. Приглушенный, а местами и не очень, шум, неперемный спутник незатейливых питейных заведений, как нам показалось, несколько стих при нашем появлении. Мы со Стариком переглянулись — начало общения с туземным населением нам не понравилось. «Впрочем, мерить чужой монастырь своим уставом...» — решили мы и налили по второму стаканчику майсового пойла. Рыбка, кстати, оказалась вполне подходящей закуской, хрустящей, наподобие наших картофельных чипсов, и столь же аппетитной и завлекательной.

— Дернем по третьей, — предложил Старик, разливая коричневатую, как сильно разбавленный чай, жидкость, — а потом попробуем пообщаться с местной публикой. Мне кажется, следует начать с трактирщика.

Однако местная публика сама выразила явное желание пообщаться с нами и, похоже, не самым учтивым образом. Уровень шума в трактире неожиданно возрос, и мы, успев, правда, опорожнить стаканы, подняли головы и увидели, что к нам направляется весьма колоритная личность. Это был негр худощавого телосложения и весьма приличного роста. Зарубежный писатель определил бы его рост стандартными для громил из боевиков шестью футами и сколькими-то там дюймами, а по-нашему, просто под два метра. Отличительными признаками являлись некоторое облысение лобной части головы, что для представителей этой расы крайняя редкость, и сплюснутый грушевидный нос со значительным смещением вправо. Одет он был в какие-то красные штаны наподобие кавалерийских галифе и распашонку ярко-желтого цвета — явно клоунский наряд.

— Проклятые гринго! — заголосил по-испански этот колоритный тип, подойдя к нам на расстояние полутора вытянутых рук.

Именно заголосил, ибо, несмотря на исполинский рост, в его речевом тембре преобладали высокие ноты «соль» и «ля». До Робертино Лоретти ему, конечно, было далеко, но с помощью соответствующей аппаратуры, да с применением дубль-диза, он, пожалуй, потянул бы на пол-Витаса, издающего свои финальные рулады.

Мне показалось, что вся остальная публика также приподнялась со своих мест и изготовилась к атаке.

— Что вам нужно на нашей земле! Вы грязные...

Проговорить все свои проклятия негр попросту не успел.

— Будем прорываться с боем, — буркнул Старик сквозь зубы, — иначе затопчут...

Несмотря на приглушенность голоса, в его тональности явно прослушивалась нешуточная тревога и отсутствие надлежащего душевного равновесия.

Я встал рядом, ухватив правой рукой ножку здоровенного табурета (или как они тут называются) и духовно стал готовиться к прорыву.

Кулачище моего напарника взметнулся широчайшим хуком в деревенском исполнении и угодил визжавшему противнику где-то в район между лбом и виском. Старик вложил в свой удар все свои сто десять кэгэ, и эффект получился надлежащий.

Звук лопнувшей двуручной пилы — так примерно можно охарактеризовать короткий промежуток между этой испанской нотной разноголосицей и шумным бряканьем об пол длинного костистого тела негра. Теперь эта странно раскрашенная неподвижная колода с широко раскинутыми, как сучья, руками мало чем отличалась колером своего багрово-черного лица от замызганного пола, окрашенного неведомой кистью в такие же цвета.

Мне показалось, что столь энергичный выпад был воспринят окружающими с некоторым изумлением. Видно в местном обществе было принято сначала облаивать друг друга полуцензурным штилем, а уж затем пускать в ход кулаки и подходящие предметы обихода. Но Старик-то (впрочем, как и я) не знал этих особенностей туземных обычаев и начал боевые действия неожиданно и первым, без всякой прелюдии облаивания противника.

Затем мы тотчас сделали дружное рывковое движение по направлению к дверям, но...

Баталия, похоже, началась и закончилась лишь этим первым актом. Против нас, кажется, больше никто в этом кабаке не собирался применять словесные и физические акты агрессии. Остальная часть питейного сообщества уже старательно делала вид, что наше присутствие их ничуть не интересует.

Вокруг воцарилась мертвая тишина, и только тягучий звук последнего аккорда гитарных струн обозначил как бы концовку состоявшегося действия.

И тогда Старик произнес небольшую, но, на мой взгляд, пафосную и проникновенную речь.

— Buenos dias!¹ — произнес он звучно, хотя и был уже глубокий вечер. — No somos grigos! Somos Belorussos!²

И, поскольку реакция на нашу национальную принадлежность была нулевой, решительно добавил:

— Rusos turistas!

Ну и далее в том же духе, четко при этом обозначивая наши мирные цели, исключительно в качестве туристов, прибывших лишь поглазеть на местные достопримечательности и попить местной водочки.

— Вива Че Гевара! — это было концовкой блестящей речи с воздетым вверх кулаком.

Последний лозунг вызвал слабое оживление, одобрителное кивание головами и помаленьку народ вернулся к своим обычным занятиям, уже не досаждая нам своей заинтересованностью. Негр очухался и, как нашкодившая кошка, тихо удалился за свой столик, за которым сидел также креол с внешностью и повадками отставного камердинера.

Однако наше установившееся душевное равновесие было нарушено приходом в кабак давешнего любознательного полицейского. Он торжественно внес свое тело в дверь, не потрудившись даже ее закрыть, и окинул зал взглядом взявшей след ишейки.

Битый негр почему-то оказался самым первым объектом его сыщицкого рвения. Полицейский походкой гаишника, тормознувшего машину, подошел к столику и устался на чернокожего громилу. Тот выглядел явно уставшим и недовольным жизнью. У него уже явственно заплывал правый глаз, куда пришелся могучий удар Старика.

— Что здесь произошло? — все полицейские задают этот вопрос одинаково — властно и отрывисто.

— Ничего... — буркнул негр, бросив в нашу сторону кратковременный, но испепеляющий взгляд.

— А это — что? — толстый указательный палец полицейского почти уперся в оплывающий глаз потерпевшего.

— Споткнулся и ударился о край стола, — негромко выдавил из себя негр своим характерным голосистым сопрано-дискантом.

¹ Buenos dias (*исп.*) — добрый день.

² No somos grigos! Somos Belorussos! — Мы не америкосы! Мы белорусы!

— Что-то этот стол ничем не напоминает мне предмета, способного на хороший хук.

Ого, у этого жирного копа еще и некоторое чувство юмора присутствует. Но чернокожему задире этот юмор ко двору не пришелся, и он угрюмо промолчал.

Тогда местный страж закона сделал очень нехороший прищур и навел его прямым на наш столик.

Мы, однако, сделали вид людей, увлеченных сугубо выпивкой и только ей. Старик плеснул в стаканы по порции отдающего кукурузой пойла, и мы дружно к ним приложились, стараясь не встречаться с сыщиком взглядом.

Делать нечего, полицейский прошел к барной стойке, где подобострастно изогнувшимся хозяином ему сразу был вручен полный стакан какого-то местного зелья. Он его опрокинул без замаха и потянулся за следующим. Разумеется, бесплатно — за счет заведения, как и водится во взаимоотношениях между полицией и питейными заведениями.

Затем он еще раз окинул зал фальшиво-рассеянным взглядом, сфокусировался на нас и вышел, вновь не потрудившись прикрыть за собой входную дверь.

Налицо был сыгран какой-то спектакль, но что-то в нем явно не сложилось с финалом.

— Как тебе понравился сегодняшний вечер с его премиленькими наворотами? — поинтересовался у меня Старик по возвращении в отель.

— Безобразие, конечно... Но, кажется, и у тебя напрочь отсутствуют некоторые тормозные центры, — попытался пошутить я.

Но состоявшийся нешуточный стресс не располагал к этому.

— Врубай блю-туз! — рассердился Старик. — Первое — внезапный интерес местной полиции к каким-то обычным туристам. Припомни, в каких это странах у нас когда-либо проверяли документы. Второе — попытка спровоцировать драку в этом кабаке совершенно нам незнакомым ниггером. И третье — по-твоему, эта полицейская тварь появилась в этот момент совершенно случайно?

Мы начали строить различные версии, но ни одна из них не подходила ввиду полнейшей алогичности последующего поведения негра и не давала своей целостной картины. Логичным финалом было бы привлечение нас «по всей строгости» и заточение в кутузку. Да и вообще, чем мы могли привлечь такой неожиданный интерес в этом городке?

Почти весь следующий день мы занимались покупкой необходимого снаряжения и лишь ненадолго заглянули к нашему французу с целью уточнения некоторых технических вопросов. Но вечер неожиданно внес новую нервозность в наш быт. И мы ощущали ее все последующее время постоянно.

Опасаясь возможной прослушки, мы стояли на небольшом балкончике нашего номера, отбивались от москитов и горячо обсуждали все плохое, что пытается мешать нам жить в здешних краях.

Цвеньк! Что-то звонко впилося в деревянную перекладину оконной рамы. Мы дружно обернулись на этот звук и увидели крохотную оперенную стрелу, впившуюся в дерево и слегка вибрирующую оперением. Старик выдернул ее и с интересом стал рассматривать.

— Не думаю, что такой снайперской пулей кто-то хотел поразить нас обоих и сразу... — с недоумением протянул он, — наверное, местные пионеры в охотников за скальпами играют... Ты смотри — острая какая зараза...

С этими словами он попробовал указательным пальцем острие стрелы. И здесь мне внезапно припомнились всякие истории про индейских охотников за черепами, вооруженных духовыми ружьями, пуляющими стрелами, замоченными в смертельном яде курае.

— Стой! — заорал я. — Не трогай эту гадость! Брось ее!

Старик в испуге отшатнулся и выронил стрелу.

— Уходим с балкона!

Мы бросились в свой номер и закрыли балконную дверь.

— Что такое? — Старик смотрел на меня с явным удивлением. — Какая муха тебя укусила?

— Яд ку-ра-ре! — раздельно произнес я, тяжело дыша от волнения. — Даже самая мизерная доза его смертельна... Ты оцарапал палец?

Мы бросились разглядывать его палец, до мельчайших подробностей, под ярким светом фонарика и с помощью увеличительного стекла. К счастью, палец был цел, никаких следов царапины на нем не было. Палец, тем не менее, был тщательно вымыт с мылом и обработан чистым спиртом. Казалось, все обошлось.

Но к утру вся рука Старика полностью распухла, напоминая собой длинный и толстый батон докторской колбасы, а он стал испытывать весьма ощутимую тягучую боль. Мы изрядно струхнули, ожидая самых плохих последствий.

Местный лекарь, к которому нас направил портье, все же нас успокоил. Он выразился примерно так: если бы яд проник в кровь, синьор лежал бы уже в гробу, а так — ничего страшного, обойдется. Яд проник всего лишь под кожу и оказал свое воздействие только на ткани и мышцы.

Какой это яд, он сказать не смог, мол, всяких ядовитых тварей здесь многие сотни. И дал нам каких-то таблеток, которые нужно принимать через каждые два часа. Это было утешением, хотя и страшноватым. Что же это за яд, одно прикосновение к которому чуть не лишило жизни.

Но, действительно, уже к вечеру опухоль стала спадать. А боль и, возможно, страх перед последствиями Старик глушил старинным народным средством, сами понимаете каким. К ночи он стал совершенно хорош и обращался ко мне со страстными призывами встать на тропу войны с неизвестными покусителями на его драгоценную жизнь.

Наутро рука Старика обрела свой натуральный вид и он настолько ободрился, что не потребовалось даже опохмелки его измученному организму. Вначале мы поподемизировали насчет инцидента с отравленной стрелой и пришли к выводу, что это был просто акт устрашения. По нашим познаниям, индейцы были прекрасными стрелками из духовых ружей и промахнуться, к примеру, в мощную фигуру Старика было просто невозможно. Хотели бы убить, не ждали бы нашего появления на балконе, да еще в вечернее время. Днем из любого окошка, метров с пяти, сделать это можно наверняка. Или из проезжавшей мимо автомашины — тормознул, фукнул в упор и по газам. Чего проще. Но возможен и вариант, что убить хотели только одного из нас, что ни говори, а яд-то был всамделишный. А затем совсем неожиданно стали обсуждать возможность взятия с собой нашего француза. Понятное дело, его участие сняло бы все проблемы поиска сокровищницы, но...

— А если ему станет хуже? Что сворачивать экспедицию и возвращаться назад? — я был против участия Пьера.

Старик придерживался противоположного мнения и приводил веские доводы в пользу этого.

— Да он еще нас с тобой переживет! — горячился он. — А нам потребуется чуток больше недели, чтобы возвратиться назад.

Но судьба не отвела нашему новому другу даже несчастной недели. Буквально через полчаса после этих слов к нам поднялся вездесущий портье и принес весть о кончине француза.

Два дня нам со Стариком потребовалось на похороны и выполнение его последней воли. Конечно, эта утрата была для нас болезненной во всех отношениях.

Но все было готово, и труба звала нас в поход. Единственно, что оставалось сделать — это найти проводника. Не потому что мы опасались за прохождение маршрута. Нет, здесь мы были старыми волчарами и сбиться с пути не боялись. Главной проблемой мы считали отсутствие в нашей экспедиционной команде специалиста по связям с общественностью. Проще говоря, толмача и знатока местных обычаев.

Про живущих в джунглях представителей индейских племен мы наслушались и начитались массу различных страшилок. От пожизненного рабства до прозаического людоедства. К тому же, с помощью бывалого проводника мы преодолевали бы опасности, связанные с местной флорой и фауной.

Как ни удивительно, но проводник объявился сам. По рекомендации того же гостиничного портье. Это был тамошний креол, похожий на камердинера, вольно или невольно составлявший компанию за одним столиком с речистым, но оказавшимся недрачливым негром.

Нас подкупила его искренность. Креол сразу признался нам, что был слугой нашего француза (вот откуда внешность и повадки отставного камердинера) и был изгнан по подозрению в отравлении. И тут же поклялся на карманной Библии, что к отравлению хозяина совершенно непричастен. Мы ему поверили. Как оказалось потом — зря. Но выбирать особо не приходилось, а время поджимало. К тому же наш постоянный источник знаний портье охарактеризовал его, как человека невинного и хорошо знающего здешние обычаи. Звали его Алозио.

Не буду полностью описывать наше путешествие до заветной тропы, ведущей к кратеру потухшего вулкана. В целом, страхи о джунглях, сельве и их свирепых обитателях не оправдались. Соблюдая простейшие правила безопасности, особенно в части потребления воды и пищи, а также меры предосторожности от назойливых вездесущих насекомых, можно путешествовать в этих краях месяцами. Но некоторые выдержки из дневника, который скрупулезно вел Старик, все же приведу.

Напа — левый приток Амазонки, длиной около двух тысяч километров. Нехилая речка, однако. Если сравнить ее со знакомыми нам реками, то Дон, например, будет поменьше почти на двести км, а

полноводный Рейн почти на семьсот. А протекающий по Беларуси батюшка-Неман имеет длину всего лишь девятьсот тридцать семь километров. Сличайте.

Вся эквадорская Амазония занимает почти половину территории страны. Эта зона представляет собой жаркую и влажную сельву, труднодоступную и потому не до конца изученную. Здесь мало крупных населенных пунктов, а природа осталась практически нетронутой.

Все наше речное путешествие заняло четыре дня. Вначале ширина реки составляла около четырех километров, а течение было плавным и несильным. Наш небольшой моторчик без труда тащил лодку против течения и ни разу не дал сбоев. Правый берег был высоким скалистым и обрывистым. В нем виднелись многочисленные рукотворные пещеры. То ли это были древние жилища, то ли не менее древние рудничные разработки — сложно определить. Но по вечерам из этих пещер появлялись целые тучи летучих мышей, издавая какой-то противный скрипучий шелест.

Левый берег был значительно ниже, покрыт известняковыми отложениями и глинистым песком. Временами мимо нас шла сплошная песчаная стена, высотой около трех метров, вся в черных точках ласточкиных гнезд-нор. Буквально десятки тысяч ласточек постоянно крутились в этих местах, проглатывая на лету насекомых, которых было повсюду бесчисленное множество.

По пути нам встретилось несколько десятков речных островов, поросших густым лесом. Как правило, на прилегающих к ним отмелям торчали длинные черные морды здешних кайманов. Их длина была от двух до пяти метров, а вид весьма свирепым. Что касается знаменитых прожорливых пираний, мы их не видели, но и в воду лазить не осмеливались.

Немногочисленные селения на берегах реки состоят из лачуг, построенных из стволов небольших пальм и расщепленного бамбука, а крыши покрыты широкими пальмовыми листьями. Их обитатели одеты по-разному: от набедренных веревочек с фартуком впереди до цветастых пончо. Некоторые щеголяют во вполне современной одежде. К берегам возле селений не пристаем, а задержать нас никто не пытается, лишь провожают взглядами.

На следующий день пошли вообще убогообразные пейзажи. Мы плыли мимо огромных обрывов разноцветного песчаника, преимущественно красного. Растительность была очень разнообразной и яркой. Местами река разбивалась на рукава, и тогда мы плыли

по одной из узких теснин, прямо под пологом леса. На деревьях сидели разноцветные попугаи, а над водой носились миллиарды цветастых красивых бабочек. Москиты и прочие комариные создания досаждали нам только при остановках на берегу. И никакие отпугивающие пшикалки их не отгоняли. Они пробивались сквозь любую защитную одежду и кусали очень-очень болезненно.

Удалось подстрелить утку, которые здесь в великом множестве, так же как и дикие гуси. Обезьян тоже очень много. Разных цветов и размеров, но нам они не докучали. Наш проводник Алозио сказал, что они годятся в пищу и местные жители ими не брезгают. Может, поэтому обезьяны к нам и не приближаются. Утку зажарили на костре — необыкновенно вкусна. Кроме того, наш креол походил по песчаному берегу и набрал множество небольших черепаших яиц, которые оказались превосходными в запеченном виде. Хотя, на мой взгляд, это нехитрое блюдо несколько портил какой-то масляный привкус.

К ночи мы вынуждены были пристать к небольшому островку и сразу же подверглись жесточайшей атаке очень свирепых насекомых. Эти крохотные крылатые твари кусались так, будто в тебя втыкали хорошую сапожную иглу, оставляя в местах укуса кровавые волдыри и вызывая нестерпимый зуд. Алозио называл их табана и предупредил, что если начать чесаться, может образоваться долго не заживающая гноящаяся рана. От этих бесшумных стервятников нас спасли спальные мешки и противомоскитные сетки на голову.

Наутро из спальных можно было выливать пот. Вода в реке была очень теплой, и появился соблазн хотя бы обмыться ей, стоя по колено. Тем более что кайманов видно не было, как и кровожадных пираний. Однако Алозио сказал, что здешние места изобилуют электрическим угрем, одного разряда которого достаточно, чтобы полностью парализовать человека. Еще более мерзкой рыбой является кандиру. Ее небольшое тело сплошь покрыто мелкими, направленными к хвосту зазубринами. Она всегда норовит скользнуть в естественные отверстия тела человека, а извлечь ее оттуда уже невозможно — препятствуют зазубрины. Спасение возможно лишь хирургическим путем, иначе мучительная смерть. А на песчаном дне реки обитают ядовитые скаты. После этих рассказов купаться сразу расхотелось, и с этого времени мы уже не расставались со спасательными жилетами. Хотя какой с них прок...

Новый день также оказался очень жарким. Табана и москиты исчезли, а их место заняли ужасно кусачие мухи, летавшие целы-

ми роями. Пришлось надеть защитные комбинезоны, а головы спрятать под накомарниками. Это была настоящая парилка. В результате всех этих мер Старик, как он сказал, потерял в весе с десяток килограммов.

Один из участков реки мы проскочили на предельной скорости. Причиной этого было то, что, по словам нашего проводника, в здешних лесах проживало племя каннибалов. Они съедали не только случайных пленников и врагов, но и своих покойников. Нам со Стариком это показалось преувеличением, но рисковать мы не стали и молились про себя, чтобы мотор не заглох.

И все время нас не оставляло впечатление, что вслед за нами идет еще одна моторка. Не раз и не два, когда мы глушили свой мотор, вдали раздавался стрекот чужого, который сразу затихал. Однако Алозио объяснил, что это просто такое эхо, присущее джунглям. Однажды навстречу протарахтел катер с туристами, которые махали нам руками и радостно галдели.

Под вечер нас испугала речная выдра. Старик сидел на кормовой банке и чуть не сверзился в реку, когда она, высунувшись из воды до плеч, залаяла ему почти в лицо. А затем целая троица этих зверьков начала преследовать нас и шипеть. У Старика чесались руки всадить в их шкуры хороший заряд, но креол сказал, что выдры это хорошо. Там, где обитают выдры, нет зубастых кайманов, которые смертельно боятся этих речных обитателей. Река сузилась до одного километра.

Что же касается птиц, то их пение и гомон стояли над нами все дни, а некоторые из них издавали зловещие крики ночью. Но как такового птичьего пения (как у нас, например, соловьи, дрозды и прочие) мы не слышали. Только стрекот, свист, клекот и шипение.

На четвертый день стала видна горная цепь с многочисленными вершинами в снежных шапках. На низком правом берегу виднелись какие-то пальмовые лачуги, и несколько голых мужчин при нашем приближении высыпали на берег с луками. Здесь Алозио также предложил прибавить скорость. По его словам, здесь проживало племя, совершенно не знавшее никакой цивилизации. Случайно оказавшись здесь индейцы из других племен сразу же попадали в пожизненное рабство. Однажды к ним забрели двое белых, кажется геологи — они тоже стали рабами. Их искали и даже послали специальную воинскую команду на двух катерах с пулеметами для вызволения несчастных. Вооруженные солдаты высадились на бе-

рег, но индейцы боя не приняли и ушли глубоко в непроходимые джунгли, оставив только пустые дома. Военные за ними не пошли, опасаясь засад и отравленных стрел. Пожили здесь несколько дней, разбив лагерь на берегу и пуляя по ночам в воздух осветительными ракетами, а затем сожгли хижины и убрались восвояси. Алозио знает эти подробности, поскольку был у них проводником.

Через час мы свернули в левый безымянный приток, а через пару часов еще в один приток, в него впадающий. Ширина его была не более шести-семи метров, а из воды торчали многочисленные камни. Здесь мы заглушили наш мотор, и дальше плыли очень медленно, отталкиваясь от дна и берегов шестами. К одиннадцати часам мы прибыли на обозначенное на карте место, где начиналась горная тропа, ведущая к потухшему вулкану.

— Все. Дальше мы идем одни, — решительно сказал Старик креолу, — жди нас здесь.

Мне показалось, что при этом Алозио злобно сверкнул глазами. Тем не менее, креол безмолвно подчинился и сразу же стал сооружать себе помост в тени деревьев. Мы же взвалили за спину рюкзаки и ружья и медленно двинулись по едва заметной тропе, протоптанной в стене джунглей дикими животными. Скорее всего, она вела к водопою. Именно эта тропа была обозначена на карте француза тонкой извилистой и прерывистой линией. Дорога забиралась круто вверх и иногда сквозь частокол деревьев мы видели впереди скрывающуюся в сплошном мареве облаков заветную конусообразную вершину, обрамленную блестящими в солнечных лучах черными лавовыми кольцами.

Пять часов трудного мучительного подъема по узкой каменистой горной тропе, с двумя привалами, вымотали нас окончательно. Разреженный воздух рвал легкие и заставлял заходиться сухим частым кашлем. И все же мы добрались до очередного перевала, где нас уже ждал неприятный сюрприз.

Тропа, обозначенная на карте, по которой мы должны были подниматься дальше, была полностью засыпана громадной каменной осыпью. Крутой склон осыпи, казалось, шевелился как живой. Попытки ступить на нее и двигаться вверх оказались неудачными. Представьте себе, что вы стараетесь взойти наверх крутого и высокого песчаного бархана. Песок осыпается под ногами и скатывается вниз, а вы просто буксуете на месте, перемалывая ногами этот самый песок. То же самое. Только вместо песка мельчайшие острые камушки.

Только начинаешь движение, как сверху слышится отчетливое шуршание, свидетельствующее о том, что эта подвижная каменная гора в любой момент готова начать свое поступательное движение вперед и накрыть следующий участок вместе с тобой. Нечего было и думать, что ее удастся преодолеть. Тем более что впереди наверху весь склон был усыпан громадными шапками аналогичных каменистых осыпей, которые могли при малейшем нарушении баланса превратиться в исполинские оползни, сметающие все на своем обвальном пути. Покойный француз почему-то умолчал об этой опасности.

Бросив на землю подстилку, мы скинули рюкзаки и ружья и мешками свалились на нее. Где-то с полчаса так и лежали, не поднимаясь, и не разговаривая друг с другом.

— Приплыли? — наконец-то хрипло бросил Старик, вложив в это слово максимум вопросительной интонации.

— Похоже на то... — уныло согласился я.

— Что будем делать?

— Дорогу осилит идущий, — проскрипел я в ответ.

— Ты предлагаешь двигаться дальше? — удивился Старик. — Что-то я тебя не узнаю.

— Прodelать путь в одиннадцать тысяч километров и сдаться в паре-тройке кмэ от цели? — вопросом на вопрос ответил я.

— Есть конкретные предложения?

— Надо поискать обход.

— Да разве можно продрагаться через этот сплошняк без бульдозера и динамита... — Старик кивнул поочередно по обе стороны засыпанной тропы, где густой стеной стоял первобытный лес.

— И все же есть некоторые соображения.

— Излагай.

— Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет...

— Кончай эти дурацкие прибаутки! — раздраженно рявкнул мой напарник. — Или маленько на солнце перегрелся...

Да, нервы у нас были уже на пределе.

— Я к тому, что эта тропа водопойная, — вкрадчиво намекнул я.

— И что — захотелось водички из болотца напиться?

— Да нет. Просто животным все равно нужно пить. Значит...

— Значит, они будут искать обход по направлению к источнику воды, — радостно подхватил Старик.

На радостях он попытался наградить меня хлопком по спине своей увесистой дланью, но я сумел увернуться. Дальше мы достали свои фляги и вдосталь хлебнули тепловатой, но вкусной водички.

Отдохнув, мы попытались визуальнo определить дальнейшие следы животных, но следопыты из нас оказались хреновые. Каменистая почва желанных улик не оставила. С помощью навигатора мы зафиксировали наше положение, чтобы не заблудиться в джунглях, и отметили точку вероятного прибытия. А затем двинулись по левой стороне от тропы, внимательно изучая все, даже самые крохотные прорехи в сплошной серо-зеленой стене джунглей.

Есть! Это была почти неприметная тропка, уходящая вглубь, но явственно протоптанная копытами и лапами диких животных. Продираясь сквозь эту кишашую насекомыми чашу, мы растеряли остатки своих сил. Однако останавливаться было нельзя — вся эта ползущая, звенящая кусачая и кровососущая нечисть мгновенно облепила бы нас недвижимых с ног до головы и можно бы было только успеть прочесть отходную молитву. Поэтому мы почти на карачках упрямо лезли вперед, обливаясь потом и прислушиваясь к бешено стучащим сердцам. И были вознаграждены за это.

Внезапно стена джунглей распахнулась перед нами, остановив свое неумолимое движение перед блестящим лавовым кольцом. Оно уходило в обе стороны широкими гладкими полосами, круто обрывающимися вниз. Скинув рюкзаки, мы подползи к краю обрыва и надолго затаили дыхание от открывшегося величественного зрелища.

Панорама казалась просто нереальной. Горные цепи простирались с юго-востока на северо-запад рваными зубчатыми обрывками. С двух сторон расстилались обширные равнины, покрытые неровными зелеными, всех мыслимых оттенков, и коричневатými пятнами. Местами в них проблескивали бусинки голубых озер и по очертаниям границ угадывались невидимые ниточки рек и ручьев.

В середине два узких горных хребта образовали здесь тесное ущелье. Далеко внизу в ущелье, укрытая почти вертикальными скальными отрогами, простиралась плоская долина, а в ней, как в селедочнице, лежал огромный город. По прямой до него было не более трех километров.

Вначале мы даже подумали, что он обитаемый. Однако присмотрелись и не заметили никаких признаков жизни. В бинокль были хорошо видны какие-то прямоугольные арки, сложенные из огромных плоских камней, приземистые двухэтажные дома с широкими террасами, сооруженные из крупных каменных блоков, обломки круглых колонн, статуй и просто каменные, беспорядочно разбросанные глыбы. Все это было подернуто пестрой ряской

зелени, облеплено тропическими растениями-паразитами. Город был окружен тесными стенами джунглей со всех сторон. Казалось, они пытались сжать и раздавить этот заброшенный росток древней цивилизации.

Но джунгли не смогли полностью задушить город своими тесными объятиями, поскольку его улицы и площади были выложены массивными каменными плитами, не дающими развернуться зеленому чудищу. Конечно, трава и некоторые деревца пробились и между плит, покрыли плоские крыши каменных зданий, а лианы опутали все своей затейливой паутиной.

Повсюду виднелись руины более колоссальных сооружений. Посередине раскинулась широкая площадь, вымощенная все теми же массивными каменными плитами, в центре которой возвышалась огромная колонна из полированного черного камня. Поражала гигантская статуя полуобнаженного человека, стоящего в свободной позе наверху колонны. Левая рука его покоилась на бедре, а правая была вытянута вперед и указывала на север. Никакого оружия при человеке не было.

Мощные руины на правой стороне площади, судя по сохранившимся резным украшениям и причудливой лепке, могло быть не чем иным, как дворцом местного вождя. К нему вела широкая каменная лестница с выщербленными ступенями. Напротив дворца сохранились руины другого огромного здания. Очевидно, это когда-то был храм, поскольку его портики украшали остатки различных статуй, вероятно, изображавших богов.

Что разрушило этот древний город, без сомнения один из центров какой-то индейской цивилизации? Извержение вулкана? Маловероятно. Были бы остатки лавы, пемзы и прочих вулканических выделений. Вражеское нашествие? Тоже не факт. Захватчики не могли нанести городским зданиям столь серьезные повреждения. Землетрясение? Вполне возможно. Хотя должны быть следы земных подвижек — земляные холмы, расщелины, сдвиги каменных, громоздящихся друг друга, плит. Загадка, которую нам, увы, сейчас не разгадать.

Старик заснял эту великолепную панораму портативной цифровой видеокамерой, а я внес координаты древнего заброшенного города в наш навигатор.

Судя по всему, этот город сверху также не был виден — горные цепи надежно укрыли его своими узкими высокими и почти отвесными хребтами. Его можно было увидеть только между ними со стороны: с юго-востока и с северо-запада.

Однако на нас быстро опускалась тропическая ночь. Продолжая обсуждать увиденное, мы разожгли два костерка со стороны лесной чащобы для защиты от докучливых насекомых и пресмыкающихся и залезли в спальные мешки. Расположились мы на широкой лавовой полосе.

Ночь прошла спокойно. Утро окрасило величественную панораму в какой-то нереальный пепельно-розовый цвет. Мы быстро попили кофе, сжевали по сделанному наспех бутерброду и двинулись прямо по лавовой полосе на север, по направлению к отмеченной на карте и навигаторе точке. Идти было легко, но дышалось с трудом. Слева по-прежнему простиралась стена джунглей. По дороге пересекли несколько неглубоких ручьев с очень прозрачной и холодной водой. Они вытекали из джунглей и низвергались вниз, через край лавового кольца, сверкающими шумными водопадами.

К полудню мы почти обогнули гору с запада, и навигатор показал, что пора менять направление на северо-восток. К счастью, нам вновь встретился ручей, исток которого, по-видимому, находился в нужном нам направлении. Его ширина была около трех метров, и эта лента воды ниспадала с края лавового потока с высоты около сорока метров. Мы сделали последний привал, пополнили наши запасы воды и плотно пообедали.

На всякий случай перезагрузили навигатор и вновь определили точку нашего финиша. Согласно показаниям умного прибора, до нее оставалось всего лишь восемьсот семьдесят три метра.

Пора доставать инструкцию Пьера и точно следовать ее установлениям. Привожу ее полностью со стилем и орфографией оригинала.

«Напиток из бругмансии. Бругмансия — это “цветы крадущие разум”, так называют их индейцы. Растения встречаются в диком виде на островках, находящихся среди непроходимых болот в некоторых местах левого бассейна реки Амазонка. С помощью этого эликсира начинаешь видеть сквозь стены, сквозь землю. Принцип эхолота. Появляется эхолокация, как у летучих мышей.

Эти семена надо посадить в землю и постоянно обильно поливать, уже через два-три часа они дадут всходы, у которых быстро вырастут мясистые листья, а еще через два часа каждое растение взметнет яркосиреневый цветок на длинном стебле. Его нужно тотчас сорвать, пока не опали лепестки, и заварить в горячей воде, не доводя ее до кипения. Настой будет готов уже через 5—7 минут, без цвета, но с сильным запахом ванили. Выпить, пока горячий, глотков десять.

Через минут пятнадцать появляются необычайные чувства. Человек начинает видеть мир в очень ярких ненатуральных красках, а все предметы будут иметь резкие очертания. Затем появится ощущение, будто ты испускаешь невидимые волны (ультразвуковые, инфракрасные или м. б. типа рентгеновского излучения). Трудно объяснить на словах. Человек начинает видеть невидимую глазом окружающую структуру: пустоты, скрытые в стенах, в земле и, напротив, различные плотные сгустки материи.

Таким образом вы обнаружите скрытый заросший растительностью вход в колодец. Это стелющиеся очень прочные и быстрорастущие растения. Вход зарастает очень быстро, опутывается лианами и тщательно маскирует довольно узкое отверстие входа. Будучи переплетенным, легко выдерживает вес человека или животного. Вероятно, растения посажены древними индейцами именно с этой целью. Расчистите вход с помощью мачете. И спускайтесь вниз по прочной веревке. До дна около двенадцати метров. Затем вы попадете в длинный извилистый туннель со многими ответвлениями.

Несмотря на то, что его длина не превышает двухсот метров, для его преодоления потребуется значительное время, так как создатели сокровищницы и их преемники инка соорудили на этом пути ловушки, отравленные ядами участки и ложные ходы, ведущие в никуда. Ваше новое видение мира позволит избежать ловушек, подготовленных индейцами для непрошенных посетителей. В основном это хорошо замаскированные бездонные колодцы естественного происхождения, которые за многие века проточили подземные воды. Я примерно обозначил их на карте.

На вашем пути встретятся две обширные пещеры. В каждой из них имеется несколько проходов, в виде довольно узких нор. Лишь один из них ведет дальше к сокровищнице, остальные — ложные. Исходите при выборе дальнейшего пути из простой вещи: древний носильщик золотых изделий проходил по этому узкому и низкому ходу с поклажей. Прежде чем продолжать путь по избранному проходу следует осветить его фонарями, как можно глубже. Если впереди видно значительное сужение, то этот ход, скорее всего, ложный. Лежащие там человеческие кости также указывают на то, что этот проход — ловушка. Это останки неосторожно уклонившихся с маршрута индейцев, проносивших золото. Не исключена также их принадлежность к проникшим в туннель грабителям, попавшим в западню.

Есть места, где нора вначале сужается, но дальше просматривается ее расширение. Попытка протиснуться в этом месте дальше

приведет к попаданию в каменный мешок. Дальше хода фактически нет, а развернуться в нем невозможно, чтобы вылезти назад. Невозможно оказать и помощь попавшему в эту коварную ловушку. Такого человека ждет медленная смерть от истощения.

Есть еще узкие участки проходов, пролезая через которые, человек наверняка будет вынужден касаться различных выступов и придерживаться за их поверхность руками. Они обработаны сильнейшими ядами. Прикосновение к таким поверхностям привело бы к мгновенной смерти, но за многие столетия ядовитая органика распалась и стала практически безвредной. Тем не менее, проходить такие участки следует с крайней осторожностью, полностью укутавшись в полиэтиленовые дождевики, руки должны быть в перчатках, все это надо по прибытии выбросить, а перед обратным путем надеть на себя новую защиту.

Преодолев весь путь, вы попадете в главную пещеру, являющуюся хранилищем сокровищ древних индейцев. Она представляет собой естественную каменную полость неправильной овальной формы, размером примерно 16 x 9 x 5 метров.

Среди невообразимого множества разновидностей золотых изделий встречаются запечатанные золотые сосуды прямоугольной формы в виде двойной совмещенной бутылки.

Я не удержался и распечатал один из них — отсюда, я полагаю, и моя загадочная болезнь. Там сохранялся яд, предназначенный для непрошенных любопытных посетителей. Его смертельные свойства со временем ослабли, поэтому сразу он меня не убил, но продолжает убивать мой организм постепенно. Будьте крайне осторожны. И да хранит вас Господь».

Чтение последних указаний покойного Пьера не прибавило нам оптимизма. Основные трудности и сопряженные с ними опасности были еще впереди. Сегодня семена уже не посадишь, так как нужный результат (распускание цветка) может быть достигнут только к позднему вечеру.

Чтобы не терять времени, двинулись по руслу реки на северо-восток с включенным навигатором. С обеих сторон громоздились совершенно непроходимые джунгли. Вода в ручье была очень холодной, прозрачной и чистой. Идти было тяжело, поскольку дно ручья было усеяно крупными и мелкими камнями, а брести по воде приходилось по колено против течения. К тому же мы взбирались на гору. Останавливались через каждые сто метров и долго отдыхали.

К вечеру мы вышли к очередному лавовому кольцу. Ручей огибал его стороной и терялся где-то в зарослях джунглей. Навигатор показывал, что до нужной нам точки осталось всего сорок восемь метров. Но нужно было сворачивать направо и пробиваться к ней через джунгли. Мы выбрали наиболее незаросший растительностью участок и вырубили мачете и топориком небольшую полянку на правом берегу ручья, чтобы устроить здесь ночлег.

Время до заката солнца еще было, и мы стали прорубать себе путь к искомой точке. Это было трудным занятием. Толстые стволы крупных деревьев приходилось огибать, поэтому пробитая в чащобе узенькая тропка петляла из стороны в сторону, невольно удлиняя наш путь. До сна мы прорубили всего лишь около пятнадцати метров.

Очередное утро началось с посадки семян бругмансии. Старик освободил пластмассовый контейнер из-под ветчины, насыпал туда земли, воткнул с десятков семян и обильно полил водой из фляги. Водичкой из ручья поливать было опасно: ввиду ее низкой температуры она могла погубить семена. Контейнер был оставлен на берегу ручья, а мы продолжили прорубаться к нашей цели. Этот тяжелый труд длился еще почти пять часов, на протяжении которых мы не забывали поливать наши всходы.

И вот, наконец, навигатор запищал, указывая на то, что мы достигли отмеченной точки. Над нами нависала козырьком громада лавового кольца, а вокруг по-прежнему вздымалась непроходимая стена леса. Джунгли не могли вплотную подобраться к этому кольцу, поскольку почва здесь была буквально каменной и вдобавок покрыта гладкими лавовыми языками.

Как же нам попасть наверх? Высота была около семи метров, но казалась непреодолимой. Попытки забросить наверх веревку с трехлапым крюком ни к чему не привели. Острый крюк просто скользил по гладкой поверхности лавы. Тем временем наша бругмансия, как и писал француз, уже взметнула вверх несколько длинных стеблей, грозя выбросить цветки «крадущие разум». Времени было в обрез. Как же вверх забирались индейцы, да еще с тяжелой поклажей?

— Послушай, — произнес вдруг Старик, — а ведь здесь должно быть окончание горной тропы, по которой мы не смогли пройти из-за осыпи. Но ее следов почему-то нигде не видно...

— Значит, — задумчиво сказал я, — между показаниями навигатора и фактической точкой произошла какая-то разбежка. Впрочем, это естественно — точки на карте навигатора и на нашей километровке могут и не совпадать.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Старик.

— Нужно искать конец горной тропы. Он может находиться или впереди или сзади нас. Надо идти под козырьком лавового кольца и внимательно изучать край джунглей.

— Точно! — обрадовался Старик, сразу поняв суть моих слов, — ставлю вам «отл.», Ватсон. Вперед!

— А может надо назад?

— Нет, спинным мозгом чувствую — только вперед!

Чутье Старика не подкачало — буквально через два десятка метров мы обнаружили горную тропу, ведущую к расселине в лавовом кольце. А внизу лежал громадный обломок скалы. Вероятно, он вначале возвышался вверх утесом и лавовые потоки извергающегося вулкана огибали его с двух сторон. А затем, возможно, сильно разогревшись, этот утес откололся от скалы и рухнул вниз, образовав вверх зияющую расселину. От обломка до края расселины было чуть более трех метров, которые следовало преодолеть.

Не мудрствуя лукаво, мы быстро свалили наземь две небольшие пальмочки, отрубили их верхушки, скрепили перекладами, и у нас получилась превосходная крепкая лестница.

— Вперед и вверх, а там... — рывкнул неожиданно Старик, безуспешно пытаясь симитировать хриловатый голос Высоцкого, — ведь это наши горы! Они помогут нам!

Я рассмеялся в радостном возбуждении, и мы полезли наверх. Край расселины обрывался, открывая внизу почти идеально круглое жерло потухшего вулкана. А посередине блестело ярко-изумрудным оттенком зеркало небольшого округлого озера диаметром около семидесяти метров.

Сразу же запахло протухшими яйцами, верный признак сероводорода, и аммиаком.

— Пора надевать противогазы, — произнес я, — а то отравимся еще.

— Не думаю, — ответил Старик раздумчиво, — концентрация вредных веществ здесь ничтожно мала и нам не повредит. К тому же, как мы будем пить настой бругмансии?

— Мы? Нет, я думаю, это должен сделать один из нас, — возразил я. — Вдруг это зелье приведет к потере сознания? Тогда другой может оказать необходимую помощь.

— Согласен. Значит, бросаем жребий.

Выбор providения пал на меня. Цветки в контейнере начали распускаться, и настой был быстро приготовлен в точном соответствии с инструкциями покойного француза.

Конечно, я страшно волновался. Глотнешь этого зелья, да сразу и загнешься. Кто знает, как оно действует на человека? Француз в этом деле — не показатель. Может та страшная болезнь, которая свела его в могилу, как раз и есть следствие приема настоя бругмансии? А вовсе не предполагаемый яд из золотого сосуда...

Я с тоской обвел взором окружающую панораму. Горные хребты с заснеженными вершинами, заросли джунглей внизу, висящее низко над сельвой багровое солнце... А впереди, в кратере потухшего вулкана, совершенно мертвый мир, над которым висела неподвижная тишина. Здесь не было видно ни птиц, ни даже вездесущих насекомых. И почти никакой растительности, за исключением темных пятен стелющейся внизу зелени, одно из которых якобы скрывало вход в сокровищницу...

Ей-богу, остро хотелось жить. Эх, была — не была!

И я короткими нервными глотками стал поглощать приготовленный напиток.

Минуты две-три я ничего не ощущал, лишь глупо пялился на Старика, а он на меня. Но затем в висках запульсировало, и я ощутил необычайный подъем душевных и физических сил. Мир кардинально изменился. Я стал слышать все звуки: пение невидимых птиц далеко в лесу, шум далеких водопадов, отдаленные крики обезьян, неожиданно шумное дыхание своего напарника. Окружающие предметы приобрели очень резкое очертание и чрезвычайно яркие краски. Обоняние коробило от пронзительного запаха тухлых яиц, аммиака и еще чего-то затхлого.

Но, главное, земля раскрыла мне все свои тайны. Каким-то невидимым зрением в моем мозгу стали распечатываться все подземные пустоты. Прямо под нами находилось русло древней подземной реки размерами с тоннель метрополитена. Вода в нем давно иссякла, как и во впадавших в него крупных ручьях, впившихся в мертвое ложе затейливыми, как сучья, извилами. В скальной породе, составлявшей основу горы, проступили разнообразные каменные мешки и каверны.

— Все в порядке, — сказал я Старiku, — мне открылись все потаенные места. Пошли вперед.

Он кивнул головой, пристроил к уху портативную радиостанцию и натянул противогаз. То же самое сделал и я. Мы двинулись вниз к скрытому жерлу вулкана по узенькой извилистой тропинке, протоптанной людьми, змеящейся по склону кратера.

Еще на расстоянии с четверть километра от озера, нашим глазам предстало жутковатое зрелище. Вдоль тропы лежали очень белые

человеческие кости и черепа. Целых скелетов не было, однако мы насчитали одиннадцать черепов, провожавших нас пустыми глазами. Между костями можно было увидеть почти полностью источенные коррозией металлические предметы, точнее их жалкий прах. Лишь в одном из них можно было угадать кирасу. Вероятно, она была сделана из более качественного металла и была покрыта позолотой, которая сохранилась. По-видимому, она принадлежала знатному дворянину, предводителю этого маленького отряда. Без сомнения это были останки испанского отряда, двинувшегося на поиски индейской сокровищницы.

Мы спустились на относительно ровную поверхность, укрывавшую жерло потухшего вулкана. И я даже шархнул назад, изрядно напугав спешившего вслед Старика. Дело в том, что передо мной разверзлась невидимая бездна засыпанного кратера вулкана. Приобретенная мной способность видеть пустоты, не смогла ни усмотреть дна этой округлой пропасти, ни измерить ее глубины. Я попытался отключить в своем мозгу дальнюю локацию и сосредоточиться на близлежащих пустотах, и мне это удалось.

До блесневшего исполинским изумрудом озера осталось около семидесяти метров. Его поверхность была совершенно неподвижной — никаких волн или даже ряби. Как Мертвое море в Израиле, на котором я когда-то побывал. Но озеро нас не интересовало, наоборот, от него следовало держаться подальше. Где-то здесь, справа, должно быть место вертикального спуска в тоннель, ведущий к главной пещере, где нас ждали неисчислимые сокровища. Именно это место было обозначено крестиком нашим французом.

Я сделал знак Старика оставаться на месте, а сам осторожно ступил на оплавленную каменистую поверхность. Там и сям зеленели островки зелени, самые крупные из которых достигали размеров половины теннисного корта. Растения были ползучими и росли крупными пучками, разбрасывая вокруг свои длинные, как у спрута, щупальца. Их в свою очередь обвивали кольцами лианы толщиной с большой палец руки. Листья этой удивительной растительности были частыми, круглыми и на вид очень жесткими. Все эти щупальца хаотично переплетались друг с другом и с лианами и плотно закрывали каменистую поверхность довольно толстым ковром.

По понятным причинам я избегал ступать на эти зеленые ковры и медленно бродил между ними. Хотя и говорил покойный француз, что эта подстилка может выдержать вес человека и животного, про-

верить это утверждение на собственном примере я не хотел. Ахнешь в разверзшуюся пустоту и костей не соберешь. Перед глазами все еще стоял распахнутый бездонный зев вулканического жерла.

Стоп! Вот оно. Отверстие в земле. Или она. Скрытая внизу пустота. Или он. Вертикальный колодец, ведущий в тоннель. Как ни назови — это было наверняка то, что мы искали.

— Есть! — закричал я Старику осипшим голосом, от волнения совершенно забыв, что кричать совсем не обязательно, у нас имеется радиофицированная связь.

— Понял! — тоже осипшим голосом и также криком откликнулся напарник.

Первым делом он извлек навигатор и отметил на нем найденную точку. Затем осторожно двинулся по направлению ко мне.

— Здесь вертикальная пустота, — ткнул я в центр зеленого пятна по правую руку от себя, — глубина больше десяти метров — то, о чем писал француз в своей инструкции.

— Что ж, не будем терять времени — прорубаем окно. Кто знает, сколько будет еще действовать настой бругмансии.

И вот мы уже внизу. Вверху светится бледное пятно пробитого нами окна. Здесь крошечная темнота, а впереди уходящий вдаль черный зев туннеля. Компас навигатора показывает направление строго на север, как раз по направлению к изумрудному озеру. Мы глубоко под землей. С внешним миром нас связывает лишь прочная нейлоновая веревка, привязанная к альпинистскому крюку, вбитому в расселину скальной породы. Есть еще возможность отказаться от дальнейшего продвижения к сокровищнице, на пути к которой изобилуют различные смертельные ловушки.

Включаем фонарики. Так и есть, судя по внешним признакам, это не рукотворное сооружение. Много веков подряд вода ручья или небольшой реки проделала этот тоннель, неустанно расширяя его с помощью мириад песчинок и мелких камушков. От этого кое-где своды кажутся полированными.

Открытые участки кожи чувствуют дуновение ветерка. Значит, тоннель имеет и другие выходы наверх и, следовательно, вентилируется. Думаю, что здесь можно снять противогаз, и говорю об этом Старику. Он согласен, но говорит, что сделает это первым, так как я являюсь ясновидящим и мною нельзя рисковать.

Противогаз Старики вначале осторожно приоткрывается снизу, где присоединен фильтр, он на некоторое время замирает в готовности вновь натянуть защитную резиновую маску, но затем снимает ее

полностью. Несколько помедлив, то же самое делаю и я. Воздух чист и не содержит запахов аммиака и протухших яиц. Действительно, откуда здесь взяты ядовитым испарениям, они ведь поднимаются вверх.

Продолжаем выполнять инструкции покойного Пьера. Надеваем наглухо застегнутые полиэтиленовые дождевики, а на руки тонкие прорезиненные перчатки. Рюкзаки с припасами и оружие оставляем здесь. Диких зверей в здешних местах наверняка не водится, а против привидений или иных фантомов—обитателей подземелья ружья бессильны. С собой берем навигатор, на котором наш путь будет отмечен до сантиметров, портативные рации, фонари и несколько легких складных и очень вместительных баулов. Это для золотых статуэток и прочих драгоценных изделий.

Запаслись мы и двухкилометровым мотком тончайшего полихлорвинилового шнура. Зачем? Нить Ариадны помните? То-то.

Смышленная дочурка критского царя Миноса, влюбившись в древнего авантюриста Тесея, заточенного в лабиринт на Крите, где обитал чудовищный Минотавр, даровала ему путь к спасению с помощью обыкновенного клубка нити. Правда, Тесей позже отплатил ей черной неблагодарностью, покинув спящую Ариадну на острове Наксос, но это уже совсем другая история.

А наш навигатор может отказать, например, вследствие того, что в его аккумуляторах иссякнет энергия. Или начнет колбасить из-за какой-нибудь подземной аномалии. Поди, выберись потом отсюда с индейским золотишком.

Первая ловушка поджидает нас уже через десяток метров. Тоннель сужается и в месте сужения зияет невидимый глазу бездонный колодец диаметром около метра. Перепрыгнуть его не составляет никакого труда, но это, если знаешь, что он здесь есть. На вид, внизу обычная каменистая крошка, прикрывающая ложе подземной реки, которой усыпано здесь все дно. Но ступишь на это место и полетел куда-то в тартары. Спору нет, смерть легкая — подобно прыжку с небоскреба. Но мы проделали столь длинный путь вовсе не для того, чтобы окончить его в этой безымянной могиле.

Поднимаю вверх руку, что означает знак остановки, и объясняю Старика ситуацию. Делай, как я. И старайся ступать только по моим следам. Он кивает головой. Легкий разбег и прыжок с солидным запасом, на всякий случай. Старик повторяет мои манипуляции.

Через метров пятнадцать тоннель слегка поворачивает налево и приводит нас в обширную пещеру с высокими сводами. Как и писал француз, из нее ведет несколько выходов в виде отверстий в стенах.

Но легко нахожу искомый с помощью своего эхолокационного зрения. Просто выбираю тот ход, в котором не вижу конца.

Как раз в этот момент сзади слышится какой-то непонятный шум. Как будто что-то осыпалось. А вслед за этим звук, похожий на сдавленный вопль.

Мы замираем на месте и выключаем фонари. Почудилось? Так проходит несколько минут. Мы по-прежнему выжидаем. Стоит сплошная тишина. Значит, показалось. Или, возможно, осыпалась каменная крошка, кое-где прилипшая к стенам тоннеля. А может игра звука, который в глубоких подземельях дает невероятное эхо даже от простого порыва ветра.

Поскольку никакого продолжения не следует, двигаемся дальше.

Не буду описывать наш дальнейший путь по той простой причине, что очень плохо помню последовательность действий. Виновата ли коварная бругмансия, по утверждению древних индейцев, «крадущая разум», или то лихорадочное состояние, в котором мы находились на этом последнем этапе поиска... Не знаю...

Когда пытаешься вспоминать этот кошмарный путь, весь покрываешься холодным потом, а сердце в груди начинает бешено стучать. Очень неприятные ощущения. Это тоже одна из причин провала в памяти.

Легендарная индейская сокровищница поразила нас своей обыденностью. Никаких тебе ритуальных прибабасов или торжественного оформления интерьера. Просто громадная пещера именно тех размеров, что указал бедняга француз. Ее дальняя стена, метров на пять-шесть перед ней, почти до самого верхнего свода завалена различными золотыми изделиями.

Они не издавали того сверкающего и манящего блеска, как показывают в иных фильмах про искателей сокровищ. Тусклый желтоватый блеск... Даже не блеск, а, скорее, отсвет лучей наших фонарей.

«Вот и сбылась мечта идиота...» — вспомнилось неожиданно выражение какого-то литературного или киношного героя. По-моему, незабвенного Остапа Бендера, завладевшего, наконец-то, вожаемым миллионом.

Здесь добра было не на миллионы, а на миллиарды. Естественно, серовато-зеленых североамериканских долларов. Кроме золотого завала у дальней стены, то там, то здесь высвечивались лежащие на каменистом полу здоровенные кучи золотых предметов. Как будто, кто-то уже пытался их сортировать.

Но отчего-то не было того щенячьего восторга, который охватывает людей в подобных случаях. Мы просто стояли и молчали, тупо озирая эти несметные сокровища и переводя лучи наших фонарей с одного места на другое.

Чего здесь только не было!

Эту фразу вынужден завершить восклицательным знаком, ибо содержимое старинного хранилища заслуживало того даже простой демонстрацией возможностей древнего ювелирного искусства.

Основную массу составляли изящные золотые фигурки животных, птиц, земноводных, рыб, насекомых. Медведи, бизоны, пантеры, ягуары, обезьяны, койоты... Неведомыми золотых дел мастерами в точности сохранялись пропорции этих диких животных, а выражение морд и их позы выдавали характерные повадки каждой особи. Не было ни одной фигурки, в точности повторяющей другую, каждая была самостоятельным выражением замыслов неизвестного автора.

Неведомые сказочные животные носили признаки земных. К примеру, изготовившийся к полету змей с птичьими крыльями, или громадный паук с крокодильей мордой, или рыба с оскаленной пастью дикого вепря.

Вторыми по количеству предметов были изделия с изображением солнца в различных вариантах. Изображения дневного светила присутствовали на блюдах, тарелках и прочих круглых и округлых вещах, иногда очень больших размеров и достаточно массивных. На некоторых из них имелись цепочки непонятных слов. Удивляться этому не приходилось — почти все индейские племена проповедовали культ солнца.

Следующий массив составляли различного вида, формы и размеров божки. Фигурок и статуэток, изображавших реальных людей, не было вообще. Все миниатюрные скульптурки были посвящены многочисленным божествам. Здесь пропорции, как правило, не соблюдались, а также существовало смешение божественных изваяний с реальными представителями земной фауны.

Были и сосуды различных форм и конфигураций. В том числе прямоугольной формы в виде двойной совмещенной бутылки, описанные французом, в которых якобы хранился смертельный яд, убивающий своим запахом. Мы до них не дотрагивались.

И совсем немного было ювелирных предметов, служащих украшениями. Сборные широкие золотые пояса, различного рода пряж-

ки, гребни, нагрудники, что-то типа золотых ошейников, широкие орнаментированные браслеты — вот, пожалуй, и все. И, наконец, изящные вещицы неизвестного назначения.

Мы безмолвно обзоревали все это золотое ювелирное великолепие довольно долго. Тяжкий труд многих поколений, говоря словами советских времен.

Безусловно, эти сокровища должны принадлежать потомкам древних индейцев. В данном случае мы должны оповестить каким-то образом о координатах и содержимом найденного хранилища правительство Эквадора. Пусть оно решает судьбу наследия многих индейских племен и народов. Это у нас сомнений не вызывало. Даже если бы мы со Стариком были наивнейшими, без всякой совести, грабителями древностей — все равно все это не вывезешь за оставшийся отрезок жизненного пути.

Но бесспорно и то, что нам полагается очень солидное вознаграждение, размеров которого мы не представляли, не зная здешних законов.

И третье несомненное. Практика показала, что этого вознаграждения можно ждать всю оставшуюся жизнь из-за различных бюрократических рогаток и препонов.

Нет, нет, нет — мы хотим сегодня! Нет, нет, нет — мы хотим сейчас! Помните слова этой некогда популярной незатейливой песенки. В данном случае — это был наш гимн.

Мы со Стариком понимающе переглянулись.

— Берем только небольшие предметы, представляющие ювелирную ценность, — негромко произнес он.

Я согласно кивнул головой. И работа закипела...

Набитые золотом баулы казались неподъемными. Откуда только силы взялись их тащить. Но обратный путь благодаря нашей путеводной нити занял гораздо меньше времени.

Уже почти на выходе наш путь преградил зияющий провал. Это была самая первая ловушка. Она сработала. На кого? Значит, услышанный нами шум не был порождением какого-то подземного эха. За нами кто-то шел по следу. И этот кто-то просчитался и провалился в бездонный колодец. Скорее всего, этой жертвой был наш проводник креол. Кто еще мог последовать за нами?

Оживленно обсуждая эту тему, мы раскатали наши баулы для придания им силы инерции и перебросили тяжеленную кладь через разверзнутый зев провала. Я посветил туда фонариком, но его луч дна не достал.

Во входном колодеце мы вновь нацепили противогазы, и Старик, кряхтя, налегке полез наверх, чтобы затем вытащить все наши пожитки. После этого должен был вылезти я.

Внезапно рация Старика донесла до меня какие-то крики и шум борьбы. Я всполошился и схватил одно из ружей, лихорадочно соображая, лезть ли мне наверх сразу. Или же затаиться в тоннеле, если мой напарник попал там в засаду и стал чьим-то пленником.

— Ах ты сволочь!.. — пробормотала рация голосом Старика, — шпион хренов...

— Что случилось? — закричал я.

— Кое-кто пытался нас выследить, — сообщил Старик, — вылезешь — глянешь на этого субчика. И съездишь ему пару раз по мордасам. А сейчас я опускаю веревку с крюком, цепляй за нее поочередно наши вещи, а я буду тащить.

Выгрузка всех наших пожитков заняла минут двадцать. Все это время я гадал, кто же является нашим таинственным соглядатаем. Выходит, он не свалился в колодец и ему удалось спастись.

Но вот и я выбрался наверх. Немного поодаль от входа в колодец сидел на камнях человек в противогазе со связанными за спиной руками. Судя по одежде, это был наш проводник Алозио.

Старик подтвердил мою догадку.

— И что теперь с ним делать? — озабоченно спросил я.

— Пристрелим, да сбросим труп вниз, — безмятежно ответил мой напарник.

Мы кричали нарочито громко, хотя могли использовать рации. Наш короткий диалог предназначался для креола.

Пленник тихо завыл от ужаса. Конечно, мы не собирались убивать этого негодяя. Но и возвращаться в город вместе с ним было опасно — он мог нас выдать. Что-то следовало тут придумать. А пока мы решили допросить нашего бывшего проводника. Но сначала следовало покинуть опасную зону, где можно было отравиться испарениями. Вскоре мы оказались возле нашей пальмовой лестницы. Здесь и состоялся подробный допрос Алозио.

И вот что он нам рассказал.

В этом городишке со звучным названием Пуэрто-Франсиско-де-Орельяна была своя доморощенная мафия. Возглавлял ее как раз тот полицейский, который проявил к нам столь пристальное внимание. Его имя Мастино. А его первым подручным являлся задиравшийся к нам в кабаке негр по имени Алессандро. Они знали, что француз промышляет древним золотишком, но не

имели никакой информации об источнике его обогащения. Считали, что где-то в джунглях лежит заброшенный инкский город, и именно туда повадился француз за добычей. Выследить они его не смогли, как ни старались. Француз отправлялся всегда один и совершенно внезапно, иногда его моторка отплывала из города ночью.

Иностранцы в городе не задерживались, смотреть здесь нечего. Появлялись транзитом лишь организованные туристические группы, с тем чтобы сразу же отплыть на катере или большой лодке по реке Напа. Это один из популярных туристических маршрутов. Наше появление поэтому сразу же привлекло внимание. К тому же до нас здесь останавливался также русский, который обделывал свои какие-то темные делишки с французом. И креол обрисовал нам его приметы, из которых выходило, что этим приезжим был наш незабвенный Виталий Андреевич.

За нами была установлена слежка. Портье также был одним из осведомителей полицейского. Ну, а ему, Алозио, было приказано навязаться нам в проводники и следовать за нами, даже если с какого-то момента мы захотим продолжить путь одни. Негр Алессандро плыл в некотором отдалении на своей моторке, а затем последовал за нами пешком вместе с Алозио.

— Значит, ты тоже член этой банды? — грозно спросил Старик.

— Я лишь выполнял некоторые мелкие поручения, — скромно потупился пленник.

— Ничего себе мелкие! — возмутился я, — ты же специально был внедрен в дом к французу в качестве камердинера. Да и в слежке за нами основную работу выполнял тоже ты.

— Они могли меня убить, если бы я отказался это сделать, — только и нашелся что сказать этот лживый негодяй.

А мы-то поверили в его искренность, когда он признался нам, что был выгнан французом по подозрению в отравлении. Простаки...

— И где сейчас этот Алессандро? Он вооружен?

— Он был вооружен кольцом...

— Что значит был? Где он, тебя спрашивают!

— Его забрали к себе злые духи гор, — шепотом произнес креол.

— Как забрали?

— Земля в тоннеле разверзлась, и гора проглотила его целиком.

А я успел убежать.

Так вот какой шум мы тогда слышали. Что ж, на счету этого мафиози наверняка много нехороших дел — поделом ему...

— А кто выстрелил в нас отравленной стрелой? — вспомнил вдруг Старик.

— Он, Алессандро.

— Хотел убить кого-то из нас?

— Нет. Только ранить.

— Как это ранить, — взъярился Старик, — яд-то смертельный!

— Это яд древесной лягушки качамба. Он не убивает. Человек просто весь опухает на несколько дней. Потом все проходит...

— И зачем это ему понадобилось?

— Мастино приказал. Он хотел сам возглавить ваше преследование, но из Кито зачем-то приехал большой полицейский начальник, и все полицейские города должны были оставаться на месте. Вас нужно было задержать на несколько дней. Но Алессандро оказался неловким стрелком. Вы меня убьете?

— Посмотрим на твое поведение, — буркнул Старик.

— Клянусь, я все вам рассказал... Я не желал вам зла...

— Ты уже клялся один раз...

Я не буду описывать путь назад. Раз я пишу эти строки, он оказался благополучным.

Мы не могли допустить, чтобы креол возвратился назад. Сами понимаете, почему. Но не могли и умертвить его — это было бы преступлением. А мы перед законом всегда стремились быть честными. Догадались, каков был третий путь? Ну, конечно!

Да, мы демонстративно и шумно высадили его вблизи деревни, где проживало дикое племя, практикующее рабство. И дождались, сидя в нашей моторке на середине реки, пока не прибыли делегаты дикарей и не уволокли его с собой. Думаю, он заслужил такую жизнь.

В Кито мы купили на аукционе два подержанных «форда» и отправили их по морю в портовый город Клайпеду. Цель этой покупки, надеюсь, вам ясна.

Исполнили мы и свой гражданский долг, отправив из Минска на правительственный сайт Эквадора сообщение о сокровищнице и ее географических координатах.

Вот только почему-то по прошествии столь длительного времени никаких сообщений о сенсационной находке в недоступных горных местах этого южноамериканского государства так и не поступило. Молчит правительство Эквадора по этому поводу, молчат ученые-археологи, молчит, наконец, Интернет. Странно, не правда ли?

Глава пятнадцатая

Кое-что о характере монетных кладов, их особенностях и судьбах

Достоверно не известно, и навсегда останется тайной количество найденных кладов. Публично вскрытые кладные захоронения, сокровища, раскопанные археологами, официально фиксировались и попадали в местные музеи и государственные хранилища и собрания. Многие клады, отысканные не принародно, присваивались, растаскивались, а то и беспечно затеривались и пропадали ввиду пренебрежительного отношения к найденным медякам.

А ведь медяк медяку рознь. Иной раз, копая огород, наткнется селянин на большой комок спекшихся позеленевших и почерневших медных монет. Посмотрит, посмотрит, да и зашвырнет куда-нибудь подальше, проворчав типа: «Можа, зараза, какая...» А комок этот при соответствующей обработке окажется, скажем, хорошо сохранившимися двухкопеечными монетами чеканки 1804 года. Вроде и не очень старинные, а стоимость каждой под 2000 долларов.

Для сравнения, золотая царская десятирублевка выпуска 1898—1911 годов стоит около двухсот долларов. Значит, следуя нехитрой арифметике, на каждый медяк вы можете купить десяток золотых монет. В комке, как минимум, несколько десятков монет. Вот и считайте. Селянин выбросил сотню тысяч долларов. Ну, а если эту монету еще и украшает аббревиатура знака минцмейстера «ЕМ», то это и вовсе — раритет, цену на такую монету определяют индивидуально.

Это касается не только селян. Не спешите выбрасывать найденный позеленевший пятак, вначале загляните в каталог. Вдруг вы случайно наткнулись на редчайшую монету?

Кстати, о монетах. Совсем не обязательно они могут быть ровными и круглыми. Они бывают квадратные, овальные и вообще непонятной формы. На Руси, например, рубили серебряную проволоку на кусочки, которые сплющивались быстро изнашивающимися чеканами. О каком стандарте можно вести речь?

В древние времена монетами вообще служили различные металлические формы.

Скажем, в Древней Греции монетами были серебряные прутья. Пучок из шести прутьев был следующей денежной единицей и назывался «драхма», откуда и пошло название монеты драхмы.

Во многих государствах в ходу были слитки. В Древней Италии — медные. На Руси — серебряные. Киевские гривны имели шестиугольную форму и весили около 160 граммов. Новгородские — представляли собой длинные палочки-бруски весом около 200 граммов. Некоторые слитки имели ромбовидную форму. Реже встречаются слитки в форме языка.

На территории германских племен монетами служили кольца. Не те, которые носят на пальцах, а кольцевидные металлические кружки с отверстиями посередине.

В Древнем Китае монеты чеканились в виде сельскохозяйственных орудий — мотыг, лопат.

Наконец, не помню где, кажется, в Причерноморье монеты изготавливались, как бронзовые наконечники стрел. Их нельзя было использовать по прямому назначению, на стрелу их надеть было просто невозможно.

Наверное, я привел не все формы, поскольку не являюсь специалистом в этой области. Причем, мы говорим только о монетах. А не о деньгах вообще. Вот где разнообразие форм. Но обратимся к монетнымкладам.

Не считая последних двух десятков лет, абсолютное большинство кладов найдено именно случайно.

Чаще всего их находили в ходе сельскохозяйственных работ. Таких примеров тысячи, и нет необходимости их приводить.

Вот лишь один из тысяч. В 1750 году крестьянин села Слудка, расположенного на реке Каме, при вспашке поля вывернул сохой большой серебряный кувшин с изображением женщины в красивой богатой одежде и детей. Он был передан владельцу Пермского имения А. С. Строганову. Позже, по указанию последнего, при проведении поисков на этом месте были обнаружены четыре серебряные блюда и чаша с изображением грациозной танцовщицы. Сейчас все эти предметы украшают коллекции Эрмитажа.

Немного реже, но наиболее богатые и объемные клады отыскивались при строительных и ремонтных работах.

Один из последних таких кладов найден в Москве при реконструкции Гостиного Двора. Он состоит из 90,5 тысячи старинных монет — серебряных копеек и денежек и множества ювелирных изделий работы мастеров Москвы, Лондона, Гамбурга и Льежа.

В ходе ремонтных работ недалеко от Спасских ворот Кремля в мае 1988 года был обнаружен самый большой клад древнерусских

украшений XII—XIII веков. В его состав, помимо русских головных, шейных и украшений рук, входило 10 скандинавских украшений — полые подвески в виде жуков и витой браслет с головками драконов. Кроме того, клад содержал серебряные слитки, ковшик-черпак и рукоять ножа из моржового зуба. Большинство украшений было изготовлено из серебра, некоторые с позолотой и с применением техники скани и зерни.

При строительстве новой парковки в городе Трире (Германия) найдено 2570 римских ауреусов, спрятанных в металлический котелок. Общий вес серебряных монет высочайшей 980 пробы составил более 18,5 килограмма.

Большое число кладов находят при археологических раскопках. Мы не можем похвастаться своим Генрихом Шлиманом (немецкий археолог), который в ходе раскопок Трои в Микенах, Орхомене и других местах обнаружил многие тысячи золотых и серебряных вещей, драгоценностей, монет и произведений искусства. Но древние находки случаются и у нас.

В 2005 году на городище Старая Рязань археологами был найден клад ювелирных изделий XII века. В небольшом кожаном мешке хранилось около 120 женских ювелирных украшений — подвесок, бус, медальонов с христианскими и языческими сюжетами, трехбусинных колец и традиционных круглых височных колец. Скорее всего, он был заложен в ходе осады и захвата Рязани ордой татаро-монгольского хана Батая.

Иногда клад обнаруживался при помощи природных явлений.

На Брянщине в деревне Соколово молния ударила в громадный древний дуб, в результате чего великан полностью выгорел. Жительница Брянска, отправившись по грибы, копнула палкой на пригорке кучу золы, в которой сверкнули серебряные монеты. В составе клада оказались 60 пражских грошей XIV—XV веков, которые, вероятно, были спрятаны в дупле древнего исполина.

В начале XIX века в Ардатовском уезде в результате обрыва берега Волги было обнаружено ведро с серебряными царскими рублями и полтинами, а также оружие. Клад, по-видимому, принадлежал разбойнику. В XVII—XVIII веках, по существующим преданиям, в этих местах промышляли разбойничьи шайки.

В 1898 году в Елатомском уезде потоком воды в результате сильного дождя был вымыт из склона оврага глиняный кувшин, в котором находилось 230 серебряных копеек времен Петра I.

В Беларуси в Кормянском районе в 1963 году сильным дождем была размыта лесная дорога, поверхность которой была буквально устлана арабскими монетами IX века.

Некоторые клады обнаруживались людьми самым случайным образом.

В 1983 году рыбак из Умани, копая червей для наживки в груде земли, привезенной для строительства дамбы через реку Уманка, наткнулся на 19 серебряных предметов столового серебра.

В 1969 году в урочище Вельмово в Новогрудском районе мальчишка просто ткнул палкой во встретившийся по пути земляной бугорок, который рассыпался серебряными монетами Речи Посполитой XVII века.

Многим, наверное, известна старинная легенда об узнике, который сидел в одиночной камере, приговоренный к пожизненному заключению. Единственным живым существом, с которым он общался, была крыса. Она выползала каждый день из норы, расположенной под его кроватью, а он подкармливал ее из своего скудного пайка, поил водой и рассказывал свои грустные истории. Однажды она исчезла. Узник страдал, он привык к ее блестящим внимательным бусинкам глаз, и она была замечательным слушателем. Однако через несколько дней крыса появилась снова. Она вспрыгнула к нему на кровать, раскрыла зубы и перед узником упала золотая монета. Она стала носить ежедневно десятки монет, и когда их собралось несколько сотен... Конец был счастливым. Узник подкупил тюремщика и бежал на волю. Вместе с крысой, разумеется. А недалеко от тюрьмы находился монетный двор, на котором чеканились эти самые золотые монеты.

Легенда (а может, и была) возникла, вероятно, не на пустом месте. Известны десятки случаев, когда клады находили животные и птицы.

Несколько раз клады выкапывали свиньи. Последний случай зафиксирован в деревне Отрубки Докшицкого района в 1963 году, когда свиным пяточком был раскопан клад серебряных монет Нидерландов и Ливонии.

В 1888 году груда римских серебряных монет I века нашей эры была вытолкнута на поверхность земли кротом. Случай этот произошел в деревне Новоселки Барановичского уезда.

В деревне Плиски Быховского района в 1987 году собака гоняла по крестьянскому двору старый полуспущенный мяч. Так думали хозяева, пока собака не стала рвать мяч зубами и из него не посы-

пались серебряные монеты разных стран Европы XVIII—XIX веков. Старый мяч оказался кожаным мешком.

Курица стала автором находки клада медных и серебряных монет Великого княжества Литовского. Она разрыла их у забора в деревне Адамовка Речицкого района в 1974 году.

Наконец, воронье гнездо на окраине города Борисова в 1845 году стало хранилищем множества серебряных монет XVI века. Можно только гадать, где насобирала их эта зоркая и сообразительная птица. Хотя Борисов был свидетелем многих исторических событий, в том числе наполеоновского нашествия 1812 года.

Вместе с тем, и целенаправленными поисками сокровищ самые разные по социальному положению люди занимались с глубокой древности. Государи, сановники, высшая знать, обедневшие дворяне, купцы, священнослужители, монахи, простолюдины — далеко не полный перечень представителей людского племени, порой маниакально разыскивавших клады.

Есть свидетельства, что даже царь Иван Грозный, например, искал и нашел. Царевна Екатерина Алексеевна, сестра Петра I держала при своем дворе ясновидящих бабок-ворожей, которые указывали, в каких местах следует искать сокровища. Сведения о находках по ворожбе не сохранились.

В России зафиксировано множество случаев в XVII—XIX веках, когда целые крестьянские деревни сбивались в артели и отправлялись на поиски легендарных сокровищ. Искали клады Ермака, Разина, Полуботка, Пугачева, Кудеяра, князей и бояр Шуйских, Гришки Отрепьева (Лжедмитрия), Мазепы, Болотникова, многочисленных казацких атаманов, крымских татар, скифское золото и так далее.

Срывали курганы, раскапывали овраги и берега рек, урочища, подчистую сносили древние городища, разрывали старинные могильники, могилы, склепы. Существовали целые постоянные артели «бугровщиков», сделавшие кладоискательство профессией. Конечно, интересные находки были, но кто же тогда рассказывал о своей удаче. Тем более что вначале Петр I объявил клады собственностью государства. А затем Екатерина II своим Указом от 28 июня 1782 года конкретизировала многие положения, установив, что собственностью государства являются не только клады, но и недра, и их содержимое.

Ответственность за нарушение указа была предусмотрена различная, вплоть до смертной казни. Тем не менее, деятельность

самодеятельных кладоискателей продолжалась, о чем свидетельствуют судебные дела.

Пожалуй, больше ни в одном из государств мира не найдено столько монетных кладов по признакам их разнообразия и обширной географии, как на территории России, Беларуси и Украины.

Земля этих стран хранила и, наверняка, еще хранит клады римских монет. Они самые древние. Всего их зафиксировано около 200. Самый большой из них находится сейчас в Эрмитаже и состоит из 5441 монет общим весом свыше 20 килограммов и охватывает по хронологии 60 лет — периоды правления от Пертинакса до Траяна Деция. К сожалению, документы о конкретном месте его нахождения не сохранились, известно лишь, что на территории России. Поэтому он получил название «Безымянный». Римские денарии называли «ивановыми головками». На территории Беларуси в деревне Чахет Брестской губернии между 1838 и 1845 годами нашли три римских клада.

Византийские монеты — серебряные милиарисии и золотые номизмы или солиды появились на Руси позже. Большинство таких кладов найдено в бассейне Днепра и его притоков. Медные византийские монеты чеканились и обращались только в Херсонесе (Крым) и в клады почти не попадали. Самый крупный византийский клад был найден в селе Перещепино на Полтавщине. В нем находились драгоценные византийские и персидские украшения, золотые и серебряные монеты, общим весом около 70 килограммов.

Еще позже на территории древнерусского государства, но в больших количествах начали появляться серебряные дирхемы Арабского халифата. Все их разновидности получили общее название «куфические» монеты по названию арабского стиля письма. Множество таких кладов найдено по берегам Волги и ее притоков. Куфические клады отличаются объемностью — нередко они составляли тысячи, а иногда и десятки тысяч монет. Часто арабские монеты в больших количествах встречались в погребениях знатных славян. По неизвестным причинам (предположения, конечно, есть) их на Руси начинают резать и дробить, дав тем самым название новой монете «резана». На территории Беларуси найдено около 160 кладов арабских монет.

В XI—XII веках на территорию славянских государств начинается массовый приток западноевропейских монет. В основном это были серебряные денарии Чехии и Венгрии. В 1934 году в деревне Вихмязь под Ленинградом был найден самый крупный клад дена-

риев, состоявший из 30 тысяч монет и серебряного слитка. Датой его образования считается начало XI века.

Естественно, подавляющее число кладов на территории современной Беларуси содержат монеты Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи. Реже, обычно в составе других кладов, находили монеты древнерусских княжеств.

Редкой находкой стал клад «татаро-генуэзской» чеканки. В Крыму, под Бахчисараем, при раскопках археологами в 2002 году старинного пещерного города Чуфут-Кале был найден глиняный горшок с 4265 серебряными и 30 золотыми монетами, общим весом свыше пяти килограммов. Среди золотых монет — венецианские дукаты и динары турецких султанов. Серебро чеканилось золотоордынским ханом Узбеком, городами Кафа (Феодосия) и Кырк-ор (Чуфут-Кале).

Необычный клад был найден в селе Орловка Одесской области. Неизвестно количество монет, составлявших его, поскольку, пока он дошел до ученых, его растащили. По некоторым источникам он содержал около 80 монет из электро (естественный сплав золота и серебра), которые назывались «кизиками» по названию античного города Кизика, чеканившего эти, редкие сейчас, монеты.

Большая часть монетных кладов закладывается в землю в глиняных, керамических и фарфоровых сосудах, а также в различных металлических емкостях. Иногда в кожаных мешках и кошельках. Реже в каких-то недолговечных укрытиях и покрытиях. Хозяева ведь не подозревают, что им уже не суждено извлечь свое добро, и оно может пролежать в тайном месте многие сотни лет, пока его не обнаружит какой-нибудь счастливчик. Или еще и продолжает лежать, никем не найденным.

Есть еще одна необычная категория кладов. Их создавали в советские времена крупнейшие валютчики, «цеховики», спекулянты и фальшивомонетчики. За совершаемые ими преступления, в основном, полагалась смертная казнь. Поэтому их клады оставались невостребованными.

В Белоруссии, например, самым крупным валютчиком и спекулянтом был некто по фамилии Слуцкий. По должности всего лишь завбазой Пинского мясокомбината. На Пинщине до сих пор ищут его сокровища, которые он прятал в лесах и болотах. Только в ходе следствия у него было изъято почти 22 килограмма золота, 35 сберегательных книжек на четверть миллиона рублей в разных сберкассах и 240 тысяч долларов. Не считая другого добра. Наверняка это было не все. Напомню, что в те времена «жигуленок» стоил 5100 рублей.

Бочонки и сундуки с золотом — на мой взгляд, мифы. Хотя...

«... в 1985 году в селе Воздвиженское под Сергиевым Посадом (тогда Загорском) из земли были извлечены два плотно окованных железом сундука, в которых находилось около двух тысяч золотых и серебряных монет XIII века. Интересно, что в этом месте еще до войны было найдено еще несколько таких же монет. Тогда специалисты предположили, что эти монеты — часть клада какого-то богатого купца. Клад попытались найти, но безуспешно... пока при строительстве садово-дачного кооператива не была сделана эта находка...»

«О каком-то “сундуке с золотом” рассказывали в Вяземском районе Смоленской области. По утверждению местных жителей, одна женщина, идя через лес, случайно зацепилась за что-то и увидела торчащее из земли железное кольцо. С усилием потянув за него, она приподняла вместе с кольцом крышку небольшого сундучка. В сундуке лежали золотые и серебряные монеты, а сверху — золотой крест. Вытащить сундук женщина не смогла и, взяв из него в доказательство несколько монет, пошла домой и сообщила о кладе мужу. Однако, сколько потом ни искали это место, найти не смогли». (Андрей Низовский. «Атаман Кудеяр»).

Автор, известный исследователь в области кладоискательства, которому можно верить. Но второй случай, конечно же, легенда. Представьте себя на месте этой женщины. Зачем вам вытаскивать сундук? Ведь нужно, в первую очередь, его содержимое. И, если у вас нет с собой, скажем, обычной сумки, то вы постараетесь соорудить ее из подручных средств — рубашки, майки, юбки... Но добычу не упустите. Вам не приходилось бывать в ситуациях при грибных походах (кстати, сродни поиску кладов), когда ведро уже полное грибов с верхом и класть больше некуда? А как раз попадаетесь очень грибное место. Мне приходилось. На что только не исхитряешься.

Есть реальные сведения о существовании многомонетных кладов одной чеканки, но до сих пор их поиски не увенчались успехом.

«...А в Чигирине де учинил Богдан Хмельницкий мынзу и денги делают, а на тех новых денгах на одной стороне мечь, а на другой стороне, ево, Богданово, имя...» Это выдержка из дипломатической записки агента в Варшаве царя Алексея Михайловича, который именовался дьяком Григорием Кунаковым. Опять же — государственный документ, где сочинять небылицы не пристало. Мынза — это монетный двор. К тому же дьяк описывает конкретные изображения на аверсе и реверсе монет, то есть он их видел самолично. Ни одна из этих монет пока не найдена. Возможно, был лишь один монетный

выпуск, который по определенным причинам в оборот не пошел и остался где-то в виде клада.

О бочонках как средстве передвижения и хранения монет я уже писал. Однако...

По сообщению авторитетной английской газеты «Гардиан» и из других источников недавно стало известно об обнаруженных в Чили несметных инкских золотых сокровищах в бочонках.

Кто из нас не читал знаменитый роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо»? Прообразом главного героя романа послужил шотландский моряк Александр Селкирк, который был высажен на маленький островок за попытку поднятия бунта. Дешево отделался, между прочим, в те времена за такие вещи был только один путь — с веревкой на шее и на рею. На этом крохотном клочке суши, тем не менее, в полном одиночестве ему пришлось прожить более четырех лет, что подтверждено документально.

Согласно местной легенде, в начале XVIII века на этом острове спрятал сокровища инков испанский мореплаватель Хуан Эстебан Эччиверия. По той же легенде, клад позже был найден и перепрятан английским капитаном Корнелиусом Веббом, который тоже канул в неизвестность. В течение почти трех столетий клад пытались найти.

И вот, наконец, экспедиция исследователей, вооруженная современной техникой — роботом «Артурито», способным сканировать землю на глубину до пятидесяти метров, обнаруживает 600 бочонков с легендарными инкскими украшениями и золотом. Sensация! Стоимость сокровищ составляет приблизительно 10 миллиардов долларов США.

Не буду раскладывать по полочкам свои возражения по этому поводу. Их полно, попробуйте сами. Но и здесь я остаюсь скептиком и Фомой Неверующим. Скорее всего, была запущена очередная рекламная утка для привлечения на архипелаг, где расположен остров Робинзон Крузо (так он назван в честь героя книги), туристов и кладоискательской братии, которые тоже приносят аборигенам неплохой доход. Во всяком случае, пока не слышно об извлечении бочонков, хотя с современной техникой — это пустяк. Из-за десяти-то миллиардов это сделали бы мгновенно, а вездесущие журналисты описывали бы каждый сантиметр пути подъема легендарного сокровища.

Многие клады содержат фальшивые монеты, а иногда и полностью состоят из фальшивок. Известный белорусский нумизмат и исследователь Валентин Рабцевич, автор очень занимательной и по-

знавательной книги «О чем рассказывают монеты», в одном из своих интервью прямо говорит об этом. И практика это подтверждает. Есть любители, собирающие коллекции именно фальшивых монет.

Есть клады с детективной начинкой. Мятый украинский гетман, полковник Павел Полуботок, по существующей легенде, перед тем, как его схватили, успел переправить в Английский банк золота на миллион фунтов стерлингов. Фантастическая по тем временам сумма. В своей Тайной канцелярии, опять же якобы, его лично пытал о судьбе сокровищ сам Петр I. Но Полуботок был стоек и перед смертью ничего не сказал. Золото так и осталось в Англии, как и положено, на него росли проценты. Да и само золото многократно подорожало.

Легенда даже породила депутатский запрос украинского писателя Романа Иванычука на имя премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. Говорят, тотчас объявилась масса настоящих и мнимых наследников знаменитого гетмана, предъявляющих свои права на самое крупное в истории человечества наследство. Якобы оно составляет сумму не менее 18 триллионов фунтов стерлингов. Это же, сколько в долларах? Но, опять же якобы.

В начале XX века в Керченском музее содержалось около двух тысяч ценных экспонатов, в том числе золотых и исторически значимых. Вооруженное нападение на музей в 20-х годах прошлого столетия лишило его большинства коллекционных предметов. От большой золотой коллекции, в том числе скифских предметов, уцелело немного. Но коллекция стала вновь пополняться, Керченский край богат и историей и находками, дополняющими ее.

В 1941 году в связи с начавшимся быстрым продвижением немецких войск коллекция золотых предметов и монет была для эвакуации упакована в чемодан, впоследствии получивший название «золотой чемодан», который в ходе эвакуации бесследно исчез и породил множество легенд о его местонахождении и судьбе. Истории про чемодан изобилуют драмами, убийствами и прочими сопровождающими криминала.

В Беларуси в 2000 году был ограблен музей исторического факультета Белорусского государственного университета. Двое в масках связали смотрителя и открыли сейф. Их интересовала только очень ценная коллекция монет. Возможно, это был заказ какого-либо коллекционера, поскольку похищенные монеты так нигде и не объявились. Преступление осталось нераскрытым.

Судьба кладов различна. Одни из них попадают в музеи, причем не обязательно в крупные. В Беларуси, например, в большинстве

районных центров есть свои краеведческие музеи, в составе коллекций которых находятся и монеты из кладов.

Другие, случайно обнаруженные, растаскиваются по рукам, и монеты порознь переходят от владельца к владельцу, иногда вновь теряются, превращаясь, тем самым, опять в кладные.

Третьи отыскивают многочисленные сейчас кладоискатели-любители. Монеты оседают в их коллекциях, продаются (или меняются) другим коллекционерам.

Четвертые хранятся в частных коллекциях археологов, иногда очень внушительных. Я не думаю, что эти люди покупают монеты для пополнения своих коллекций, скорее всего, они также плоды археологических раскопок, только официальных.

Ну, а пятые еще ждут своих счастливых искателей.

А вот как на практике официально решается судьба некоторых недавно найденных кладов в России. «Три года назад в Бийске при разборе старого здания школы № 1, расположенного по улице Льва Толстого, был найден клад. Его обнаружил один из рабочих. Тогда клад был передан на хранение в музей. И только в этом году принято решение о том, как им распорядиться.

Эти предметы старины — семь серебряных ложек, кулон, несколько денежных банкнот, двое золотых часов швейцарской фирмы «Мозер» и кожаный мешочек, где они хранились... Их история уходит в середину девятнадцатого — начало двадцатого века. Часы исправно идут. Валерий Шурыгин, когда обнаружил уникальную находку, был очень удивлен... По оценкам специалистов — общая стоимость клада около 45 тысяч рублей. Он был разделен примерно на две равные доли. По решению Думы одну из них предложили выбрать Валерию Шурыгину.

Долго не думая, семья Шурыгиных остановила свой выбор на часах и медальоне... Они планируют продать часы, а кулон Ольга Шурыгина решила оставить в память о кладе. Серебряные ложки и малые часы, а также денежные банкноты и кошелек переданы в дар музею и будут храниться в его фондах.

30.09.2004». (www.trk-rif.ru)

Именно так в данном случае и должно решаться в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации (статья 233 Гражданского кодекса РФ).

«...Несколько недель назад Александр Николаевич Гусаров, житель деревни Екатериновка Селивановского района выкопал монетный клад. Весной он решил расширить свой огород, выкорчевал из земли кусты, посадил картофель, а осенью собрал урожай — 117 золотых и серебря-

ных монет, отчеканенных в период с 1802 по 1836 год. А затем судьба клада складывалась драматически. Находчик продал его молодому человеку из Москвы за полторы тысячи рублей. Доброжелатели сообщили в РОВД, милиционеры изъяли клад и недавно передали его на хранение в музей. Сейчас главная задача его оценить, и выплатить нашедшему положенные 50 %... Наиболее ценные монеты клада — серебряные, банковские, чеканки Санкт-Петербургского временного монетного двора. Двор существовал недолго, и монет, на нем отчеканенных, сохранилось очень мало. 8 золотых монет нумизматы считают тоже редкими. Они обладают необычной чеканкой. Есть монеты с двойным номиналом — русским и польским. Их стали выпускать после того, как Николай Первый урезал польскую автономию...»

(www.6tv.ru)

А вот здесь вопрос о выплате пятидесяти процентов не бесспорен.

Во-первых, монеты пытались утаить, и они были проданы, в нарушение законодательства.

А во-вторых, исключение из действующего законодательства составляют вещи, относящиеся к памятникам истории и культуры. А исчерпывающего перечня таких объектов в законе нет, да и быть не может. В статье небезосновательно говорится о редкости монет. Поэтому в данном случае должна быть назначена историко-нумизматическая научная экспертиза. И уже на основании ее выводов и заключения вопрос о судьбе клада будет решаться в судебном порядке.

И третий возможный вариант.

«... И в одной из хозяйственных ям, на глубине около метра, был найден клад, который представляет собой целый набор женских украшений. Отрадно, что среди вещей есть очень оригинальные предметы. Например, медальоны с крестами с золочением из черни. Или колты — женские украшения с изображениями зверей. В общем, этот клад открывает новую страницу в изучении старорязанских ремесел... Так что эти украшения даже для своего времени совершенно уникальны... Я думаю, эти вещи принадлежали, как правило, представителям княжеской семьи... Судьба клада, в общем, очень проста. В последние лет шестьдесят все, что было найдено в Старой Рязани, передается в Рязанский музей-заповедник. Это сложившаяся практика и других вариантов нет...»

(www.ruazan. cc)

Цитата взята из интервью с доктором исторических наук, профессором, заведующим отделом Института археологии Рос-

сийской академии наук Алексеем Чернецовым, возглавлявшим археологические раскопки в Старой Рязани с 1994 по 2005 год. Приведенные находки были не первыми. Здесь судьба клада определена правильно. Раскопки — профессиональная работа археолога, и все найденное в их процессе принадлежит государству.

Отдельной классификацией кладов проходят находки необъяснимого с научной точки зрения происхождения, непонятные, иногда с загадочными свойствами материальные объекты, в том числе артефакты.

«Шар, похожий на бильярдный, неземной твердости и прочности, хранится в обычной киевской квартире и продолжает доносить загадки ученых... По нему уже и кувалдой били, и, прижав к бетонной плите, трактором на него наезжали, — раскрывает биографию шара Юрий Марчук, киевский архитектор и исследователь аномальных явлений, — и в тисках его зажимали, и ножовкой пилили... А мой друг из Индии не пожалел фамильного перстня, считая, что острой гранью алмаза наверняка проскребет борозду на неуступчивом шаре. В итоге он стер драгоценный камень, а на шаре — хоть бы царапина...» (Газета «Аргументы и факты». № 15, 2006).

Не буду приводить целиком весьма интересную статью, кто интересуется, прочтет в газете. Скажу только, что шар подвергался различным исследованиям в нескольких научных учреждениях, которые подтвердили его аномальность и загадочные физические свойства. А извлечен он был из глиняного карьера с глубины 15—20 метров в начале 90-х годов прошлого столетия и сменил уже трех хозяев.

В конце газетной статьи говорится о его космическом происхождении. А также выдвигается предположение, что он запущен из «околоземных фабрик» по распространению жизни, располагавшихся на спутниках Юпитера — Ио и Ганимеде. Так считают экстрасенсы. Они же полагают, что подобным образом возникали все цивилизации во Вселенной.

В мире обнаружены десятки так называемых «шаров-посланий». Самые загадочные из них найдены в 1940 году в джунглях Коста-Рики, государстве, расположенном в Центральной Америке. Они сделаны из камня и представляют собой идеальные кругляши диаметром от десяти сантиметров до четырех метров.

На территории СССР такие «шары-послания» находили в Казахстане и в Волгоградской области.

Предполагается, что шары изготовлены древними цивилизациями либо пришельцами в качестве специальных библиотек. Нужно лишь научиться извлекать из них информацию.

Провести аналогию? Пожалуйста. Покажите, например, «флэш-ку» (компьютерную флэш-карту) несведущему в компьютерной технике человеку. И спросите, что это такое. В лучшем случае вам ответят, что это зажигалка. Затем попросите извлечь из нее информацию. Не пошлет ли он вас после этого подальше? Поэтому вполне возможно, что и упомянутые шары имеют функции флэш-карты. Но мы не обладаем еще соответствующими «компьютерами».

Великую загадку таят в себе хрустальные черепа. Они найдены в разные периоды времени в государствах Центральной Америки и в Азии, на Тибете. На сегодня в музеях и частных коллекциях находится около двух десятков этих таинственных изделий. Они являются точными копиями черепов и портретов-масок и изготовлены из горного хрусталя.

Горный хрусталь, являясь твердым минералом, трудно поддается обработке. Тверже его только алмаз, корунд и топаз. Кто их изготовил? И зачем, с какой целью? Мастера древних цивилизаций? Но американские специалисты подсчитали, что вручную, только для их шлифовки, потребовалось бы не менее 300 лет. А ведь нужно еще соблюсти все анатомические подробности. Их оставили побывавшие в глубокой древности на Земле пришельцы из далеких миров? Такую возможность не исключают и ученые. Но зачем? Хрустальные черепа и маски — идеальная имитация человеческих. Маловероятно, что инопланетяне также имеют точно такой же человеческий облик.

Истории известны находки предметов в местах, где их никак не может быть. Например, в пластах древнейших отложений.

В августе 1870 года неким Д. У. Моффитом, жителем городка Лаун-Ридж в штате Иллинойс, на глубине 125 футов при бурении скважины была вытащена зацепившаяся за бур медная монета. Монета имела многоугольную, приближающуюся к круглой, форму с изображением каких-то фигурок и надписей на обеих сторонах.

Иллинойская государственная геологическая служба дала оценку возраста отложений, сохранившихся на монете, в двести-четыре тысячи лет. То есть монету изготовили около 300 тысяч лет назад.

В ученом мире считается, что предельный возраст человечества не может превышать 100 тысяч лет.

Я полагаю, что эта и иные подобные находки являются обычной фальсификацией, в чем ее авторы иногда признаются сами, порой

их разоблачают. В тех же США фермер, откопавший на своем участке гигантскую человеческую статую, которую и ученые признали подлинной, позже признался в ее авторстве. Оказалось, что ее из гипсобетона изготовил знакомый скульптор по его заказу. А фермер придал статуе древний облик методом многократного обжига и присыпки смесью опилок различных металлов.

Вообще американцы по этой части большие шутники. Они любят сенсации. И любят, когда эти сенсации приносят приличный доход.

Интереснейшим артефактом является «Копье Оттона Третьего» — императора Священной Римской империи. В глубокой древности оно принадлежало Гаю Кассию, начальнику стражи Понтия Пилата, присутствовавшему при казни Иисуса Христа на Голгофе. В историю он вошел под именем Лонгина. И в дальнейшем копье получило название «Копье Лонгина». По преданию, для проверки, мертв ли казненный, Гай Кассий подъехал к его кресту и уколол копьем тело Христа. Из раны заструилась кровь, доказавшая, что приговоренный еще жив.

Копье принадлежало многим удачливым государям и полководцам Европы. Оно служило им талисманом, приносящим удачу. Им обладал и Наполеон Бонапарт. Якобы копье было выкрадено у него при переходе его армией Немана, с чего началась в 1812 году война с Россией.

Утверждают, что истинной целью аншлюса (насилованного присоединения) Австрии к территории Третьего рейха было желание Гитлера заполучить этот артефакт. И он лично явился в окруженный частями восьмого армейского корпуса бывший дворец Габсбургов (Венский музей Хофбург) и извлек из витрины вожделенную реликвию. Она специальным бронепоездом была вывезена в Германию и помещена в Нюрнбергскую церковь Святой Екатерины. С этого момента пошла полоса военных и политических удач фюрера.

Осенью 1944 года начались ковровые бомбежки Нюрнберга английской авиацией. Все ценности были эвакуированы в церковное подземелье. По приказу Гитлера священная реликвия должна была быть вывезена, для маскировки, под именем «Копье святого Маврикия» и замурована в скале одного из горных массивов Альп. Реликвия должна была спасти Германию. Но эсэсовцы, перепутав, вывезли в футляре из меди другой исторический экспонат — «Меч святого Маврикия», также хранившийся там.

20 апреля 1945 года американцы, занявшие Нюрнберг, наткнулись на «Копье Лонгина», и именно в этот день Гитлер, отказавшись от

эвакуации из Берлина, покончил жизнь самоубийством. Но якобы американские военные не придали копью должного значения и через несколько месяцев торжественно вернули бургомистру Вены.

По другим источникам, сегодня под витринным стеклом Венского музея Хофбурга хранится искусно исполненная подделка драгоценной реликвии. Настоящее же «Копье Лонгина» хранится в потайной комнате Овального зала Белого Дома. И каждый новый президент Соединенных Штатов Америки, прежде чем положить руку на Библию для принесения присяги, касается «Копья Лонгина». Очередная легенда?

Вспомним, однако, внезапный приезд в Нюрнберг в конце апреля 1945 года американского генерала Паттона, находившегося в Ульме (160 километров южнее Нюрнберга), заинтересовавшегося находкой. А ведь в это время шла еще война, продолжались ожесточенные бои. Паттон увлекался историей, мифологией, загадочными мистическими явлениями и, наверняка, знал историю священной реликвии. Именно он потом передал ее генералу Кларку, который, в свою очередь, в торжественной обстановке вручил реликвию бургомистру австрийской столицы.

Не оттого ли США в послевоенное время сопровождают многие успехи, и в настоящее время это государство стало единоличным мировым лидером?

Глава шестнадцатая

Перспективные кладные места.

Где следует искать клады

Классический факт клада — это отражение истории, результат какого-либо исторического события или периода. В свою очередь, содержимое клада, как правило, отражает целый временной срез исторического отрезка. В этом срезе заключена информация о государстве и государственном устройстве, его правителях, экономической основе, состоянии финансовой системы, торговых отношений с другими странами, о предполагаемом владельце и его возможной судьбе. И многое-многое другое, в зависимости от того, какой это клад, — монетный, вещевой или монетно-вещевой.

Возможно, я и ошибаюсь, но убежден, что человек, решивший заняться кладоискательством или поиском конкретного клада, должен, прежде всего, изучить историю своего края. Или той местности, куда он отправится на поиски предполагаемого сокрытия ценностей. Знание прошлого дает ориентиры мест, где могут находиться спрятанные сокровища. В истории существует множество периодов, когда люди были вынуждены скрывать свои деньги и имущество в земле и других потаенных местах.

Поясню на простом примере. Во времена СССР по определенным причинам замалчивалось существование в течение почти двухсот тридцати лет самого мощного славянского федеративного государства. Называли его туманно Польшей. Хотя Польши, как таковой, тогда не существовало. Или еще более расплывчато: польская интервенция, польские захватчики.

Кого завел в непроходимое болото в 1613 году костромской крестьянин Иван Осипович Сусанин? Вот именно, польских интервентов, откройте любую советскую энциклопедию и посмотрите. Стало быть, с Польшей и воевала Россия в те годы. Хотя это не совсем так, а точнее совсем не так.

Интервенцию в Россию осуществляло, а в 1610 году и захватило Москву государство с совершенно другим названием. Речь Посполита (или иногда пишут Посполитая) — вот как оно называлось. Иной скажет да какая разница, все равно ж — поляки. И ошибется. Поляки в том государстве и в той армии, что шла по России, были меньшинством. А большинство составляли белорусы, украинцы, литовцы, а также подданные герцогства Пруссии, герцогства Курляндского и Земгальского, Латгалии. А после Деулинского перемирия 1618 года в состав Речи Посполитой вошли еще Смоленские, Киевские, Черниговские и другие земли, принадлежавшие ранее России.

Королевич Владислав, провозглашенный тогда русским царем, после низложения Василия Шуйского, был сыном короля Речи Посполитой Жигимонта III Вазы, который, в свою очередь, был представителем правящей шведской королевской династии. Но не буду окончательно запутывать читателя. Все по порядку.

Вы спросите, по каким причинам все это раньше замалчивалось? По идеологическим. Считалось, что русские и белорусы — братья, что так оно и есть. И что они не могли воевать друг против друга. Что не совсем так. Еще называясь Великим княжеством Литовским, Белая Русь неоднократно вступала в военные конфликты с Москвой, а затем и с Россией. Главной же причиной ее объединения

в единое государство с польским королевством явилось наличие двух сильных в военном отношении соседей — Швеции и России. Объединившись, было легче противостоять могущественным противникам и самим проводить более агрессивную имперскую политику.

Итак, 1 июля 1569 года подписанием Люблинской унии, в результате равноправного объединения Королевства Польского (Корона) и Великого княжества Литовского (Княжество), было провозглашено образование нового федеративного государства — Речи Посполитой. Оба государства сохраняли свой суверенитет, свои законы и свой язык. В королевстве — латинский и польский, в княжестве — белорусский. В состав Речи Посполитой входили тогда, помимо территории современной Польши, территория современной Белоруссии, почти всей Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Пруссии (современная Калининградская область), а также часть России. Территория Польши занимала менее двадцати пяти процентов от всей территории федерации.

Не буду описывать события, происходившие на территории, или с участием Речи Посполитой на протяжении более чем двухвекового ее существования. Кто заинтересуется, изучит. Этот маленький исторический экскурс произведен с единственной целью — показать, как плохо мы знаем свою историю. Уверен, что многие, особенно россияне, вообще впервые узнали о существовании такого государства. В Беларуси знают больше, но тоже так, по верхам. Не очень много знал о нем и я, до того как стал изучать специальную литературу, научные труды и первоисточники.

Мы возьмем исторический период, который привел к упадку могущественного государства, вызвавшему, в свою очередь, массовое захоронение кладов на территории современной Беларуси.

Первопричиной я считаю попытку демократизации Речи Посполитой. Сейм значительно ограничил власть короля Польши и Великого князя Великого княжества Литовского. А любой из депутатов сейма мог ограничить власть самого сейма. Для этого, при принятии сеймом любого решения, одному из депутатов достаточно было безмотивно, без приведения каких-либо оснований, выкрикнуть: «либерум вето». «*Liberum veto*» в переводе с латыни — «свободно запрещаю». И решение не могло быть принято. Перенесите-ка сей образчик демократии, скажем, на российскую Государственную Думу. Представляете, назначается премьер-министр, а один из депутатов изрекает: «запрещаю». А все остальные 449 депутатов

при сем как бы присутствуют. Или принимается госбюджет. Или... И так далее.

В результате Речь Посполитая осталась на целый год без главы государства. Затем в октябре 1733 года им был избран слабый правитель — курфюрст саксонский Август III. И наступил длительный период безвластия, беззакония, насилия и грабежей.

Магнаты полностью игнорировали его власть. Каждый из них считал себя неограниченным самодержцем в своих владениях. И не просто считал, а так оно и было. А магнаты были еще те. Константин Радзивилл, например, получал ежегодный доход в полтора раза больше суммы поступлений в государственную казну. И содержал собственную армию, числом в восемь тысяч вооруженных людей.

Впрочем, собственные вооруженные силы имели все крупные и даже не очень крупные феодалы того времени. Между собой враждовали и воевали. Сильные старались пограбить слабых. Вот один из примеров. В том же 1733 году шляхтич Ю. Зенкович со своей челядью взял штурмом и разграбил город Могилев. Не деревеньку, какую...

Финансовая система обрушилась. Местечки вымирали. Ремесло зачахло. Окрепшая и получившая независимость Пруссия, а также Австрия стали потихоньку захватывать приграничные области Речи Посполитой. Позже к ним присоединилась и Россия.

Дело закончилось тремя разделами (в 1772, 1793 и 1795 годах) территории некогда могучей федерации между Россией, Австрией и Пруссией. Все белорусские земли отошли к России.

Наконец, 25 ноября 1795 года последний король Польши и Великий князь Великого княжества Литовского Станислав Август Понятовский отрекся от престола в пользу российской императрицы Екатерины II. Прекратили свое существование сразу три государства: Речь Посполитая и обе суверенные державы в ее составе — Королевство Польское и Великое княжество Литовское.

Все эти процессы сопровождались, естественно, войнами, убийствами, насилием, грабежами и разрушениями. Местные жители, в том числе и шляхта, которая составляла восемнадцать процентов от всего населения (для сравнения дворян в России было чуть более двух процентов) вынуждена была срочно доверять свои финансы и ценное имущество земле и другим скрытым местам. Конечно, попользовались ими снова потом далеко не все.

Поэтому берите карты и хронику тех времен, покупайте металлоискатель, и удачи вам. Ибо, как показывает практика, география

кладов в точности соответствует зигзагам реальных исторических событий. Не знаю, как насчет радзивилловских сокровищ, но без добычи вы не останетесь.

В этом заключается исторический метод исследования географии кладов. Уверен, в скором будущем появится такая наука. Может, она не будет носить такое громоздкое название, как «кладоискательство», придумают что-нибудь поизышней, с латынью. Но наука будет. Поэтому уже сегодня надо закладывать ее основы. Скажут, есть же археология. Близко, но не то. *«Археология, наука, изучающая историю общества по материальным остаткам жизни и деятельности людей — вещественным (археологическим) памятникам»*. (Большой энциклопедический словарь, Т.1. Москва, 1991).

Иногда исторический метод исследования неприменим. Реальные исторические события выпадают из хроник, а иногда и умышленно искажаются. Немало примеров, когда по тем или иным причинам предавались забвению географические и научные открытия, память о государствах и целых народах, об известных в свое время людях.

Вот малоизвестный, но очень яркий пример.

Римский Папа Иоанн XXIII занимал папский престол недолго — с 1410 по 1415 год. Прославился он безудержной спекуляцией индульгенциями и преданием смерти Яна Гуса. Ян Гус — руководитель народного движения в Чехии против немецкого засилья и католической церкви. В 1415 году осужден церковным собором в Констанце и сожжен на костре.

Да, говорят, еще оный папа основал первый банк Ватикана. Однако выяснилось, что под личиной смиренного главы католической церкви скрывался убийца, грабитель, насильник и вообще бывший пират. За что папа был лишен сана и предан суду. Ватикан решил проблему элементарно. Он просто вычеркнул эту позорную страницу из своей истории. Иоанн XXIII исчез из папских хроник, а время его папства перетянули на других пап. А в 1958 году новый папа принял имя Иоанна XXIII, вот и вся недолга.

Так же исчезали сведения о судьбе некоторых сокровищ и их владельцах. И тогда применяется логический метод исследования. Решается следующая задача. Мы имеем общие разрозненные знания. Складываем их, пробуем состыковать по каким-то общим признакам. А затем пытаемся ответить на вопросы. Могла ли данная ситуация понудить людей спрятать свои ценности? Где предположительно они могут быть спрятаны.

Интересен, но малоэффективен топонимический способ поиска кладных мест. Топонимика — это наука, занимающаяся изучением происхождения и изменения географических имен. Названия деревень Городище, Селище, Курганы, Замчище, Рудня, Волок, Волочек и так далее и тому подобное — говорят сами за себя.

Есть и общий метод проведения изысканий. Назовем его логически-историческим.

Применяя его, задаем себе вопрос. Какие места в принципе являются наиболее перспективными для поиска кладов? Однозначно на этот вопрос ответить невозможно. Все будет зависеть от исторического среза в конкретный промежуток времени в определенном регионе или местности. Попытаюсь поделиться своими мыслями на этот счет на основе собственного опыта.

Торговля — двигатель прогресса и познания. Она существовала с глубокой древности. Немалая часть ответов на вопросы, определяющие возможные местонахождения кладов, связана именно с торговлей.

В IX—XII веках основные торговые перевозки на Руси и в белорусских княжествах осуществлялись по воде. Знаменитый путь «Из варяг в греки», тянувшийся по рекам и озерам (иногда волоком по земле) на протяжении почти двух с половиной тысяч километров из Балтийского моря в Черное, проходил и по территории Белой Руси. Кстати, в районе города Марьино Горка я этот путь поизучал, но об этом позже. Вторым основным водным путем в нашем регионе был Бужанско-Припятский.

Менее всего исследованы реки, которые, бесспорно, таят в себе много интересного. Но поиск в них затруднен глубиной, течением и мутноватой водой. Опыта в подводных изысканиях у меня почти нет, поэтому нет и советов в этом направлении. На мой взгляд, нужно обязательно присматриваться к обрушениям берегов и походить с прибором возле этого места в мелководье.

Другими интересными пунктами водной дороги являются пристани, вернее, места, где они стояли. Здесь, особенно в прибрежной зоне воды, попадают весьма неожиданные и ценные предметы, а также монеты. Знаю по рассказам коллег.

Наиболее опасными для купцов являлись места, где суда, от водоема до другого водоема, тащили волоком. Здесь их зачастую поджидали шайки разбойников, или «татей», еще позднее их называли «ворами». Естественно, у купцов была охрана. Думаю, что исход столкновений был чаще в пользу разбойников, о чем свидетельствует характер найденных поблизости кладов.

Я покопался на одном из участков маршрута «Из варяг в греки» в местности под романтическим названием Жуков Борок и позже об этом расскажу.

С XIII века основными торговыми путями стали «дороги-гостинцы», название от слова «гость», так тогда именовали купцов. Многие торговые тракты, большаки, шляхи не сохранились до нашего времени. Их местонахождение приходится устанавливать по старинным картам.

И здесь спектр поисков наиболее обширен.

При пересечении границы каждый торговый «гостинец» начинался с таможи, которая на Беларуси называлась мытня. От слова «мыт» — пошлина. Наименование таможня пошло от слова «тамга» — печать, клеймо, тавро у татаро-монгол, позже оно стало означать пошлину.

В старину, впрочем, как и сегодня, это было самым доходным местом. Основные функции таможи не менялись, как не изменились и царящие там нравы. Поэтому, заглянув в таможную современную, вы будете иметь представление и о древней. Изменились только некоторые термины, суть осталась. Например, вместо старинного «учинения спроса» — теперешний беспредел, вместо «мздоимства» — взяточничество.

В соответствии со статьей 2 Новоторгового Устава, регулировавшего таможенные правоотношения, таможенный голова (руководитель местной таможи) был вправе чинить *«всякую полную расправу в торговых делах»*. И чинили, от чего купцам приходилось откупаться.

Статья 1 Устава запрещала воеводам вмешиваться в деятельность таможи, чтобы *«великого государя казне в зборах порухи не было»*. Получалось наоборот: таможня была совершенно бесконтрольна, и никто не знал, сколько денег проходило мимо казны государевой в карман таможенного головы и его подчиненных — целовальников.

Далее. Один и тот же товар мог облагаться несколькими видами сборов. А мог, естественно, и не облагаться. Без комментариев.

Заморские вина выделялись в особую категорию и облагались максимальной пошлиной — от 6 до 60 ефимков, так как считалось, что их ввоз составляет конкуренцию царскому кабаку. За корчемство — контрабандный ввоз спиртного, отсекали руки и ноги. При этом учитываем, что все корчмы на Беларуси были отданы на откуп евреям. Вопросы есть по этой теме?

Я перечислил не все извивы таможенных правил, но и этих достаточно для понимания, сколь благодатной была почва для злоупотреблений на старинных мытнях.

Естественно, мытники были богатейшими людьми, но выставлять свое богатство им было не с руки по понятным причинам. Оно всячески скрывалось, в том числе и в земле, самом распространенном тогда тайном хранилище.

Добавьте к этому, что таможни находились в приграничье и первыми подвергались ударам неприятеля. Не все хозяева кладов оставались в живых после очередного набега. А времена были сплошь беспокойными. Тут и последнее добро припрятать. Кладов в этих местах должно быть предостаточно.

К сожалению, мне не довелось отыскать ни одного «мытного» клада. Мытни на Беларуси в старину располагались в основном на тех же границах, что и сейчас. Попробуйте покопать сейчас в пограничной зоне с Польшей. И пятнадцати минут не пройдет, как наряд в зеленых фуражках и при собаках возьмет вас на мушку. Или находились в городах, которые есть и сейчас, — в Бресте, например, была самая большая мытня. Тоже не покопаете.

Я нашел с великим трудом два неприграничных места. Приехал в одно. Что вы думаете? На площади около трех квадратных километров молоденький лес был варварски изрыт. Шурфы и ямы, некоторые довольно глубокие, зияли сплошь и рядом. Их даже не потрудились засыпать. Судя по поросли, выросшей на них, копали здесь не менее двух лет назад. Различные признаки, в том числе многочисленные остатки высокой глиняной посуды, в которой обычно встречаются монетные клады, указывали на наличие богатой добычи. Кругом валялся всякий сопутствующий старинным людским поселениям хлам и металлическая дребедень.

Картина говорила о том, что здесь поработали «черные» профессионалы, которые после себя ничего ценного не оставляют. Я даже не стал расчехлять свой металлодетектор. И не поехал на второе место. Пустая трата времени. Ведь при поиске все мы пользуемся одними и теми же источниками. Если это, конечно, не случайная пиратская карта и не последние слова умирающей тещи, как в «Двенадцати стульях».

Правда, у меня есть надежда, что мы со Стариком уговорим какого-нибудь командира пограничной заставы разрешить порыться на подведомственной ему территории. Хотя не исключено, там уже тоже успели побывать вездесущие, не признающие никаких преград «черные профи».

На богатство таможенных кладов указывает то, что про них ничего не рассказывают. Практика такова, что коллеги по искательству охотно расскажут вам про единичные находки и небольшие клады и даже покажут их в натуре или на фотографии. Но никто не расскажет о найденных реликвиях и сокровищах государственного значения. По вполне понятным причинам.

На некоторых перекрестках торговых дорог возле населенных пунктов или в самих населенных пунктах располагались ярмарки. Ярмарочные торги были временными и постоянными. Годовыми, сезонными, воскресными или приуроченными к определенной дате.

В этих местах клад мог образоваться только случайным образом. Зато, если ярмарка существовала здесь десятилетиями, а иногда и столетиями, вы найдете множество единичных утерянных участниками торгов серебряных и медных монет разных государств, разных периодов времени и разного достоинства. По сути — нумизматический клад, причем, по количеству монет он может быть эквивалентом нескольких обычных кладов. А залегать монеты будут в слое глубиной от двух до десяти сантиметров, что не доставит особых хлопот при их поиске и извлечении. Недостатком является не очень хорошее состояние некоторых монет. Большинство кладных монет обычно имеет идеальное состояние.

Вдоль торговых путей располагались постоялые дворы (гостиницы — тоже от слова гость). Их владельцы были зажиточными людьми и, как показывает практика, тоже имели привычку закапывать на своей территории деньги в землю и для пушей сохранности, частями. Попадают и одиночные монеты, потерянные постояльцами и прислугой.

При постоялых дворах и отдельно на дорогах было разбросано множество питейно-закусочных заведений, которые в разные времена именовались по-разному: корчмы, шинки, кабаки, трактиры. Ими владели также далеко не бедные люди. Кубышки с деньгами и монеты, оброненные нетрезвыми купцами, проезжими и окрестными селянами — неперенные атрибуты на местах этих строений.

При этом не забудем, что постоялые дворы и питейные заведения на торговых шляхах стояли зачастую отдельно, а не в поселениях. Это давало прекрасную возможность предкам теперешних рэкетиоров — странствующим «татям» заглянуть темной ночью к их хозяевам и потрясти их за грудки. Или предъявить другие действенные аргументы в виде прообразов современных утюгов и паяльников.

Наверное, именно по этой причине владельцы «готелей» и кабаков зарывали свои деньги по частям в разных местах. Атаман ведь все равно не поверит в полное отсутствие всяких сбережений у собственников столь оборотистых заведений. И когда, к примеру, кабатчику угрозы и действия ночных гостей становились уж совсем невыносимыми, он приводил их к потаенному месту, выкапывал деньги и отдавал их мучителям. Бормоча при этом что-то вроде: «Вот все, что есть, нажитое непосильным трудом...» и прочее. Тогда разбойники верили.

Отдельно выделим еврейский вопрос на Беларуси. В отличие от многих стран Европы, где евреев всячески притесняли и даже изгоняли за пределы государства, в Белой Руси всегда относились к иноверцам терпимо. Евреи, татары, представители других национальностей в старину (да и сейчас) на белорусских землях не чувствовали себя чужими и гонимыми.

Не будем голословными и предоставим слово человеку, тщательно исследовавшему этот вопрос.

Не могу сказать, являлся ли евреем Дж. Д. Клиер, автор книги «Россия собирает своих евреев (Происхождение еврейского вопроса в России: 1772—1825)», но глава первая этого труда так и называется «Речь Посполита — „рай для евреев”». Вот некоторые выдержки из этой главы.

«... Уже в привилегии Казимира Великого от 1367 г., подтвержденной в 1456 г., четко значилось, что решение судебных дел, в которых тяжущимися сторонами выступают евреи, является прерогативой старейших еврейских общин...»

«... При Сигизмунде Августе, в 1551 г., ... король сам сложил с себя полномочия назначать раввинов... — и отныне эту прерогативу получили местные евреи...»

И так далее.

То есть в государстве действовал институт еврейской автономии, и власть короля и его представителей не распространялась на многие вопросы еврейских общин.

А теперь об экономическом положении евреев.

«...Евреев с их оборотистостью, способностями к предпринимательству, международными связями охотно принимали в больших поместьях... Евреи были умелыми и энергичными посредниками и управляющими в имениях знати... Они брали в аренду многочисленные экономические привилегии и монополии, которые принадлежали помещикам. Так, евреи часто брали под контроль торговлю разными продуктами,

например солью и рыбой, держали мельницы... Развитие производства спиртного в поместьях давало евреям возможность развернуться, и постепенно они монополизировали поставку спиртного...»

«...польские дворяне-католики со спокойной совестью передавали евреям право взимать сборы за отправление в церквах православных религиозных обрядов — за крестины, свадьбы, похороны...»

Еврейский историк С. М. Дубнов отмечал, что «влиятельным лицом при дворе сделался богатый брестский еврей *Михель Иезофович*, главный откупщик и сборщик податей в Литве». Михель был откупщиком соляных и восковых пошлин в Бресте, занимался торговлей, арендовал корчмы, мытни (таможни) во всем государстве. В 1514 году Сигизмунд I Старый назвал Михеля «*фактором наших доходов в Великом княжестве Литовском*». В 1525 году Михель Иезофович за свои заслуги перед государством и великим князем получил шляхетство (дворянство) и собственный герб.

Таких цитат и свидетельств можно привести великое множество. Фактически по своим богатствам евреи в государственных образованиях на территории Беларуси занимали второе место после магнатов. А такие личности, как Михель Иезофович, вполне возможно, по своим финансовым накоплениям не уступали и Радзивиллам.

Время от времени места массового проживания евреев подвергались набегам украинских казаков. В ноябре-декабре 1595 года казацкие отряды С. Наливайко заняли города Гомель, Петриков, Слуцк, сожгли Могилев. Казаки Шаулы заняли город Пропойск (теперь Славгород). В 1633 году казаки осадили Гомель, Мстиславль, Сураж, Друю, Пропойск, Кричев.

В 1648 году казацкие загоны (отряды) Головатского, Небабы, Гаркуши, Кривошапки, Михненко, Поддубского и Микулицкого захватили Гомель, Лоев, Брагин, Мозырь, Туров, Пинск, Бобруйск, Речицу, Слуцк.

«...Закат финансового благополучия еврейских общин был спутником внутренних потрясений, пережитых... в XVII веке. Восстание Богдана Хмельницкого, вспыхнувшее на Украине в 1648 году, имело катастрофические последствия для евреев — излюбленных объектов казацкой жестокости и грабежа; смертью и разорением евреи расплачивались за свою посредническую роль в системе феодальной эксплуатации... Общины севера Польско-Литовского государства пали жертвой операций Первой Северной войны (1655—1660) и русско-польской войны (1654—1667)...» Так написал Дж. Д. Клиер о закате «рая для евреев» в Речи Посполитой.

Всего же по его оценкам в Польско-Литовском государстве того времени проживало около 760 тысяч евреев. Следствием казацких набегов, военных действий шведских, австрийских, прусских и русских войск, солдаты которых, не говоря уже о казаках, относились к евреям, мягко говоря, не миролюбиво, стало повсеместное массовое сокрытия еврейского имущества, денег и ценностей.

На территории Беларуси было много городов и местечек, где еврейское население составляло большой процент. Их местечки представляли собой торгово-промышленные предместья и слободы с синагогой, а то и двумя, в центре. Синагогу вы узнаете по отсутствию башен, высокой крыше ломаной формы и многочисленным внешним галереям. Евреи в Речи Посполитой арендовали или владели, говоря современным языком, большей частью производственных мощностей, то есть различными мануфактурами, винокурнями, мельницами, ювелирными, шорными и другими мастерскими. Их сферой деятельности были почти вся торговля и бытовые услуги. Они занимали доходные государственные места — сбор налогов и таможня. И нашли свою нишу, приносящую доходы, даже в чужой религии.

В силу всех перечисленных факторов, еврейские клады на территории Беларуси являются самыми богатыми. Их отличает наличие золотых монет различных стран, серебряных брусков и золотой проволоки для ювелирных нужд. (Знаете ли вы, что из одного грамма золота можно вытянуть проволоку длиной в два с половиной километра?). В этих кладах встречаются сделанные из золота и серебра столовая посуда, украшения с драгоценными камнями и эмалью (перстни, серьги, кольца, браслеты), предметы религиозного культа, табакерки, парфюмерные коробочки и многие другие вещи, назначение которых сразу и не угадаешь. Например, ухвертки. Видели когда-нибудь такую штучку?

Где ищут еврейские клады. В местностях, населенных пунктах и домах, где проживали иудеи. И окрест тех мест, где располагались приведенные выше производства, торговые точки, мастерские, различные учреждения и так далее.

Книг, научных трудов, статей и исторических документов о расселении и занятиях евреев — тьма. Об этом упоминается даже в обычных энциклопедиях и справочниках. Открываем, к примеру, на редкую букву «Э» — Эйтишки, местечко (Лидский район) с XII века заселено евреями. Или — город Любань, известен с XVI века, в XVIII веке еврейское местечко. Деревня Малечь (Березовский

район), первое упоминание в XVI веке, заселение евреев в XIX веке, проводилось 12 ярмарок в год.

Имеет смысл посмотреть окрест мест татарских поселений на Беларуси, на так называемых татарских «осадах». Традиционно они занимались изготовлением прекрасной медной посуды. Часть из них служили в армии. На Беларуси было около двадцати татарских мечетей. Поговаривали, что промышляли они и дорожным разбоем. Места их расселения — районы Глубокого, Мяделя, Лиды, Новогрудка. Можно найти золотые вещи и золотые монеты, — татары всегда старались их приобрести.

И уже собирайте подробности по выбранной теме в виде различных упоминаний, хроник, архивных документов. Уверяю вас, подробностей — масса. А затем на месте нужно говорить со знающими людьми и старожилами, слушать легенды, мифы, реальные истории и состыковывать их с документами. Складывать кирпичики, из которых вырастет здание вашего поиска. И, наконец, сам поиск. Просто, не правда ли? И интересно.

Помимо монументальных объектов поиска — замков, графских, крупных панских, шляхетских и барских усадеб, монастырей, интерес для кладоискателей представляют остатки или места бывшего расположения религиозных и околорелигиозных учреждений. К ним относятся церкви, костелы, синагоги, часовни, каплицы, а также поповские усадьбы и вотчины других священнослужителей.

Доходы церкви и служителей религии во все века были неплохими. После государства церковь являлась вторым по величине владельцем земель, имущества и денежных средств. А причины предания денег и ценностей земле, подземельям, стенам и прочим строительным конструкциям те же, что уже приводились в этой книге.

На территории Беларуси зарегистрировано около шести тысяч археологических памятников, включающих свыше пятидесяти тысяч отдельных объектов. Многие из них находятся под охраной государства. Лично для меня они табу. Хотя сразу оговорюсь, вовсе не обязательно лезть на запретную территорию. Можно походить с металлодетектором в их окрестностях. В обиде вы не останетесь.

Вообще не стоит копаться на местах древних стоянок, стойбищ и селищ, если вы, конечно, не профессиональный археолог. Большинство их располагается возле водоемов. Не думаю, что вам интересны каменные рубила, скребки и куски древней керамики. А вот вред государству и науке археологии причините, причем без всякой пользы, как научной, так и материальной, для себя.

Несколько иным образом дело обстоит с городищами. Это уже более поздние укрепленные поселения. Они находятся на холмах и других возвышенностях. Иногда на островах или на мысах при впадении одной реки в другую. Бывают и в заболоченных местах. Ранние городища укрепляли валом и рвом. Едете по шоссе, посматривайте по сторонам, и вы их наверняка определите по этим характерным признакам. Там вы тоже не найдете ни золота, ни серебра, а предметы из железа просто рассыплются в ваших руках. Удивительно, но сохраняют различные предметы лучше всего торфяники. Так, возле деревни Каплановичи Несвижского района в торфе, на глубине около полутора метров, был найден совершенно целый старинный деревянный плуг. Ученые определили его возраст в две тысячи лет.

На местах городищ зачастую возводили замки, которые находились в центре укрепленных детинцев. К детинцам примыкали ремесленно-торговые посады. Здесь возможны и клады, и единичные находки. Вообще любые высокие холмы и горы обладают повышенной кладоносностью. Можно строить на эту тему любые версии, но это факт.

То же самое можно сказать и об островах на реках и озерах, коих в Беларуси десятки тысяч.

Особую категорию археологических памятников составляют захоронения и погребения. Конечно, в могилы обычно клали различные вещи и предметы быта. Особенно в курганы, — на территории Беларуси их несколько десятков тысяч. Местные жители называют их валатовками, капцами, шведскими и французскими могилами. Обычно их высота пять-восемь метров, а диаметр десять-пятнадцать метров. Впрочем, встречаются и продолговатые курганы, длиной до ста метров.

Наверное, там можно найти что-то ценное, но я туда не ходок и вам не советую. Пара моих знакомых, попробовавшая этот промысел, плохо закончила. В прямом смысле этого слова. Вспомните судьбу вскрывателей египетских гробниц и погребальных камер инков. Лорда Карнарвона, например.

13 февраля 1923 года лорд Карнарвон, археолог Говард Картер и за ними еще семнадцать человек шагнули в гробницу египетского фараона Тутанхамона, полную несметных сокровищ... Через два месяца лорд был прикован к постели загадочной болезнью, повторяя в бреду имя Тутанхамона. А через несколько дней он умер. Спустя несколько месяцев внезапно умирают еще два участника экспедиции Карнарвона — Артур К. Мейс, именно он сдвинул последний

камень у входа в погребальную камеру, и Джордж Джей-Голда. Мир заговорил о «проклятии Тутанхамона». Несколько человек из вошедших в гробницу кончают жизнь самоубийством. Другие продолжали умирать. Из 21 человека, побывавшего в могиле фараона, в живых остался лишь Говард Картер. Случайность? Попозже расскажу еще о нескольких таких «случайностях».

Интересными, но не для кладоискателей, являются такие археологические памятники, как древние шахты, каменоломни, рудники и мастерские. Точнее их остатки. Вряд ли вам будут интересны куски кремня, капли олова и свинца, осколки глиняных изделий.

Наконец, последней группой памятников археологии являются остатки культовых и религиозных сооружений, святилищ, капищ. Кое-что интересное там найти можно. Но таких мест, как легендарное озеро Гуатавита, лежащее в кратере потухшего вулкана, в Беларуси нет точно. Оно находится в горах Анды в Колумбии. Когда-то там жили индейцы, исполнявшие ежегодно ритуал омовения в этом озере своего вождя. Причем вождя осыпали с ног до головы золотым порошком, а после омовения жрецы бросали в воду тысячи золотых вещиц и украшений. Это длилось сотни лет. Красивая легенда оказалась еще и правдивой. Ценности стали искать. Была даже основана акционерная компания по поиску индейских сокровищ в начале прошлого века. Озеро почти удалось осушить и извлечь большое количество золотых драгоценностей и изумрудов. Работы по техническим причинам были приостановлены, но считается, что на дне озера лежит не менее пятидесяти миллионов золотых изделий, украшений и драгоценных камней.

У нас тоже существуют легенды, связанные с озерами, — Беларусь ведь страна озер. Но легенды иного плана, о них скажем отдельно.

Безусловно, интересны в плане поисков кладных мест остатки хуторов, которых на территории Беларуси великое множество. Особенно они были распространены на территории Гродненщины, Брестчины, северо-запада Витебщины. Хутора вымирали и продолжают вымирать. Но в них жили десятки поколений на протяжении сотен лет, ведя натуральное хозяйство даже в советские времена. Хуторянам было что продавать и почти ничего не надо было покупать. А свою наличку хранили в земле ввиду безлюдности своего местожительства, куда мог пожаловать любой гость с плохими намерениями.

Я не раз организовывал поиски в районах заброшенных хуторов. И всегда находил кладные захоронения, правда, не сказать, чтобы солидные. Обычно тайники находились на местах фруктовых садов,

а также в печах, единственных приметах исчезнувшего уже дома. Однажды я нашел серебряный портсигар с пятнадцатью серебряными царскими рублями в остатках пчелиного улья. В то же время поисковые работы на хуторах крайне трудоемки. За годы и поколения там накоплено столько металла в земле, что сравнимо лишь с районами интенсивнейших боевых действий. Железо и цветные металлы «орут» постоянно, а территория хуторов иногда составляет гектары.

Еще есть такие, наверное, чисто белорусские поселения, так называемые «овудьки» — однодворные поселения обедневших шляхтичей. Шляхтичи, даже самые бедные, также из поколения в поколение передавали семейные реликвии и драгоценности, ну и сбережения какие-то имелись. Ушел шляхтич на войну и не вернулся, усадьба хирела, а потом и обезлюдевала. А перед уходом на войну все ценное пряталось. Самому искать в «овудьках» не приходилось, но рассказы слышал. Как их определить, эти «овудьки»? Отличить от заброшенного хутора или одинокого крестьянского дома? Наверное, надо рыться в архивах по инвентарным книгам. Не пробовал. Говорят, практически в каждой печи «овудьки» можно что-то найти. Вообще, судя по рассказам, шляхтичи прятали клады в местах, не поддающихся горению. То есть в тех же печах, под фундаментами домов и под земляными полами подвалов.

Специалист по «овудькам» называл следующие места.

Печь. С самого верха надо смотреть дымоход, затем на чердаке переходную печную трубу, так называемый печной «гроб». Во всех печных стенах. В «сажетруске» или «сажеотводе». За «загнетками». Под входным отверстием в печь. В поддувале. И, наконец, в полуподвальчике под самой печью.

Короче, разбирать печь практически полностью. Причем, металлоискатель не очень-то поможет, поскольку в печи полно металла. Колосники там всякие, арматура, металлические кольца и прочее.

Что касается отыскания тайников в домах, зданиях, технических сооружениях — об этом столько написано, что не стоит повторяться. Есть наиболее перспективные места, где ценности традиционно прячутся чаще всего. Но это не означает, что, зайдя в дом, сразу надо отдираать подоконник или простукивать камин. Найти ценности, и практика это подтверждает, можно в самом неожиданном месте.

Я полагаю, что, в первую очередь, нужно тщательно осмотреть помещение и поставить себя на место прячущего. Где место, на которое никто не подумает? Но не перемудрить. Вы же знаете о том, что ценности прятали, например, в мусорном ведре, или в закатанной банке

с солеными огурцами, или в морозильнике. Если есть хоть крупницы информации или предположения, что именно хотел спрятать человек, можно строить версии о конкретных местах. Далее подумать об обстановке, в которой прятались вещи. Было ли у него время обдумать место тайника, либо он вынужден был действовать в спешке. И так далее. Хуже всего, что здесь металлодетектор не может быть обычно помощником. В современных домах о нем и думать нечего, кругом арматура, различные коммуникации, электропроводка. Даже в деревенских избах полно металла. Та же печь, например. Поэтому поиск в помещениях, домах, технических сооружениях — процедура очень индивидуальная и типовыми версиями увлекаться не стоит.

Овраги. Легенд про овражные сокровища ходит много. Непременное место разбойничьих тайников. Спускался несколько раз. Искать совершенно невозможно, бурьянная буйная растительность и кучи металлолома дают хороший шанс сломать себе конечности. Может, если почистить экскаватором? О реальных находках не слышал. Только по литературным источникам и мифам.

Пещеры. Возможно, они и есть в Беларуси, но я с ними не встречался. Другое дело в России. Там их полно. Но сообщений о найденных кладах в последнее время вроде не проходило. Зато старых затасканных легенд сколько угодно. Награбленные богатства Разина и Пугачева, сокровища царя Креза, копи царя Соломона, пещеры островов Оук и Кокос, золотые сибирские бабы и так далее. Пока ничего не нашли, хотя на том же Оуке копают и откачивают воду уже десятки лет, затратив на поиски многие миллионы долларов.

Безусловно, самые богатые клады и сокровища скрыты на дне морей и океанов. Каждый год приносит ошеломляющие находки. Наверное, это один из прибылейнейших видов бизнеса, ведь даже жалованье простого матроса сотни лет назад представляет сегодня немалую сумму. А ведь тонули корабли, груженные тоннами золота и серебра, десятками килограммов драгоценностей. Любое затонувшее судно содержит богатства. На морском дне их лежат десятки тысяч.

Впервые я реально познакомился с этой темой, прочтя лет тридцать назад великолепную книгу бельгийского подводного археолога Робера Стенюи «Сокровища Непобедимой Армады». «...Рою дальше... Новые ядра, потом — стоп! Серебряная монета в прекрасном состоянии, отчетливо виден испанский герб. Большое «Т», а рядом маленькое «о». Отчеканена в Толедо... Между камешками тускло поблескивает золотое кольцо... а вот сердечко из зеленого мрамора... Ага, опять

золото: шесть нанизанных друг на друга тончайших звеньев в форме плоских восьмерок — кусочек цепи...» Это описание процесса поиска под водой ценностей у найденного Робером Стенюи затонувшего у берегов Ирландии испанского корабля «Хирона», входившего в состав Непобедимой Армады. С тех пор я прочел сотни книг на эту тему, но более яркого впечатления не получил. Как не получил и собственного опыта поиска подводных сокровищ.

Единственное, что я видел своими глазами, отдыхая в Барселоне, — это поиск монет и драгоценностей в прибрежной полосе пляжей. Однажды, встав часов в пять утра, я вышел из отеля и пошел побродить по пляжу. Шагая не спеша, любуясь морским рассветом, я увидел впереди по ходу странную пару. Метрах в десяти от прибрежной полосы прибоя, по колено в воде шли мужчина лет сорока пяти и мальчуган примерно двенадцати лет. Мужчина держал в руке хорошо знакомый мне металлодетектор и водил им перед собой в воде. На ушах у него были наушники, понятно, прибор работал беззвучно, чтобы не нарушать утренней тишины своей электронной трелью. В другой руке у него была тонкая тросточка. На поясе висел целлофановый мешок, наполненный почти на треть чем-то тяжелым. Тяжесть чувствовалось по колыханию мешка, когда делались шаги. На лице у мальчишки была обычная маска для подводного плавания, а в руке небольшой пластмассовый совок.

Я сбавил шаг и стал смотреть, понимая уже суть их действий. Вот мужчина приостановился, вынул тарелку детектора из воды, а на его место ткнул в дно тросточку. Мальчишка тотчас сделал шаг к нему, опустил лицо в маске в воду и стал манипулировать руками с совком под водой возле тросточки. Есть. Он вытащил руки из воды, в одной из них блестела монета, по-моему, два евро. Они продолжили свои манипуляции, а я по-прежнему шел невядалеке вдоль полосы прибоя. Это их не смущало. Мужчина, даже улыбаясь, что-то негромко прокричал мне по-испански, он был черноусый и загорелый дочерна. Мальчишка сдвинул на лоб маску и, тоже улыбаясь, помахал мне рукой. Испанцы вообще очень приветливые и радушные люди. Хотя мужчины все усаты, имеют грозный вид и внешне суровы. Я что-то пробормотал в ответ, на уровне моих познаний испанского языка, типа «*буон джорно, синьоры*». Мы засмеялись, и продолжили свои занятия — они доставали из-под воды монеты и некоторые другие металлические предметы, а я шел поодаль рядом.

Я дошел с ними до ближайшего мола, это около двух с половиной километров. За это время их пакет почти наполнился. Буквально

каждые два-три шага операция с извлечением из воды ценностей повторялась. Кроме различных монет, они нашли еще двое часов и несколько женских украшений — колечек, сережек, цепочек.

Конечно, по размышлении, я не нашел в этом ничего удивительного. Люди, купаясь в море, теряют свои драгоценности. Найти их с помощью прибора в морском песке — пустяк. Но главное, каждый человек, покидая гостеприимные берега Коста Дорады (так, кажется, называлась та пляжная зона), бросает в море монетку. И я тоже бросал, и моя жена. За сезон только в этой зоне отдыхают десятки тысяч туристов. Представьте, каков улов у этих ребят?

Я вернулся в отель, выпил стакан апельсинового сока, растянулся на кровати и попытался представить. Отбросим пока драгоценности, их не так уж и много. Хотя за сезон, семь месяцев, ежедневно? Но, покамест, от них абстрагируемся. Получается, почти каждый метр или полтора они находили по монете. Возьмем полтора. Так, калькулятор в руки. За два с половиной километра они, предположительно конечно, вытащили 1666 монет. Пусть будет полторы тысячи. Монеты, конечно, бросают разные.

Но вся Европа перешла на евро. Люди здесь отдыхают не бедные. Но некоторые европейцы прижимистые. Один бросит 20 центов, другой 50, третий 2 евро. Я, например, уезжая, бросил в море монетку в 1 евро. Пусть будет в среднем пол-евро. Умножаем полторы тысячи на 0,5, — получается 750 евро за два с половиной километра. Фантастика! А если они проходят за утро десять километров, на это нужно всего лишь три часа, допустим, с четырех до семи утра? Но оставлю расчеты читателю, если он пожелает. Буду оперировать тем, что видел сам. Итак, вернемся к нашим баранам, как говорит пословица. 750 евро за день умножаем на 30 дней, получаем 22500 евро за месяц. А за семь месяцев, пока длится сезон, это будет совершенно фантастическая сумма — 157500 евро. Представляете?

Немедля отправляюсь покупать металлоискатель и просить вид на жительство в Испании. Шучу, конечно. Безусловно, здесь этот бизнес давно поделен на зоны. Ловцы евро «отстегивают» кому надо, чтобы их не трогали. Хотя ничего противозаконного в этом занятии нет. И никому ранним утром они не мешают.

Однако прикиньте их реальные доходы. К этим монеткам приплюсуйте драгоценности, золотые естественно. Возможно, морской прибой приносит и другие монеты. Старинные. Золотые. С затонувших кораблей, которых здесь достаточно.

Говорят, что этот бизнес процветает и у нас, на черноморском побережье Кавказа и в Крыму. Не знаю, давно уже там не бывал. Но один знакомый, побывавший в США, сказал, что и там это распространено. Сам видел на нью-йоркских пляжах, которые, кстати, находятся на той же широте, что и Крым.

Один мой знакомый, послушав мой рассказ про Барселону и прибрежные поиски монет, решил использовать этот опыт в Беларуси. Он поехал в апреле, когда там безлюдно, на водохранилище Вячу. Это в десятке километров от Минска — излюбленное место отдыха минчан. Когда я однажды случайно встретил его, он ругался по этому поводу самыми нехорошими словами. Он провел на пляжах Вячи целый день и оглох от воя металлоискателя. Он представлял, сколько там будет различных бутылочных пробок, но никак не ожидал такого их количества и прочего негодного металлического и фольгового мусора. Из принципа он решил выкапывать все, что дает сигнал прибору.

— Тысячи, тысячи и тысячи — утверждал знакомый, — я и вообразить не мог, сколько у нас пьют. А пробки просто суют в песок. За весь день, кроме мусора, его добычей стали секундомер (неисправный), помятый золотой кулончик без цепочки и три советские монетки.

А что он там хотел найти? Во-первых, в Беларуси нет собственных металлических денег (монет), кроме юбилейных. Со дня обретения независимости у нас в ходу только бумажные деньги. Во-вторых, иностранные туристы на Вяче никогда не наблюдались. В-третьих, пьют, конечно, наши люди на природе, особенно возле воды, от чего частенько и тонут. А теряют всякие мелкие предметы во всех местах массового гуляния и отдыха.

По той же причине нашему брату нечего делать в парках, садах, скверах и прочих, как выразился один юморист, *«местах имени культуры и отдыха»*. С прибором, понятно, нечего делать, а отдыхать и гулять не возбраняется.

Думаю, что нет в Беларуси и пиратских кладов. Не бороздили Минское море и остальные водоемы нашего государства корсары, флибустьеры и иные джентльмены удачи вроде Генри Моргана, Уильяма Дампира, Эдварда Мэнсфилда, капитанов Кидда, Вассера, Олоннэ и многих других морских разбойников. Хотя, несомненно, на дне многочисленных рек и озер нашей синеокой республики лежат настоящие сокровища. В Минске недавно осушали и чистили реку Свислочь. По-моему, редкие кладоискатели этим

воспользовались, река-то протекает по центру города. А милиция в столице очень бдительна, говорю это без всякой иронии. Что бы ни писали и ни говорили о нашей республике, наличие в ней порядка никто не отрицает. Вернемся к Свислочи. Река, видевшая множество военных действий начиная с 1067 года и протекающая по древней столице, не может не иметь тайн. Жаль, что власти по каким-то причинам не организовали планомерных исследований содержимого придонного ила, который вывозился грузовиками и выбрасывался. Но даже случайные находки рабочих и зевак поражают воображение. Поскольку официальных сообщений на эту тему не прозвучало, не буду пересказывать чужие рассказы и статейки желтой прессы.

Увлекательна *военная тема кладоискательства*. Всегда можно найти на местах и окрест баталий, побоищ, сражений, битв, боев и прочих столкновений противоборствующих сторон различные интересные предметы. Не всегда ценные, не всегда хорошо сохранившиеся, но неизменно любопытные своей историей и судьбой. С военными действиями связаны и монетные клады. Любое войско имело свою казну. Все солдаты грабили противника, его обозы и местное население. Применяли при этом, правда, более пристойные выражения: трофеи, конфискация, реквизиция, но суть от этого не менялась — деньги и ценности переходили в другие руки. Офицеры и генералы трофейничали покрепче. Иные и свои собственные обозы имели.

На любой войне часто случались поражения и быстрые отступления, переходящие в паническое бегство, когда уже не до трофеев, не до обозов и не до собственной казны даже. Войскам приходилось попадать в охваты и окружения, когда тоже, как говорится, *«не до жиру, быть бы живу»*.

Поэтому возникали ситуации, вынуждающие наспех прятать и трофеи, и казну, и содержимое обозов, и собственный скарб, чтобы бежать налегке.

Я это к чему излагаю? Многие говорят и пишут, что поиски надо организовывать на местах боевых столкновений. Не согласен. Вернее, отчасти не согласен. С помощью современной техники в глубине земли, конечно, можно что-то и найти. Но только в глубине. Потому что по горячим следам до вас уже прошлись многие люди. От преследующих противника солдат (а существовали и специальные трофейные команды) и местных жителей, ищущих свое и чужое добро, и до людей, родственников вам увлечений.

Мой небольшой опыт, подтвержденный некоторыми серьезными находками, свидетельствует в пользу окрестных мест сражений и битв. Нужно пытаться тщательным образом изучить добытые карты и схемы сражений. Прочитать всю возможную литературу по этой теме, особенно мемуарную. Невредно почитать перед этим военные труды по способам и тактике отступления, отрыва от наседающего противника и как избежать окружения. И только после этого отправляться на местность, сверяться с картами и иными источниками. Строить версии и начинать поиск. Не на полях сражений, а рядом.

На полях сражений Великой Отечественной войны ищут сейчас и легальные поисковые отряды и нелегальные поисковики — «черные археологи». Но они ищут совсем другое. Не хочу затрагивать эту тему, являясь решительным противником поисковых работ на местах боев последней войны.

Хотя в недалеком будущем мне придется к ней прикоснуться. Я разрабатываю сейчас тему поиска сокровищ Третьего рейха. Но не в Германии, Австрии, Аргентине или Колумбии. На нашей земле. И, в принципе, это наши сокровища, а не рейховские. Награбленные гитлеровцами в наших городах и деревнях, в музеях и банках и просто у наших людей. Немцы успели вывезти далеко не все. Что-то пришлось бросить, что-то удалось спрятать. Различных документов на этот счет сейчас много.

Отдельная тема партизанское движение. Партизаны тоже, оказывается, были разными. Одни боролись с оккупантами, другие просто скрывались в лесах от тех же оккупантов. Но были и третьи... Говорить об этом преждевременно, тема только начала разрабатываться. Скажу лишь, что в Налибокской пуще должны быть интересные места. А еще загадочнее большой лесной массив — Липичанская пуща, место базирования многих партизанских отрядов.

За исключением поисковых работ по местам сражений Великой Отечественной войны, ко всем остальным прошлым войнам я отношусь положительно. Позитивно не к самим войнам, а к поиску их исторических материальных следов. Но у меня, как, наверное, у любого кладоискателя, есть и свои секреты, и своя методика.

Вернемся к мирным делам.

Случайные находки нередки в ходе сельскохозяйственных работ, таких как, пахота, уборка картофеля, при осушении и мелиоративных работах. Иногда россыпи монет обнаруживают при рытье

котлованов под фундамент, прокладке дорог, дорожных ремонтных работах, строительстве мостов, при разработке карьеров. Россыпь или хотя бы несколько монет, найденных вместе или рядом, — это первый признак поврежденного тайника либо хранилища клада (сосуда, горшка, ящика, мешка и тому подобного). Если есть возможность, на этом месте следует организовать тщательные поиски с помощью металлоискателя. Во многих случаях в таких местах отыскиваются сотни и тысячи монет.

Колодцы. Да в них всегда можно что-то найти. Но именно что-то. Поиск в заброшенных колодцах труден с технической точки зрения и крайне опасен. Организовывать поиск в таком месте можно только при наличии конкретной, достаточно достоверной информации.

Выгребные и помойные ямы. О находках в них слышал только при расследовании уголовных дел о преступлениях. Ищут в них обычно трупы и оружие, но находят и ценности при этом.

Говорят, что клады можно найти в районе старых и приметных деревьев, обычно это дубы. Или возле очень крупных камней и валунов. Докладываю, пробовал неоднократно — ничего не найдено. Ну, попадались иногда одиночные советские, реже царские или польские монетки — свидетельства того, что люди любят посидеть в таких местах, отдохнуть, поговорить, выпить. При этом монеты попросту теряются, вывалившись из карманов. Случалось найти в подобных местах и десятки мелких монеток, но это при дальнейшем исследовании служило лишь доказательством религиозного или ритуального использования их в старину.

Глава семнадцатая

Правовые аспекты кладоискательства

Прежде чем заняться отысканием кладов, внимательно изучите правовые нормы действующего законодательства, связанного с кладоискательством. Иначе, по незнанию или правовой неграмотности, можете угодить под карающий меч правоохранительных органов государства. И схлопотать в связи с этим наказание от штрафа до лишения свободы с конфискацией имущества.

Запомните незыблемый юридический постулат: *незнание закона не освобождает от ответственности.*

Существуют три вида ответственности граждан, нарушивших законодательство, связанное с поиском кладов. Гражданско-правовая, административная и уголовная.

Вот как решались вопросы судьбы найденных кладов во времена СССР. *«Клад, то есть зарытые в земле или скрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен или в силу закона утратил на них право, поступает в собственность государства и должен быть сдан обнаружившим его лицом финансовым органам.*

Лицу, обнаружившему и сдавшему финансовым органам золотые и серебряные монеты, советскую и иностранную валюту, драгоценные камни, жемчуг, драгоценные металлы в слитках, изделиях и ломе, выдается вознаграждение в размере двадцати пяти процентов стоимости сданных ценностей, кроме случаев, когда раскопки или поиски таких ценностей входили в круг служебных обязанностей этого лица» (ст. 148 Гражданского кодекса РСФСР). Аналогичная норма содержалась в Гражданском кодексе БССР. То есть вопрос решался однозначно: клад — собственность государства.

С распадом СССР и образованием независимых государств указанная норма «помягчела», поиску кладов дано больше свободы. *«Клад, то есть зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу акта законодательства утратил на них право, поступает в собственность лица, которому принадлежит имущество (земельный участок, строения и т. п.), где клад был сокрыт, и лица, обнаружившего клад, в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное.*

При обнаружении клада лицом, производившим раскопки или поиски ценностей без согласия на это собственника земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, клад подлежит передаче собственнику земельного участка или иного имущества, в котором был обнаружен клад.

В случае обнаружения клада, содержащего вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры, они подлежат передаче в государственную собственность. При этом собственник земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, и лицо, обнаружившее клад, имеют право на получение вместе вознаграждения в размере пятидесяти процентов стоимости клада. Вознаграждение распределяется между этими лицами в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное» (ст. 234 Гражданского кодекса Республики

Беларусь). Подобная норма содержится в действующем сейчас Гражданском кодексе Российской Федерации.

Чувствуете разницу?

Статьей 3 Закона Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» установлено, что к таковым относятся:

«единичные памятники: ... структуры археологического характера, в том числе частично или полностью зарытые в земле или под водой... которые имеют ценность с точки зрения истории, культуры или науки;

ансамбли:... единство или связь с пейзажем которых представляют ценность с археологической... точки зрения, в том числе археологические или палеонтологические объекты; исторические центры поселений, фрагменты исторических планировок и застроек поселений;

достопримечательные места:... культурные слои, остатки построек городов, городищ, селищ, стоянок, жилищ, объектов фортификационного назначения, религиозного назначения — храмов, церквей, монастырей, культовых комплексов; святыне места и места совершения обрядов;

исторические поселения: города и населенные места, облик которых (планировка, силуэт застройки, памятники, связь с ландшафтом и другие характеристики) представляют собой ценность с археологической, архитектурной, исторической, эстетической или социально-культурной точек зрения».

Я уже упоминал о «черных археологах» и «черных копателях». За «черные» поиски и в России, и в Беларуси предусмотрена административная и уголовная ответственность. Перечислю эти нарушения.

К ним относятся «*нарушения законодательства об охране историко-культурного наследия*», «*нарушения порядка вскрытия воинских захоронений*», «*нарушения порядка проведения поисковых работ в местах, где велись боевые действия или совершались массовые карательные акции*» и некоторые другие.

На первый раз за них вас могут привлечь к административной ответственности в виде ареста, штрафа или общественных работ. Последующие случаи могут повлечь и уголовную ответственность, в том числе в виде лишения свободы.

Кроме того, размер ответственности зависит от размера найденного, или, как выражаются юристы, ущерба в крупных или особо крупных размерах.

Мой вам совет: держитесь подальше от соблазнительных мест, где, однако, висят таблички типа «исторический памятник», «архитектурный памятник», «памятник культуры», «памятник природы» и «охраняется государством», «раскопки запрещены». Это и есть объекты «преступных посягательств». Не буду дальше развивать эту тему — все и так ясно.

Но и во вполне безобидном месте вы можете найти, скажем, немецкий штык времен Первой мировой войны. И, не подозревая худого, забросить его в багажник своей автомашины, дабы поизучать дома подробней, сгодится ли он на что. А дальше, скажем, при возвращении домой вашу машину может остановить гибэдэдэшник или гаишник и подвергнуть досмотру. Так как сбежал из тюрьмы опасный преступник или украли из музея картину Рембрандта, и потому идет сплошной досмотр автомашин, где оные могут скрываться в багажниках.

И тогда найденный милиционером штык повлечет за собой массу неприятных последствий.

Первое. Вы будете задержаны и доставлены в милицию.

Второе. Назначенная экспертиза наверняка определит штык, как холодное оружие. Ну, если только он не проржавел до такой степени, что ломается от прикосновения.

Третье. По этому поводу возбуждается административное производство (а при повторности и уголовное дело), поскольку холодное оружие, коим признан штык, нельзя носить и перевозить. Правда, можно хранить, но только дома.

Четвертое. Вас ждет обыск. И если дома у вас обнаружат коллекцию сомнительных предметов, которую вы собирали всю сознательную жизнь и которая, например, по вечерам греет вам душу своим видом, ее конфискуют.

Пятое. Вас ждет административная кара в виде штрафа или ареста. А при определенных обстоятельствах и уголовная ответственность, вплоть до лишения свободы.

Возможный выход. Если уж вам так дорог этот штык или другой запрещенный к свободному обороту найденный предмет, заранее напишите заявление на имя начальника местной милиции. Об обстоятельствах его находки и о том, что вы везете его в милицию для сдачи государству или в музей. Поставьте дату и заверните штык в это заявление. Но и это не гарантирует полностью от возможных разборок и неприятностей.

Еще хуже, если вас прихватят с огнестрельным оружием или боеприпасами. Боеприпасом является даже простой малокалиберный

патрон. И даже его наличие в ваших карманах может привести вас на скамью подсудимых.

Итак, вы случайно находите немецкий патрон времен Второй мировой войны с трассирующей пулей. Внешне он очень красив, хорошо сохранился, с разноцветной маркировкой. У вас и в мыслях нет, чтобы использовать его для стрельбы. Более того, вы и понятия не имеете, из какого оружия им можно выстрелить, не говоря уже об отсутствии у вас оногo. Вы в жизни ни разу не стреляли, даже из воздушки. Вы всего лишь хотите выбросить из него порох, на всякий случай, поставить у себя в комнате на полочку и иногда любоваться совершенством его линий. Ибо ничего красивее и совершеннее оружия человечество не создало. Не зря некоторые богачи коллекционируют даже орудия, танки, самолеты и прочее крупное вооружение.

Но вернемся к патрону. Экспертиза наверняка даст заключение, что он пригоден для стрельбы. И... Смотри предыдущие последствия находки штыка, только в совокупности с привлечением уже к уголовной ответственности.

Нашли вы ржавый «шмайсер», на ваш взгляд, непригодный для стрельбы, и не можете оторвать его от сердца. Опять же, пишите заявление в милицию и кладите его на немецкий автомат. Рискуйте, ваше право.

Но, поверьте, в земле скрывается масса более красивых и ценных вещей, а главное, безопасных.

Белорусская (и русская тоже) земля хранит военные сюрпризы и пострашнее. Авиационные бомбы, артиллерийские снаряды, мины, гранаты и просто взрывчатку различных типов.

Что делать, если вы наткнулись на такой предмет? Прежде всего, не производить больше поисковых работ ни здесь, ни поблизости. Напишите на листке бумаги крупно что-нибудь типа: «Не подходить. Смертельно» Положите его рядом с находкой и придавите камнем, чтобы не унесло ветром. Ищите ближайший телефон (или по мобильнику) и сообщите в военкомат или местный орган власти координаты и суть находки.

Почему не в милицию? По той простой причине, что милиция записывает на магнитофон все телефонные звонки. А потом начинает, прежде всего, искать автора звонка. Зачем? Они и сами не знают. Просто «положено» — есть такое емкое слово, включающее в себя абсолютно все и ничего не раскрывающее. Или «не положено». Знакомо? Впрочем, если по телефону-автомату, то можно звонить и в милицию.

Если подытожить все сказанное, кладоискатель должен соблюдать три главных правила. Быть благоразумным. Быть бдительным. И быть подкованным, хотя бы в общих чертах, в правовом отношении. Все остальное — вопросы технического плана. Помните, в системе правосудия иногда, мягко говоря, происходят странные вещи. В его жернова можно попасть по нелепому стечению обстоятельств, а в плане применения буквы закона большинство представителей судебных и прокурорских органов — страшные формалисты. Вот вам, напоследок, старинная притча на эту тему.

Однажды в стадо обезьян забрела чужая обезьяна и попросилась переночевать. «Ночуй, — сказал вожак, — но к утру тебя не должно быть. По нашим законам утром мы съедаем лишнего».

Утром вожак пересчитал стадо и сказал: «Она не ушла». Как водится, лишнюю обезьяну съели. «Вы съели не ту», — призналась чужая обезьяна. «Это не важно, — ответил вожак, — главное соблюсти закон».

Уловили?

Касательно перспектив правоотношений, связанных с кладоискательством. Полагаю, и не я один, что эту деятельность следует узаконить. Де-факто она существует. И не только у нас. Законодательно не оформленная, тем не менее, — это одна из древнейших профессий, которая ведет свой отсчет, как минимум, с египетских пирамид.

Специалисты подсчитали, что за всю историю человечества люди зарыли только в землю около 400 тысяч тонн золота и более 2 миллионов тонн серебра. Стоимость и ценность вещевых кладов подсчитать вообще невозможно.

Ежегодно кладоискатели затрачивают на поиски свыше 600 миллионов долларов. Большая часть из них идет на поиск подводных сокровищ. И находят.

Из земли, из-под воды, из полостей зданий и сооружений и их остатков ежегодно извлекается ценностей на сумму свыше 2 миллиардов долларов.

Сотни только крупнейших фирм производят и продают оборудование для кладоискателей. В США ежегодно издаются и обновляются сборники карт, содержащих координаты подземных и подводных сокровищ.

Де-юре кладоискательство в большинстве государств оформлено лишь общими правовыми нормами, типа тех, что приводились выше. Я полагаю, что следует принять специальный закон о кладах

и кладоискательской деятельности. От этого выиграют все, в том числе и государство.

Сейчас множество иностранцев ездят в Беларусь для охоты на дикого зверя. Покупают лицензии и охотятся. Я думаю не за горами тот час, когда они выстроятся в очередь за покупкой лицензий на поиск кладов. То же касается и России. Нет, мы не дадим им вывозить наши ценности. Может, какие безделицы. Они с удовольствием будут платить за сам процесс, за выделение адреналина. Жаль, что нашим государствам пока не до этого.

Глава восемнадцатая

Клады и нумизматика

Считается, что первые монеты были отчеканены в конце VII века до новой эры в Лидии, государстве, существовавшем в древности на западе Малой Азии. Но лично я отдал бы приоритет Древней Греции. Сейчас появились гипотезы и о Китае. Увы, я не дорос еще до того уровня знаний, чтобы оспаривать мнение столпов науки. Хотя в истории полно примеров, когда кто-то говорил: *«быть посему»* и это становилось аксиомой, более не доказываемой. Автоматически делались ссылки, истина — и все тут. А истина ли? Зачастую, оказывалось, что нет. Вовсе и не истина, и даже совсем не истина. В данном случае не имеет значения, где появились первые монеты. Главное, появились и быстро распространились в качестве универсального платежного средства, не признававшего границ и рубежей.

Полагают, что сам термин «монета» появился в связи с созданием в III веке до новой эры первого в мире монетного двора при храме богини Юноны — Монеты. Никаких возражений.

Думаю, что коллекционирование — древнейшее увлечение человека. Убил зверюгу, выдрал клык из пасти — знак воинской и охотничьей доблести. Когда клыков поднакоплено порядочно, можно нанизать их на нить и повесить на шею. Пусть женщины оценят силу и отвагу мужчины. Но человеку всегда был свойствен дух соревнования. У тебя одиннадцать клыков, а у меня четырнадцать. И уже не обязательно самому уничтожать хищника, можно выменять клыки на иные вещи. Так начиналось коллекционирование. Шутка, в которой большая доля правды. Попробуйте опровергнуть.

Когда многие государства освоили монетное производство, появились люди, начавшие коллекционировать монеты, поскольку монеты представляли собой образчики ювелирного искусства, содержали в себе массу информации и не занимали много места. Кто стал первым коллекционером, установить сложно. Достоверно известно, что большая и разнообразная коллекция монет была у Франческо Петрарки, итальянского поэта, родоначальника эпохи Возрождения, жившего в XIV веке. Владельцем знаменитой монетной коллекции был флорентийский богач и меценат Козимо Медичи.

Модным увлечением это становится у владетельных государей Европы. В XVII—XVIII веках в каждой европейской столице и многих крупных городах появились мюнцкабинеты — хранилища-музеи старинных монет и медалей.

В России в 1846 году создано Археолого-нумизматическое общество, преобразованное позднее в Нумизматическое отделение Русского археологического общества.

Еще в XV веке гениальный Леонардо да Винчи создает станок для вырубки монетных кружков, и монеты принимают правильную округлую форму.

Великий скульптор, ювелир и резчик штемпелей Бенvenuto Челлини в XVI веке изобрел винтовой пресс, позволявший при минимальной затрате физической энергии исполнять четкие изображения и легенды на монетах и медалях.

Иоганн Гуттенберг — создатель книгопечатания также занимался чеканкой монет, а в основу печатания книг заложил принцип чеканки монет.

Возможно, что первым коллекционером старинных монет (а также книг и рукописей) на Беларуси был Н. П. Румянцев, граф, дипломат и российский государственный деятель, живший в городе Гомеле. В 1831 году после его смерти коллекция перевозится сначала в Петербург в Казенное ведомство, а затем в 1861 году в Москву. Там создается Румянцевский музей, в основу которого и легла нумизматическая коллекция. Продолжил дело Румянцева новый владелец Гомеля светлейший князь Варшавский, граф Эриванский и русский генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, собравший несколько тысяч монет различных стран и времен.

В Вильно по предложению крупнейшего коллекционера монет того времени Е. П. Тышкевича были впервые учреждены в 1865 году Археологическая комиссия и «Музеум древностей», в котором находилось более 4600 монет и почти полторы тысячи медалей и знаков.

Развитие коллекционирования монет повлекло написание книг и трудов на эту тему, с описанием монет и исторических деятелей, изображенных на них, и их деяний. Так зародилась странная наука нумизматика. По сути, на стыке коллекционирования, как человеческого увлечения, и истории, как науки.

Нумизматика (от латинского слова «numisma» — монета) изучает историю денежных систем и денежного обращения, а также взаимосвязь монет с историей, экономикой, политикой, культурой и техникой. Я бы добавил сюда еще ювелирное искусство. Такая вот сложная, многообразная, а главное, необычайно интересная, отрасль науки. Пополнение коллекций, а значит, и новых знаний о монетах и связанных с ней новаций происходит несколькими путями. Кто-то, побогаче, может приобрести редкие монеты на бесчисленных аукционах, главный из которых знаменитый Сотби. Другие приобретают новинки, расширяющие их кругозор и пополняющие коллекции на рынках, в специализированных магазинах и клубах.

Гораздо меньшее число коллекционеров нумизматические знания обогащают путем отыскания кладов. И это, поверьте, самый интересный путь. Некоторые, правда, скажут, еще и самый дешевый. Не соглашусь. Как минимум, вам нужно иметь автомобиль высокой проходимости, металлоискатель и множество различных технических приспособлений. На средства, затраченные на покупку специальной техники, отыскание необходимых сведений, снаряжение экспедиций (стоимость бензина, например, прикиньте), можно собрать вовсе неплохие коллекции. Не мучаясь путевыми проблемами, не рискуя жизнью, иногда не отягощаясь дефицитом времени, не вступая в сомнительный конфликт с нормами закона, наконец.

Клад. Как много информации в этом коротеньком слове. Как извилиста колея к получению необходимых сведений. Как долг путь к его отысканию. Как трудна расшифровка его истории, владельца, событий, предшествующих его сокрытию.

На мой взгляд, кладов являются основной движущей силой развития нумизматики, как науки. Его содержимым может дополниться история государства, история отдельной области в определенный промежуток времени, исход имевших место событий и фактов. Клад способен показать уровень товарно-денежных отношений государства. Он может и отразить трагедию отдельного человека, достойную пера Шекспира.

Нумизматика помогает не только познать историю, она является ключом к открытию некоторых исторических дверей, заставляет по-

новому осмысливать некоторые исторические события и личности. В ходе поиска сведений о монетах натыкаешься на такие исторические страницы, от которых дух захватывает, о существовании которых ты даже не подозревал. Нумизматика наука очень серьезная. Монеты фиксируют исторические факты. Историю пишут и многократно переписывают. Монету можно подделать, сделать новодел, но переделать нельзя. Историю переиначить можно, что делали во все времена и сегодня, в том числе. Волей людей ее дополняют реальными событиями или, напротив, искажают чудовишной ложью.

Есть Александр Бушков — писатель-фантаст, автор многочисленных детективов и человек, скрупулезно изучающий историю только через ему присущую призму. Его исторические исследования читаются легко и с удовольствием, от них веет исторической свежестью. Во многом ему веришь.

И есть, например, Суворов-Резун. Он плох не потому, что является натуральным предателем. Это другой вопрос. Его домыслы высасываются из пальца, а воспаленное воображение выуживает из общедоступных документов немыслимые варианты. Этому «историку» дай Конституцию СССР 1936 года, и он найдет там замаскированный план нападения на Португалию. Ход его рассуждений примерно таков. Ага, на танк БТ-7 поставили колеса диаметром девяносто сантиметров, что позволяет развивать наибольшую скорость на асфальте. А асфальта больше всего в Германии. Гитлер специально строил автобаны, провоцировал Советский Союз на нападение. А Сталин поддался на уловку. Тут-то и...

Тем не менее, я читал все его книги, и в них много свежих, порой неожиданных идей, заставляющих думать и искать ответы на, казалось бы, понятные вопросы.

Перефразируя известного детского поэта, я бы сказал: историки всякие нужны, историки всякие важны. Но важно и иметь свой собственный взгляд на историю.

Возьмем теперешние штампы. Брежнев — застой. Хрущев — кукурузник, стучавший башмаком по трибуне ООН. И так далее, забывая обо всех достижениях государства в те времена. Достижения — это народ, а все руководители маразматика и недоумки. Вот так. Что хотим, то и пишем.

А возьмем-ка простенький пример для разбора.

Наполеон и Гитлер. Первый — гений и великий человек. Второй — ничтожество, негодяй и международный государственный преступник. Такова официальная историческая точка зрения. А чем

они отличаются друг от друга в плане государственных деятелей и своих деяний. Да ничем. Даже закончили оба почти одинаково.

Впрочем, одно существенное отличие есть. Гитлер пришел к власти вполне законным путем, через выборы. Наполеон — совершил государственный переворот и узурпировал власть, то есть уже даже на первом этапе своей деятельности совершил государственное преступление. А затем залил всю Европу и собственную Францию кровью, прославился развратом, грабежами, кумовством... Внимательно изучите все сражения французской армии, — ко многим победам Наполеон не имеет никакого отношения. Вот маршалы и солдаты у него были великолепные. А он зачастую при сем присутствовал, а иногда и вовсе отсутствовал.

Вот результаты четырех крупнейших сражений. Аустерлиц, год 1805 — победа Наполеона. Бородино, год 1812 — ничья. Лейпцигское сражение (битва народов), год 1813, крупнейшее военное столкновение того времени, с обеих сторон участвовало свыше 500 тысяч солдат — разгром наполеоновской армии. И, наконец, Ватерлоо, год 1815 — бесславный конец полководческой карьеры Наполеона. Так где же великий полководец?

К тому же, может быть, я ошибаюсь, но сей французский император был еще и крупнейшим в истории фальшивомонетчиком. Ошибаюсь не в том, что он занимался изготовлением поддельных денег в государственном масштабе, это как раз факт общеизвестный. Хотя и его по понятным причинам замалчивают. Великий же. По приказу Наполеона чеканились фальшивые прусские монеты, печатались поддельные английские и австрийские банкноты. Несколько его типографий печатали фальшивые русские ассигнации в огромном количестве. После войны оказалось, что одна десятая часть имевшихся в России в обращении денег оказалась наполеоновскими фальшивками.

Бальзак, Золя, оба Дюма, Готье, Барбюс, Роллан, Мериме, Флобер, Мопассан, Ростан, Жюль Верн, Доде, Жорж Санд, Барбюс, Буссенар, Стендаль... Может, кого и упустил, извините. Всех их объединяет то, что они являются великими французскими писателями. И были современниками Наполеона либо родились немного позже. Почему ни один из них в то время не написал о своем великом современнике, полководце всех времен, ни строчки? Вы не задумывались? Ведь большинство из них писали на исторические темы. Вспомните их произведения. И задумайтесь.

Нет, одного писателя я все-таки незаслуженно упустил. Великий Виктор Гюго. И он писал о Наполеоне. Но что? Памфлет «Малень-

кий Наполеон» и сборник сатирических стихов «Возмездие», все о том же. Когда Наполеон захватил власть, Гюго был вынужден эмигрировать.

А «великим» Наполеон стал более чем через сто лет, после своей смерти. Задумайтесь еще раз. А также вспомните авторов, прославивших его деяния.

Это образчик, как пишется история, в ней полно подделок, и я собираюсь провести по этому вопросу глубокие исследования.

Нумизматика и кладоискательство являются средствами пополнения исторической науки. Причем, средством достоверным.

Подделать можно и монету, но она все равно отразит тот исторический срез, что и подлинная монета. Фальшивой монетой историю не переиначишь.

Во всем мире с древних времен существовало фальшивомонетничество, как в государственном масштабе, так и со стороны частных лиц. Официально оно вроде зафиксировано в Римской республике, где фальшивомонетчики уже выпускали так называемые «субератные» монеты, то есть железные, медные и бронзовые монеты покрывались тонким слоем золота или серебра.

Говорят, в фальшивометничестве подозревали даже древнегреческого философа Диогена Синопского, жившего в IV веке до нашей эры. Он был знаменит еще и своим аскетизмом — жил в бочке (пифосе).

Определенно этим ремеслом, не лично, конечно, занимался король Франции Филипп IV Красивый. Тот самый, который разгромил мощнейший Орден тамплиеров. И изнасиловавший, не в прямом смысле, кардиналов, вспомните знаменитое «Авиньонское пленение пап».

Рассказывают, что не гнушался этим делом и шведский король Густав IV Адольф, правивший в XVII—XIX веках и низвергнутый в результате поражений от французских, а затем русских войск.

На Руси подделки денег отмечены при Великом князе Василии III. И я уже упоминал выше о чеканке нидерландских дукатов.

В Беларуси первые фальшивые монетные дворы появились в Великом княжестве Литовском. И, судя по имеющимся источникам, практика фальшивомонетничества на территории нашей республики была довольно распространена и далее.

В принципе, к этому подталкивало само государство, начавшее чеканку биллонных монет, сплав которых содержал менее пятидесяти процентов серебра. Далее еще выпускались и плакированные монеты, почти полностью медные, но покрытые серебром.

За фальшивомонетничество во все века карали сурово, в основном смертной казнью. Заливали преступнику горло раскаленным оловом. Пособникам отсекали руки.

От подделки следует отличать монетный брак и производство новодельных монет.

С браком все понятно. Техника и сейчас дает иной раз сбой. А иногда брак порождает повышенный спрос. В филателии, например. Опечатка на почтовой марке влечет ввиду редкости такой марки ее баснословную стоимость. Парадокс, но любая бракованная почтовая марка стоит гораздо дороже нормальной. К счастью, на нумизматику это не распространилось.

Что такое новоделы? Это копии монет прежних выпусков. Как правило, старых и редких. Они чеканятся на официальных монетных дворах подлинными или специально изготовленными штампами или штемпелями. Цель — для выставления в качестве экспонатов на выставках, а также для пополнения частных и музейных нумизматических коллекций.

Яркий пример — новодельная чеканка золотого червонца РСФСР образца 1923 года. Впервые в истории советского государства была выпущена золотая монета 900 пробы весом 8,6 грамма и тиражом 275 тысяч. Знаете, такая монетка с гербом РСФСР на одной стороне и сеятелем, разбрасывающем вручную зерно, на другой. Весьма симпатичная. Естественно, она стала редкостью и по каталогу стоит около тысячи долларов.

Скорее всего, с целью занять у себя такие монеты тогдашняя элита и распорядилась об их выпуске в 1975 году. Монеты, без официального объявления об их выпуске, мгновенно разошлись по многочисленным ЦК и обкомам партии. Думаю, до районов они не дошли. Но поскольку, наверное, и большим начальникам не хватило (или одной-двух было мало), выпуски небольшими тиражами повторяли в течение семи лет, вплоть до 1982 года.

Я считаю такую практику неправильной, это по сути дурное, искусственное коллекционирование, наносящее удар по основной массе нумизматов.

Если вам предлагают очень редкую и дорогую монету великолепной сохранности, да еще и с зеркальным блеском ее поверхности, и выдают ее за подлинную, это, скорее всего и есть новосдел. Либо искусная работа ювелира-одиночки, то есть по сути фальшивомонетчика. Вам очень хочется ее иметь? Тогда обратитесь сначала к эксперту для определения ее подлинности.

История изобилует практикой скупки монет других государств с целью их перечеканки в свои монеты.

Например, серебряные русские копейки 1535—1613 годов, имевшие высокую 960 пробу, массово скупались западноевропейскими купцами, которые назад привозили фальшивые копейки с более низкой пробой. Существовал такой вот бизнес.

И напротив. Западноевропейские серебряные талеры скупались русскими купцами и везли их сразу на монетный двор. Там из них изготавливались «чешуйки» — русские копейки.

Немного о степени сохранности монет. В каталогах, и наших и зарубежных, а также на аукционных интернет-сайтах стоимость монет имеет определенную градацию в зависимости от ее редкости, качества и сохранности.

В США и Европе принято одиннадцать степеней сохранности. У нас по-разному. Каталоги Конроса дают четыре степени. Аукционные сайты в Интернете расширяют их до девяти-десяти за счет дополнительных переходных или приграничных степеней. Допустим XF-VF (исключительно хорошая сохранность — очень хорошая сохранность).

О нумизматике можно писать (и пишут) толстенные тома. Я здесь привел только азы, для того чтобы люди, не сталкивавшиеся с ней, имели представление о ее многообразии и многогранности.

Глава девятнадцатая

Некоторые практические советы кладоискателям и коллекционерам МОНЕТ

Сразу хочу предупредить, что мои рекомендации адресованы новичкам или кладоискателям с небольшим опытом. «Профи», как правило, знают, как проводить заключительный этап поиска кладов, и, что замечательно, делятся своим опытом в клубах и на страницах Интернета.

Об экипировке кладоискателя. Советов на эту тему полно и в литературе, и в Интернете.

Единственное, что могу посоветовать, в том числе и по собственному опыту, не надо гнаться за дорогостоящими поисковыми приборами. За 1200—1500 долларов США можно приобрести новый, вполне приличный по своим поисковым качествам, металлодетектор. Это как в мобильных телефонах — в дорогих различных функций и крутых наворотов масса, а качество связи, как правило, одинаковое.

Глубина обнаружения металла таким прибором зависит от массы металла и его расположения. Одну и ту же монету, например, советский пятак, если он лежит в земле плашмя, прибор зафиксирует на глубине до 30 — 40 сантиметров. А если он стоит ребром, в земле, разумеется, то глубина его обнаружения будет 5—10 сантиметров. Портсигар я поднимал с 80 сантиметров. Что-то типа бронзового колокола диаметром с полметра можно зафиксировать на глубине до двух метров. Очень массивный объект, допустим, боевой танк, дает сигнал до четырехметровой глубины. По-моему, это предельно допустимая величина для любительских поисковых приборов. Но техника шагает вперед неслыханными темпами.

Кроме того, глубина обнаружения зависит от диаметра катушки металлодетектора. Поэтому ко многим приборам прилагаются съемные катушки. Считается, что чем больше диаметр катушки, тем глубже прибор берет, пропорционально размеру диаметра. На мой взгляд, это мнение не совсем правильное, но вопрос не бесспорен. При поиске действует сразу несколько факторов в каждом конкретном случае. Главный критерий, конечно, практика.

А практика показывает, что основная масса кладов залегает на глубине от тридцати до пятидесяти сантиметров, что вполне под силу приведенному выше классу поисковых детекторов. Одиночные же монеты находятся на глубине до семи сантиметров. Не всегда, естественно. Одно дело, когда монета просто потеряна, и другое — когда она под грудой земли, сброшенной ковшом экскаватора.

Редкие монеты в кладах не имеют абсолютно никаких изъянов и повреждений и являют собой высшее коллекционное состояние, относящие их к так называемой категории «proof», принятой в мировой классификации.

Большинство найденных монет за длительное время подвергается некоторым изменениям в виде коррозии, окислов, насаивания чужеродных элементов. Особенно это касается монет, непосредственно соприкасавшихся с почвой и водой. Если запечатанный в какой-либо кубышке или горшке клад подвержен только воздей-

ствию воздуха и отчасти сырости, то монеты, спрятанные наскоро в непригодных для длительного хранения вместилищах и их найденные единичные экземпляры от перечисленных изменений могут получить серьезные повреждения.

В любом случае все найденные монеты нуждаются в определенной обработке. Лучше не спешить и не делать этого сразу на месте поиска, хотя допускается обмывание водой, но без механических усилий. На каждом рынке сейчас можно приобрести целлофановые пакеты любого размера — от крохотных, куда может поместиться только монета, до объемистых. Поверьте, и те, и другие вам пригодятся.

Любая выуженная вами из земли или воды монетка должна быть после кратковременного осмотра помещена в отдельный целлофановый пакетик. Вы основательно займетесь ей дома, где есть все условия для исследования. Сколько бывает случаев, когда счастливчик, нашедший редчайшую монету, немедленно приводит ее в неколлекционный или нетоварный вид своими непродуманными варварскими действиями. И потом, разобравшись с помощью каталогов и справочников, какой раритет он испортил, рвет на себе волосы. Конечно, большинство находимых монет опытным кладоискателям знакомы, но ведь и среди них бывают редкие разновидности, порой существующие лишь в нескольких экземплярах.

Помимо каталогов и справочников, вам нужно ознакомиться с соответствующей литературой или информацией, поскольку дальнейшая обработка найденных монет должна быть грамотной. И, что немаловажно, безопасной для вас самих, так как придется иметь дело с кислотами и специальными реактивами.

Вот несколько простейших практических советов.

Допустим, вы находите монеты, буквально спаянные коррозионной массой. Не отчаивайтесь и не спешите их выбрасывать. Большинство из них, после соответствующей обработки, будут вполне пригодны для вашей коллекции, для обмена или продажи. Для начала этот ком нужно опустить в десятипроцентный раствор едкого натрия, нагретый примерно до пятидесяти градусов. Время его нахождения вы сами определите по признакам начавшегося расслоения.

Отдельные загрязненные монеты, нуждающиеся в чистке, следует вначале подвергнуть 2—3-дневному увлажнению. Их нужно опустить в обычную воду, налитую в стеклянную, фарфоровую или фаянсовую емкость. Это приведет к разрыхлению пораженных участков для последующей их обработки.

Механическую чистку после этого желательно проводить щеточкой из щетины или стекловолокна, осторожно удаляя наросты коррозии, патины или земли.

Золотые монеты обычно находятся в хорошем состоянии и в специальной чистке не нуждаются. Их следует промыть в теплой воде с мылом или предварительно растворенным стиральным порошком. Затем сполоснуть и высушить, слегка протерев специальной сухой салфеткой, например для чистки экрана компьютера. Сильное трение недопустимо, равно как и грубой тканью. Золото очень мягкий металл, и даже ткань может оставить на нем микроцарапины. Встарину, для того чтобы проверить, действительно ли это золотая монета, ее пробовали «на зуб», то есть слегка надкусывали.

Ну и вы, возможно, слышали байку, а может, и не байку про то, как разбогател один английский кассир в банке в XVIII веке. Считая золотые гинеи и фунты, он подстилал кусок сукна, монеты терлись о сукно, в день их проходили тысячи. Через неделю кассир сжигал сукно в специальном тигле, и оставался золотой порошок. Говорят, через несколько лет он стал миллионером, но работу не бросил.

Если же золотые и платиновые монеты слегка покрылись патиной от соприкосновения с другими металлами, их необходимо вначале промыть в ацетоне, бензине или спирте, а затем выдержать сутки в десятипроцентном растворе серной или лимонной кислоты. Такой же процесс можно проделать со слабо патинированными монетами из других металлов.

Серебряные монеты также обладают более стойкой сопротивляемостью по сравнению с медью или бронзой. Процесс их чистки зависит от пробы серебра. Низкопробное серебро при наличии на нем плотного слоя окисла зеленого цвета различных оттенков, что говорит о содержании меди, следует отмачивать в пятипроцентном растворе серной либо десятипроцентном растворе муравьиной кислоты. Налет рогового серебра фиолетово-серого цвета лучше всего снимается десятипроцентным раствором аммиака или хлористого аммония.

Высокопробные загрязненные серебряные монеты и предметы целесообразно поместить на 1—2 часа в раствор нашатырного спирта (10 % аммиака и 90 % воды). Если окисление небольшое, можно почистить жидкой кашицей, составленной из нашатырного спирта, пищевой соды и отечественной зубной пасты, нанеся кашицу на мягкую щеточку или тряпочку.

Вообще, помещая даже любые новые монеты в коллекционный альбом, их следует промыть от возможных следов пальцев и про-

сушить. Это предотвратит появление коррозионного образования в местах прикосновения.

Для дальнейшей длительной сохранности и консервации бронзовых, медных и медно-никелевых монет многие покрывают их мебельным лаком, который при необходимости легко потом удаляется ацетоном. Некоторые покрывают наиболее ценные монеты тонким слоем парафина или синтетической смолы. В ход также идут парафинированные растворы для защиты от повреждений кузова автомобиля.

Прежде чем приступить к очистке медной или бронзовой монеты, надо обратить внимание на цвет покрывающих ее окислов. Он может оказаться темно-зеленым (углекислая медь) — тогда для чистки подойдет десятипроцентный раствор лимонной кислоты.

Если цвет окиси бледно-желтый (углекислый свинец) — необходим десятипроцентный раствор уксусной кислоты. При вишнево-красном цвете (закись меди) вам потребуется 10—15 %-ный раствор углекислого аммония.

Бронзовые, медно-никелевые и особенно медные монеты со временем приобретают небольшой патиновый налет. Особенно необычен он у медных — шоколадно-коричневый, зеленовато-черный, а иногда и черный. Если патина ровная и тонкослойная, ее убирать не нужно — это только украшает монету, придает ей благородный вид, подчеркивает старину. Такие монеты нужно просто обмыть с мылом в теплой воде и просушить.

Сильными кислотами и реактивами следует пользоваться лишь в исключительных случаях, проконсультировавшись со знающими людьми. Нужно иметь в виду, что кислота съедает все окислы, иногда невыгодно обнажая скрытые ими повреждения, царапины и раковины. А может и уничтожить отдельные мелкие детали и остатки надписи.

Иногда в результате чистки медные и бронзовые монеты приобретают неестественный, уродливо яркий блеск. Не стоит отчаиваться и здесь. Это легко поправимо. Их благородный древний облик возвращается путем выдержки их в подогретом до восьмидесяти градусов растворе из 50 граммов медного купороса и 5 граммов марганцовокислого калия на один литр дистиллированной воды. Время выдержки определяется визуально, но может составлять срок до нескольких дней. Бронзовые монеты опускают в десятипроцентный раствор гипосульфита на время не более тридцати секунд, после чего извлекают пинцетом, промывают обычной водой и протирают.

Вообще в работе по реставрации ценных монет и предметов из драгоценных металлов лучше воспользоваться советами ювелиров, поскольку каждый процесс восстановления индивидуален.

Сомневаетесь в подлинности монеты? Сегодня к вашим услугам, за деньги, разумеется, большой выбор современных исследований и экспертиз: спектральный анализ монеты, измерение ее удельной теплоемкости, точное определение пробы, различные тесты на древность.

О способах коллекционирования. Это дело сугубо индивидуальное. Но я бы не советовал охватывать сразу весь спектр нумизматики. Даже крупные музейные коллекции не располагают исчерпывающим собранием монет определенных категорий.

Я поделюсь своим опытом. Моя коллекция делится на три категории. Во-первых, я пытаюсь собрать все советские монеты, что, поверьте, не просто. Не говоря уже о многочисленных разновидностях, есть выпуски монет отдельных годов, которые достать достаточно затруднительно. Например, монеты выпуска 1958 года. Некоторые монеты 70-х годов прошлого века. Их поиск интересен. Даже имея свободные деньги, приобрести некоторые монеты довольно сложно.

Вторую коллекцию составляют монеты Древней Руси и царской России. Здесь собрать монеты всех выпусков по годам просто невозможно. Поэтому я начал с принципа периода правления государей.

Поясню. Например, российский император Александр III правил с 1881 по 1894 год. За это время выпущены в обращение следующие монеты: 1/4 копейки, 1/2 копейки, копейка, 2 копейки, 3 копейки, 5 копеек — в меди; 10 копеек, 15 копеек, 20 копеек, 25 копеек, полтина, рубль — из серебра; 5 рублей и 10 рублей — золотые.

Я должен собрать по одной монете каждого достоинства, неважно какого года выпуска. Большинство монет чеканилось ежегодно. Но не всегда. 5-копеечная монета в указанный период чеканилась лишь в 1881 году. Далее нужно собрать разновидности по аверсам и реверсам. К примеру, 5-рублевая золотая монета образца 1882 года на лицевой и оборотной сторонах имела изображения герба и надписи «5 рублей». А на монете такого же достоинства 1892 года изображены герб и профиль императора. Кроме того, следует иметь их разновидности по знакам минцмейстера. Минцмейстер — это общее название начальника монетного двора, управляющего механической частью, пробовального мастера, инициалы которых выбивались на монетах.

Всего за все время существования государства на территории царской России функционировало восемь монетных дворов: в Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Сузуне, Колпине, Тифлисе, Варшаве и Гельсингфорсе. В них за все время работало больше сотни минцмейстеров. На выпускаемых в обращение монетках выбивался знак действующего минцмейстера.

Например, «АГ» — Аполлон Грасгоф, работал в Петербурге с 1883 по 1889 год. Или «ИЗ» — Иван Зайцев, Москва (1780—1783). Либо «ПГ» — Петр Грамматчиков, Екатеринбург (1823—1825). И так далее.

Всех государей в России уж и не упомяну, сколько было. Где-то есть у меня записи, в которых расписаны по периодам правления требуемые монеты, но затерялись. Собрал я примерно лишь пятую часть желаемого, что, в общем-то, немало.

Третья коллекция состоит из любых монет, кроме советских и царских, которые я находил при поисках кладов.

Таковы мои методы подбора коллекционного материала. Но существуют и сотни других принципов формирования нумизматических коллекций, и каждый волен выбирать на свой вкус.

Заключение

Кладоискатель-коллекционер волей-неволей получает второе многообразное образование. Он должен неплохо знать историю, географию, краеведение и нумизматику. В его деятельности пригодятся основы знаний о государстве и его институтах, экономике, финансах. Неплохо располагать информацией об архивоведении — что можно отыскать в архивах и с каких документов можно снять копии.

При поиске определения мест кладов пригодятся знания в области археологии, торговли, литературных памятников, изобразительного искусства.

Следует иметь представление о топографии и набор различных карт от старинных до современных. Топонимика поможет по географическим названиям определять интересные для кладоискателя места. Демография расскажет о расселении народов и национальностей в вашем крае. Почвоведение может подсказать, какие технические средства вам будут необходимы в месте поисков, и глубину возможного залегания кладов.

При изучении документов и иных источников информации пригодятся знания философии, логики и психологии. Особенно будет полезна эвристика — наука о творческом мышлении. Не повредят сведения об археографии, раскрывающей методику издания письменных исторических источников, о хронологии, изучающей летоисчисление.

Вот вы уже выбрали перспективное место и изучаете его визуально. Здесь вам не обойтись без знаний в области геодезии — придется делать некоторые прикидки и замеры на земной поверхности. Если перед вами развалины строений, необходимы познания в архитектуре и строительстве, в военном деле и военно-инженерной науке — фортификации.

При использовании металлодетектора, исследовании скрытых пустот не помешают некоторые сведения об акустике, есть и такая наука, между прочим, весьма познавательная.

Знание медицины, в плане оказания первой медицинской помощи, вообще нужно любому человеку, а тем более тому, кто занимается порой очень рискованными поисками.

Ну, вот и первые находки. Лингвистика (языкознание) нужна? Конечно. А эпиграфика (наука о надписях на изделиях)? Тоже. Медальерика (об орденах и медалях), геральдика (о гербах), минералогия (о минералах, драгоценных и поделочных камнях), сфрагистика (изучает печати), бонистика (о бумажных дензнаках и бонах)? Все это тоже нужно.

Не обойтись без знаний о религии. О ювелирном искусстве. О различных единицах и мерах измерения.

Чтобы оценить свои действия с точки зрения закона, следует иметь определенный багаж юридических познаний.

Дома, при разборке и чистке находок, вам поможет химия.

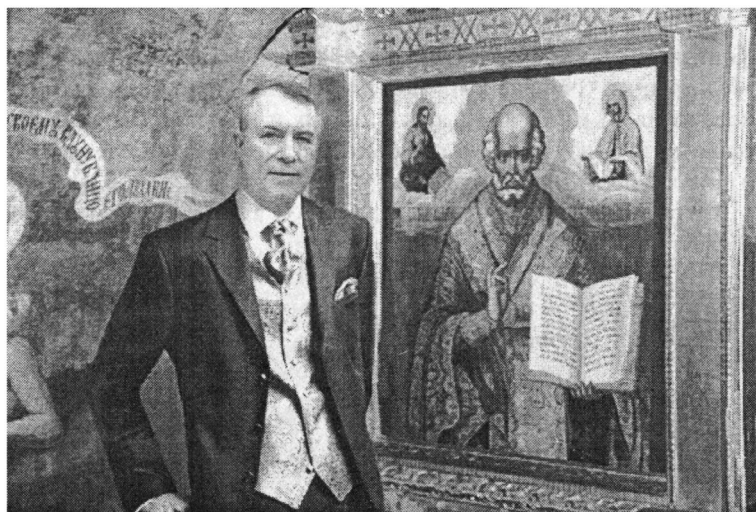
Безусловно, нужна библиотека с необходимым набором специальной литературы, энциклопедических изданий, справочников и каталогов.

Вообще немыслим современный кладоискатель и коллекционер без компьютера и доступа в Интернет.

Таким образом, вы станете очень разносторонне образованным человеком, с вами будет интересно общаться. Вы можете многое порассказать. А о чем-то многозначительно умолчать.

Если я не испугал вас столь многочисленными обязанностями, то вступайте в наши ряды. И удачи Вам персонально.

Надеюсь, вам пригодится мой небольшой опыт.

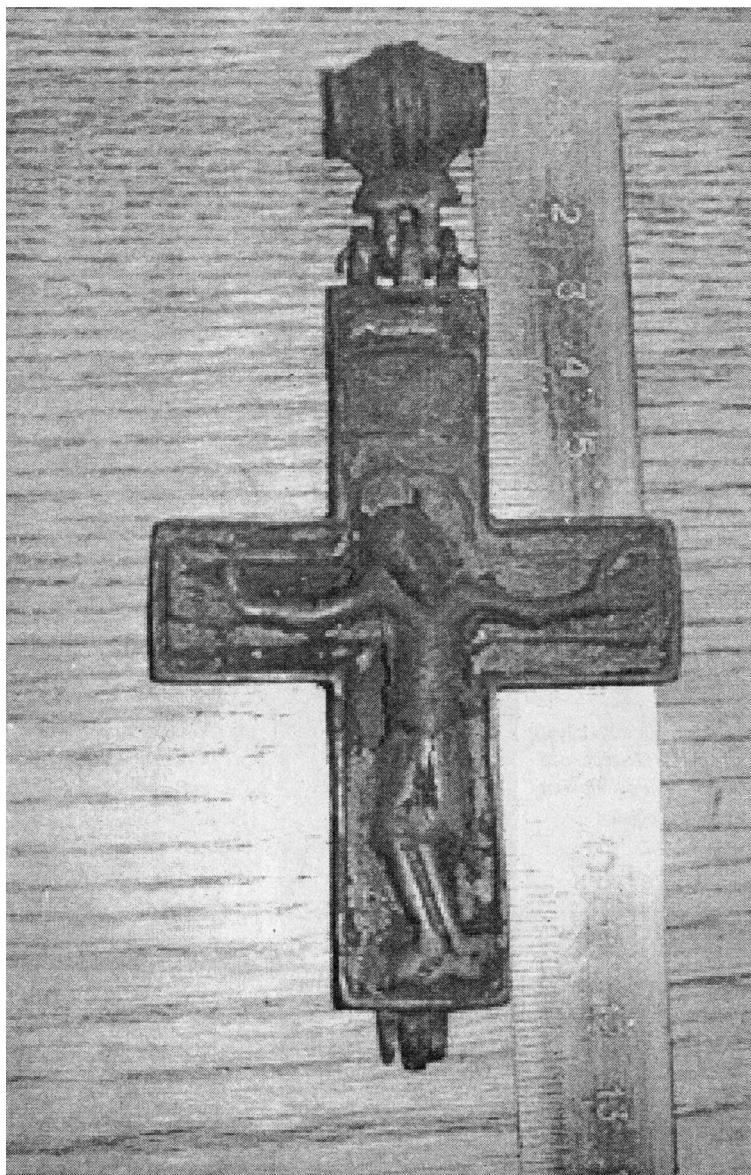
Валерий Иванов-Смоленский (Иванов Валерий Григорьевич), юрист, автор книг «www.оборотень.ru», «Последнее искушение Дьявола, или Маргарита и Мастер», «36 часов из жизни прокурора», «Заморские клады и нераскрытые тайны», «Капкан для оборотня», «За сто миллиардов лет до Большого взрыва». Член Союза писателей Беларуси.

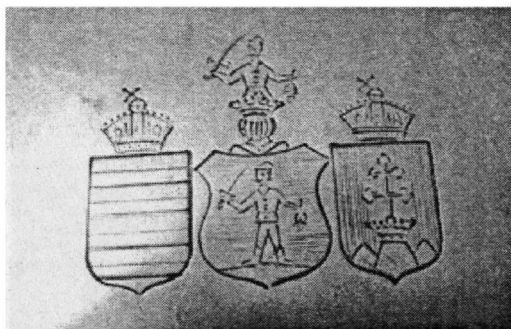
*Редкие серебряные талеры с надчеканом.
Из подземелий монастыря, XVI—XVIII вв.*

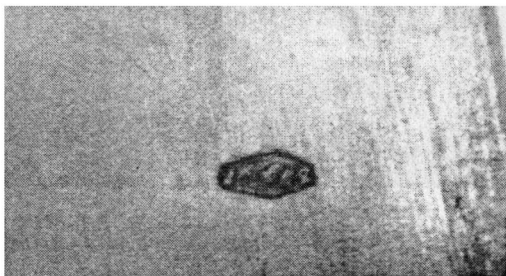
Серебряная старинная копилка и ее содержимое.

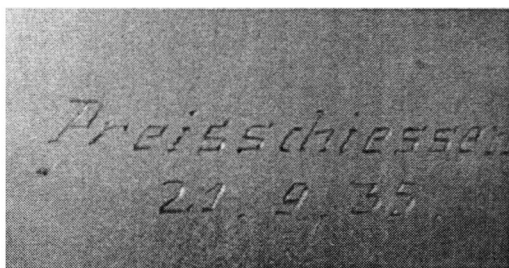
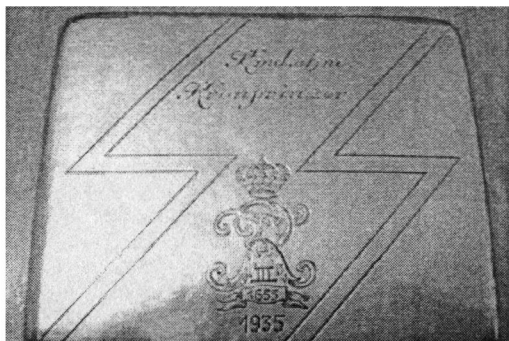

*Старинный крест XI—XIII вв.
Найден в руинах Мстиславльского монастыря.*

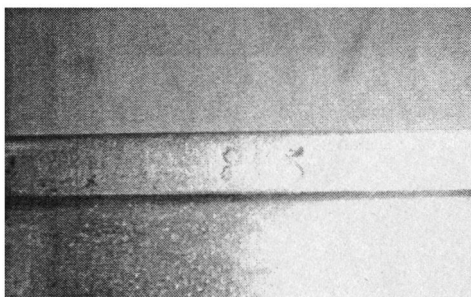
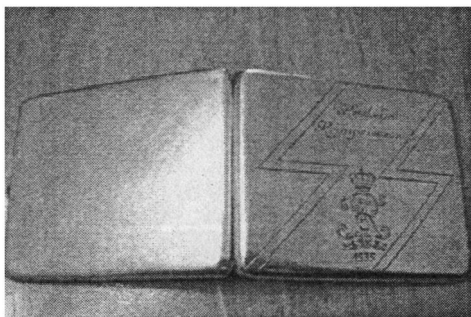

*Серебряный портсигар
древнего венгерского
рода Дели с родовым
гербом.*

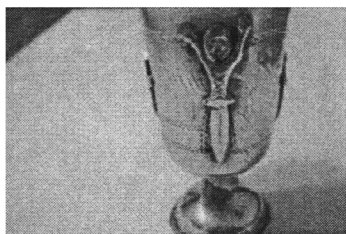
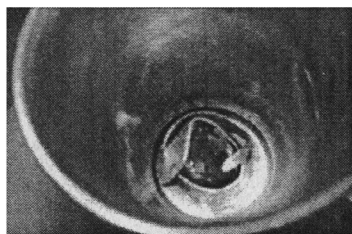
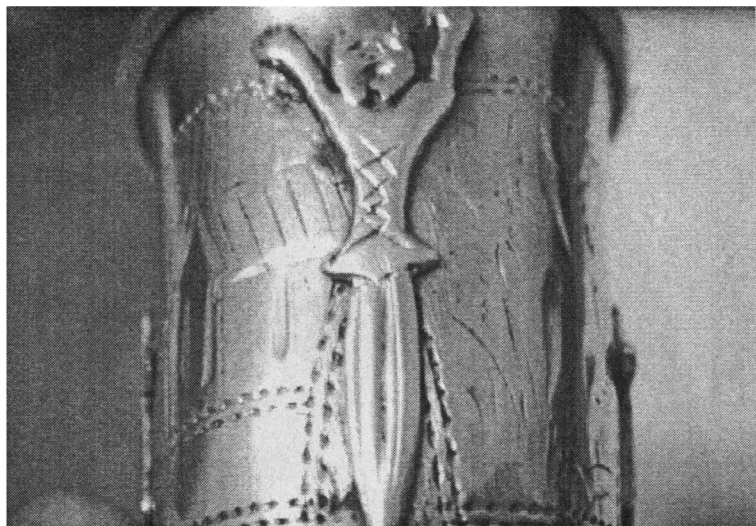

*Серебряный портсигар
кронпринца с символами СС.
Минский котел, случайная
находка в местах боев.*

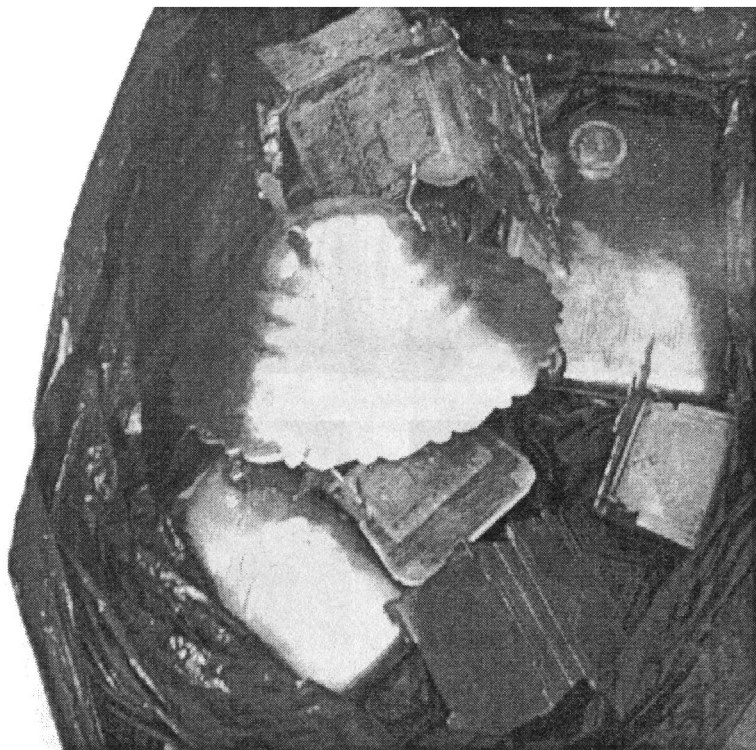

Зловещие следы ОГПУ на чердаке брошенного дома.

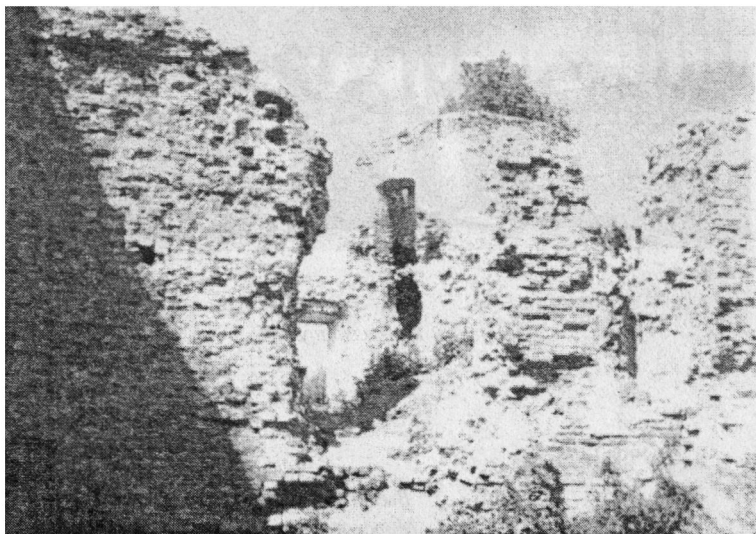
Серебряная ритуальная рюмка старинной тайной секты с аметистом на дне для определения пригодности колдовского зелья.

*Таинственные находки на чердаке сносимого дома
на бывшей Купеческой улице.*

Развалины Гольянского замка («Черный замок Ольшанский»).

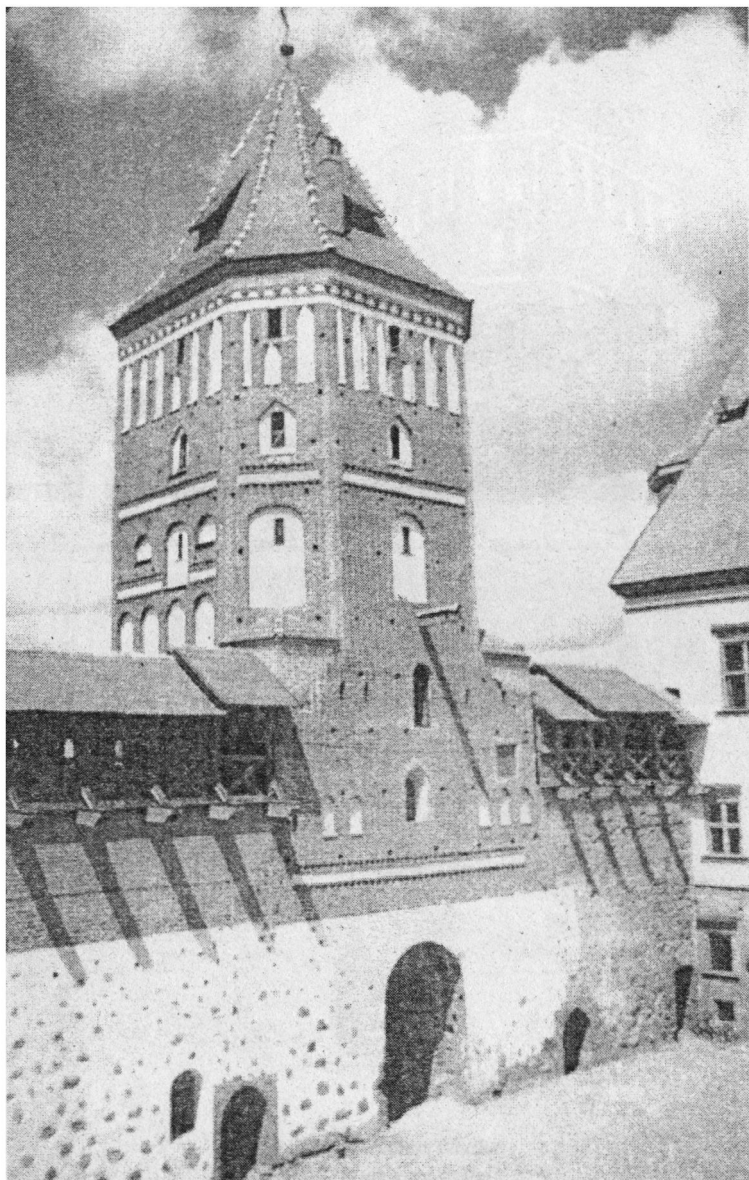
Остатки бастиона Гольянского замка.

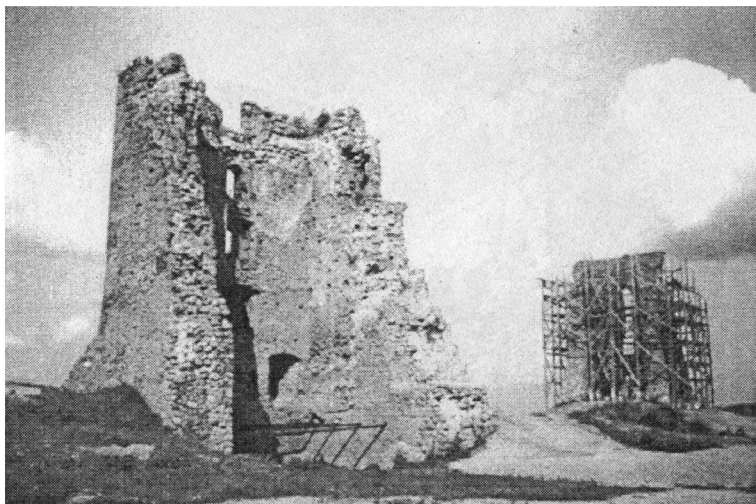
*Въездная башня
Мирского замка.*

Знаменитый Мирский замок, включенный в мировую сокровищницу ЮНЕСКО.

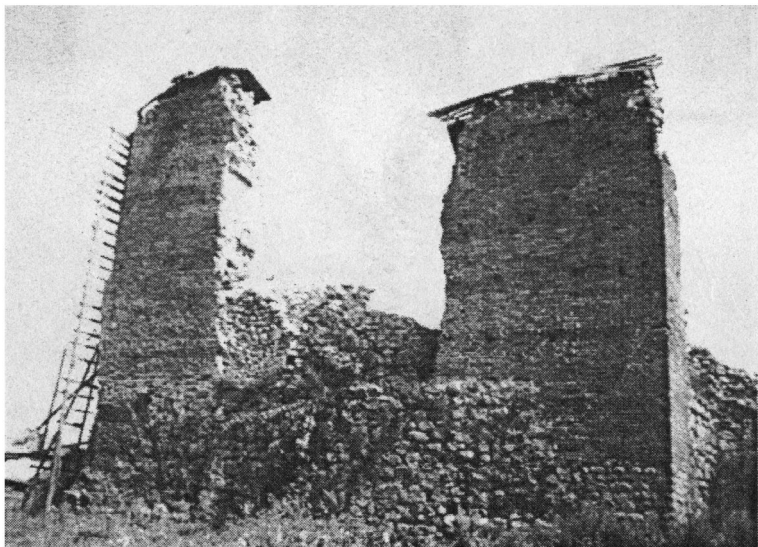
Цитадель Мирского замка.

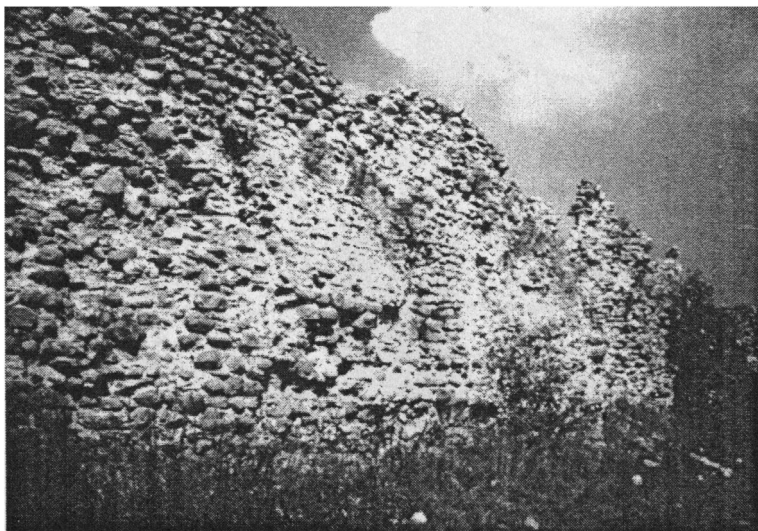
Развалины оборонительной башни Новогрудского замка.

Подвалы Новогрудского замка.

Руины Кревского замка.

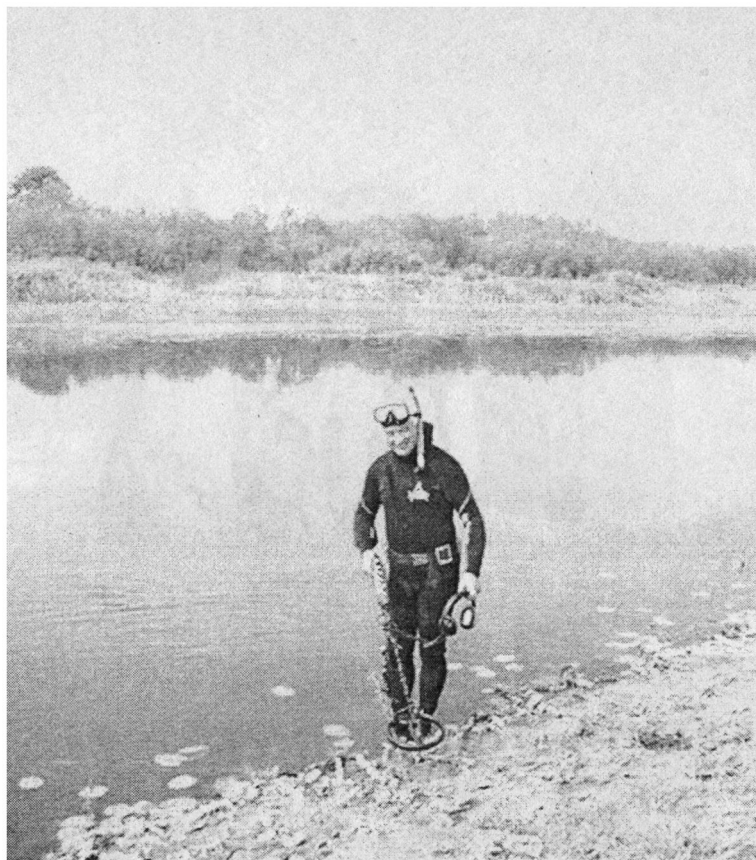
Крепостная стена Кревского замка.

Руины Смольянского замка.

Руины седой старины.

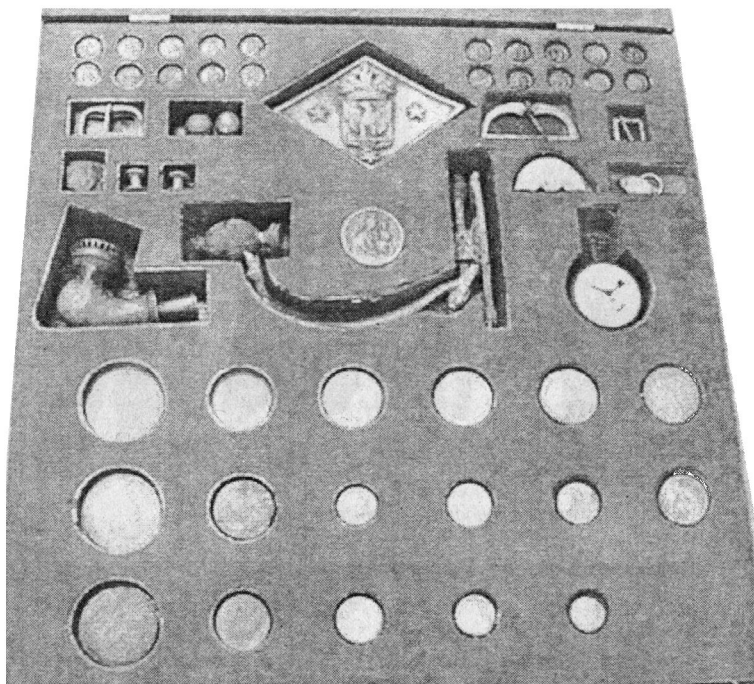
*Подводные тайны реки Березины,
у переправы Великой французской армии 1812 года.*

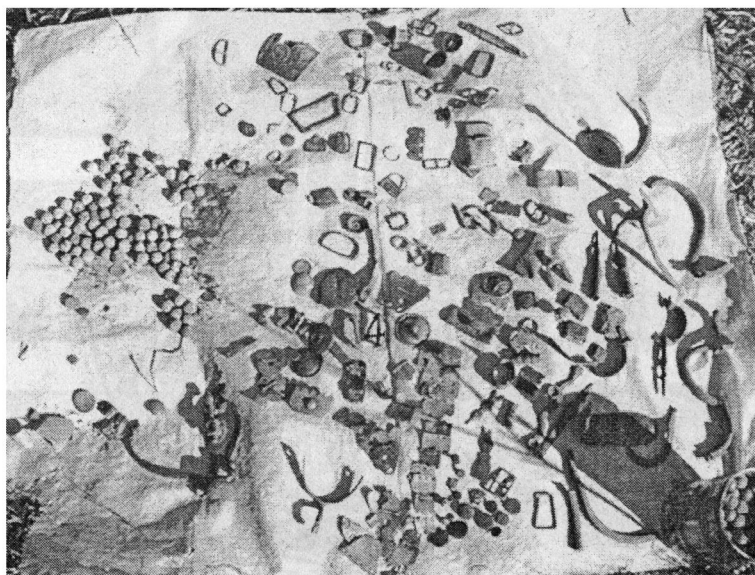
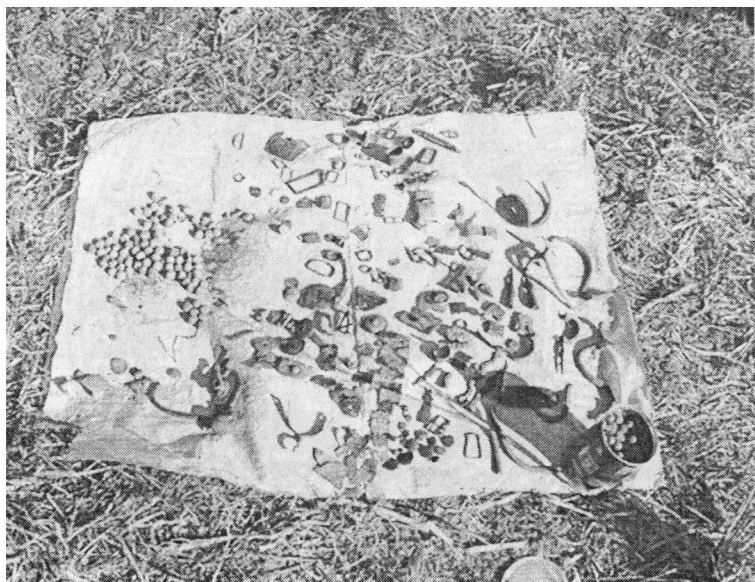
Старое городище открывает свои тайны.

Клад на месте старинной таможни.

*Имущество французского офицера из Великой армии 1812 года,
переправа у реки Березины.*

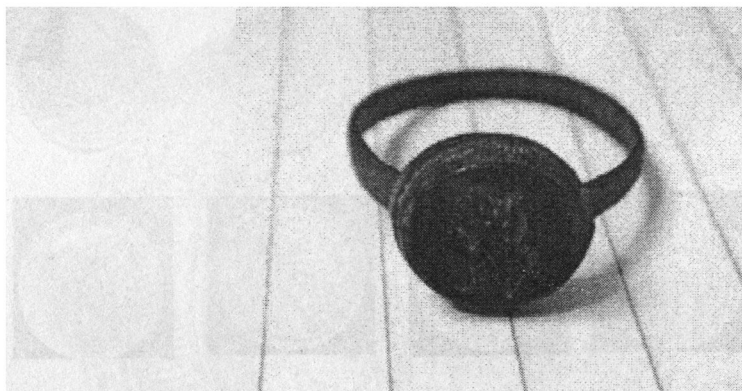
То, что осталось от Великой французской армии 1812 года.

Печать для индульгенций. Новогрудский монастырь, XIV—XV вв.

Кладные находки.

Перстень-печать XVII—XVIII вв., со дна Днепра.

Перстень-литик для запечатывания писем.

*Бронзовая пробка от сосуда,
с развалин старинной панской усадьбы.*

Знак солдатской доблести «За Царя и Отечество».

СЛАВА ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ!

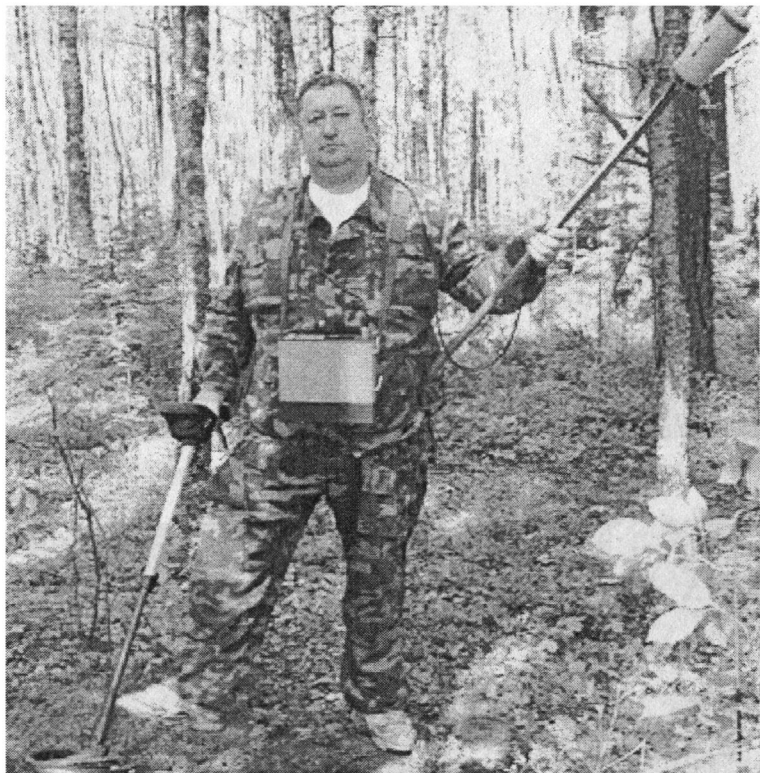

С КАЖДЫМ ДНЕМ ВСЕ РАДОСТНЕЕ ЖИТЬ!

КАПИТАН СТРАНЫ СОВЕТОВ
ВЕДУТ НАС К ПОБЕДАМ
И ПЕРЛАМ!

Плакаты со старого чердака.

Кладоискатель с магнитометром.

Что хотели сказать наши древние предки? Древний камень с символами.

«Призрак» в поиске.

Старт молодого поколения. Поиск в Нарочанских лесах.

Содержание

Вступление	5
Глава первая	
Тайны лесов озера Нарочь	7
Глава вторая	
Эхо Семлевского озера	21
Глава третья	
Легенды и сокровища замков Беларуси	35
Глава четвертая	
Гибель и сокровища Новогрудского замка	45
Глава пятая	
Золото Забайкалья	56
Глава шестая	
Загадки монастырских сокровищ	74
Глава седьмая	
Смоленские легенды	92
Глава восьмая	
На барских развалинах	104
Глава девятая	
Исчезнувший эшелон	116
Глава десятая	
Ребусы седой старины. Тайна заброшенной усадьбы	123
Глава одиннадцатая	
Призраки полесского рудника	139
Глава двенадцатая	
Тени подземелий Мезерицкого укрепрайона	160
Глава тринадцатая	
Неразгаданные секреты «Горелого болота»	217
Глава четырнадцатая	
Смертельное наследие пещеры Лос-Тайос	253
Глава пятнадцатая	
Кое-что о характере монетных кладов, их особенностях и судьбах	323
Глава шестнадцатая	
Перспективные кладные места. Где следует искать клады	338

Глава семнадцатая	
Правовые аспекты кладоискательства.....	360
Глава восемнадцатая	
Клады и нумизматика.....	366
Глава девятнадцатая	
Некоторые практические советы кладоискателям и коллекционерам монет.....	373
Заключение	380

Литературно-художественное издание

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ-СМОЛЕНСКИЙ
(Иванов Валерий Григорьевич)

ЗАПИСКИ КЛАДОЙСКАТЕЛЯ

Ответственный за выпуск *И В Резько*

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 13.10.2010.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 1000 экз. Заказ 2698.

ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.

Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

Настоящее издание, основанное на реальных событиях и подлинных фактах, посвящено кладоискательству. Опытный поисковик делится впечатлениями о своем увлечении, какие клады и сокровища удалось найти на территории России, Беларуси и Польши. Прочитав книгу, вы узнаете о документах и легендах, связанных с кладами, об их поисках и находках, о достижениях и разочарованиях, в конце концов, о том, что движет кладоискателями. В любом случае это издание станет для вас интереснейшим путешествием по страницам прошлого.

ISBN 978-985-16-9081-3

9 789851 690813

БЕЛАРУСКАЯ СЬВЯЩЕННАЯ ВАНТАСТИКА

